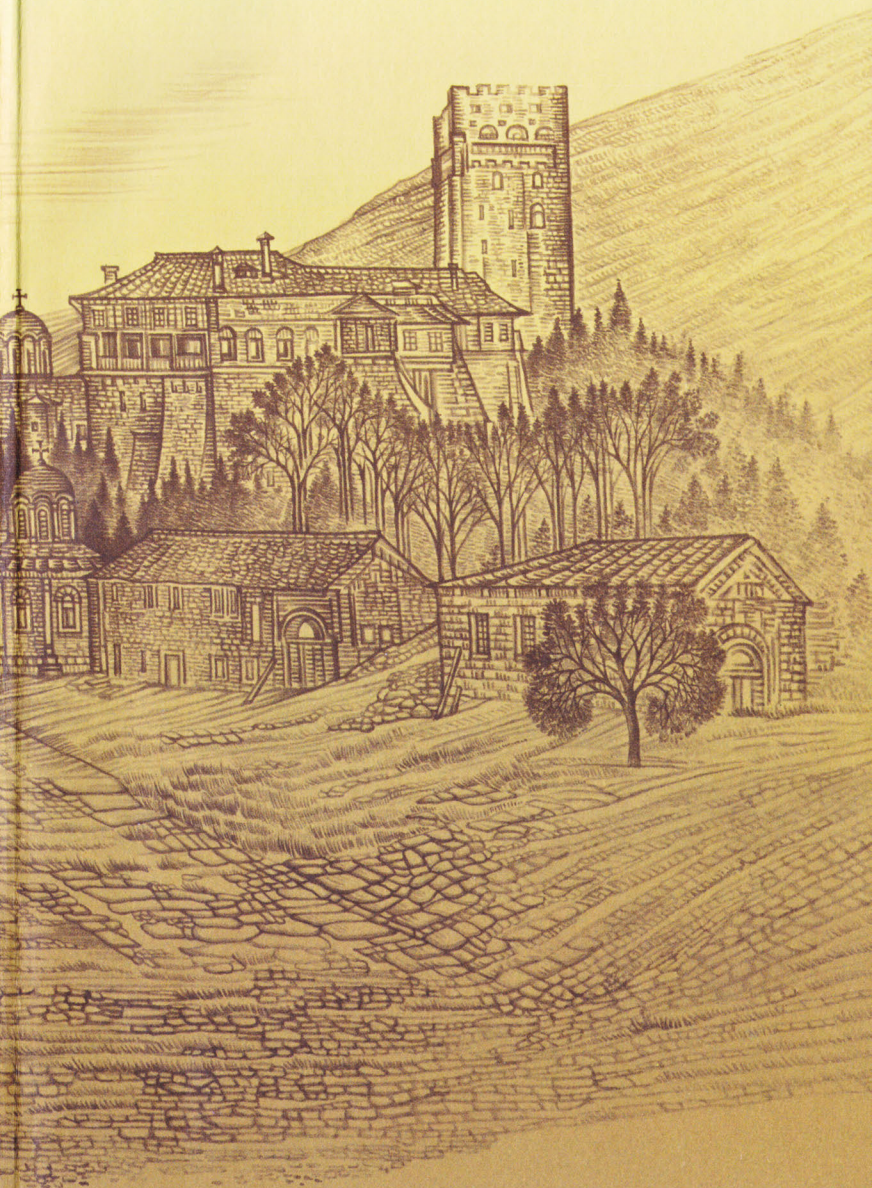

ИЕРОМОНАХ АНТОНИЙ СВЯТОГОРЕЦ

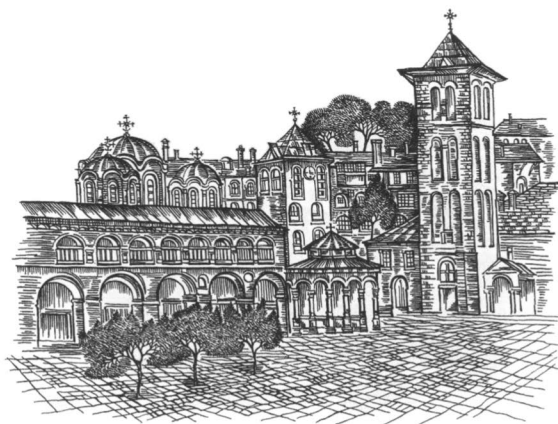
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
АФОНСКИХ
ПОДВИЖНИКОВ
БЛАГОЧЕСТИЯ
XIX ВЕКА

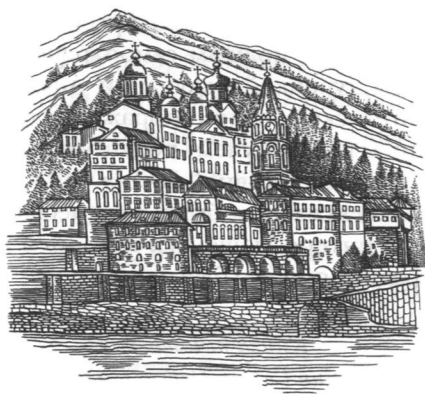

Жизнеописания
афонских подвижников
благочестия
XIX века

Иеромонах Антоний Святогорец

Жизнеописания
афонских подвижников
благочестия
XIX века

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
2010

УДК 271.22-9(495)<18>

ББК 86.372

A72

ИС 10-14-1286

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Антоний Святогорец, иеромонах

Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. — СТСЛ, 2010. — 432 с.

Вниманию читателя предлагается книга, в которой собраны достоверные свидетельства очевидцев, русских монахов-афонитов, о самых ярких подвижниках XIX века. Величие святогорских отцов, таких как старцы Хаджи-Георгий или Паисий грек, духовники отец Арсений или отец Антипа, служивших Богу с полным самоотречением, особенно в тяжелые годы турецкой оккупации Афонской Горы, их верность евангельской истине поражают душу, наполняют ее благоговением к их могучему подвигу и пробуждают в нас стремление к высшей духовной жизни.

Надеемся, что эта книга будет интересна и полезна любому читателю, интересующемуся историей афонского монашества и традициями его благочестия.

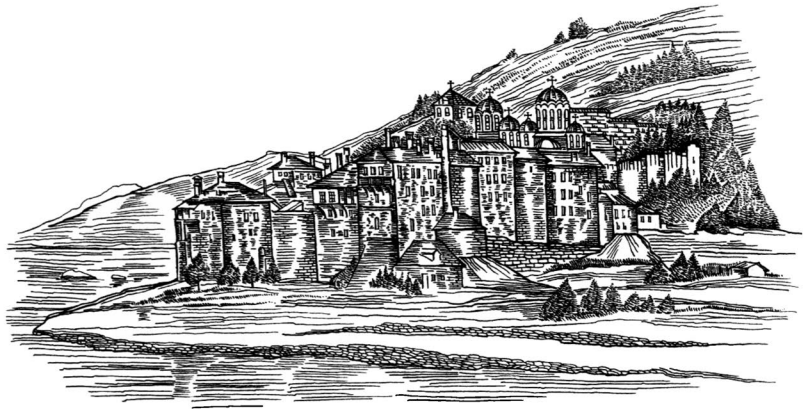
*Книга печатается
с разрешения Свято-Троицкого монастыря
(Джорданвилль, США)*

Все издательские права сохранены за Свято-Троицким монастырем (Джорданвилль, США) и защищены законом.

© Свято-Троицкий монастырь (Джорданвилль, США), 2010

© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010
Макет, оформление

ISBN 978-5-903102-30-3

Похвальное слово святогорскому монашеству инока Парфения¹

Хочу описать общежительную афонскую жизнь — живых мертвецов, земных ангелов и небесных человеков, ангельскому житию подражателей, воинов Царя Небесного. Как ангелы служат день и ночь своему Небесному Владыке, так и сии, отдавши свои тела вкупе и с душами своему предводителю, отцу игумену, и друг другу, Господа ради и Царствия ради Небесного, добре послушали словес Господа своего, Иисуса Христа, сказавшего в святом Евангелии: *«Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет»*². Сии воины делом исполнили сии Христовы словеса, до конца отверглись себя, и взяли крест свой, сиречь³ терпение, и идут вослед Иисуса Христа на гору Голгофу, сиречь

¹ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения. В 4 ч. Ч. 4. М., 1855. С. 183.

² Мк. 8, 34. Ср.: Мф. 16, 24. Лк. 9, 23.

³ Сиречь (церк.-слав.) — то есть. — *Примеч. ред.*

распяться миру, и до конца умертвить свои страсти, и погребстись во гробе смирения, и воскреснуть о Христе бесстрашием. Пост они держат повседневный, ночь стоят на молитве, а день обретаются на послушании. И они достигают Царствия Небесного сими тремя добродетелями: постом укрощают плоть свою и страсти, потому что чрево есть царица всем страстям — когда царицу умертвишь, то и рабы разбегутся; послушанием искореняют и исторгают страсти, и достигают смирения, и погружаются в смиренномудрие; молитвою отгоняют всякие мятежные помыслы и соединяются с Самим Богом. Сии самоизвольные страдальцы положили твердое основание своего спасения — веру. И веруют своему Создателю, что не лишит их Царь Небесный венца мученического. Мученики терпели от мучителей раны, темницы, биение и заточение, а после и смерть. И сии бескровные мученики ежедневно терпят мучение отсечением собственной своей воли; носят иго — послушание, пост, молитву, всенощное стояние, бдение, поклоны; чего не хотят, то им дают; чего не желают, то им повелевают; куда просят, туда не пускают; а куда не желают, туда посылают. И всегда на кресте висят не от мучителей, но своей доброй волей. Еще же и злой мучитель, диавол, беспрестанно с ними имеет мысленную брань, и внушает им снити со креста, и влагает им в ум лукавые помыслы: жалость о мире и яже в нем, о родителях и сродниках, об имении и всех прелестях и красотах мира сего. Еще лукавый враг, диавол, внушает им: «Сниди со креста, не можешь так поститься, не можешь вместить эту пищу, не можешь понести такого послушания, потеряешь свое здравие, ты млад, а жизнь твоя продолжитель-

на, сними со креста». Кто сего не примет, тому внушает выйти из монастыря и удалиться на безмолвие в пустыню, дабы изгнать из обители и отлучить от избранного и Богом собранного стада. Но сии духовные воины сего лукавого советника побеждают или сами собою и молитвою, или если сами не могут, то объявляют своему пастырю отцу игумену. Ибо в афонских общежительных монастырях братия имеют обычай ежедневно исповедовать свои помыслы и все лукавого прилоги своему пастырю и предводителю — отцу игумену. И имеют к нему такую веру, что все свои помыслы и все прилоги отдают на его рассмотрение и рассуждение: как он скажет, так и делают, и принимают от него советы, как от Самого Бога, и бывают спокойны. Потому диавол и все его коварства и козни бывают бездейственны и никакой силы не имеют на совершенных послушников. А хотя и приидет к ним какой помысел, то они, как коня, возьмут за узду и поведут к своему пастырю, говоря: «Что ты мне стужаешь? Ты знаешь, что я не имею своей воли и своего рассуждения и не знаю, откуда ты — от Бога ли или от врага, диавола; а пойдем к моему пастырю — как он рассудит». И бывают спокойны. И по вся часы и минуты тщатся сохранить свою совесть чисту и непорочну как перед Богом, так и перед пастырем, отцом игуменом, и перед всею о Христе братией. Сии живые мертвецы погребены, как в гробе, в отсечении своей воли и своего рассуждения. Телом делают и совершают послушание, носят тяготу своего начальника и друг друга; умом же и сердцем всегда беседуют с Богом молитвой и всегда своего возлюбленного и многовожделенного Господа Иисуса Христа внутри себя носят и Им

утешаются; и всегда в уме своем с Ним беседуют, глаголя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Сии воины Царя Небесного оба пути монашеского жития проходят — послушание вкупе и безмолвие: послушанием достигают смирения и смиренномудрия, безмолвием же восходят на высочайшую степень любви и бесстрастия. Где там любостязание и любовь к земным вещам? Где зависть и ненависть? Где там сластолюбие и пьянство? Воистину, там места не имеет ни единая страсть, потому что кто приходит в монастырь и определяется жить в общежитии, тот все свое имение, вещи, книги и иконы — много или мало — отдает в общее...

...Все сии воины Царя Небесного, возлюбившие Господа своего от всего сердца своего, и от всей души своей, и от всего помышления своего, сии рабы Бога Вышнего, не словом, но делом исполняют словеса Спасителя своего: *«Аще кто грядет ко Мне и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик»*¹. На них сбудется обетование Господне: *«Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит»*². Сии духовные воины с дерзновением могут глаголати: *«Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом; что убо будет нам?»*³ И Господь ответит им на Последнем суде: *«Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие...»*⁴.

¹ Лк. 14, 26.

² Мф. 19, 29.

³ Мф. 19, 27.

⁴ Мф. 25, 34.

И в сем еще веке не оставляет Господь рабов Своих, верою и любовью Ему служащих, но посылает им разные утешения и награждает их разными дарами Духа Святого. Иные, переплыв страстное и многоволнистое греховное море, достигли в тишину бесстрастия.

Многих я видел в Русском монастыре, которые, жизнь свою препроводивши в общежитии в совершенном послушании и в отсечении своей воли, — иные двадцать лет, иные тридцать, а другие сорок, пятьдесят и шестьдесят лет, — достигли совершенного бесстрастия, стали на высочайшей степени любви и беззлобия, сделались как бесстрастные ангелы. Другие достигли глубины кротости и смиренномудрия. Иные, достигши бесстрастия, получили дар слезный и не могут никогда воздержаться от слез или о своих согрешениях, или о своей братии, или о всем мире, чтобы всему миру простил Господь грехи. Иные получили дар радостных слез и всегда плачут от радости, что много любят Господа Своего и чувствуют великие Его милости и благодеяния к роду человеческому и что сподобил их отлучиться от суетного и многомятежного мира сего и прийти в тихое и небурное пристанище монашеской жизни. Иные получили дар пророчества, откровения и видения, а другие — дар восхищения ума к Богу; и сии дары открывают только своим пастырям, духовным отцам, которые могут отличить истину от обольщения, и как искусные вожди все прикрывают одним смиренномудрием, и приписывают все великому Господнему человеколюбию и молитвам братии, а наипаче заповедуют блюстись обольщений врага нашего древнего, диавола, ибо он преобразуется

в ангела света. Каждому отцы духовные дают наставление беспрестанно помнить и призывать имя Господа Иисуса Христа, просить Его великого милосердия, плакать о своих согрешениях и не скрывать никаких помыслов, ни даров.

Сии духовные воины, во плоти сущие, побеждают бесплотного врага, дьявола, все его козни разрушают послушанием и смирением и все его прелести обличают и до конца упраздняют духовных отцов рассуждением.

Препровождая такую жизнь и благодушно переплывая сие житейское море, они достигают тихого и небурного пристанища и переходят в небесное и вечное отечество, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Если кто-то из них заболит, то идет в больницу, а если не может сам идти, то его отводят и пекутся о его здравии, — никакая мать не может ходить за своими больными детьми так, как духовные братия пекутся о больных. И отец игумен дважды днем сам посещает больных; и для них читают особенное правило и почти ежедневно причащают. Удивительно, что вообще больные на Святой Горе много не лежат, но или скоро выздоравливают, или скоро отходят на вечную жизнь и умирают, как засыпают...

Это все я говорил об отцах, живших в монастырях или близ монастырей. Но на Святой Горе Афонской много есть совершенных отшельников и пустынножителей, живущих в глубочайших пустынях и в непроходимых местах кругом самого Афона, в горах, и в дебрях, и в пещерах, и в пропастях земных, где мало проходят люди. Одежда на них от многолетия обветшала. Ходят они полунагими, а некоторые

покрыты волосами. Питаются травами и зеленью, а иные питаемы Самим Богом. От людей они укрываются и мало кому показываются. Случается находить их келлии, но застать самих — редко. Однажды монахи застали одного такого подвижника и разговаривали с ним. Они спросили:

— Давно ли пребываешь в пустыне и откуда пришел?

Он им ответил:

— Вам мою мирскую жизнь знать не нужно; только в самой юности оставил я мир и пришел на Святую Гору, и уже пятьдесят лет здесь пребываю: десять лет прожил в монастыре под послушанием, а сорок лет живу в пустыне сей и никого из отцов не видел, кроме вас и своей братии.

Они спросили:

— А разве ты не один живешь в пустыне сей?

Он ответил:

— Нет, нас здесь живет до сорока человек, питаемых Богом.

Они еще спросили:

— А как вы проживали в течение тех лет, когда Святая Гора была почти разорена и всюду ходили турки и разбойники?

Он ответил:

— Ничего мы не видели и не слышали!

Потом, поклонившись, пошел во внутреннюю пустыню.

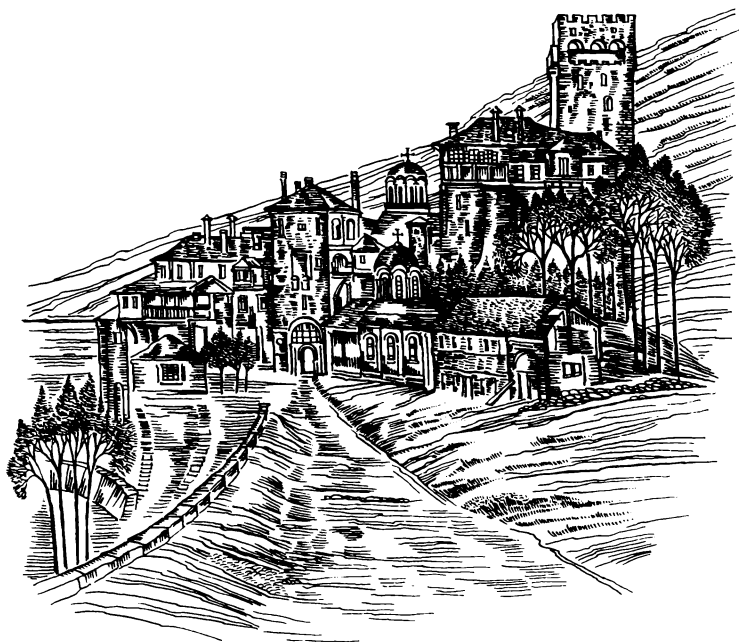
В 1844 году отцы из Кавсокаливитского скита ходили по непроходимым пустыням, где собирали полезные травы для продажи. Из числа их был один русский монах Давид. Он рассказывал, что нашли они одного пустынножителя, уже скончавшегося и

лежащего на земле, одежды никакой не имущего. Неизвестно — давно ли он скончался; но тело никакому тлению не предалось и испускало некое благоухание. Они, совершив отпевание, похоронили его, но имени так и не узнали.

В 1846 году три человека ходили на вершину Святой Горы Афон, зашли в пещеру, где спасался преподобный Петр Афонский, и узнали, что в ней живет некий пустынник, но самого его увидеть не сподобились, ибо, услышав, что идут люди, он вышел вон. Они посмотрели его имущество: икона, четки, сосуд с водой и трава для пищи; никакого хлеба там не имелось; ложем подвижнику служила голая земля.

Можно сказать, что Святая Гора подобна пчелиному улью: как в улье многое множество пчелиных гнезд, так на Афоне много монашеских келлий. Как в улье непрестанно жужжат пчелы, так и на Афоне иноки день и ночь «жужжат», вознося Давидовы псалмы и песни духовные.

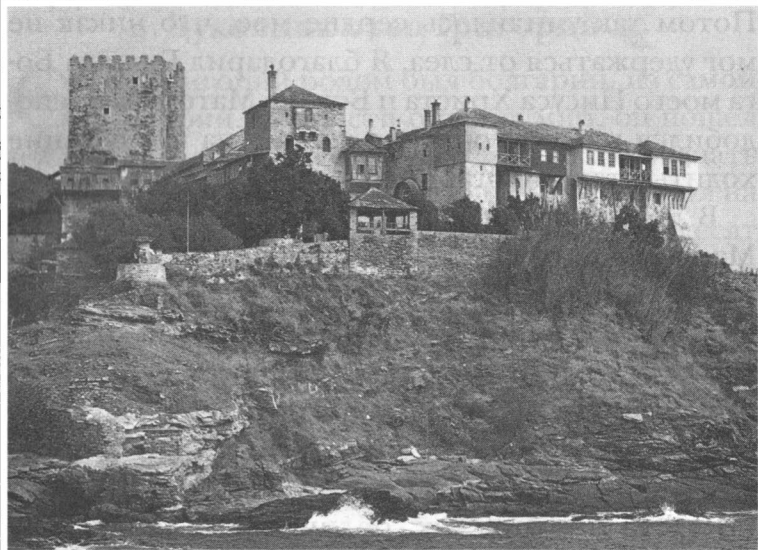
Духовник отец Григорий¹

Духовник отец Григорий жил в келлии святых равноапостольных Константина и Елены близ монастыря Пантократор. Родом он был грек из страны Каппадокийской, великий постник, ибо только дважды в неделю употреблял пищу, а в посты — один раз в седмицу. Он от юности

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

оставил мир, родителей, имение и, когда ему было восемнадцать лет, пришел на Святую Гору, где прожил сорок лет у своего старца в послушании и был ему во всем подражателем. Старец постриг его в монашество и благословил принять священство и духовничество. По прошествии сорока лет, в 1840 году, старец отошел ко Господу, оставив его по себе наследником богатства духовного и, что было, земного, и препоручил ему двух учеников. Григорий, похоронив своего старца, через некоторое время призвал учеников своих сказать им: «Чада мои, не могу вам быть за старца и наставника, хотя и сорок лет был в послушании и учился монашеству, но еще имею нужду много учиться и не могу быть на своей воле. Пойду в Русик, в общежитие, и там поучусь совершенному монашеству, смирению и терпению. Вы же, если хотите, оставайтесь в этой келлии или идите в какой-либо монастырь».

Скорбно было ученикам слышать такие слова от своего старца, и они много его упрашивали остаться, как и вся братия монастыря Пантократор, и прочие близживущие отцы, но он ответил им: «Отцы и братия! Не могу быть я вам пастырем или духовником — сам еще требую многому учиться. Пойду проверю себя в общежитии и еще поучусь совершенному монашеству. Слышал я неоднократно от своего старца, что пустыня страсти только усыпляет, а общежитие умерщвляет и искореняет; и я боюсь их, хотя и сорок лет прожил в пустыне со старцем. Но вот старец умер, и я опасюсь, чтобы страсти во мне не проснулись и меня не погубили, и вот из-за этого я не могу быть с вами».

Монастырь Пантократор

«И так он перешел в Русик почти в одно время с нами, — вспоминает инок Парфений, — в 1840 году. И меня привел Господь с ним пожить; мы вместе ходили на послушание. Хотя он был духовник, но на всякое послушание ходил прежде всех и пред всеми смирялся и всем покорялся.

Такую имел он чистоту сердечную и дар прозорливости, что провидел тайные помышления. Я, грешный, на себе это испытал. Однажды собирали мы масличные ягоды — вся братия и он с нами, только какие-то обуревали меня помыслы. Он подошел ко мне, ударил меня рукой по плечу и сказал мне по-гречески: „Отче, зачем ты принимаешь такие помыслы? Они от диавола, гони их прочь от себя!“ Услышав это, я испугался, поклонился ему до земли, просил его святых молитв.

Потом так умилилось сердце мое, что никак не мог удержаться от слез. Я благодарил Господа Бога моего Иисуса Христа и Божию Матерь, что сподобился в одной обители жить и на послушание ходить с такими старцами.

В то же время в Русике жил схимонах отец Мартиниан, грек, в совершенном послушании и в отсечении своей воли. Он сделался незлобив, как младенец, и такую имел любовь ко всем, что за всех душу свою полагал и всех немощи на себя принимал. Он такую имел от Бога благодать и чистоту сердечную, что провидел внутренние тайные помышления. Русского языка он не знал, но часто нас, русских, обличал и давал душеполезные наставления. Иногда по-русски говорил так, что и русскому так не сказать, а после опять ничего не понимал по-русски, так что мы очень удивлялись.

Но тяжело было отцу Григорию в общежитии больше из-за поста, потому что игумен всегда ему благословлял ходить в трапезу, чтобы мог проходить послушание и наставлять братию. Скоро его сделали духовником всей братии. Всего жил он там два года. Пантократорские братия всегда к нему ходили и со слезами его просили возвратиться к ним, потому что не могут они себе найти по совести другого духовника. Просили и старцев, чтобы посоветовали ему возвратиться к ним, и игумена, и вот, в конце концов, он возвратился в свою келлию, отчего исполнил великой радости монастырь Пантократор и всю карейскую братию».

Духовник отец Григорий

Отец Григорий родом был болгарин, из самой Болгарии. С юности оставив мир, он пошел вослед Христа, когда ему было только пятнадцать лет. По пришествии на Святую Гору он прожил на ней более шестидесяти лет неисходно. Пятьдесят лет он был духовником и, говорят, такую имел благодать, что по духу грехов не спрашивал, но сам объявлял, и каждого доводил до слезного раскаяния. Он знал, кому какое дать духовное врачевство и кто что может понести. Приезжали к нему патриархи и архиереи просить у него наставления и получали разрешение в недоумениях касательно церковных канонов.

К великим грешникам был снисходителен и всех привлекал к покаянию. Многие из разных стран шли к нему на покаяние и получали от него облегчение, так как он знал разные языки. Говорят, что он предвидел себе кончину. По смерти его через три года откопали его кости, которые оказались желты, как воск. По вере афонцев это означает, что монах получил милость от Господа. Жил отец Григорий на Капсале и был духовником великого русского старца отца Арсения. Скончался он в 1839 году.

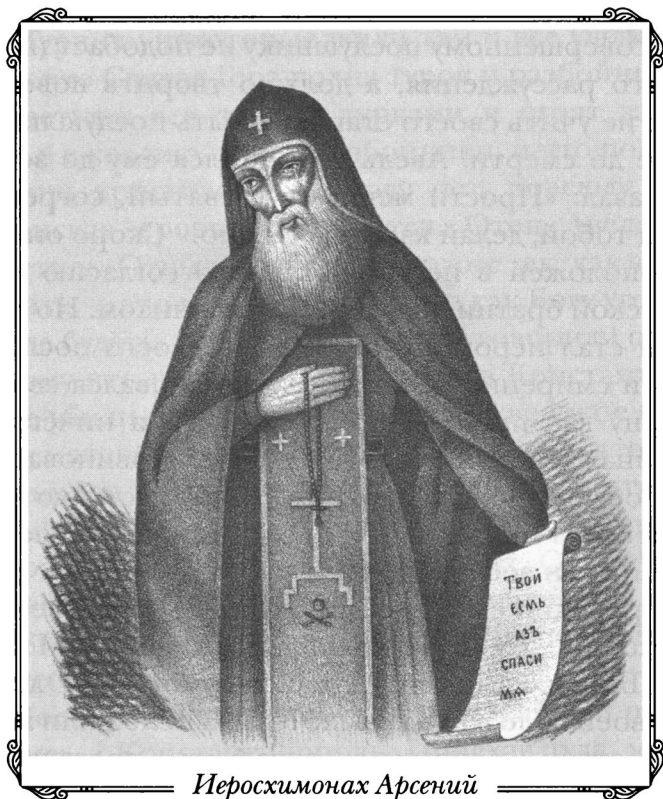
Духовник отец Арсений

Родился он в России, на великой русской реке Волге, в Нижегородской губернии, в городе Балахны, в мещанской семье. Родившись от православных родителей, в святом крещении

был наречен Алексеем. В отрочестве обучен был чтению и письму. Юность проводил в житейских и мирских попечениях, но Господь, провидя в нем Своего раба, не дал ему погрязнуть в мирских страстях и скоро вложил ему в разум заняться чтением божественного и отеческого Писания, в котором он скоро мог рассмотреть и узнать суету и прелесть мира сего — всю бесполезность о нем попечения души. На двадцатом году Алексей оставил дом свой, родителей и пошел странствовать Бога ради по российским монастырям.

Поступив в общежительную Песношскую пустынь в Московской губернии, он решил там остаться, где положил начало монашеской жизни, определившись в число братии и проходя послушание три года. Потом возымел желание идти за границу, в молдавские монастыри, которые тогда славилась великими старцами и подвижниками. Когда он открыл свое желание своему духовному отцу, то духовник благословил его, хотя игумен не раз его отговаривал. Однако он отправился в путь. Придя в Киев и поклонившись святым мощам киевских чудотворцев, он нашел там себе спутника по имени Никита (уроженца Тульской губернии), который до самой смерти, более сорока лет, во всех скорбях, трудах и подвигах был ему соучастник. Взяв благословение от киевских чудотворцев и помолившись им, отправились они в путь.

Достигнув Молдавии и обойдя все молдавские монастыри и скиты, путники нашли себе духовного отца и пастыря в Балашевском скиту, находившемся в четырех часах ходьбы от города Буташани,

Иеросхимонах Арсений

которому предали себя в полное послушание. Через некоторое время духовный отец постриг их в монашество и нарек Алексею имя Авель, а спутнику и сотруднику его — Никандр.

Позже наставник их, видя их великие подвиги и смирение, понудил Авеля принять священство, «яко достойного и в Писании искусного». Сознывая великую ответственность перед Богом и считая себя недостойным, он со слезами просил своего старца не налагать на него тяжкого бремени, выше его сил, и оставить его работать Господу в простом монашеском чине. Но старец ему сказал,

что совершенному послушнику не подобает иметь своего рассуждения, а должно творить повеленное, не учить своего старца, а быть послушливым даже до смерти. Авель поклонился ему до земли и сказал: «Прости меня, отче святой, согрешил пред тобой; делай как тебе угодно!» Скоро он был рукоположен в иеромонаха и по согласию всей скитской братии был сделан духовником. Но хотя он и стал иеромонахом, однако своего послушания и смирения не изменил: повиновался своему старцу как простой монах и никогда ничего не начинал без его благословения. Повиновались они оба с отцом Никандром своему пастырю и наставнику в совершенном послушании и отсечении своей воли восемнадцать лет.

Проводив своего старца и пастыря на вечное упокоение, имея его ходатаем за себя пред Господом Богом, сами они остались сиротами. Однако по своей воле жить не захотели, а положили жить по-братски — одному у другого быть в послушании и не разлучаться до самой смерти. Так и исполнили на самом деле. Хотя отец Никандр и желал отца Авеля иметь себе наставником, потому что он был иеромонах и духовник, но отец Авель никак не соглашался быть старцем, и решили жить по-братски. Жили они так некоторое время, и было обоим откровение от Бога, повелевающее им идти на Святую Афонскую Гору и там продолжать оставшуюся жизнь. Они объявили один другому откровение и начали собираться в путь. Услышав о том, скитские и прочие отцы начали их отговаривать и говорили им, что в такое смутное время никак нельзя идти не только на Святую Гору, но

и в Турцию; некоторые жили там и все ушли, потому что Святая Гора полна турок и разбойников; монастыри все заняты турками и стоят закрытые, а в келлиях живут разбойники, и что по всей Турции христианам проходу нет, повсюду христианская кровь проливается. Отец Авель им ответил: «Отцы и братия, поистине так, как вы говорите, — это и нам известно, но как Богу угодно, так да будет!» И воистину так, как говорили отцы, потому что недавно, в 1821 году, в Константинополе убили патриарха Григория, и великое было там смятение. Но отец Авель чувствовал, что есть к нему зов Божий и есть Его святая воля идти ему на Афон. Он не послушал советов, а без сомнения веровал, что Господь не оставит их. Отец Авель и отец Никандр положили отправиться в путь. Что имели, раздали братии, а себе на путь оставили деньги и книги.

Поехали в Галац, там сели на корабль и отправились в Константинополь. Приехав туда, увидели там горе и слезы — кровь греческая лилась по улицам ручьями. Греки им говорили: «Зачем вы, отцы, теперь к нам приехали? Захотели делить с нами горькие минуты? У вас в Молдавии не режут так баранов, как здесь режут людей, ежедневно по сто и по двести. И это — на площади, при всех, а по улицам — неизвестно сколько. Отправляйтесь обратно в Молдавию, а на Святую Афонскую Гору лучше не ходите: по морю корабли не ходят, а посуху всюду разбойники. И сама Афонская Гора полна разбойников: в монастырях с монахами живут турки». Но отцы Авель и Никандр веровали и твердо надеялись, что будут они на Святой Горе.

В то время в Константинополе хлеб был весьма дорог, а они часть денег истратили на проезд, часть — на пищу, и уже ничего у них не осталось, а книг никто не покупал. Они ходили по торговым рядам, прося милостыню, и сами питались, да еще бедных греков питали. Так и перезимовали в Константинополе. Сколько они там скорбей претерпели, про то знает только Тот, Кто их промыслом Своим туда послал.

Дождавшись весны, отцы положили свои книги у одного грека, а сами пошли посуху на Афон. Что в пути они претерпели — скорбей, и напастей, и побоев, — только один Бог был свидетель, Который видел их страдания и, «яко злато в горниле, искушал их, да сотворит светлейши». Почти каждый час нападали на них разбойники, но взять у них было нечего: ни денег, ни одежды у отцов не было. Иные только побьют, другие последние сухари возьмут, иные обругают да и так отпустят. И в таком пути пробыли они более месяца, когда наконец дошли до Святой Горы. И что увидели они там? Жилища монашеские опустели, сады одичали и лесом заросли. Монастыри стоят запертые, а ополчение Царицы Небесной разбежалось по разным странам: иные скрылись по непроходимым лесам, горам и вертепам, иные заперлись внутри монастырей, и мало где кого видно было. Отцы наши пошли к Самой Игумении Афонской Пресвятой Богородице — в Иверский монастырь, к чудотворной иконе Царицы Небесной, к Вратарнице Афонской. Когда они пришли к воротам монастыря, отцы иверские приняли их и привели в церковь — покло-

*Икона Божией Матери
«Изумения Святой Горы Афон»*

ниться Царице Небесной. Придя туда и увидев Ее икону, они весьма обрадовались, пали на колени перед Нею и многие слезы проливали, прося Ее принять их в Свой святой жребий — Святую Афонскую Гору. Еще тому много радовались и удивлялись, что в такое смутное время, когда ополчение Ее все разбежалось, Она, Царица Небесная, стоит на Своем месте, веселая и радостная, во всем Своем полном убранстве, украшенная золотом, серебром и драгоценными камнями. Турок полон монастырь, а не могут Ее святую икону похитить. Отцы наши спросили греков, почему не убрали и не спрятали ее? Или почему не сняли с нее украшения? И почему турки с нее богатство не похитили? Отцы иверские им ответили: «Куда нам ее убрать и зачем? Она наша Покровительница и Защитница — Святой Горы Назирательница, хотя и наказала нас за грехи наши, но лица Своего не отвратила от нас и не до конца разгневалась на нас, но еще с нами пребывает; и как Она на нас весело смотрит, то еще имеем надежду, что пройдут эти скорби. Теперь у нас только радости и утешения, что Она, Владычица, с нами пребывает. А когда находят на нас скорби от турок и от недостатков, то мы к Ней прибегаем и обретаем в скорбях своих утешение. Вы говорите: „Почему турки не похитили с нее богатство?“ Не только они не могут снять с нее богатство, но и в малый сей храм не могут войти. Вот уже третий год в монастыре живут, а еще ноги их не было в храме этом. Когда разозлятся на нас, начнут требовать от нас золота и серебра или церковной утвари, то мы отвечаем, что не имеем; хотя

и есть, но спрятано. Когда же турки угрожают нам, мы им показываем эту святую икону и говорим: „Вот, на этой иконе много золота, серебра и драгоценных камней; если вам угодно, то возьмите себе“. Они же, стоя в дверях, говорят: „Мы не можем к ней подступить; вон Она на нас как сердито смотрит“, — и отходят с посрамлением, а мы благодарим Царицу Небесную, что Она Сама Себя защищает и нас, грешных, спасает и покрывает. И за то еще благодарим, что послала турок смирить нас, грешных; если бы их не было, то нас разбойники совсем бы разорили и опустошили.

Еще скажем вам одну вещь: с год тому назад великое было смущение и тревога на Святой Горе, так что и остальные отцы хотели бежать вон. Прежде этого смущения на Святой Горе насчитывалось всей братии несколько тысяч, ныне осталось не более одной тысячи, и те хотели оставить и бежать, кто куда знает, и полагали, что совершенно Божия Матерь оставила Святую Гору и оттого запустеет она. Но когда начали так помышлять, тогда скорая Помощница, Царица Небесная, Владычица наша Богородица явилась многим отцам и пустынникам и сказала: „Почто очень испугались и почто входят помышления в сердца ваши? Все это пройдет, и паки наполнится Святая Гора монашествующими. Вот даю вам извещение, что пока Моя икона будет находиться в Иверском монастыре, то ничего не бойтесь, а живите в своих келлиях. А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берет свою торбу и грядет куда знает“. И теперь все пустынножители каждую неделю приходят к нам в мона-

стырь и смотрят, на своем ли месте стоит икона Божией Матери и, увидев ее, опять возвращаются в свои пустынные келлии».

Отцы же Авель и Никандр, услышав сие, очень обрадовались, во-первых, покровительству Царицы Небесной, а во-вторых, тому, что много еще есть пустынников на Святой Горе.

Потом иверские отцы привели их в гостиницу и покоили целую неделю. Потом сказали: «Отцы святые, мы вас на первый случай упокоили, а больше уже нас не отягощайте, потому что нам теперь и самим пищи взять негде: у нас сорок человек турок, а кормить их нечем: всюду разбойники, а доходов никаких нет. А вы возьмите в нашем скиту одну келлию с малою церковью, там станете огород обрабатывать и рукоделием заниматься и так пропитаетесь как-нибудь. А какая в чем будет нужда, мы поможем; а ночевать ходите в монастырь».

Подвижники поблагодарили иверских отцов за их страннолюбие, взяли в скиту одну келлию и начали там проживать — огород возделывали и ложечки делали, но рукоделие их тогда никто не покупал. И так прожили все смутное время — более четырех лет. Чем они питались — одному Богу известно, а сами никому не сказывали; хлеба в то время достать было трудно. Часто я своего старца спрашивал: «Отче святой, чем вы питались в то смутное время?» Он же мне отвечал: «А что Господь сказал в Евангелии? *„Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам“*¹, и паки: *„Воззрите на птицы небесныя, яко*

¹ Мф. 6, 33.

*не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их*¹. Так и нас Господь пропитал. Так отцы наши пропитались, и не они одни, но более тысячи оставалось на Святой Горе, и всех Бог пропитал».

В те годы собрали они себе великое богатство духовное: скорбями и терпением в недостатках телесных потреб они процвели и созрели и плоды принесли. За то наградил их Владыка Царь Небесный дарами Духа Святого и даровал им помощь одолеть врага, диавола, победить страсти душевные, вкупе и телесные. И достигли они тихого пристанища душевного спокойствия и безмолвия — соединения ума с Богом. Отцу Авелю дал Господь дар рассуждения и прозорливости, отцу же Никандру — дар слезный, ибо плакал он день и ночь до самой смерти.

Когда после смутного и скорбного времени послал Господь Бог на землю мир, закончились рати и войны, пропали все разбойники, всюду настала тишина и спокойствие, тогда и братия опять стала сходиться на Святую Гору. Тогда и православные христиане потекли туда на поклонение. Тогда начало продаваться и рукоделие. Пришел один купец и купил все, у кого что было. Отцы наши тогда продали все свои ложечки и получили за них 2 000 левов. Отец Никандр сказал: «Теперь, отче, поправим наши нужды!» Отец Авель ему отвечал: «Да, теперь поправим!»

В скором времени пришел к ним один мирянин просить милостыню. Отец Авель спросил его: «От-

¹ Мф. 6, 26.

куда и какую имеешь нужду?» Мирянин же ответил со слезами: «Я, отче святой, с острова Хиос; жену и детей моих взяли турки в плен. Турок за них просит 5 000 левов, и я собираю их второй год. Набрал, слава Богу, 3 000, а еще надобно 2 000. Бог даст, и это помаленьку соберу». Выслушав сие, отец сказал ему: «Взойди ко мне в келлию, и я чем-нибудь помогу тебе». Он взошел, отец же Авель вынул все деньги, что имел, и дает ему: «Возьми, иди и выкупи жену свою с детьми!» Мирянин же ему ответил: «Отче святой, что вы надо мною глумитесь? Мне и без того скорбно; а дайте мне один лев, и я пойду».

Отец ему опять сказал: «Нет, чадо, я не глумлюсь, я духовник, как могу глумиться, а ты возьми!» — и проводил его за двери. Мирянин с радостью пошел в путь свой. Отец же Никандр, видя сие, горькими слезами заплакал и сказал: «Отче, что это ты сделал? Почему ты все деньги отдал? Четыре года мы трудились и думали нужды поправить, а теперь опять скорбеть будем». Отец наш сказал ему: «Ох, отец Никандр, когда мы будем совершенными монахами? Уже Господь нас провел сквозь все скорби, а ты еще немоществуешь. В самое трудное время нас Господь пропитал, теперь ли не поможет? Теперь, слава Богу, рукоделие продается; опять будем работать да продавать, а лишние деньги Богу отдавать, а что чужие беречь? Еще и ум от Бога отвлекают. Станем на молитву, а ум — к ним! И Господь сказал: „Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше“¹. Пусть

¹ Мф. 6, 21.

они лежат у Бога, а мы будем и сердце там держать!» Тогда отец Никандр умилился и пал ему в ноги, плакал и просил прощения. С того часа отец Никандр до самой смерти своей плакал.

Вскоре оба постриглись в великую схиму. Отец Авель был наречен Арсением и принял схиму от одного схимонаха Арсения. Отец же Никандр был наречен Николаем, принял схиму от отца Арсения. И стали они жить как старец с учеником и прожили в скиту святого Иоанна Предтечи десять лет.

Когда умножилось в скиту число братии, началась молва о схимниках, а огороду и саду стало требоваться житейское попечение, то обоим им стало от сего тяжко. И согласились они удалиться во внутреннюю пустыню на совершенное безмолвие, чтобы никаких телесных и житейских попечений не иметь, а жить одним с единым Богом, ибо пустыннолюбивый и безмолвный не может терпеть молвы и суеты. И оставили скит и келлию, и взяли другую келлию, уединенную, удаленную от скита на один час ходьбы и от Иверского монастыря на один час, — на холме, в самой непроходимой пустыне, во имя святого Иоанна Златоуста. Прежде это была великая келлия, но во время смущения до основания почти разорена. Они ее устроили, только в малом виде, и церковь освятили, и две келлии приделали. И положили они начало жизни своей по пустынному уставу: никакими попечениями житейскими не заниматься, ни садом, ни огородом, хотя и были масличные деревья, но они за ними не смотрели. Когда поспевали плоды, то отцы приглашали, кого знали, бедного, и ему поручали набрать плодов.

«Я, — вспоминает инок Парфений, — самовидец строгой их жизни, и много раз мне случалось у них ночевать. Много я присматривался к их жизни и сам желал с ними пожить и поучиться от них монашеству. Но они с собой жить никого не принимали и говорили: „С нами жить никто не может. Мы едва в тридцать лет достигли в эту меру жизни и теперь еще искушаемся и изнемогаем, хотя дух бодр, но плоть немощна, аще бы не благодать Божия подкрепляла нас“. С того времени как они пришли на Святую Гору, отец Николай прожил девятнадцать лет, а отец Арсений двадцать четыре года. И не вкусили они ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пища их была сухари, моченные в воде, и те носили из Иверского монастыря на своих плечах на гору. Еще любили стручковый красный перец. Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны — случался и лук, если кто принесет. Соленые маслины и смоквы предлагали только гостям. Такой их трапезы и мне неоднократно случалось быть соучастником. И всегда кушали один раз в день, в третьем часу пополудни, а в среду и пяток оставались без трапезы.

Устав их жизни был такой: после трапезы до вечерни занимались по келлиям чтением духовных писаний. Потом вечерню правили по уставу, читали всегда со вниманием и со слезами, не торопясь, тихо и кротко, потом повечерие с канонам Богородице и на сон грядущим молитвы. Ночь всю препровождали в бдении, в молитве и поклонах. Если сон их преклонял, то, сидя, давали себе немного поспать, не более часу во всю ночь, и притом неприметным образом, а более нудили себя

и часто ночью прохаживались. Часов у них не было, но они всегда знали, который час, ибо под горой, в Иверском монастыре, бьют часы на колокольне, и они всегда слышали. В самую полночь сходились в церковь на соборную молитву и там читали полунощницу, а потом утреню по уставу; после утрени читали всегда канон с акафистом Пресвятой Богородице. Потом предавались безмолвию, пока рассветает. Потом занимались рукоделием, делали по десяти ложек на брата. Работали в разных местах. Разговоров между собою никогда не имели, разве только о нужном и необходимом, а пребывали всегда в молитве и хранении сердца, а ложки делали самой простой работы. Потом читали часы и молебен Божией Матери, а потом трапезовали. И так проводили дни и ночи в беспрестанной молитве и рукоделии.

Еще старец Арсений любил часто служить литургию: когда были вино и просфоры, то почти каждый день служили. Но великую нужду имели они в вине и просфорах. Служили литургию чаще всего только вдвоем. Иной раз мне случалось быть там и слушать их „громогласную“ литургию и „музыкальное пение“, слезами растворенное. Вижу двух старцев, постом удрученных и иссушенных: один в алтаре, пред престолом Господним, стоит и плачет и от слез не может возгласов произносить, только едиными сердечными воздыханьями тихо произносит; а другой стоит на клиросе и рыдает и от плача и рыдания, еще же и от немощи телесной, мало что может слышать. Аз же, грешный, между такими великими огненными столпами весь был одержим страхом и ужа-

сом, не знал, куда направить свой слух: в алтарь ли или назад? Всюду побуждают меня на плач. Но хотя человеческим ушам и мало слышно, но на их литургии Сам Господь призревал, по обетованию: „*На кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго, трепещущаго словес Моих*“¹. Здесь трисвятую песнь припевали, ни единого житейского попечения не имуще и воистину ничтоже земное помышляюще; здесь, посреди двоицы, Сам Господь пребывал, по обетованию: „*Идеже бо еста два или трѣе собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*“². Сии два старца столь возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту с Ним не хотели разлучиться, но всегда с Ним беседою соусплаждались умом, и сердцем, и устами. Только у них было и разговоров, что о молитве или о любви к Богу и к ближнему. А если бы кто стал при них говорить строптивное о своем брате, то они прекращали беседу. Они всякого ближнего любили больше нежели себя, что явно показывали дела их. Они всегда старались, чтобы каждый был спокоен. Кто бы к ним [ни] пришел с какою нуждою, они никого из келлии своей не выпускали скорбящего. Кто телесной ради потребности скорбел, того они награждали, хотя бы и сверх силы их: последние свои книги отдавали в залог и уже после, как им Бог поможет, выкупали. Кто душевную скорбь имел, того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие — утешителей, страстные и немощные грехами — скорое исправление и освобождение.

¹ Ис. 66, 2.

² Мф. 18, 20.

Я же о себе скажу: когда пришел на Святую Афонскую Гору, то не имел у себя почти ни одной копейки. Отец Арсений благословил мне учиться выделывать ложечки, а мне не на что было купить инструмент. Когда я ему открылся, он сказал мне: „О том не скорби“, — взял с окна сумочку, высыпал деньги, пересчитал, дал мне все, сколько было: „Возьми, только всего тридцать левов“. Я заплакал и сказал: „Отче святой, а себе что не оставили?“ Он же мне ответил: „Мы сыты будем, о нас не имей печали: нам Бог пошлет. А сколько надобно денег на инструмент?“ Я сказал, что пятьдесят левов. Он пошел в церковь, принес оттуда книгу, отдал мне, сказав: „Иди заложи у Кореневых (два русских монаха, двоюродные братья, жившие в келлии Преображения Господня, напротив Кутлумушского монастыря) и возьми денег, сколько надобно, а я после выкуплю [у н]их“. О, каких слез мне сие стоило: я всю дорогу проплакал.

У него первый вопрос был всякому: „Что, доволен ли? Не имеешь ли какой нужды?“ Еще скажу здесь об одном случае в мою бытность на празднике Успения Божией Матери. Один мой духовный брат, именем Феоклит, сколько имел у себя денег, сто пятьдесят левов, взял все на праздник купить себе рясу и холста. Пошел, и потерял все, и сделался весьма печален и скорбен. Увидав его, духовник отец Арсений спросил: „Что такой скорбный?“ Он сказал, что потерял все деньги. Старец спросил его: „Разве нужду великую имеешь?“ Потом вынул свою сумочку и дал ему, сказав: „Вот, только имею шестьдесят левов, иди купи, что тебе нужно“. Отец Феоклит взял и пошел от него; потом сам себе

размыслил: „Я человек молодой, могу работать, а они стары и немощны и отдали мне последнее — надеются они на Бога, что сыты будут; меня ли Господь оставит? Пойду и отдам назад!“ Пошел и стал отцу Арсению отдавать назад деньги, а старец не берет. Он же упал ему в ноги и со слезами едва упросил, чтобы взял. Старец же, взяв, сказал: „Не будешь ли скорбеть?“ Отец Феоклит ответил: „Не буду, отче святой, теперь мне радостно, что вы назад взяли!“

Довольно лет прожили они в своей пустыне и возымели желание сходить в святой град Иерусалим поклониться живоносному Христову Гробу, и не оставил Господь рабов Своих. В 1836 году приехал из России на Святую Гору иеромонах Аникита, князь Ширинский-Шихматов, великий постник, обошел всю Афонскую Гору, посетил и сих двух постников в их пустыне, занялся с ними духовной беседой и весьма их полюбил, избрав отца Арсения себе в духовники. Потом предложил: не угодно ли с ним вместе путешествовать в Иерусалим? Они согласились. Князь сильно обрадован был, что таких будет иметь спутников. И сходили они во Иерусалим, и прожили там всю зиму, и, проводив Святую Пасху, возвратились на Святую Гору, и опять водворились в своей келлии. Но только я сам слышал из уст самого духовника, что, когда ходили в Иерусалим, столько претерпели скорбей, что только единому Богу известно! Я спрашивал: „Какие скорби, отче, и от чего они вам приключались? Разве от телесных потребностей?“ Он мне ответил: „Нет, мы были всем довольны от Бога и от людей, лучше и быть не могло:

в Иерусалиме паломники задарили нас червонцами, но мы их, милостью Божией, все бедным арабам раздали. Но скорби были другие: столько лет сидя в пустыне, мы уже почти мир позабыли, а туда пришли в самую суету. Но больше скорбей терпели мы за пост: все утешаются, все нас просят, все почитают, но мы никак не могли вместить этого, только скорбели и не знали, как бы доехать до Святой Горы“».

По приезде на Святую Гору отец Николай уприсил духовника, чтобы он посетителей, приходящих к нему, в келлию не допускал, чтобы его не беспокоили. За год до смерти отца Николая было им обоим во сне откровение: отцу Николаю был голос, что он уже переплывает великое и многоволнистое море и достигает тихого пристанища. И отцу Арсению был голос, что он приближается к великому и прекрасному граду, заканчивает свой путь. Оба старца поведали друг другу видения и познали, что они от Бога, и уразумели, что приближается их кончина. Тогда приложили пост к посту и к слезам слезы и начали готовиться к отшествию своему.

За полгода до смерти отец Николай лишился зрения телесными очами, но душевными совершенно зрел. Ибо открыл ему Бог угодников Своих на Святой Афонской Горе, в живых еще пребывающих, о чем сказывал отцу Арсению, боясь, да не впадет в какую бесовскую прелесть. Отец Арсений его предостерегал и не велел ему доверять видениям, а только плакать пред Богом и просить в грехах своих прощения. Отца Николая посетили и другие телесные болезни: он не мог уже

и в церковь ходить, но больше на одре сидел, и то нудился, не хотел лежать на ребрах. Но когда в субботу или в воскресенье захочет духовник отслужить литургию, придет в келлию к отцу Николаю и скажет: «Отец Николай, литургию бы надобно отслужить!» Он же весело ему ответит: «Служи, отче!» Духовник скажет: «Как я буду служить? Ты болен, а одному невозможно». Отец Николай ответит: «Я приду и помогу тебе». И встанет с одра своего и пойдет, и правило прочитают, и литургию отслужат. Отец Николай причастится Святых Таин, Тела и Крови Христовых, возьмет просфору и ею почти неделю питается, а другой пищи никакой не употреблял. И так жили полгода.

Каждое воскресенье была литургия, а иногда две, а певец и чтец был больной и слепой, однако за ним не было остановки, и всегда к своему послушанию был готов. В субботу мясопустную также служили литургию, потом отец Николай пошел в свою келлию, а духовник, убравшись, в свою. Вскоре отец Николай пришел к духовнику, пал ему в ноги и говорит: «Прости меня, отче святой, что я не вовремя к тебе пришел, ибо имею нужное тебе сказать». Духовник сказал: «Бог тебя простит, говори, что имеешь!» Тогда отец Николай, исполненный слез, начал говорить: «Отче святой, когда после литургии я прошел в келлию и сел на одре моем, тут же открылись очи мои, и начал видеть хорошо, и тут же отворилась дверь келлии моей, и исполнилась вся келлия светом. И вошли три человека: два юноши со свечами, посреди них муж в священнической ризе, неизреченной славой сияющий, и подошли ко мне. Муж в облачении

говорит мне: „Узнал ли меня, кто я?“ Я дерзновения исполнился и ответил ему: „Воистину узнал, кто ты!“ Он паки спросил: „А кто я?“ Я ему ответил: „Воистину, ты отец Аникита, наш друг и сопутешественник во Иерусалим, и уже третий год как помер!“ Он же начал мне говорить: „Воистину, отец Николай, это я и есть. Видишь ли, какой славой наградил меня Царь мой Небесный Иисус Христос? И тебя также наградит: после четырех дней освободишься от всех скорбей и болезней, и меня Господь послал утешить тебя“. И сразу же вышли из келлии, и я остался один, и опять закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радости». Отец духовник, выслушав сие, сказал ему: «Блюдись, отец Николай, да не искушен будешь, а сему не доверяя, но уповай на Бога и проси Его милости». Отец же Николай опять сказал: «Отче святой, прости меня. Буди воля Господня надо мною: но исполнилось сердце мое неизреченной радости. Прошу тебя, отче: служи теперь каждый день литургию, и я буду готовиться и причащаться Святых Таин!» Духовник сказал ему: «Хорошо, я буду служить, только чтобы за тобой не было остановки». И тогда пошел отец Николай в свою келлию.

Литургия была в воскресенье, и в понедельник, и во вторник, и отец Николай был причастником, и ему стало легче. В среду на сырной неделе были часы, в четверток опять была литургия. Отец Николай читал и пел на литургии и причастился. Потом духовник по обычаю дает ему просфору, но он не взял, а только сказал: «Отче, взойди ко мне в келлию!» — и духовник за ним по-

шел. Отец Николай сел на одре, спиною к стене, и начало лицо его изменяться и играть румянцем, а он, возведя очи свои на небо, был в исступлении. Потом пришел в себя и начал говорить: «Благодарю тебя, отче святой, что ты претерпел от меня до кончины моей все мои недостатки и довел меня до Царствия Небесного». Духовник спросил его: «Отец Николай, что видишь?» Он же сказал: «Вижу, отче, что пришли за мной посланники и разодрали мое греховное рукописание, — уже, отче, благослови!» Духовник сказал: «Бог тебя благословит!» Он же сказал: «Рукою благослови!» Духовник благословил рукою. Тогда отец Николай, взяв руку отца Арсения, поцеловал ее и еще не выпустил ее, как возвел очи на небо и тихо испустил глас: «Господи, в руце Твои предаю дух мой!» И сразу же отдал душу свою Господу, Ему же от юности своей поработал и верою и любовью послужил. Воистину *честна пред Господом смерть преподобных Его*¹. Скончался он в 1841 году, февраля 6-го дня, на сырной неделе в четверг. Мы тогда жили в Русике. К нам известие дошло уже в субботу вечером, и мы пришли в воскресенье, на четвертый день. Сошлось на погребение много русской братии, все ученики отца Арсения. И все удивлялись: лежит отец Николай, как живой, ничем в лице не изменился, руки и ноги, как у живого, не окоченели, все члены и составы мягки, и из уст исходит приятное благоухание, подобно фимиаму, и все братия радовались и прославляли Бога. Похоронили его в сырную неделю и разошлись.

¹ Пс. 115, 6.

Отец Арсений остался один с единым Богом и сам готовился к исходу. Многие просились к нему в ученики, многие желали с ним жить, но он никого не принимал целый год. Потом получил от Бога извещение, чтобы остался на время еще пожить в мире сем, ради прочих братий. Тогда он начал принимать всех желающих с ним жить и в скором времени собрал восемь человек. Вскоре заставила его нужда оставить эту келлию невместительную, и ушел он со всеми учениками в скит Лакку, в самую далекую пустыню. Взяли там большую келлию и поселились там.

Скитские отцы весьма обрадовались, что пришел к ним такой светильник, который может всех осветить своей жизнью; но русские братия, жившие близ Карей и на Капсале, весьма скорбели, что удалился от них отец их. Впрочем, хотя далек и труден был путь, но от своего утешителя не отстали, а и туда труждались ходить. Духовник же им не велел труждаться, но другого себе избрать духовника, ближе. А они ему отвечали: «Отче святой, много духовников есть, да отца и утешителя в скорбях наших не можем найти».

Многие ученики, жившие с отцом Арсением, не вместили его жизни и нестяжания, и вознамерились отлучиться от него, и стали просить у него благословения, чтобы отпустил их избрать себе на Святой Горе другое место жительства. Он же начал их увещевать и говорил: «Чада мои возлюбленные, чем вы недовольны? Или чем я васотяготил? Если скорбите, что много трудов, то сидите вы каждый в своей келлии, на безмолвии, только не оставляйте келейного своего правила

и соборной службы, упражняйтесь всегда в богомыслии и в беспрестанной умной молитве, всеми силами старайтесь очищать внутреннего человека и не принимайте никаких прилогов диавольских. Открывайте все свои помыслы и не скрывайте их, да не обладает кем из вас диавол. Или вы пищею недовольны? И о том не скорбите. Все нам Господь потребное пошлет к насыщению и к утешению, ибо Он сказал: *„Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам“*¹. Но некоторые ученики не слушали наставления старца и говорили: «Кто может вместить твое нестяжание? Что Господь нам и пошлет, то ты все раздашь прочим». Он же сказал им: «Кто хочет со мной жить, да подражает мне, кто не хочет моей последовать жизни, да живет где хочет, я благословляю, — только внутри Святой Горы Афонской, а вон из Святой Горы выходить благословения не даю, кроме особенной Божией воли». После сего многие разошлись, кого куда назначил. Впрочем, отлучились телом, а духом и любовью все к нему остались привязаны.

Пожив в скиту три года, по некоторым обстоятельствам он оттуда вышел с оставшимися учениками, и, купив келлию Святой Троицы близ монастыря Ставроникита, стали здесь жить.

Отец Арсений много в жизни своей терпел гонений и клеветы и даже почти самое изгнание от завистливых людей. Воистину, как апостол сказал: *«Хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гонимы будут»*².

¹ Мф. 6, 33.

² 2 Тим. 3, 12.

В одно время приехал на Афон из России, из Саровской пустыни, иеромонах Палладий, который определился на жительство в скит святого пророка Илии и, немного там пожив, умер. Малороссияне, жители скита, нашли после него лестовку¹ и манатийцу² и взбунтовались, закричав, что все великороссияне — раскольники. Давно они великороссиян ненавидели и искали причины, дабы изгнать из Святой Горы. Организовали следствие. Греки и болгары весьма этому удивились, ибо они великороссиян больше любили, нежели малороссиян, и очень дивились таким необычным вещам.

Однако малороссияне свое сделали: оклеветали великороссиян, а больше всех — духовника отца Арсения (в 1838 г. отец Арсений на короткое время был настоятелем Ильинского скита). Лестовку и манатийцу отправили на рассмотрение к патриарху в Константинополь, сопроводив их различной клеветой. Патриарх, получив сие, сильно тому удивился. Всем собором о происшествии рассуждали и чувствовали, что какая-то есть клевета, ибо знали точно, что вся великая Россия — православные христиане. Однако патриарх потребовал самого духовника Арсения привести лично. Услышав сие, отправились оба в Константинополь, духовник и отец Николай. Отправились пешие, сухим путем с Афона до Константинополя, верст за тысячу. Достигнув города, они явились к патри-

¹ Лестовка — кожаные четки у старообрядцев. — *Примеч. ред.*

² Манатийца — небольшая мантия, покрывающая плечи. — *Примеч. ред.*

арху. Тот их обо всем расспросил и, убедившись в клевете, очень сожалел о них. Потом показал им манатийцу и лестовку и сказал: «А это что такое?» Духовник ответил, что иеромонах Палладий приехал из Саровской пустыни: «Там есть такой обычай, что такие мантии и четки имеют для келейного правила». Патриарх сказал: «Слышал я про Саровскую пустынь. Очень одобряют ее уставы». Потом спросил: «Каким путем пришли ко мне, по морю или посуху?» Они отвечали: «Посуху, святой владыко!» Патриарх со слезами сказал: «Ох, отцы, как я вас утрудил. Почему же вы не на корабле?» Они отвечали: «Не имели что отдать на провоз». Патриарх дал им денег и велел ехать на корабле, написав на Святую Гору, чтобы впредь таких старцев не беспокоить и клевет на них никаких не принимать, а кто дерзнет на них клеветать, да будет отлучен от Церкви и от Святых Таин. И так возвратились отцы наши домой, а уста клеветников заградились.

Старец отец Арсений на Святой Горе великие делал распоряжения, и никто ему противоречить не мог: по его благословению взошли русские в Русик, многих он оставил на Святой Горе препровождать жизнь свою, хотя и не желали, а многих выслал из Святой Горы в разные места.

В 1839 году в келлии русских братьев Кореневых лежал больной монах Иоасаф. В одну ночь сделалось ему очень тяжело, и, ожидая смерти, пожелал он духовника. У Кореневых тогда ночевали и посторонние, двое из них с фонарем пошли за духовником, а расстояние — более пяти верст. Придя к духовнику, они сказали ему, что умирает монах

Иоасаф и желает видеть его, и просили, чтобы он поскорее шел с ними с фонарем, потому что ночь очень темная, да еще и дождь. Он же сказал: «Да, нужно скоро, точно умирает; вы идите вперед, а я сейчас уберусь и со своим фонарем вас догоню». Они просили идти вместе с ними и поспешить, но он их отослал, а сам обещался их догнать. Они пошли скоро и соболезновали о том, как он пойдет один лесом и под дождем, да еще боялись, чтобы больной не помер до прихода духовника. По пришествии в келлию их встретил монах Филипп, сказал, что уже помер отец Иоасаф, и спросил: «Почему вы так долго не приходили?» Они сказали: «Мы шли скоро и поспешали, чтобы застать живого». Монах Филипп сказал: «Что вы оправдываетесь? Куда-нибудь заходили в гости; уже духовник пришел более получаса, исповедал, причастил и отходную прочитал, и сию минуту отец Иоасаф скончался». Они же, услышав сие, очень удивились, зная, что не было и часа, как пошли от келлии духовника.

Подойдя к нему, поклонились и спросили: «Отче святой, как вы скоро пришли? Мы не видали, когда вы нас обогнали». Он же сказал: «Нельзя было медлить, и то едва застал, а я прошел прямым путем, которого вы не знаете!» Они промолчали, хотя точно знали, что другой дороги нет, и помышляли: не тем ли путем он шел, которым пророк Аввакум из Палестины в Вавилон к пророку Даниилу, сидящему во рву, обед носил? Еще к двоим больным на Капсале отец Арсений приходил таким же образом.

Еще нечто дивное случилось в 1845 году: июля 4-го дня вздумал он идти на праздник в Лавру пре-

подобного Афанасия Афонского. В этот день, отслужив литургию, пошел он в путь кругом Афона и пришел ко всенощному бдению в Лавру: расстояние же было от келлии его до монастыря святого Павла восемь часов ходу, а от святого Павла до Лавры — семь часов ходу. В Лавре, отстояв бдение и литургию, продолжавшиеся шестнадцать часов, в трапезу не пошел, а взял хлеба, отправился в путь и к вечерне пришел в свою келлию, расстоянием восемь часов. Все очень удивлялись этому: молодому надо идти три дня, а он, семидесятилетний старец, да еще и немощный, с больными ногами, простояв шестнадцать часов, все в полтора суток окончил. После спросили его: «Отче, как вы могли так скоро сходить, когда и путь все с горы на гору, по острому камню?» Он же ответил: «Обновися, яко орля, юность моя; не по естеству, а Божией помощью!»

В начале 1846 года старец Арсений приблизился к своей кончине; а еще раньше, наблюдая, как он один вскопал весь огород, паломники спрашивали его: «Зачем вы, отче, много трудитесь? Почему не заставляете учеников своих?» Он же ответил: «Мне уже немного осталось покопать, а ученики еще без меня накопаются!» Потом сделался болен ногами и не мог уже ни работать, ни ходить, но каждую седмицу служил четыре литургии: в воскресенье, среду, пяток и субботу, хотя с великим трудом; когда выходил с выносом чаши, тогда ученики его поддерживали. На пятой неделе Великого поста, в субботу, он уже отслужил едва-едва. 23 марта, в ту же субботу, известили по всей Горе всем его ученикам, что старец болен

и чтобы все пришли получить последнее благословение. В воскресенье, 24 марта, рано собрались все духовные его дети: из Русика — духовник отец Иероним, из Ильинского скита — игумен отец Паисий и прочих множество. Подошел к нему ученик отец Павел, хромой, стал его спрашивать: «Отче святой, или хочешь нас оставить, от нас отойти?» Он же ответил: «Да, пришло время, надобно долг отдать!» Отец Павел опять спросил: «А что, отче, не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли ответа праведному Судии? Ты был более тридцати лет духовником». Он же весело на него посмотрел и сказал: «Страха и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, и великую имею надежду на Господа моего Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своею милостью, хотя я добрых дел и не сотворил, ибо чем похваюсь, разве немощами своими? По своей воле ничего не сотворил, а что и сотворил, то помощью Господа моего и по воле Божией». Потом приказал всем духовным своим чадам подходить по одному, и каждого прощал и разрешал, и давал последнее благословение и наставление, кому где препроводить жизнь свою, и упражнялся в сем деле почти до последней минуты своей жизни. Лежал он на галерее, потом велел всем от себя отдалиться, и все пошли вниз. Он начал молиться, но не могли слышать, что он говорил. Поднимал трижды руки к небу. Потом опустил их и затих. Тогда подошли и увидели, что он уже скончался и предал душу свою в руце Господа своего, Его же от юности возлюбил и Его ради плоть свою до конца измождал. Воистину честна пред Господом смерть преподобных Его.

Потом начали убирать его к погребению. Когда открыли его ноги, то увидели ужасное зрелище: у обеих ног от колен вниз оставались почти одни голые кости, а плоть вся сгнила от стояния и от многолетних ран, и все много удивлялись, на чем он стоял и как он так скоро ходил. Никогда отец Арсений не говорил, что у него больные ноги, и всегда стоял на них, и по Святой Горе летал как птица, даже не ощущали от них никакого дурного запаха. Похоронили его подле самого алтаря на келлии Святой Троицы в 1846 году, марта 25-го дня.

И лишилась Святая Гора такого столпа и светильника, который поддерживал и просвещал всю русскую братию двадцать четыре года, и не только русских, но и греков, болгар и молдаван. Греки говорили: «Μεγάλος γέροντος Ἀρσένιος!»¹ Но что много говорить? Если все его подвиги, добродетели и случаи подробно описать, то великую книгу надобно писать. Довольно сказать, что был на Афоне старец Арсений и показал образ жизни своим ученикам: не словом учил, но делом показывал.

Отец Арсений роста был среднего, русский, борода средняя, с проседью, голову держал наклоненную на правое плечо, лицом был чист и весел, очи наполнены слез, был весьма сух, но на лице всегда играл румянец; особенно когда служил литургию, всех приводил в удивление, потому что лицо его бывало как огненное. Речь отца Арсения была кроткая, немногословная, говорил он всегда просто, без ласкательства, решительно

¹ Μεγάλος γέροντος Ἀρσένιος (греч.) — «Великий старец Арсений». — *Примеч. ред.*

и без повторения. Весьма начитан был Священного и отеческого Писания, всегда цитировал его наизусть, чему удивлялись и ученые. Ученики, с ним жившие, никогда не видали его спящего или на спине лежащего, а больше на ногах, и мало когда сидящего. Он давал естеству своему мало сна, сидя, неприметно, и всегда упражнялся в молитве, в чтении и рукоделии.

Учение и наставление отца Арсения было во всем согласно с древними отцами. Каждого он учил жить по воле Божией и по совету старцев, а не по своему разуму и хотению, отчего многим казался излишне строг. Но как он сам старался, так и другим строго внушал делать все и распорядиться по Божией воле. Таких старцев из русских на Афоне не осталось, разве только после какой-нибудь еще процветет. Хотя и много есть подвижников, но более из простых, и рассуждения такого не стяжали.

Через три года, по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желты, как воск, и испускали благоухание.

Духовник отец Венедикт

Родиной отца Венедикта был Шорапанский уезд Кутаисской губернии — древнее Имеретинское царство. Отец его был сельским священником по фамилии Киотишвили. Образование будущий отец Венедикт получил домашнее от своего отца, и сам потом служил сельским священником. Родной брат его находился в свите последнего имеретинского царя Соломона II, и когда тот

убежал в Турцию, тогда и оба брата Киотишвили находились при нем. По кончине царя отец Венедикт отправился в Иерусалим, где удостоился совершать литургию при Гробе Господнем.

Из Иерусалима отец Венедикт отплыл на Святую Гору, где остановился в Пантелеимоновом монастыре. Это было в 1816 году. Здесь отец Венедикт по известной только ему причине скрыл свой священный сан. В это время монастырь только строился, и отец Венедикт трудился вместе с прочими рабочими. Один монах, бывший в Иерусалиме в то же время, когда был там и отец Венедикт, как-то нечаянно увидал и узнал его. Придя к игумену отцу Савве, он сказал ему: «Как же это вы обращаетесь со священником, заставляя его исполнять самые последние работы? Я видел его служащим при Гробе Господнем». Отец Савва весьма удивился и тотчас же, призвав его, просил сказать ему всю истину. Смирившийся иерей признался. Тогда отец Савва наложил на него канон: сорок дней следить за всеми неугасимыми лампадами в параклисах¹ монастыря.

В скором времени он узнал о строгом уставе греческого монастыря Дионисиат и, ревнуя о подвигах, ушел в этот монастырь, где постригся в схиму. Для изучения святоотеческих писаний он брал грузинские рукописные книги в Иверском

¹ Параклис (греч. *παρεκκλησιον* — «утешение») — молебный канон, посвященный Богородице, который поется и читается верующими в случае душевной скорби. В балканских славянских языках параклисом часто именуют придел или часовню по схожести греческих слов «парекклисио» и «параклисис». — *Примеч. ред.*

монастыре. Но долго ему не пришлось подвизаться в этой обители: по случаю греческого восстания нагрянули сюда турецкие солдаты и наполнили все монастыри. Однажды отцу Венедикту случилось быть в Карее. Там увидали его солдаты и вступили с ним в разговор. По всей вероятности, эти турки были из области Батума, где живет множество грузин-магометан, потому что знали по-грузински. Потомки православных грузин хорошо обошлись с отцом Венедиктом; это заметили монахи Иверского монастыря и предложили отцу Венедикту перейти к ним. Монастырь предоставил ему весьма почетное послушание: заведование параклисом Божией Матери, в котором находится чудотворная икона Царицы Небесной «Вратарница». Эта должность предоставлялась всегда только наиболее благоговейному из иеромонахов.

Отец Венедикт к тому же был усердный постник: в понедельник, среду и пятницу он ничего не вкушал и не пил. На этом послушании отец Венедикт находился до прибытия на Афон юноши Василия, то есть до 1834 года. Часть доходов, получаемых от разных паломников, всегда предоставляется в пользу заведующего параклисом. Отец Венедикт все деньги, накопившиеся за это время, отдал монастырю. В признательность за его услугу и за жертву монастырь предоставил ему на выбор одну из двух келлий: святого пророка Илии или святого Василия Великого. Стремившийся к безмолвной жизни отец Венедикт избрал первую, стоящую на холме напротив монастыря, с прекрасными видами на все четыре стороны. В этой келлии желал безмолвствовать патриарх

Иверский монастырь

Григорий V, в 1821 году в первый день Пасхи повешенный турками в Константинополе. В эту келлию перешел отец Венедикт с учеником своим Василием и прожил до самой смерти — двадцать восемь лет.

Внутренняя жизнь его была вполне сокровенною. Известно только, что суточное правило свое он исполнял по четкам. По вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям он неопустительно совершал литургию. В монастырь ходил на бдения только на Пасху, Рождество и Успение, а после бдения возвращался к себе для совершения литургии. В день праздника святого пророка Илии ему приносили из монастыря сласти и кофе, чем он угощал пришедших к нему на праздник.

Знаменитый старец отец Иларион грузин был духовным сыном отца Венедикта, и он, как и все

современные старцы Святой Горы, высоко ценил духовные дарования и опытность в духовном руководстве старца отца Венедикта.

Старец преставился ко Господу 9 марта 1862 года, в пяток третьей недели Святой Четыредесятницы.

Старец отец Виссарион

Отец Виссарион родился в 1807 году в Гурийском княжестве Грузинского царства. При святом крещении ему было дано имя Василий.

Родители его, протоиерей Максим и Анна, принадлежали к дворянской фамилии Кикодзе. Отец его состоял при дворе владетельного князя Гурии Мамия Гуриели, скончавшегося в 1810 году, вскоре после того, как он отдал свое княжество в подданство России.

В то время образование молодых людей начиналось дома, под руководством старших в семействе, и заканчивалось в стенах монастырей. Учебниками служили церковно-богослужебные и отеческие книги. В течение столетий в Грузии существовал обычай: через каждые три года посылать по двенадцать юношей в Афины для получения высшего образования. При этом большей частью избирались дети именитых князей.

Дед Василия, иерей Герасим, овдовев, вступил в монастырь Намерневи в Лучхумском уезде Кутаисской губернии, и здесь под руководством этого старца находился юный Василий несколько лет. По кончине деда Василий немедленно оставил свою родину и удалился на Святую Афонскую Го-

ру. Это случилось таким образом: сосед Василия путешествовал в Иерусалим, а оттуда на обратном пути заехал на Афон. Здесь он нашел духовника, отца Венедикта, и по просьбе его тот постриг его в рясофор. По возвращении в Грузию он много рассказывал о высокой жизни своего духовного отца, афонского старца. В числе слушателей был и отрок Василий, который пожелал сразу поехать на Афон к старцу. О своем намерении он открыл отцу, но тот не хотел отпускать его. Тогда Василий сам стал собирать деньги и объявил отцу о своем намерении непременно отправиться на Афон.

До Кутаиса он дошел пешком. Здесь он получил паспорт и пошел дальше — до Поты, на берег Черного моря, где отыскал корабль, готовый вскоре отправиться в Константинополь.

Во время плавания Василий познакомился с одним купцом-армянином. Узнав от Василия о цели его путешествия и о скудости его средств, (он) посоветовал ему, когда пристанут в Трапезунд, сойти на берег и обратиться за помощью к турецкому паше, человеку очень милостивому к христианам. Василий принял этот совет и, лишь только корабль бросил якорь в пристани, вместе с купцом съехал на лодке на берег. Проводив его до дома паши, армянин предложил ему одному безбоязненно войти. Паша приказал его впустить. Василий не потерялся и не унизился как христианин перед мусульманином. Войдя в комнату, где, по восточному обычаю, поджав ноги, сидел паша, Василий почтительно поклонился ему, подойдя, поцеловал место около паши на диване. Впоследствии при его рассказах об этом на вопрос, почему он не поцеловал

у паши руку или колено, как есть обычай у грузин, он ответил: «Как же его в руку или в колено целовать, ведь он турок!» Паше объяснили, что этот человек намерен отправиться в Иерусалим, но не имеет денег и просит оказать ему милость. И паша приказал выдать ему сто восемьдесят левов, сумму значительную.

Приехав в Константинополь, Василий отыскал корабль, отправляющийся на Афон, и немного спустя наконец вступил на землю Святой Горы. Был 1835 год, и Василию шел двадцать восьмой год. В Карее с ним повстречался один греческий монах, знавший грузинский язык, так как он некоторое время находился в Грузии, на метохе¹ Иверского монастыря. Узнав о цели прибытия его на Афон, он направил его к отцу Венедикту.

Отец Венедикт очень обрадовался, когда узнал, что юноша грамотный и может петь. «Давно, — говорил старец, — я желал иметь ученика и жить отдельно на келлии, но не нашел грузина». Тогда они перешли на жительство в келлию святого пророка Илии, и вскоре отец Венедикт постриг Василия, наименовав его Виссарионом. Около тридцати лет они жили вместе, и отец Виссарион восходил по ступеням подвижничества.

Он обладал смиренномудрием и простосердечием и в конце концов в своем незлобии достиг состояния малого ребенка. Наученный от своего старца, он весьма прилежно занимался умно-сердечной молитвой. Монах Иаков, из Иверского скита, иногда бывая на их литургии, на ко-

¹ Метеха — подсобное хозяйство монастыря, иногда за пределами Святой Горы. — *Примеч. ред.*

торой отец Виссарион пономарил, говорил, что тот с таким благоговением совершал свое служение, что можно было подумать, что это ангел, а не человек. На большие монастырские праздники отец Виссарион приходил и прислуживал за трапезой. Более всего ему приходилось прислуживать старцам-проэстосам¹, помогая их ученикам готовить и подавать кушанье. Монастырские рабочие, узнав доброту отца Виссариона, всегда старались бывать около тех мест, где он помогал. Бывало, когда он несет большой поднос с тарелками, его уже осаждают несколько человек, прося уделить им что-нибудь. Отец Виссарион, как бы не обращая внимания, чуть ли не половину подноса раздавал позади идущим. Послушники, заметив это, начинали жаловаться своим старцам, но те, зная его простосердечный характер, налагали пальцы на свои уста.

Под конец жизни старец много лет страдал обычным на Афоне ревматизмом: пальцы на руках его были искривлены, а когда он лежал, то одну руку принужден был всегда держать высоко в петле, прикрепленной к потолку. Кровь уже не могла согреть болезненное тело старца, не помогала ни теплая одежда, ни одеяла. Несколько согревал его лишь горячий чай.

Во все время своей жизни на Афоне старец усердно занимался непрерывной молитвой Иисусовой, и в этом молитвенном состоянии он пребыл до последнего вздоха. Когда заметили совер-

¹ Проэстос — монастырский соборный старец, наставник-руководитель. — *Примеч. ред.*

шенное измождение старца, то стали внимательно следить за его движениями. Он до того ослабел, что не в силах был произносить полной молитвы, а только непрестанно шептал: «Упало, Упало!», то есть по-грузински «Господи, Господи!»

7 октября 1893 года, вечером, он вдруг стал говорить, что приехал протоиерей Георгий, старший брат ученика его, Христофора. Окружавшие его спросили: «Где он?» Старец ответил: «Разве не знаете, что он приехал на Афон и с ним еще другие?» Бывшие при старце приняли это за бред и оставили без внимания. Между тем, действительно в тот же день в Дафни приехал из Грузии протоиерей Георгий в сопровождении двух грузин. На другой день утром они прибыли на грузинскую келлию святого Иоанна Богослова и, не отдыхая, тотчас попросили проводить их на келлию святого пророка Илии, желая немедленно повидаться с братом и со старцем Виссарионом. Погода стояла дождливая, но отец протоиерей сказал, что чувствует в себе непреодолимое желание как можно скорее повидаться со старцем, и тотчас пошел.

Когда донесли старцу, что приехал отец Георгий и привез ему письмо от его родного брата — епископа Имеретинского Гавриила, то он слабо проговорил: «Дайте мне мое письмо!» И, взяв его в руки, не открывая, поцеловал его и отдал обратно, не спросив, что именно пишет брат. Кратко повидавшись с отцом протоиереем, он уже более не говорил, все время пребывая в молитвенном состоянии, и с молитвой на устах тихо предал дух свой в руце Божии 9 октября 1893 года.

Старец отец Виссарион прожил на Афоне пятьдесят восемь лет, и все на одном месте. Всего от рождения ему было восемьдесят шесть лет.

Духовник отец Леонтий

Отец Леонтий родился в Малороссии. Через год умерла его мать, и отец отдал его в дом к одному богатому бездетному молдаванину. Двадцати двух лет отец Леонтий убежал от своего воспитателя и скрылся в монастыре Калдораши, находящемся в двадцати верстах от Бухареста. Здесь он прожил шестнадцать лет и потом отправился на Святую Гору вместе со своим другом, монахом Антонием, которого он впоследствии постриг в схиму, и, таким образом, сделался его старцем. Обосновались они в молдавском скиту Лакку, где отец Леонтий прожил тридцать пять лет до самой смерти.

Старец отец Леонтий рассказывал одному своему собеседнику: «В начале поступления моего в монашество старец дал мне такое наставление: кроме первой исповеди перед пострижением о том, что было в мирской жизни, иметь откровение помыслов всегдашнее и послушание совершенное. Всех братьев считать за ангелов и служить им в послушании, как Самому Богу».

Вскоре его рукоположили в иеродиакона. Правило келейное у него было такое: триста поклонов земных с молитвой Иисусовой в день, а вместо поясных — читать святое Евангелие. Земные поклоны он выполнял даже тогда, когда был в преклонной старости, что при непрестанном занятии

умно-сердечной молитвой было бы даже излишне; но старец, пока чувствовал силы, не оставлял и подвигов телесных.

— Иной, — говорил он, — может тысячу поклонов положить и при том не чувствует утомления в теле, а иные и после пятидесяти едва дыхание переводят; но такие равняются с теми, кто много полагает.

— Вот мы, отче, — говорил собеседник, — много пьем, едим и спим, а силы у нас умеренные.

— Если не будете давать естеству потребного, то вы еще более ослабеете. Преподобный Паисий, с которым говорил Сам Господь, увидел однажды одного брата, от двухдневного поста в изнеможении лежащего на земле, и удивился, ибо он провел шестьдесят дней не евши и не ослабел. Господь явился ему и сказал: «Не думай так; ты по Моей благодати сделал так, а он от своей силы — с болезненным трудом». — «Какое же он, — спросил Паисий, — получит воздаяние?» — «Равное с тобою!» — сказал Господь! Есть и здесь, в скиту, кои постятся по два и по три дня и по неделе, — это с помощью благодати. Если хочешь, говорит преподобный Антоний Великий, испытать того, кто имеет высокое имя, что он духовный человек, то обесчести, уничижи его; и если перенесет, то точно он такой; а если нет, то ничего не имеет. Когда уничижит кто тебя, и ты не потеряешь к нему любовь — это путь Божий.

Когда предстояло старцу отправиться куда-нибудь из келлии по своим нуждам — в скит, или в монастырь, или еще куда, то он полагал несколько поклонов перед иконой Божией Матери с та-

ким намерением: что бы с ним ни случилось, все переносить без смущения. Однажды пришел он в Карею к знакомому болгарину, который принял его с любовью и пригласил его отдохнуть на архондарик¹, пока он не управится со своими делами. Старец вошел, помолясь, и по обычаю сказал с поклоном: «Благословите!» В это время лежал там один монах; вдруг он бросился на отца Леонтия и стал бранить его. Озадаченный старец только и говорил: «Так, отче, так, правду говоришь!» Тот кинулся искать палку, но не нашлось на архондарике ничего подходящего, и он выскочил наружу. Старец остался в ожидании его. Вздохнувши к Божией Матери, он сказал себе: «Ну, Леонтий, вот теперь покажи то, к чему готовился». Вера к Матери Божией не оставляла его; он надеялся, что Она укрепит его настолько, что обидчик, устав бить его, остановится, а у него не иссякнет терпение. Прибежал его поноситель. Старец ожидал, что он кинется на него, но тот бросился к ногам отца Леонтия и стал просить прощения — какой-то влах², похожий на старца, обидел этого монаха, и он, обознавшись, думал, что это и есть его обидчик, но, сбежав вниз за палкой, столкнулся с хозяином, который спросил его о духовнике Леонтии. Тут только он понял свою ошибку. Незлобивый старец, видя смирение и сокрушение монаха, сказал: «Бог да простит; только исполни малый канон — положи Божией Матери сто поклонов». Едва тот начал класть поклоны,

¹ Архондарик — гостиница, место приема гостей в греческих монастырях. — *Примеч. ред.*

² Влах — житель Валахии. — *Примеч. ред.*

старец, заметив искренность его раскаяния, сказал: «Будет, довольно!»

Таких случаев много бывало со старцем. «Если я, — говорил он, — не приготовился бы прежде на всякое уничижение и побои, что последовало бы? Я бы ему возразил, он мне, и дело дошло бы до драки. Так всегда ко всему надо быть готовым».

Отец Леонтий был человек начитанный, рассудительный и добросердечный. Всех приходящих к нему на исповедь врачевал и утешал так, что те уходили радостными.

О знаменитом афонском подвижнике отце Иларионе грузине старец Леонтий слышал еще до приезда на Святую Гору и, когда прибыл, прежде всего отправился к нему с переводчиком. Тот преподал отцу Леонтию правила умного делания и как вести себя, идя по этому пути. До этого времени старец не занимался умным деланием, хотя желал этого, но без опытного руководителя не дерзал начать.

После всегда обращался он за советами к старцу Илариону, и сам отец Иларион иногда приходил к нему. Отец Леонтий стал глубоким делателем умной молитвы и потом в этом деле стал наставником молдаванина отца Антипы, который позже переехал в Россию и скончался в Валаамском монастыре.

В шумном и многолюдном монастыре, по словам старца, и по разнохарактерности братии трудно сохранить внимание к себе, но если кто имеет совершенное послушание и постоянное откровение помыслов, то и это спасает.

Что бы ни делать, куда бы ни идти — все с Иисусовой молитвой. Сам Спаситель наш, живя тридцать

три года на земле, оказывал послушание Иосифу и Матери Своей. Никто не видел Его смеющимся, а плачущим — несколько раз, показывая тем, как мы должны идти путем спасения. Совесть очищенная сама показывает преимущество жизни внутренней против внешней.

В борьбе со страстями старец советовал: «Если напала и беспокоит, например, зависть к брату, то сейчас возьми и найди в книге какого-нибудь отца о зависти и читай. Равно и при других страстях — следует посмотреть и прочитать подходящее чтение. Так приучается человек обороняться и противостоять страстям. Человек, имеющий послушание и смирение, незаметно преуспевает духовно. Если случается, что и молодой монах говорит о страхе Божиим или вообще о пути спасения, надо слушать и по силе исполнять, а если кто имеет и белую бороду и был бы хотя и духовник, как и я, но научает противному и не согласному со святыми отцами, то нечего и слушать его».

Старец советовал постоянно иметь память смертную и плач — это путь покаяния, а другого пути нет.

Отец Леонтий обладал крепким телосложением и крепкой надеждой на Бога — Промыслителя всяческих. Бывало, принесет он на своей спине из Русика или из других отдаленных мест полную торбу сухарей и других припасов, но большую часть и все лучшее раздаст беднякам, больным и старым. Себе же он оставлял только сухарей и что-нибудь другое, что можно употреблять, не применяя огонь. Ученик его, отец Афанасий, едва ли когда выходил из скита, а обо всем нужном

для пропитания заботился сам отец Леонтий. Ученик, как малое дитя, сидел дома и кушал готовое, что ему принесет старец.

Отец Леонтий мирно преставился ко Господу 25 мая 1876 года, будучи оплакан всеми его духовными чадами и всеми пользовавшимися его духовными советами и утешением.

Сокровенный старец¹

Из записок отца Пантелеимона

Один русский пустынник, схимонах Макарий, живший в пещере на Керасье и скончавшийся в 1888 году, рассказывал следующее. Схимонах отец Арсений, лесничий Лавры, бывший до поступления в монашество восемнадцать лет капитаном сардаров (охрана Святой Горы из христиан) и сколько-то лет чабаном, знал все тропинки лесов афонских (вследствие чего, когда он поступил в Лавру, получил должность лесничего). Отец Арсений вполне соответствовал своему назначению.

Во время прохождения своего послушания он узнал об отшельнике, сокровенно живущем в лаврских лесах, и поведал о нем отцу Макарию. Это случилось следующим образом: перед Пасхой 1861 года приходит к отцу Макарию отец Арсений и спрашивает, есть ли у него что к Пасхе. И когда тот объяснил, что ничего нет, то отец Арсений сказал ему, что в эти дни приходят в Лавру каяки²

¹ Дата кончины — 1862 г. — *Примеч. ред.*

² Каяк (церк.-слав.) — промысловая лодка. — *Примеч. ред.*

с одного из островов архипелага с маслом, сыром, яйцами и пр., и советовал ему сходить запастись теперь. Когда же отец Макарий сказал, что у него и денег нет, то лесничий Лавры обещал заплатить своими, одним словом, уговорил его идти с ним. Дорогой отец Макарий спросил: «Раз ты столько лет состоишь лесничим, а раньше был сардаром и чабаном, то, вероятно, знаешь кого-нибудь из отшельников, который живет сокровенно». Отец Арсений замялся. Ему не хотелось открыть тайны, но и не хотелось огорчить старца-друга. Тогда он сказал: «Если возьмешь грех клятвы на себя, то скажу!» Тот пообещал, что когда увидит сокровенного старца, то первым делом скажет, что он, Макарий, виноват. По дороге из молдавского скита к Лавре лесничий свернул с дороги и повел его непроходимыми местами, объясняя, где живет старец и как его найти. Только он сомневался, чтобы отец Макарий мог спуститься в ту пропасть, где старец живет. В этих разговорах они подошли к самой пропасти. Спуску в нее никакого не было: обрывистые скалы опускались с трех сторон вниз отвесно, наподобие гроба. Отец Арсений сказал: «Вот, если можешь спуститься, то полезай; только когда доползешь до площадки, смотри вправо под скалу и там найдешь жилище его». Отец Макарий начал спускаться. После он сознавал, что как ни трудно лазить по скалам вершины Афона при собирании неувядаемых цветов, здесь было несравненно труднее. Сначала мешали ему башмаки, и он сбросил их вниз; потом и самый подрясник, в котором он не мог пробираться, и тот сбросил. Наконец он приблизился ко дну, и там, на

камне, он нашел свои вещи. Встав и посмотрев кругом, он заметил калибку¹ и старца, сидящего возле нее. Когда тот заметил человека, перекрестился, плюнул, быстро вошел в свой затвор и заперся.

Предупрежденный отцом Арсением, что отшельник знает, кроме греческого, болгарского и русского, еще турецкий и французский языки, отец Макарий, подойдя к келлии, начал творить молитву и стучаться в двери. Отшельник долго не отвечал. Отец Макарий, думая, что он принял его за беса, начал убеждать его, что он христианин и монах.

— Что тебе нужно? — спросил наконец отшельник на чистом русском языке.

— Я пришел посмотреть на тебя!

— Кто тебя привел сюда — Бог или бес?

— Бог, — ответил отец Макарий.

Отшельник же не принимал его и упрашивал непрошеного гостя уйти, потому что ему здесь делать нечего. Отец Макарий отвечал одно — что он умрет у келлии, но не уйдет. При нем же не было ни одежды, ни хлеба.

— Какой ты беспокойный и упрямый человек, я таких не видал! — продолжал отшельник.

Отец Макарий все просил, чтобы он открыл ему дверь.

— О, я знаю, кто тебе сказал, — проговорил старец, — негодный он человек!

— Не вини его, старче, я виноват!

¹ Калибка — прост. от «калива» — хижина, небольшая постройка. — *Примеч. ред.*

— Уйди отсюда, прошу тебя, уйди!

— Не уйду, просижу у дверей твоих до Пасхи и умру здесь. Не уйду, не увидав тебя!

— Прочти «Богородицу», — наконец сказал старец и, когда тот прочел, отворил дверь и спросил: — Ну, что ты от меня хочешь?

— Благослови, отче, — сказал отец Макарий и упал старцу в ноги.

— Бог благословит, — ответил тот и, сев на пороге, пригласил и отца Макария сесть. Прошло около часа времени в молчании, и, вставая, сказал старец:

— Ступай откуда пришел!

— Мне хотелось, отче, слышать от тебя слово на пользу, — умолял отец Макарий.

— Какое скажу тебе слово? Я человек грешный и ничего не знаю больше. Ты видишь, живу как змея, которая прячется от людей в нору. Так и я живу в этой норе.

— Ну, все-таки что-нибудь знаешь, а, может, мне послужило бы на пользу, если скажешь.

Видя простоту и неотступность отца Макария, старец спросил:

— Где живешь? Кто твой духовник?

— Живу в пещере на Керасье, а духовник отец Нифонт — на Кавсокаливии.

— Рукоделие твое какое?

— Делаю ложки.

— Какие?

— Простые и с «благословением» (с вырезанной благословляющей рукой).

— Ну вот, если хочешь меня послушать, то не делай ложек с «благословением».

— Отчего же так? Эти берут лучше и в Русике и в Серае.

— Пусть так, но ты не делай.

— Не знаю, — сказал задумчиво отец Макарий, — вот в Русике есть опытный духовник отец Иероним, а он — ничего, берет и с «благословением».

— Отец Иероним, — заметил старец, — опытный духовник в управлении братией своей, но в распознавание тонких вещей он не входит, а потому и не видит, что таких ложек делать не нужно, ибо они могут попасть в руки неверных или еретиков, которые могут надругаться над изображением «благословения». Да и в православном семействе ложка не икона и не крест. Она может попасть к ребенку на забаву и будет попирааться вместе с бездельными вещами, а между тем на этой ложке два креста — один изображается благословением, а другой ты вырезаешь на изображаемых поручах. Следовательно, два креста будут попираемы, а это грех!

Отец Макарий обещался с этого времени не делать ложек с «благословением», но ему хотелось еще что-нибудь расспросить у старца, а не знал, что и как спросить. Наконец спросил:

— Ты, отче, из какого рода?

Старец уклончиво отвечал:

— Я из всех родов.

— Может, ты русский?

— Нет, из болгар.

— Отчего ты знаешь так хорошо по-русски?

— Я жил на Морфине у русского старца, иеромонаха. Еще жил в скиту святой Анны, в Кавсо-

каливии и на Провате. Одним словом, обошел разные места, и наконец Господь открыл мне это святое место, и я живу здесь шестнадцать лет.

— А сколько лет ты жил во всех тех местах?

— Думаю, более восьмидесяти лет, и как прибыл на Афон, никуда не отлучался.

— А сколько лет тебе от роду?

— Сто восемнадцать лет.

— Чем ты питаешься и откуда берешь одежду и все прочее?

— У меня жив еще побратим (по постригу от одного старца), игумен на одном острове, он мне доставляет все необходимое, приезжая на каяке раз в три месяца.

В заключение отец Макарий спросил, не позволит ли старец ему еще когда-нибудь прийти. Тот отвечал, что если и решится он на это, то не попадет к нему. С тем они и расстались.

И точно. Решив пойти через какое-то время к старцу, он изодрал всю одежду о непроходимые колючие кустарники и сбил башмаки, но места того не нашел. Через год он опять попросил зашедшего к нему отца Арсения довести его до этого места. Тот исполнил его желание, и отец Макарий с теми же трудностями спустился опять к калибке старца, но его в живых уже не застал. Свежая могила с крестом свидетельствовала о его кончине, а похоронил его, вероятно, приезжавший к нему побратим-игумен. Поскорбев, что не застал старца, он пошел к морю, в которое быстро сбегал ручей, начинавшийся около калибки старца. К морю проход от калибки не труден. Там, при устье потока, стоял белый крест, служивший знаком для приезда игумена с острова.

Кроме этого старца, отец Арсений-лесничий знал еще о трех других сокровенных старцах, но о их местожительстве он никому не хотел рассказать, сколько его ни убеждали. Были и есть такие сокровенные старцы, о которых никто не знает, разве только самый преданнейший им. Вот пример.

Спустя пять лет по уходе турок (около 1835 г.) сардары ловили диких коз под Афоном. Однажды на заре, проходя по стремнинам, они наткнулись на одного нагого старца, бывшего возле незаметной издалека пещеры. Удивленные необычной встречей, они завели разговор:

— Благослови, отче.

— Бог благословит.

— Как поживаешь?

— Благодарение Господу, — ответил старец и спросил: — Как пребывает Святая Гора?

— Благополучно после поганых турок.

— Каких турок? — спросил старец.

— Как каких? Тех, кои жили на Афоне вследствие восстания греков.

— Какого восстания?

— Разве ты не знаешь, что мы, православные, десять лет проливали кровь свою, чтобы свергнуть иго турецкое?

— Нет, не знал. Нас здесь семеро — мы никуда не ходим и не знали об этом.

Сказав: «Благослови, отче», сардары пошли на свое дело. Вернувшись потом в скит святой Анны, они рассказали там всем о виденном. Тогда собрались многие отцы и, позабыв про старость и немощи, подняв свои мантии, бегом отправились

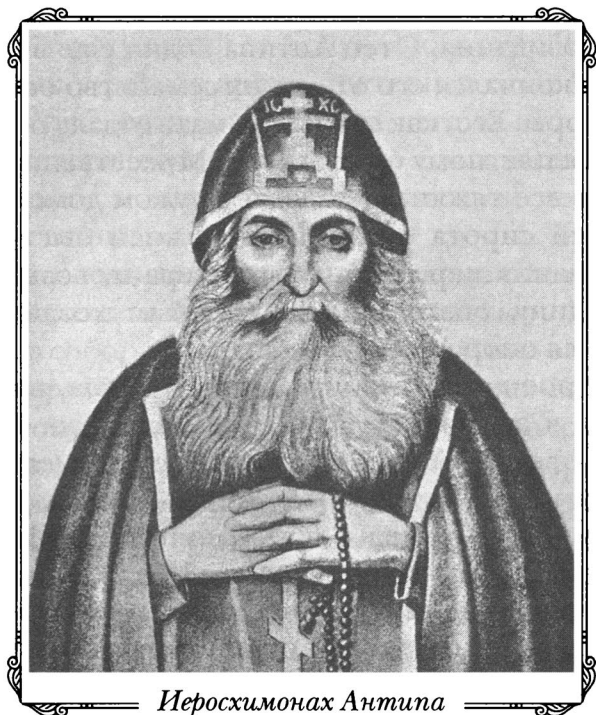
искать старца. Но старца они не нашли там, где видели его сардары, а равно и тех шестерых, о которых тот сказал им. Говорили, что это те самые сокровенные подвижники, числом семь, коих при-чащал известный духовник Христофор, живший в Яннокопуло.

Духовник отец Антипа

Отец Антипа родился в Молдавии, в селе Ка-лаподешти, в 1816 году. Родители его были православные и весьма благочестивые. Жили они в большой бедности. Отец его, Георгий Лукиан, служил диаконом в сельском храме, а мать, Екатерина, впоследствии поступила в монастырь и с именем Елисаветы скончалась в схиме. Долго у Лукиана не было детей. Наконец по молитвам жены родился сын Александр. Рождение будущего подвижника ознаменовалось особенным благоволением Божиим: мать его родила безболезненно.

Еще в детстве, когда он пас овец своего отца в глухом лесу, где водилось множество ядовитых змей, он брал этих змей живых без малейшего вреда в свои руки и этим приводил в ужас посторонних людей.

Одаренный от Бога великими духовными дарованиями, в отрочестве будущий отец Антипа был как бы лишен обыкновенных, естественных способностей: от природы он был очень прост и крайне непонятлив. Эта двойственность будущего отца Антипы производила соответствующее впечатление на его сверстников. Иногда они, пораженные проявлением в нем чего-то дивного,

Иеросхимонах Антипа

необычайного, падали перед ним со страхом на колени и называли его своим владыкой. Иногда же ругали и били его за его простоватые выходки. Долго, несмотря на самое усердное прилежание, не мог отец Антипа научиться грамоте. Видя его неспособность, учителя посоветовали ему даже оставить школу и обучаться какому-нибудь ремеслу. Отец Антипа горько заплакал. «Нет, — говорил он, — мое единственное желание — научиться читать; я до смерти буду заниматься только чтением божественных книг».

Усердие, труд и молитва наконец преодолели его рассеянность ума, и священные книги для отца Антипы стали неиссякаемым источником духов-

ного назидания. Отец Антипа ходил еще в школу, когда скончался его отец и их семейство осталось без опоры. Его, как старшего, мать отдала обучаться переплетному мастерству. Мужественно претерпев все тяжкие невзгоды в чужом доме, беззащитный сирота с помощью Божией быстро достиг звания переплетного мастера и, возвратясь на родину, обзавелся собственным хозяйством, сделался опорой семьи.

Полное довольство царило у Лукиана, но сердце его в земном утешений не находило. Часто, вдали от всех, обливаясь слезами, недоумевая, где обрести покой душе, мысленно он взывал к Богу: «Скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду, яко к Тебе взях душу мою!» Однажды, во время одного из таких уединенных молитвенных размышлений, на двадцатом году жизни, отец Антипа внезапно был озарен дивным светом. Этот свет наполнил сердце его невыразимой радостью, из глаз его потоками полились слезы. Тогда, как бы ощутив в этом свете высшее Божественное звание, отец Антипа в ответ на зов Божий в радости воскликнул: «Господи, я буду иноком!» Но Господь промыслительно попускал на него и разнообразные бесовские искушения: бесы являлись ему в виде черных эфиопов и собак. При знамении креста они мгновенно, сверкнув молнией, исчезали. Иногда принимали они на себя и другие различные, отвратительные образы, производили ужасный треск и шум, наводили страх и ужас на душу его. Перед наступлением бесовских искушений в воздухе нередко слышался голос, предупреждавший отца Антипу и взывавший к нему: «Готовься, будет искушение!»

Кроме искушений от бесов, много скорбей и поношений в разное время претерпел отец Антипа и от людей, враждовавших на него за его прямоту и неудержимую ревность по благочестию. Так «десными»¹ и «шуими»² возводился он по степеням лестницы совершенства.

В одну ночь тихо вышел он из дома и направился в знаменитый в Молдавии монастырь Нямец. Здесь, в соборном храме, со слезами упал он перед чудотворной иконой Божией Матери. Церковь была совершенно пуста, но вдруг сделался шум, и завеса, закрывавшая святую икону, отдернулась сама собой. В умилении и в неизъяснимой радости приложился он к иконе. Благодатно утешенный в храме, позже с великою печалью вышел отец Антипа из келлии настоятеля, когда, несмотря на все его просьбы, ему решительно отказали в приеме в Нямецкую обитель. Тогда он отправился в Валахию. Там небольшой штатный монастырь принял странника в свои мирные стены. Более двух лет с полным самоотвержением трудился он здесь на монастырских послушаниях. Жизнь его была исполнена скорбей и лишений. Ему не давали монашеской одежды, не было у него келлии. Утомленный, засыпал он там, где случится: на хуторе, на кухонном полу. Раз, заснув в поле на сене, он занесен был снегом; полузамерзшего, его едва привели в чувство.

С подвигами телесными, бдением и постом соединял юный подвижник умную молитву, кото-

¹ Десный (церк.-слав.) — правый. — *Примеч. ред.*

² Шуий (церк.-слав.) — левый. — *Примеч. ред.*

рой научил его схимонах Гедеон, около тридцати лет подвизавшийся в затворе близ монастыря. Строгая, самоотверженная жизнь отца Антипы резко выделялась среди общего монастырского строя. Духовник советовал ему идти на Афон. Туда же стремилось сердце и самого отца Антипы, но уже на первых шагах своего подвижничества, обнаруживая духовную рассудительность — этот главнейший признак истинного подвижника, — в решении своего недоумения он желал слышать голос опытного в духовной жизни старца.

В это время славился в Молдавии своими высокими подвигами и духовной опытностью настоятель монастыря Браз архимандрит Димитрий. До настоятельства он в глухом лесу проводил строгую отшельническую жизнь. Случайно тогда нашел он в земле сосуд, наполненный золотыми монетами. При сосуде была записка, объяснявшая, что деньги эти принадлежат молдавскому митрополиту Досифею, который спрятал их, узнав о неизбежной ему мученической кончине от рук турок. «Кто найдет эти деньги, — говорилось дальше в записке, — тот должен выстроить на них монастырь и три скита; по окончании постройки третьего скита обретут и мои мощи», — писал мученик.

Объявив о чудесной своей находке молдавскому митрополиту, с его благословения отец Димитрий ревностно приступил к исполнению последней воли блаженного митрополита Досифея. Воздвигнут был великолепный монастырь — как Нямец. Окончена была постройка третьего, последнего, скита, в ограде которого поручил отец Димитрий выкопать для себя могилу. Когда в день

освящения скитского храма прибыл туда отец Димитрий, ему объяснили, что могила, которую он приказал вырыть, почему-то осыпается. В его присутствии стали копать глубже и обрели ковчег с мощами блаженного митрополита Досифея. «Я сподобился видеть эти мощи, — говорил отец Антипа, — и прикладывался к ним; от них исходило благоухание».

К этому архимандриту Димитрию и обратился отец Антипа за духовным советом.

Вообще, отец Димитрий всегда удерживал стремившихся на Афонскую Гору, но на этот раз, к удивлению всех, он согласился отпустить туда отца Антипу, прибавив, что пострижет его сам в монахи. Потом отец Антипа отправился на Афон.

В одной из пустынных келий Афона подвизались в это время два его соотечественника, молдаване иеросхимонахи Нифонт и Нектарий — к ним-то и желал он поступить в ученики. «Ты недавно принял монашескую мантию, — отвечали на его просьбу опытные отцы, — и тебе следует сперва потрудиться на послушаниях в монастыре».

Повинуясь их совету, отец Антипа поступил в Эсфигменский монастырь, где около трех лет трудился в поварне. Здесь в течение целого года он находился в тягчайшем и опаснейшем для подвижника искушении: от него отступила умная молитва и с нею все благодатные утешения. И ум, и сердце его исполнены были подавляющей тьмы и скорби. Только твердое упование на заступление Божией Матери сохранило его тогда от отчаяния.

Кончилось время послушнического искуса, и старцы-молдаване приняли своего собрата на высшие подвиги в пустыне.

— Так, надо теперь облечься в схиму, я постригу тебя, — сказал однажды отец Нифонт отцу Антипе.

— Я с великой радостью готов принять схиму, только боюсь, что тогда ты не отпустишь меня одного в пустыню, — отвечал ему отец Антипа.

— Конечно, не отпущу, — сказал отец Нифонт, — ты нужен нам.

У отца Нифонта уже зарождалась тогда мысль устроить на Афоне самостоятельный молдавский скит, и он сознавал, что в деле устройства скита ему будет весьма полезен отец Антипа, почему и желал сам постричь его, чтобы этим, по духовному закону, привязать его к себе навсегда. Отец Антипа понимал цель старца, и она безмерно тяготила его. В недоумении с вопросом о схиме и старец, и ученик решили обратиться к схимонаху отцу Евфимию, их общему духовному руководителю. Тот принял сторону отца Антипы, и по его совету отца Антипу постригли и предоставили ему полную свободу одному проводить отшельническую жизнь.

Весьма неохотно отпустил отец Нифонт своего монаха в пустыню. Это даже выразилось внешним образом в том, что он не дал ему решительно ничего, что представлялось необходимым для первоначального пустынножительства. С тем и вошел отец Антипа в полуразвалившуюся отшельническую хижину — она была совершенно пуста, только в переднем углу на карнизике нашел он маленькую

икону Божией Матери, на которой от многолетней копоты нельзя было рассмотреть лика. Невыразимо обрадовался отец Антипа своей находке. Он чувствовал, что обрел драгоценное сокровище. Немедленно, взяв с собою икону, отправился он к знакомому иконописцу иеродиакону Паисию, переселившемуся со святых гор киевских на Афон, и стал просить его промыть икону, только как можно осторожнее, чтобы не повредить ее и отнюдь не поправлять ее красками. Никак не соглашался на таких условиях взять икону себе отец Паисий и только по убедительным просьбам отца Антипы все-таки решился. Через некоторое время он возвратил икону совершенно новой, клятвенно уверив, что она стала такой от одной простой промывки и что это явление чрезвычайно поразило его самого. Так чудно из многолетней тьмы проявившая себя во свете икона Владычицы прославила себя впоследствии многими благодатными знамениями. До самого разорения Валаамского монастыря икона хранилась в нем как великая святыня.

Невозможно было жить в полуразвалившейся хижине; средств же на ее поправку у отца Антипы не было никаких. Раз он шел по пустыне, и вдруг его останавливает незнакомый монах: «Отче, добрые люди дали мне пять червонцев и просили передать их беднейшему пустыннику. Помолясь, я решил отдать их первому, кого встречу, так возьми их, они, должно быть, тебе нужны».

С благодарностью, как от руки Божией, принял деньги отец Антипа. Потом пригласил к себе одного бедного келлиота-плотника, и тот приступил

к исправлению его келлии. Четыре дня работа шла успешно, но на пятый день этот монах опасно заболел сильным припадком холеры и в изнеможении упал недалеко от келлии — с ним случились судороги. Очень встревожился отец Антипа. Не имея сил втащить больного в свою келлию, в каком-то необъяснимом порыве, как единственную свою надежду, вынес он икону Божией Матери и поставил ее на возвышении против лежащего на земле мастера, сам же, углубившись в чащу леса, стал молить Господа о его исцелении.

Долго молился он, а когда возвратился к своей хижине, то с изумлением и великой радостью увидел отчаянно больного уже совершенно здоровым и за работой. «Твоя икона меня исцелила, — объяснил он отцу Антипе, — она чудотворная. Лежал я как мертвый, как вдруг почувствовал, что от иконы обдает меня необъяснимо живительным, теплым дыханием. Я совершенно согрелся и в одно мгновение здоровым встал на ноги».

В короткое время обустроилась келлия отца Антипы, и мирно потекли дни его. С подвигами духовными отшельник, по необходимости, соединял безмятежное рукоделие — делание деревянных ложек, которые он продавал в Карее для своего пропитания. За советом в духовной жизни обращался он к иеросхимонаху отцу Леонтию, жившему в скиту Лакку. С ним и в последующее время он находился в ближайшем духовном общении, с его только благословения решался он на новые шаги.

Между тем мысль отца Нифонта об устройении молдавского скита стала мало-помалу осуществляться: в Молдавии, в городе Яссы, им уже было

устроено подворье, на Афоне приобретена земля, на которой быстро поднимались скитские здания, число братий росло. Тогда отцы-строители стали звать отца Антипу в сотрудники, и, повинаясь совету духовных отцов, он согласился. Его посвятили в иеродиакона, потом быстро в иеромонаха и сделали келарем.

Занимая, по-видимому, незначительную должность, отец Антипа по мере сил своих ревновал о сохранении общежительных правил во всей силе. Однажды отец Нифонт в общей братской трапезе благословил келарю приготовить для себя и какого-то гостя отдельное кушанье. Келарь не приготовил. Игумен разгневался и велел встать ему на поклоны. «Поклоны я буду класть с радостью, — отвечал ему келарь, — но прошу извинить меня: сделано это с благой целью, дабы не было преткновения и соблазна братии. Так как самим тобою же начаты добрые уставы по правилам святых отцов, то [надо], чтобы тобою же не были они нарушаемы, потому что настоятелю во всем надо быть примером для всех, тогда только будет твердо и надежно наше общежитие». Потом, когда совершенно успокоился отец Нифонт, он благодарил отца Антипу за его благоразумную ревность.

Дела по устройству скита побудили отца Нифонта на три года уехать в Молдавию, и на все это время управление всеми отраслями скитского общежития возложено было на отца Антипу. Ему же потом предоставлено было и право исполнять обязанность духовника. С возвращением отца Нифонта на Святую Гору настало время для отца Антипы расстаться навсегда со священным

местом многолетних подвигов, к которому он привязался всеми силами души и о котором до конца жизни сохранил глубокую память: отец Нифонт назначил его экономом на их Ясском подворье. Из тихих пределов Святой Горы неожиданно оказавшись среди разнообразных хлопот и попечений в шумном городе, отец Антипа прежде всего старался и здесь, как и в минувшие дни в пустыне, во всей точности исполнять все монашеские правила по уставу Афона: так заповедал ему отец Нифонт, отправляя его в Яссы. На все, что могло вредно повлиять на душу подвижника при обилии всевозможных искушений, опытный воин духовный вооружился мощным оружием — постом. Постоянно по два и по три дня, иногда даже по неделе, он совершенно не употреблял ни пищи, ни питья.

Сам, проводя строгую жизнь и всей душой любя святую веру и благочестие, отец Антипа при всяком удобном случае, несмотря на сан и положение лица, с ревностью обличал замечаемые им отступления от церковных постановлений. Такая его ревность, соединенная с простотой и искренней любовью, при назидательном, проникнутом глубокой духовной опытностью его слове, при собственном примере его жизни, вскоре расположила к нему сердца людей.

Особенное благоволение оказывал ему митрополит Молдавский: он поставил его духовником в двух женских монастырях и сам беседовал с ним о предметах духовных.

В дни подвижничества своего на Афоне от продолжительного поста отец Антипа ощущал обыкновенно особенную горечь во рту. В Молдавии

же, спустя два года, горечь эта обратилась в необыкновенную сладость. В недоумении за объяснением этого явления обратился он к молдавскому владыке. Митрополит объяснил ему, что такое ощущение есть плод поста и молитвы умносердечной; что оно есть благодатное утешение, которым Господь ободряет подвижающихся на Его спасительном пути. «Об этом так говорит преподобный Исаак Сирий, — заключил свое объяснение митрополит. — Сам Господь горечь постнического озлобления манием¹ Своим прелагает в сладость Свою неисповедимую».

При общем расположении к отцу Антипе всех знавших его дела по управлению подворьем шли прекрасно. Средства к содержанию подворья росли, сбор значительно увеличился. Так, со всей ревностью служа на пользу молдавского скита, с полной любовью отзываясь на духовные нужды обращающихся к нему за советом в деле спасения, отец Антипы постоянно сам стремился сердцем на пустынную Афонскую Гору. Часто он просил отца Нифонта о возвращении его на Афон, но не то было на уме отца Нифонта. Видя большую пользу от деятельности отца Антипы для их общежития и сознавая множество разнообразных нужд по устройению скита и скудость настоящих средств, отец Нифонт решился ехать за сбором подаяний в Россию и взять с собою туда и отца Антипу. «Не пускаешь меня на Афон, — сказал он игумену, когда тот объяснил ему свое решение, — берешь в Рос-

¹ Мание (церк.-слав.) — то же, что «мановение», — тайное, непостижимое действие. — *Примеч. ред.*

сию; я чувствую, что как только мы переедем границу, я уже не буду более ваш, — я буду русский».

Только первые шаги в Россию были сделаны отцом Антипой под руководством отца Нифонта: вскоре тот уехал в Молдавию, и отец Антипа, совершенно не зная русского языка, остался один. Как у родных, помещен он был в одном купеческом семействе. В отдельном доме в саду проводил он затворническую жизнь, посвящая почти все время молитве. Между тем дела по сбору приношений шли очень успешно. Вскоре обширные залы купеческого дома наполнились дорогими сосудами, облачениями, ризами и прочими пожертвованиями от московских благотворителей, всего, вместе с колоколами, на сумму свыше 30 000 рублей. Когда все эти вещи, пожертвованные для скита, были отправлены на Афон, утешался отец Антипа мыслью о той радости, какую они доставят отцам его. Но, к сожалению, вещи не достигли Святой Горы. Пароход, на котором они были отправлены, со всеми пассажирами и грузом погиб во время бури в Черном море. В ночь катастрофы отец Антипа стоял на молитве. Вдруг треснуло стекло киота, в котором помещен был образ Божией Матери, взятой отцом Антипой из афонской его пустыни. Внешней причины не было никакой. Отец Антипа понял, что неожиданно лопнувшее стекло было предвестником какого-то неожиданного горя, и стал спокойно ожидать разъяснения. Когда все стало известно, от неудачной отправки уныли афонские отцы и потеряли усердие московские благотворители.

Не упал духом только отец Антипа: им была собрана в Петербурге по сборной книге довольно

значительная сумма. Для отправления ее на Афон нужно было обменять бумажные деньги на золотые монеты. Между тем по Высочайшему велению выдача золота из главного казначейства в то время была воспрещена. С одной стороны, зная крайние нужды молдавских старцев, с другой — видя неодолимые препятствия, отец Антипа обращался с просьбами о помощи к влиятельным лицам. Когда отказались все, когда не было более никакой человеческой надежды, повергся отец Антипа пред афонским образом Божией Матери и стал просить Ее заступления. Во время молитвы он услышал как бы глас от иконы: «Это дело митрополита». — «Это не то чтобы глас, но это тонко, на уме», — объяснял отец Антипа. И действительно, сверх всяких ожиданий, вследствие содействия митрополита, по предписанию министра финансов, было сделано исключение для отца Антипы, и собранные деньги золотом были отправлены на Афон. Скоро опять стали поступать приношения.

У отца Антипы было много искренних учеников. Оба митрополита — Петербургский Исидор и Московский Филарет — оказывали ему милостивое внимание и беседовали о духовной жизни. В одной из бесед с последним на вопрос: «Что особенно необходимо упражняющемуся в умной молитве?» — ревностный делатель молитвы отвечал: «Терпение!»

Петербургскому митрополиту он стал известен случайно: однажды, прибыв из Москвы для получения сборной книги из Синода, отец Антипа был помещен как странник в Александро-Невской Лавре, в одной келлии с приехавшим белым свя-

щенником. Вскоре наступил Великий пост. По своему обыкновению отец Антипа ходил ко всем службам, а в келлии совершал днем и ночью всю службу на молдавском языке и исполнял монашеское правило. Пищи и пития не употреблял вовсе. Миновал первый день поста, миновал второй, третий... и все то же! С удивлением смотрел на такую жизнь сосед по келлии отца Антипы. В конце недели, представляясь по своему делу, передал он все это митрополиту, и тот обратил внимание на подвижника. Когда митрополит, на пути следования в Воронеж на открытие святых мощей святителя и чудотворца Тихона Задонского, остановился в Москве, к нему явился отец Антипа. Узнав, что старец желал бы быть при открытии мощей, митрополит пригласил его к сослужению с собой. Невыразимо обрадовался отец Антипа. Сознывая все величие предстоящего торжества, он стал готовиться: в течение четырех дней он не принимал ни пищи, ни пития, хотя в эти дни он находился в дороге.

В первый год пребывания своего в России, как только открылась навигация, посетил отец Антипа Валаамский монастырь. Всей душой полюбил он тогда пустынные, безмятежные леса Валаама, и как только закончились его дела по сбору подаяний, с благословения своих молдавских старцев 6 ноября 1865 года он прибыл на Валаам. Маленькая, уединенная келлия в скиту Всех святых и приютила ревностного любителя безмолвия и молитвы.

Велики были молитвенные подвиги отца Антипы в пределах Святой Горы и среди шума мирского в городах Молдавии и России. Но там они сменялись то рукоделием, то общением с мирскими

людьми по делам сбора. В уединении же валаамском молитва сделалась единственным и исключительным его занятием. Она занимала весь день старца и почти всю ночь. Кроме неопустительного исполнения службы по Церковному уставу, он каждый день прочитывал два акафиста Божией Матери и ежедневно полагал триста поклонов с молитвой о спасении всех усопших. Помянник его был очень велик, поминал он всех благодетелей за многие годы, всех своих знакомых. Одно только это поминовение продолжалось более часа. В определенное время между службами и поклонами он занимался умной молитвой. Когда случалось ему быть и служить в монастыре, точно так же, как и каждую субботу, когда он причащался в скиту, предварительно в келлии он совершал полную службу на молдавском языке. Не раз замечали братия, какими горькими слезами обливался он на молитве, совершаемой им с полным вниманием.

В первую неделю Великого поста отец Антипа вовсе не употреблял пищи и питья. В такой же строгости соблюдал он пост в понедельник, среду и пятницу в течение всего года и в навечерие праздников Рождества Христова и Богоявления. В эти два сочельника, даже в предсмертной болезни своей, когда от сильного жара у него совершенно пересыхало во рту, не решался он облегчить своих тяжких страданий хотя бы глотком воды. На четыре же непостных дня недели ему хватало той пищи, которую приносили на обед в субботу.

Когда отец Антипа приходил в монастырь, то уже сообразовывался с чином монастырским. При-

ходил же он туда три раза в год: на Рождество Христово, на Страстную и Пасхальную неделю и на всю неделю Пятидесятницы. Кроме этих дней, старец бывал в монастыре из-за необходимости духовного собеседования с близкими ему людьми, приезжавшими собственно ради него на Валаам. Хотя приезды этих лиц крайне тяготили его, но к ним он всегда относился со всей полнотой безграничного радушия. Тут по целым дням затворник находился в обществе и мужчин, и женщин: пил чай и кушал.

— Как ты можешь соединять продолжительный скитский пост с таким неожиданным разрешением? — в недоумении спрашивали его некоторые из валаамских отцов.

— Дивно, — отвечал он им словами апостола Павла, — *во всем и во всех навыках, и насыщаться, и алкати, и избыточествовати, и лишатися*¹.

— Батюшка, ты обращался много с женщинами, неужели не приходили тебе дурные мысли? — спрашивал в последние дни его один из преданных ему учеников.

— Никогда! — отвечал ему сохранивший себя в девстве и чистоте отец Антипа. — Не могут прийти такие мысли чадолюбивому отцу, тем более не могут прийти они отцу духовному. Единственным моим желанием по отношению к моим чадам было их преуспеяние духовное и вечное спасение их души.

Между почитателями отца Антипы были люди со средствами. По его предложению они охотно

¹ Флп. 4, 12.

делали приношения на нужды монастырей в России и на Афоне. Сочувствуя существенным потребностям обитателей, он, однако, не одобрял их увлечения излишними, пышными сооружениями. «Много я видел монастырей, — говорил он, — везде хлопчут, строят; но хлопоты и постройки — дела суеты, мирские. Монаху жизнь — в церкви, дело его — правило».

Ничего не искавший на земле, весь ум свой углубивший в Боге, отец Антипа с радостью переносил все огорчения, поношения, упреки. Глубокое смирение и постоянная готовность к самоотвержению давали ему полную возможность всегда сохранять невозмутимым глубокий мир души. Жил он в крайней нищете, келлия его была совершенно пуста: не было в ней ни кровати, ни стула. Стояли небольшой столик вместо аналая и деревянный жезл с перекладиной, на который в борьбе со сном в изнеможении упирался он во время бдения. На полу лежал войлок, на котором он сидел и предавался краткому сну. Живя сам в такой нищете, отец Антипа со всею любовью отзывался на нужды братий. Полюбив всей душой Валаам, он говорил: «Одно сокровище есть у меня — это икона Божией Матери, и никому не отдам ее, а оставлю только Валаамскому монастырю».

Многие годы проводя в строгом подвижничестве, отец Антипа нисколько не расстроил своего здоровья; вообще он обладал здоровым, крепким организмом. К лекарствам и к врачам он никогда не обращался. Принимая болезни от руки Господней, от Него же ожидал он и исцеления. Судя по его бодрому виду, трудно было предполагать,

что он так скоро переселится в селения горние: в течение одного года сильнейший кашель совершенно обессилил и иссушил его, тихо приведя к мирному преставлению.

В год своей болезни Страстную и Пасхальную недели отец Антипа провел в монастыре. В Великую Субботу он был у божественной литургии. После он сказал своему ближайшему ученику: «Во время причащения я был в алтаре и взглянул из южных дверей в церковь. Монахи уже причащались, и лица некоторых сияли, как солнце. Прежде этого я не видел».

В глухую осень того же года стоял отец Антипа в своей келлии на молитве. Вдруг сделался шум: афонский образ Божией Матери сам собою двинулся с места. Другие иконы, поставленные на него сверху, упали, образ Богоматери шествовал тихо по воздуху и, преодолев целых два метра, остановился на груди отца Антипы. Ужаснулся старец. С благоговением приняв образ, он поставил его на место. Со слезами умиления он открыл об этом явлении только за три дня до своей кончины.

Болезнь отца Антипы быстро развивалась. По его желанию его соборовали. Он видимо угасал. Дня за два до кончины отца Антипы в монастырском храме шла вечерня. Вдруг что-то сильно стукнуло о пол. Это упал послушник-старичок, пораженный апоплексическим ударом. Объяснили игумену, и тот благословил взять святой воды и покропить больного. Думали, что он угорел. Оказалось, что он уже скончался. В эту ночь особенно страдал отец Антипа. Под утро ему стало лег-

че, и он обратился к окружающим его ученикам с вопросом: «Кто у вас умер в монастыре?» Так как в скит из монастыря еще никто не приходил, ученики ответили: «Никто». — «Нет, умер, — возразил отец Антипа, — умер простой старик в церкви, ему было трудно. Игумен велел дать воды... не помогло... умер». В недоумении слушали его ученики. Около одиннадцати часов в скит приехал духовник, тогда только разъяснилось, что отец Антипа, лежа в скиту, отстоящем от монастыря на расстояние трех километров, говорил о происшествии, как будто оно совершилось перед его глазами.

В последнюю ночь часто поднимал отец Антипа руки к небу и звал к себе своего любимого афонского старца, духовника отца Леонтия: «Леонтий, Леонтий, где ты, Леонтий?» — «Батюшка, да с кем ты говоришь? Ведь никого нет», — наклонившись к старцу, сказал келейник. Пристально посмотрел старец на него и тихо пальцем постучал ему по голове.

Под утро, чувствуя уже близость своего отшествия и желая причаститься Святых Таин, отец Антипа просил поспешить совершить литургию. В полном разуме, сподобившись приятия Божественных Таин, отец Антипа погрузился в тихую дремоту. Прошло два часа, ближайший ученик его стал читать акафист Божией Матери, и в то время тихо замолк навеки во всю жизнь ежедневно возносивший Царице Небесной акафистные хваления отец Антипа.

Скончался он в воскресенье 10 января 1882 года, на шестьдесят шестом году от рождения.

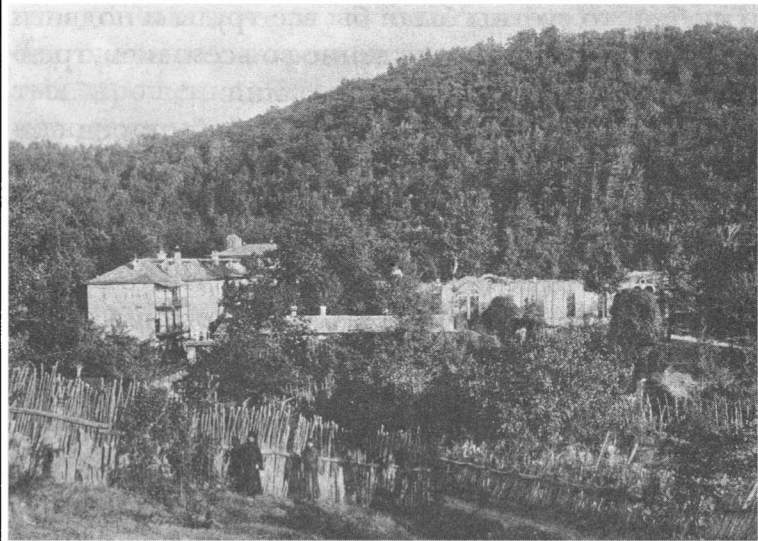
Старец отец Григорий

Старец Григорий дидаскал¹ родился в 1799 году. Родители его были зажиточные купцы. Семнадцати лет от роду он отправился на Святую Гору. Здесь он сначала поступил на жительство к одному старцу, жившему на патриаршей келлии преподобного Антония, что ныне Андреевский скит (Серай), где прожил три года, а потом перешел на келлию преподобного Евфимия, при Русике, к духовнику отцу Максиму, с которым прожил год. В это время началось греческое восстание, и он уехал на родину, в Морею, и поступил в училище. Потом учился в Афинах философии, богословию и другим наукам. По окончании восстания он поехал было на Афон, но здесь были еще турки, поэтому он остался в Солуни и в открывшемся тогда училище учился еще два года. Наконец, в 1835 году, через четырнадцать лет, отец Григорий возвратился на Святую Гору, поступил в Русик и вскоре принял постриг в рясофор. Прожив года три, он перешел на Капсалу, где жил семь лет. В это время он принял постриг в схиму в Хиландарской келлии Патерица от известного старца Неофита из пещеры преподобного Афанасия; и чтобы быть ближе к старцу своему, отец Григорий перешел в келлию на Вигле², где жил до смерти. Эта келлия его была весьма ветха и внутри совершенно похожа на хлев, убогая, как и сама одежда, которую носил старец.

Предлагаем ответы на некоторые вопросы отца Пантелеимона, посетившего старца около 1870 года.

¹ Дидаскал — учитель. — *Примеч. ред.*

² Вигла — одна из пустынь Святой Горы. — *Примеч. ред.*

Монастырь Русик

— Жить в келлии вне монастыря очень хорошо; только нужно держать умно-сердечную молитву, оставляя прочее правило по книгам, разве только для отдохновения ума. Когда труждается ум от напряжения в молитвенном пребывании, нужно дать ему облегчение — прочесть одну кафизму или другое что-либо, оживляющее дух, пока облегчится ум, тогда опять упражняться в молитве, потому что от молитвы рождается плод, а от одного правила человек не может стяжать смирение, плач, умиление, любовь и остается бесплодным. Ибо многочтение рассеивает ум, а молитва собирает. Только при ней надо иметь воздержание, смирение, любовь к братии и подвиг умный и деятельный — в этом преуспевание. Если бы человек подвизался в молитве и исправлял все труды деятельной добродетели, но не имел бы смирения

и любви, то суетны были бы все труды и подвиги его. Нужно иметь понуждение во всем: и внутреннем, и внешнем, пребывая в келлии.

Относительно приходящих братьий старец сказал:

— Если кто приходит для слышания слова Божия или вообще для назидания души, то таких нужно принимать не стесняясь, потому что то время, какое мы пожертвуем для собеседования с ними, не есть утраченное. Господь воздаст за это. А если они приходят провести только время, поприбавить, посудить дела монастырские, то таких следует отсека́ть от себя. Авва Исаак Сирин говорит, что таким нужно сказать: «Я имею узаконенное правило, и если не исполню его, то происходит у меня смущение, поэтому прошу тебя, отче, так как наступил час моего правила, потруди́сь со мною немного». И если он захочет уйти, то удержи его и принуди, чтобы он стоял с тобою, и тогда продли свое правило вдвое и втрое обычного, и он в другой раз уже не беспокоит тебя.

— За трапезой нужно кушать столько, чтобы, вставая, можно было молиться, потому что от многой пищи помрачается ум, приходит нерадение и не может молиться человек внимательной молитвой. От многой пищи усиливается плотская брань. А вино, в случае телесной немощи, взрослому можно пить два или три стаканчика в день. В дороге или когда человек исполняет тяжелую работу, можно насыщаться, а когда находится в своем безмолвии, то надо воздерживаться.

— От молитвы приходит плач, умиление и другие добродетели. Святые отцы молитву распре-

деляют так: во-первых, славословие, во-вторых, благодарение, в-третьих, исповедание, в-четвертых, прошение. Я говорю три раза: «Слава Тебе, непостижимый, всемогущий, благий Создателю всего!» Потом благодарю Его, говоря: «Благодарю Тя, Боже мой, о всех благодеяниях, яже явил ми еси от юности моей и даже до сего часа, яже вем и яже не вем» и прочее подобное, три раза. Далее исповедуюсь Ему, но уже больше и чаще: «Прогневах Тя, Благий Господи, всеми моими грехами» и прочее. Затем прошу о помощи, о милости, об укреплении в подвигах и против вражеских искушений, более же о милости.

— Молитва Иисусова заменяет все правила и молитвы.

— Авва Макарий Великий говорил: «Если бы кто жил от Адама до последнего дня и проходил бы самые высокие подвиги, как великий Антоний и прочие святые, то и тогда почти ничего не сделал бы достойного той славы, какая ожидает нас в бесконечном Царстве славы».

— Если бы мы жили шестьдесят лет и более в этом мире в самых строгих подвигах, то все это ничего не значило бы в сравнении с блаженством. Мир этот все равно как одно мгновение — будущий же не имеет конца. Апостол Павел говорил, что Господь по благодати нас спасает, а не от дел; но в делании заповедей мы потому должны находиться, что *вера без дел мертва есть*¹ и дела добродетельные оживляют ее. Господь хочет, чтобы мы разлучались с грехом, и Он готов нам содействовать Своей благодатной помощью.

¹ Иак. 2, 20.

— Заповеди для того нам даны, чтобы мы отсекали грех. Например: девство — великая добродетель, а блуд — грех; но если мы не будем подвизаться, воздерживаться, молиться и прочее, то грех нас победит, и мы впадем в блуд. То же: гордость есть величайший грех, а смирение — величайшая добродетель; но если мы не будем подвизаться, то мы и не достигнем смирения, равно как и прочих добродетелей, и не избежим греха. Для этого и даны нам святые заповеди, чтобы подвизались победить грех.

— Любовь нужно иметь ко всем братьям, любить должно и уничижающих, и досаждающих и отнюдь не держать злобу на них.

— Некто из святых отцов, учитель монашествующих, так говорит: «Один час молиться умом, потом другой час читать отеческие книги: „Добротолюбие“, Отчник, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и других о трезвении ума, ибо чтением отеческих книг человек как бы принимает крепость; а после того заниматься сердечной молитвой и пребывать в ней как можно больше. От нее и плод: плач, умиление, смирение, любовь и прочие добродетели».

— Святые отцы определяют за первый час столько-то четок, за другие богослужения — столько-то; вот и можно, заметив, во сколько времени совершится это, определить себе эти часы и заниматься молитвой умно-сердечной. Новоначальный может держать и четки в руках, потому что они как-то будят его, а без них на него нападет леность или сонливость.

— Даров от Бога не ищите и не просите. Он знает, когда и что дать. Благодать Святого Духа Господь

и ныне некоторым при жизни дает, другим — при смерти, а иным — после смерти: мы только должны крепко держаться молитвы. Те, которые трудятся и ничего не получают, пусть не сомневаются и не изнемогают; получают они воздаяние за посильный труд свой. Кто ищет от Бога даров, на того нисходит гнев Божий!

— Чтобы сердцу открыться, нужны годы. Перемены бывают постоянно; приходит час скорбный — потерпим, зная, что придет и утешительный.

— Если человек во время молитвы увидит свет или другое что-нибудь подобное, да не обращает на это внимание, ибо враг преобразуется и в ангела света, и больше еще!

От самоуглубления и постоянного пребывания в сердечной молитве старец всегда держал голову согбенно, так что подбородок его упирался в грудь, и даже при разговоре он не менял такого положения. Редко когда, при каком-нибудь сильном слове речи он, как бы испытывая, поняли ли мы сказанное, или при вопросе, которым иногда заканчивал свою речь, кротко поднимал голову.

В 1871 году мне пришлось посетить старца Григория с одним близко знакомым мне мирянином. У него, по семейному его положению, были особые вопросы к старцу, на которые он получил такие ответы:

— Болезнь попускается нам иногда за грехи, а иногда по благодати Божией, дабы чрез нее стяжать нам вечное блаженство. Строго внимайте, чтобы не принять какого-нибудь прилога вражеского; враг постоянно старается влагать в наш ум

помыслы о каком-либо незаконном деле, например, при виде чужой красоты и подобное, потому что Господь осуждает и самые вожделения, говоря: *«Всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцах своем»*¹.

— Если кто скажет себе: «Я молод, исполню все свои желания и похоти, а покаюсь после», и таким образом согрешает, то такого Господь не сподобит покаяния и пресечет жизнь его.

— Крепко берегитесь отчаяния; если бы случилось впасть в какой-либо грех, даже и смертный, — и тогда тотчас прибегайте к Богу с покаянием и исповедуйтесь немедленно с упованием на милость Божию. Такому человеку, если он падает, Господь дает покаяние и примет оное.

— Человек, если будет исполнять все добродетели, а смирения не будет иметь, то потеряет их. Господь хочет, чтобы мы и добродетели совершали, и смиренными были; а если кто творит добродетели и превозносится ими, то за одно это превозношение теряет награду за них. Апостол Павел говорит, что Господь *туне* спасает², но мы должны сохранять евангельские заповеди, в случающихся согрешениях всегда каяться, сокрушаться и плакать, и тогда спасает нас Господь, но в дар, а не по долгу. Если кто заповеди не исполняет, то и Господь его не спасает; а также если он и в согрешениях своих не кается, то тоже не удостоится помилования.

— Господь хочет, чтобы мы были чисты. Что бы вы ни делали в этом мире, все суета, но что вы

¹ Мф. 5, 28.

² См.: Рим. 3, 24.

теперь трудитесь, путешествуя по святым местам, это с вами пребудет навеки!

— Если монах, живущий в пустыне, проводит время свое в подвигах по Богу и в то же время имеет большие нужды вещественные, но найдется такой благодетель, который бы помогал ему и не допускал из-за вещественного приобретения отвлекаться от богомыслия и подвигов, то Господь разделяет труды пустынноика, отдавая половину их благодетелю. Кто раздает милостыню да мудрствует так, что он раздает из даров Божиих, тот паче бывает благодетельствуем сам, нежели благодетельствуемый от него.

Из другой беседы со старцем:

— Смирение так нужно при прочих добродетелях, как известь при кладке дома: одни камни развалятся, а с известью крепко стоят. Камни — добродетели, а известь — смирение, крыша же — любовь. Не думали бы мы, что Господь спасает нас за наши посты, поклоны, бдения и прочее — нет, Господь спасает нас по благодати Своей.

— В безмолвии на келлии нужно иметь малое рукоделие, так как при рукоделии собирается ум у новоначальных; но это допускается только по немощи или же по неутвержденности; большинство святых отцов не одобряют это и отрицают, находя лучшим и высшим пребывать без рукоделия, вне всякого попечения. Один авва сказал: «Не знаю, как это люди, поступающие на безмолвие, могут упражняться в рукоделии день и ночь? Я только схожу с кувшином за водой, и недалеко, и никого в это время не вижу, но и то смущается мой ум, и я, возвратясь в келлию, не могу пред-

стать пред Богом в том помысле, в каком молился до сего».

— Преподобный Давид Солунский говорит: «Живущему в пустыне должно оградить себя двумя добродетелями — смирением и воздержанием. Воздержание состоит в том, чтобы не насыщаться, потому что если насытишься, то помрачается ум, и не можешь ни читать, ни молиться, ни вместить духовного разумения. Лучше разделить кушанье на два раза, что мог кушать в один раз, и есть два раза в день, не насыщаясь, нежели есть однажды и досыта».

— В Отечнике говорится, что иные не ели по два дня, иные [ели] раз в день, отцы же советовали так: тем, кои постятся два и три дня, есть через день; а кто кушает через день, тому каждый день, но каждому из них так, чтобы не насыщаться.

Мы спросили старца, как предстоять чистой молитвой пред Богом. Старец хотел сказать о правиле, но спросил: «Сколько при тебе человек?» Я сказал, что четыре. Тогда старец ответил: «Во множестве это невозможно. Надо жить одному и подвизаться, да и тогда достигают этого годами. Можно жить с учениками, но выходить к ним один только или два дня в неделю для беседы, а в прочее время пребывать в безмолвии и не выходить даже на трапезу. Таким образом можно еще преуспевать».

В отношении приема посетителей сказал:

— У аввы Исаака Сирина был духовный брат, к которому он ходил. У него двери постоянно были закрыты, и принимал он к себе только тех, кто приходил через два месяца или реже, и только

ходивших за назидаaniem. А если кто приходил для того, чтобы только провести время, он таких не пускал. Ибо добродетельный человек никогда не имеет праздного времени, но или читает, или молится, или рукоделием занимается, или отдыхает — одним словом, во всякое время праздным не бывает.

В отношении искушений и страхований старец говорил:

— Да, бесы часто приходят, шумят, кричат, чего только не делают. Подходят даже к двери и, стучась, говорят: «Диевхон» (молитвами), а всей молитвы не говорят. Но и тогда я ни на что не обращаю внимания.

— Мне вот не хочется нести искушения от людей, и я думал было пойти в пустыню, а тут вот какие козни дьявола.

На это старец сказал: «Чтобы жить в пустыне, надобно глубокое смирение и воздержание иметь — это не допускает бесов делать пакости. Притом, если что и случится, выше сил Господь не попускает. Кратко сказать: что бы бес ни строил, не обращать никакого внимания».

В отношении оскорбляющих старец говорил: «Любить, любить надо врагов своих, поносящих, оскорбляющих, клеветующих и зло творящих; терпеть от них все и опять любить их. Потому что имеем заповедь любить ближнего. Молясь, мы просим Господа: *„И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем!“*»

При этом старец рассказал пример о себе: «Один мирской гневный человек поступил было ко мне в чаянии обуздать свой нрав и послужить Господу в монашестве. Жил он два месяца, но и одного

дня не мог воздержаться от гнева, какого я еще не видал нигде. Сколько я его ни убеждал, сколько ни терпел, — собрат мой нисколько не исправлялся. Всякий день укорял меня, называя и скотом, и ослом, и мулом, и другими бранными словами, какими только ему вздумается. Я всегда отвечал: „Точно так, брат, такой я!“ Но он этим не успокаивался, еще хуже злословил и запальчиво говорил: „В твою бороду молиться только надо!“ — „Так, брате“, — отвечал я. Такое и подобное происходило два месяца, и я, не видя, чтобы он сколько-нибудь исправился, наконец сказал ему: „Брате, ты не можешь со мной жить“. — „Отчего?“ — спросил он. „Оттого что ты в эти два месяца воздержался ли хоть сколько-нибудь от гнева? Сколько я говорил тебе, как поступать, но ты не внимаешь!“ Мирянин крепко осердился за эти слова, забрал все, что только было в калибке у меня, и хотел уходить. Я ему сказал: „Зачем же ты обижаешь меня? Ведь ты ничего не принес, и это не твое“. Но он и слушать не хотел и ушел. Конечно, я мог бы удержать его, мог бы пойти с ним в Лавру и посадить в пирг¹, но помнил евангельское слово: „Аще кто хочет взять твою одежду, отдай ему и рубашку“² и: „Остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим“³, — и простил его в душе, и только вслед ему посмотрел, как он пошел, пожалев о его жалком устроении. Бедняжка недалеко отошел, упал на дороге и взбесновался. Три месяца бес мучил его. В каком-то монастыре читали над ним

¹ Пирг — башня. — *Примеч. ред.*

² Ср.: Лк. 6, 29. Мф. 5, 40.

³ Мф. 6, 12. Ср.: Лк. 11, 4.

Евангелие, и он получил исцеление. Потом ко мне приходил просить прощения и принес десять левов. Я сказал ему: „Я и без них тебя прощаю, но смотри: как пред Богом оправдаешься?“ С тем он и ушел».

Когда рассказывали о скорбных обстоятельствах моего знакомого, старец говорил: «По немощи обратиться к докторам и послушаться их можно, но лучше предаться Богу всецело, как Ему угодно будет, и в то же время милостынями и разными добродетелями служить Ему. Если жена умрет, то не надо печалиться, потому что смерть все равно неизбежна, но для нее, следовательно, Господь приготовил именно это время. Может быть, Господь нашел ее в таком состоянии, что если она умрет теперь, то спасена будет. Пишут святые отцы: и смерть временами бывает нам полезна; не смутиться только, а предаться воле Божией».

Родители отца Григория были очень богаты. Оставшийся после них родной брат [его] был однажды наказан от Господа за грехи корыстолюбия и лихоимства. Старец писал брату, прося его прислать хоть некую часть из принадлежащего ему, так как, не имея никакого рукоделия, крайне во всем нуждался. Но тот не внял просьбе брата своего, хотя он и увещевал его оставить грех сребролюбия. Тогда Господь посетил его наказанием: воры ограбили у него магазин и все имущество, причем жена его осталась калекой. Когда брат писал отцу Григорию о случившемся, то старец ответил ему предупреждением: «Так Господь вразумил тебя, а если не оставишь свою страсть, то Он и вовсе прекратит жизнь твою».

Преклонность лет и всегдашнее подвижничество наконец уложили старца на одр болезни. Не имея при себе ни сожителя, ни послушника, он не мог известить о своей болезни в молдавский скит. Случайно зашел к нему пустынник отец Каллист, живший недалеко от него, и, узнав о его положении, стал часто навещать его. Старец все изнемогал и в одиночестве так и отдал свою душу Господу. Похоронили его при его калибке. Преставился старец отец Григорий в 1873 году.

Старец отец Афанасий

За молдавским скитом на месте, называемом Вигла, в бедной калибке жил старец отец Афанасий, из молдаван, муж зрелый в духовном делании. В конце XVIII и начале XIX столетий на этом месте подвизался старец-молдаванин отец Георгий, ученый и типограф. Во время греческого восстания отец Георгий выехал в Морею. Там митрополит, познав его высокую жизнь, принудил его принять рукоположение. Побыв там год, отец Георгий поехал в Валахию, где остановился при монастыре Черника, в уединенном месте. Там и скончался он, постоянно помышлявший возвратиться на Святую Гору, но так и не исполнив своего желания по случаю наводнения Афона турками.

По приезде отца Георгия в Чернику пришел к нему юноша Афанасий, услышавший о высокой его жизни, и остался при нем, желая подражать его подвигам. До этого Афанасий жил в Нямецком монастыре, поступив туда еще мальчиком. Со старцем отцом Георгием он жил восемь лет

и после смерти старца отправился отыскивать родного своего брата, в монашестве Нектария, которого нашел, и вместе с ним приехал на Святую Гору в 1840 году. Здесь прожили они только год, в Ксенофонтском скиту, по причине молодости брата. Через год отправились в Иерусалим и оттуда в Молдавию. Как скоро отросла борода у Нектария, то они оба прибыли снова на Афон, и старец Афанасий поселился на Вигле, где жил почивший его старец отец Георгий.

Отец Георгий был руководим в умном делании одним из ближайших учеников старца Паисия Величковского, соименным ему Георгием, под руководством которого он так преуспевал, что от него, как из источника, напоялись все занимавшиеся этим деланием. Отец Афанасий рассказывал о своем старце: «От многого плача у него отпали ресницы у глаз. При смерти его я горько плакал от разлуки с таким старцем, но он утешил меня и сказал, что только один год буду жить один. Так и было: через год я нашел моего брата отца Нектария, и вместе поехали на Афон».

Вспоминая о старце Паисии Величковском, старец Афанасий рассказал: «Я застал в живых древнейшего старца, ученика Паисия. Вы можете понять, кто был великий этот Паисий, из события, бывшего с этим учеником его: он был муж зрелый, духовный; сидел он однажды на кровати в духовном размышлении и вот видит: поставился престол, его окружило множество бесов, а другие бесы с торжеством привели сатану, который вошел на престол. К сатане приходили бесы по одному с докладами, и он их расспрашивал: „Ты

где был?“ Первый явившийся бес отвечал: „Я был у такого-то монаха, безмолвствующего за монастырем (Нямец), и не мог подойти к нему, потому что, как только хочу подойти, он упадет на землю, и от него исходит огонь, который и опалает меня“. Сатана велел бить его, как и других, не преуспевших в своих кознях. Так били пять или шесть бесов. Затем захохотал сильно сатана и сказал: „О! Мешают мне эти трефолои (книги о духовном делании, переведенные старцем Паисием), но придет время, когда их не будет и все сделается по моей воле!“ Вот, — добавил отец Афанасий, — и пришло это время, ибо библиотека, столь знаменитая, вся сгорела в Нямце; оставшиеся книги о духовном делании никто теперь не читает».

*Из записок отца Пантелеимона
о посещении старца*

Когда в первый раз мы пришли к старцу Афанасию, имея проводником скитского старца, увидели мы издали, что отец Афанасий работает на своем винограднике. Как только он нас заметил, бросил то, что делал, и поспешно пошел по направлению к своей калибке. Спутник наш, знавший старца, поспешил за ним, громко крича: «Отче Афанасие!» Но тот без оглядки так быстро уходил, будто кем-то преследуемый. Мы свернули с тропинки и зашли на пути к калибке на скат скалы, а проводника послали догнать и спросить старца, примет ли он нас. Тот погнался за старцем, звал его, но старец не остановился.

Долго стучались мы в дверь его калибки, так что я уговаривал уже проводника перестать, но он,

зная старца, продолжал стучаться крепче и крепче. Наконец старец отворил дверь и вышел и с любовью принял нас, извиняясь, что он глух и не слышал, что мы стучались. Вспомнив о месте, на котором он поселился, сказал:

— [Если] вы посещаете пустынников и те места, где жили древние святые отцы, то вы получите воздаяние больше нас, здесь живущих. А мы, ока-
янные, живем здесь и, проводя дни в лени и не-
радении, заслужим сугубое осуждение.

— В искушениях нужно молиться, чтобы Господь помог понести их¹.

— Святые отцы пишут, что лучше есть и пить все и осуждать себя, нежели не есть и увлекаться гор-
достью. Святой Василий Великий одобряет тех,
кто поддерживает тело умеренностью: это нужно
в поддержку души для подвигов, а без того она из-
неможет; но только с рассуждением.

— Кушать не беда, но рассуждение нужно. Точ-
но, без умеренности ум омрачается, но, покусав,
укоряет себя, что наелся, как скот, и кается пред
Богом, — а это приятно Богу. Но если кто, хотя бы
в пустыне жил, и постился, и молился, а будет меч-
тать, что делает хорошо (бес хвалит его в сердце),
то он остается с одним высокоумием; а тот, ядущий
и укоряющий себя, приближается к Богу покаян-
ными чувствами.

— Святые отцы новоначальным повелевают
жить в общежитии и там побеждать страсти, а по-
том уже поселяться в уединении. Память смерт-
ная и рассуждение с молитвою просвещают чело-

¹ Здесь и далее (до с. 106 вкл.) идут отдельные ответы стар-
ца о. Афанасия из беседы с посетителями. — *Примеч. ред.*

века; так свет открывается в уме его, и он без вреда проходит искушения — этот свет показывает ему дорогу.

— На келлии жить хорошо. Знаете писания, но при этом необходимо держать и молитву, ибо нет другого столь сильного и верного орудия против врагов ни на небе, ни на земле, как молитва Иисусова. Надо всегда творить эту молитву, пока она найдет себе место, а найдет, когда обретет уготованное вместилище (сердце) очищенным от страстей. Сердце же очищается посредством молитвы. Молитва, действующая постоянно, восполняет недостатки, неисполнение правила и другие деятельные подвиги.

— Безмолвие, если захотите, можете найти в вашем месте, где живете. Если вас трое или четверо, наверное, все вы единомысленные, иначе вы не стали бы друг друга держаться, следовательно, безмолвствовать можете. Тайну свою нельзя раскрывать кому-нибудь, а только духовно опытному, понимающему это дело старцу, потому что есть такие, которые осуждают и хулят безмолвствующих. Вот, например, в Ксиропотамский монастырь поступил некто, сделал вклад; его включили в число проэстосов (соборных старцев), и он жил несколько лет; потом, узнав о пустынных и видя, как живут в штатном монастыре, пожелал удалиться на безмолвие и пришел в Кавсокаливитский скит к старцу Иерофею, но, прожив год, стеснился пустынной жизнью и возвратился в Ксиропотам, где старший проэстос заметил ему: «Живи-ка в монастыре; куда пошел ты? В пустыню! Это только молдаване да русские ищут какой-то умной

Монастырь Ксиропотам

молитвы и сходят с ума. Туда идут люди потерянные и негодные». Вот, — добавил старец, — какое понятие о пустынниках вообще и о духовной жизни у некоторых. Нельзя же всякому открывать свою тайну. Святой Исаак Сирин пишет: «Не каждому вверяй тайну свою, но единомысленным и духовному делателю».

— И святые отцы читали, пока получили благодать в молитве; а получив, оставили чтение. Весьма хорошо и по временам ходить по тем местам, где жили святые: преподобный Афанасий, преподобный Максим, преподобный Нил и многие другие, — это может послужить в большое назидание и утверждение души. Ибо на этих местах невольно родятся такие мысли: вот здесь

жил такой-то отец, а я, окаянный, живу как? Таким самоукорением и молитвою к святым душа умиляется и укрепляется. Память смертную и суд Божий нужно иметь постоянно, в особенности при совершении молитвы.

— Ученика, если бы нужно было, дали бы из скита, но я нахожу лучшим быть одному. А когда по болезни трудно, приходит брат, отец Нектарий, и помогает. Прежние святые отцы жили с другими, и теперь люди сильные имеют учеников при себе и руководят; а мы, немощные, не можем терпеть сего, живем одиноко, ибо одному все как-то легче вспоминать о своих грехах. Сильные могут наставлять и других; они и воздаяние получают больше. Вот в Киеве много в пещерах святых отцов, но преподобные Антоний и Феодосий славу имеют большую — они великие!

— А преподобный Нил Сорский — как хорошо он изображает безмолвие!

— Не скорбите о беспокойстве от братии. Если они хотят посоветоваться с вами и вы им что скажете, то это не разоряет безмолвия, — любовь к братии вменяется в безмолвие. Оно ведь многих видов: иной целый день говорит, но все идет на пользу; а другой скажет одно слово, и оно оскорбит брата.

При прощании мы спросили старца, можно ли прийти к нему в другой раз, не стеснится ли он этим. Старец отвечал: «Мы привыкли не внешнюю дверь запирать, а двери от входа страстей».

Зная по слухам, что старец имеет бороду до земли, мы хотели просить его, чтобы он показал ее нам; но боялись, как бы не оскорбить его, и потому заранее просили, чтобы он простил нашу

дерзость. Старец удивился и обещался простить. Мы тогда просили развязать бороду и показать ее нам. Старец отстегнул подрясник, развязал бороду, которой опоясывался и отпустил. Борода не доставала до ступней ног, но четыре волоска ее лежали на земле. Сделав это, старец заметил нам, что такое наше любопытство — праздное и напрасное: волос — пустая вещь, длинен ли, короток ли, ничего не прибавляет к спасению, для которого нужны не волосы, долженствующие истлеть в могиле, а дела богоугодные.

Осенью, в октябре 1873 года, старец отец Афанасий почувствовал сильный упадок сил, оставил калибку и, придя в скит, слег в больницу. Немного дней спустя, 23 октября, он мирно преставился ко Господу.

Неизвестный пещерник *Из записок отца Денасия*

Рассказывал ктитор молдавского скита отец Нифонт. «Сей раб Божий жил в пещере недалеко от пещеры преподобного Петра Афонского. Сколько лет он жил там и как его имя — никому не известно.

Жизнь его была в совершенном нестяжании — он ничего не имел ни на себе, ни в пещере; ходил босой, без шапки и только лишь был покрыт самым ветхим, негодным рубищем.

Однажды два монаха из молдавского скита, проходя в тех местах, сбились с тропинки и попали в пещеру этого пустытника. Он держал в руках маленькую Псалтирь, которую постоянно читал

при упражнении в умном делании. В разговоре с пришедшими монахами он высказался, что боится быть осужденным в будущем за вешелюбие, ибо не отрешился еще всего земного и имеет эту Псалтирь, потому и просил их взять у него ее.

Предвидя свою смерть, он пришел к отцу Нифонту, тогда жившему в пещере близ пещеры преподобного Афанасия на Вигле, и попросил отслужить литургию и причастить его Святых Таин, говоря: „Конец мой приближается“.

Отец Нифонт изъявил согласие и отправился с ним в церковь святого Иоанна Предтечи, где отслужил литургию и причастил его. Когда пустынник прикладывался к иконам перед причащением, он все плакал. По окончании службы отец Нифонт предлагал ему разделить с ним трапезу, но тот отказался, поблагодарил его за внимание и, попросив святых молитв, пошел в путь. Не дойдя до своей пещеры, он тут же на пути и скончался. От роду ему было всего лет сорок – сорок пять. Это случилось в 1855 году».

Старец отец Герман

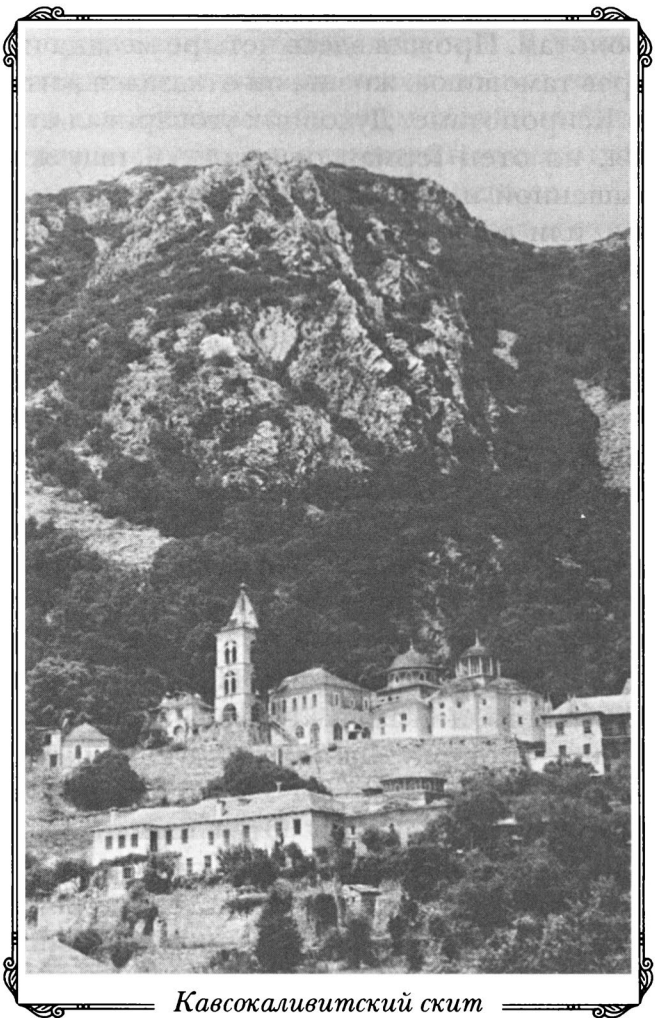
В пустыне Кукузеловой, Хаир, жил старец отец Герман. Мирское имя его было Георгий, но как он проводил жизнь в мире, мы не знаем. Известно только, что первоначально он поступил в монастырь Косфеницы, где принял постриг и прожил десять лет. По окончании греческого восстания он отправился на Афон и пришел к прежде него приехавшему из Косфениц своему духовнику, который поселился в монастыре

Ксиропотам. Прожив здесь четыре месяца и рассмотрев тамошнюю жизнь, он отказался жить более в Ксиропотаме. Духовник уговаривал его остаться, но отец Герман отвечал: «Я ищу жизни возвышенной и приехал поступить или в общежитие, или в пустыню, а тут — идиоритм¹. Если жить так, то лучше возвратиться в Косфеницы». После этого он оставил духовника и пошел по Святой Горе.

Придя в Кавсокаливитский скит и узнав о старцах, он пошел к старцу отцу Даниилу хромому, жившему в келлии святых архангелов. Тот спросил его: «Для чего ты пришел ко мне?» — «Дать тебе немного милостыни», — отвечал отец Герман и дал ему сто монет. Это было на третий день Пасхи, и у старца Даниила нечего было кушать. Он поблагодарил, а отец Герман расспросил старца обо всем, что его волновало. Потом пошел к духовнику скита и сказал: «Благослови, отче, мне поступить к старцу Даниилу». Духовник, испытывая его, сказал: «Что ты! У него и есть нечего, и притом он и больной!» Отец Герман отвечал: «Это ничего, что есть нечего, но он духовный старец, и я ищу себе старца не для хлеба, а для души руководителя». — «Когда так, — сказал духовник, — иди, Бог благословит!»

Отец Герман пошел, пал к ногам старца и, получив его согласие, прожил с ним четырнадцать

¹ Идиоритм (греч. *ιδιόριθμος*) — особый вид греческих монастырей, в которых монахи могут владеть личной собственностью. Общее здесь только жилище и богослужение, во всем остальном каждый монах живет по своему личному усмотрению. — *Примеч. ред.*

Кавсокаливитский скит

лет, приняв от него схиму. Через два года старец Даниил ослеп.

Когда отец Герман поступил к старцу, тот наполнил торбу лимонами и послал его в Лавру, чтобы взамен них взять сухарей. Принесенных сухарей достаточно было для них на шесть недель. Потом

взял в скиту одну оку¹ рису, и им достало его на долгое время. Масло употребляли они только для лампад в церкви.

Старец отец Даниил, кроме слепоты, сильно страдал ногами, так что только летом, и то держась за жерди, мог ходить. Отец Герман во всем служил ему с самоотвержением. Старец Даниил был духовный муж — строго хранил монашескую жизнь, не уклоняясь ни направо, ни налево; имел молитву, так что и во сне она в нем действовала. Во всю жизнь на Святой Горе он соблюдал среды и пятницы, постясь, хотя бы то был и Господский праздник; но это последнее, говорил отец Герман, он потому делал, что был неграмотен и по простоте своей он поступал так. Однажды он услышал читаемое в церкви, что умер некий монах, и было открыто одному святому мужу, что тело его провожают три ангела. Тот святой муж спросил их: «Почему три ангела провожают? Знаю, что один ангел-хранитель, а другие два?» Ангелы ответили на это: «Этот монах соблюдал всю жизнь среды и пятницы, и потому мы посланы от Бога отдать честь его телу при погребении и представить душу его ко Господу во славе». Услышав это, старец Даниил решил с того времени делать то же. И хотя он был неграмотный, но если что раз услышал, то непременно начинал исполнять и с такою решимостью брался за дело, что никогда не оставлял неоконченным того, на что решился. На Афоне он жил более пятидесяти лет, а скончался лет восьмидесяти.

¹ Ока́ — мера веса, равная приблизительно 1280 граммам. — *Примеч. ред.*

По кончине старца Даниила отец Герман жил еще на Кавсокаливии лет двадцать, а потом переселился на Хаир, где жил до смерти.

Удивительны также жизнь и подвиги духовных отцов отца Даниила. Его старцем был отец Давид, Давида — отец Христофор. Старец отец Давид был слепой; на бдения и на литургии в соборную церковь его водил ученик, но при слепоте телесной отец Давид прозревал будущее: за три дня предсказал он свою смерть. Это было в Великий Четверток; приобщившись Святых Таин, старец сказал: «С воскресением Христа я отоюду ко Господу, но прежде скушаю красное яйцо и тогда пойду!» Это и сбылось. В день Пасхи после литургии, вернувшись в свою келлию, он попросил яйцо и сказал: «Простите», — и отдал дух свой Господу. На вечерне при пасхальных песнопениях погребли его.

Старцем сего отца Давида был Христофор, духовник, который в простоте работал Господу. Он был так прост, что однажды, будучи еще учеником, слышав, как сорок мучеников замерзли в озере, хотел и сам тоже замерзнуть, и для этого задумал зимою влезть в цистерну с водой, но, как истинный ученик, прежде сказал об этом своему старцу. Тот побранил его. Молчание отца Христофора было неокрадомое. На Афоне прожил он более шестидесяти лет.

Из записок отца Пантелеимона

Когда мы пришли к старцу отцу Герману, то застали его больным, но в обильном благодатном посещении. Время было позднее, а потому мы торопились.

— Простудился я, — говорил старец, — и у меня сильно заболели зубы, не давали мне покоя. Имея же такую Попечительницу, Царицу Небесную, Которая дала обещание преподобному Петру, что будет Промыслительницей и Питательницей и восполнять недостатки живущих здесь, я пошел на то место, где жил преподобный Петр, и помазал лицо свое крестообразно маслом из лампады перед иконой Божией Матери. Нельзя, — продолжал старец, — чтобы, живя в пустыне, не видеть какого искушения; нужно только терпение — этим Господь устрояет наше спасение.

— Ты, отче, привык к терпению, — говорили мы, — а мы малодушны и вовсе не можем терпеть; какой нам предстоит труд, чтобы прийти в такое устройство?

— Ничего, понемногу можно привыкнуть. Сразу за большие дела не нужно браться, а начинать с маленьких. Преподобный Антоний во всю жизнь не ел с маслом, не пил вина, но закона этого никому не положил. А об искушениях скажу: должно только иметь мытареву молитву — для нас нужно только смирение; при прочих добродетелях можно упасть, смирение же не падает.

— Здесь, на этом самом месте, в калибке жил старец из молдаван по имени Герасим, скончавшийся около 1820 года. Ему однажды во сне явились три старца и сказали: «Мы трое живем здесь недалеко; не беспокой нас и скажи, чтобы и другие не тревожили нас». Старец сказал о видении духовнику. Духовником был тогда известный старец Неофит Караманлис, постоянно ходивший по пустыням для исповеди и причащения отшельников. Отец

Неофит задумал поискать мощи этих трех явившихся его духовному чаду старцев. Излазил он все пещеры, а там их множество, раскидывал камни, но ничего не нашел. Через некоторое время они явили себя тому же старцу таким образом: проходя по пустыне мимо одного места по дорожке к преподобному Нилу, он всегда ощущал благоухание; а в то время, когда угодники Божии восхотели явить себя ему, он ощутил такое сильное благоухание, что невольно остановился; это было как бы целое облако, объяввшее его со всех сторон. Тут явилось у него желание узнать, откуда оно исходит, и пошел он искать. Долго ходил кругом, пока не остановился около бизули¹, где ему показалось, [что] благоухание было самое сильное. Помолясь, он взял из бизули камень, потом другой, третий и увидал за ними пустоту; он стал дальше разбирать, и за бизулей оказалась пещера. Когда же он открыл настолько, что мог уже влезть в нее, услышал голос: «Не беспокой нас! Нас трое, здесь жили и погребены, и хотим, чтобы никто нас не тревожил». Старец закрыл вход в пещеру и ушел. После только его ученик Иларион знал это место.

Еще отец Герман рассказывал: «Преподобный Акакий Новый, Кавсокаливит, имел великую любовь к преподобному Максиму и во всяком помысле прибегал в молитве к нему. Много раз являлся преподобный Максим ему за его веру и любовь. Однажды увидел он преподобного Максима со многими последующими ему, которые были в белых ризах, только одни схимы на них были обычные. Преподобный Акакий спросил: „Кто

¹ Бизуля — каменная стена, ограда. — *Примеч. ред.*

это, последующие за тобой?“ Преподобный Максим отвечал: „Это жившие в пустыне здешней, которых я при жизни наставлял, и они следовали моему учению“. Вот как было, — продолжал отец Герман, — но и теперь так же, и теперь есть такие, которых никто не знает. Они хотя и живут подобно другим, но только никто не знает высоты духовного их устроения, подобно как не знали во время жизни преподобного Максима, которого все считали за прельщенного, и не год, не два, а целых пятьдесят лет, пока не открыл его преподобный Григорий Синаит».

Отец Герман воскликнул: «Сколько разваленных калибок находим здесь, сколько пещер, в которых, видно, жили и спасались преподобные отцы! Вот дня два назад один брат нашел пониже моей калибы, к морю, маленькую калибочку, разваленную уже, но на таком месте, что не знаю, как там жил кто, а жил несомненно; ведь сколько лет существует моя калибка и жили в ней, а никто не нашел этой калибочки. Поэтому пустыни эти наполнены святыми мощами, но они остаются неявленными. Духовник отец Неофит Караманлис сколько искал их тут и не находил, потому что почившие святые не хотят быть обнаруженными».

Коснувшись прежних подвижников, старец говорил от себя и слышанное от своего старца, отца Даниила: «Прежде в Кавсокаливитском скиту были достопочтенные старцы, подобно древним великим отцам, пред которыми мы, вся братия скитская, проходили с большим благоговением. Старцы как столпы неподвижно стояли на бдениях с вечера до утра, не оглядываясь в стороны.

Все они были молчаливы, праздное слово у них не существовало, даже и о нужном говорили мало, и то — только когда нужно было. Жизнь духовную хранили опасно¹. Среди них сиял особенной святостью старец отец Авксентий: между старцами он был как светило. Жил он на келлии святого Георгия, из всего имея только один глиняный горшок, в котором он варил для себя травы, собирая их по пустыне, и только одно это и кушал. Иной раз употреблял еще хлеб, но ничего более. Около шестидесяти лет жил он в скиту; по смерти его остался ученик Неофит Караманлис, духовник, который скончался в 1860 году, более ста лет от роду».

Вспомнив еще об одном подвижнике, отец Герман рассказал следующее: «Ученик старца Киприана, Гавриил, был большой умелец: мог всякое дело делать, поэтому скитские братия обращались к нему во всем: сломается ли что, испортятся ли хотя бы часы, — отец Гавриил никогда не отказывался послужить в любви к ближнему. Так как питался он от рукоделия, то нельзя было не награждать трудов его, и братия просили его брать что следует. Тогда отец Гавриил, рассчитав день, во сколько времени он сделал вещь и сколько причиталось бы за это же время получаемого им со своего рукоделия (делал он ложки и четки), столько и брал у тех, кто просил его взять, и больше ни парички². Так он хранил свою совесть.

¹ Опасно (церк.-слав.) — осторожно, осмотрительно, тщательно. — *Примеч. ред.*

² Ни парички — то есть ни капельки лишнего. — *Примеч. ред.*

Случившиеся при его кончине видели, что старец улыбается и лицо его просветлело, но не догадались спросить его, что он видит. Они побежали к старцу отцу Никифору, который обрел мощи преподобного Нила в 1815 году, и сказали ему об этом. Никифор же им сказал: „Бегите скорее и расспросите, что он видит?!“ — но душа старца уже отлетела ко Господу. Там был и старец Даниил, который рассказал все это. После старца отца Гавриила в келлии святого Иоанна Богослова остался ученик его, отец Герасим, скончавшийся около 1865 года, имея более ста лет от роду».

Зимою с 1869 на 1870 год старец отец Герман был занесен снегом и десять дней пробыл без хлеба. В том же году один мирянин, пожелавший поступить в монашество, заболел и, достигши пустыньки отца Германа, слег окончательно. Старец служил больному самоотверженно, отказывая себе почти во всем необходимом полтора года. По желанию больного старец постриг его, назвав Христофором. Выздоровев, новопостриженный стал выражать неудовольствие, будучи не в силах выносить суровой жизни старца; ему хотелось рыбы, масла и прочего, и, не видя этого, [он] оставил старца. По уходе его к старцу поступил другой ученик, именем тоже Христофор.

При нашем посещении старца отца Германа в апреле 1871 года он говорил: «Нужно терпеть и обращаться благостно с теми, кто восстает против любви к пустынникам. Матерь Божия хочет, чтобы было изобилие во всем в Ее жребии, чтобы никто ни в чем потребном не имел недостатка; потому и вы пошли по этим скалам и пещерам,

ради заповеди Христовой о любви к ближнему. А кто найдет живущих здесь по скалам, если вы не пойдете? И тот, кто является таким образом благодетелем, первый и воздаяние получит, подобно кадящему, который прежде других сам ощущает благоухание. Если же некоторые восстают против благотворения пустынножителям, то терпите: Господь воздаст за терпение и исправит это. На базар везут разное: тот — то, другой — иное, третий — свое, но все с прибылью возвращаются назад, — так и здесь. Это на вещественном базаре, а также и в душевном спасении все торгуют, кто чем и как, и все пользу примут. Терпение и благость нужны для истребления вражеского действия, когда бес действует в людях разными своими кознями, чтобы препятствовать всему благу. Благотворительные люди, которые присылают нам на нужды свои пожертвования, будут иметь воздаяние такое же, как тот старец, ходивший за водой, шаги которого считал ангел. „А для чего ты считаешь?“ — спросил старец у ангела. „Для того, чтобы за каждый шаг получил ты воздаяние“».

Спросили старца о молитве. «Нужно упражняться. Когда сердце очистится от страстей, оно делается престолом Божиим. А когда враг влагает свои внушения в сердце и они бывают приняты, то благодать оставляет человека, как пчела от дыма или от смрада. Если кто слез не имеет, то пусть имеет печаль по Бозе, болезнование сердечное; оно, при смирении, уподобляет человека мытарю, оправданному Господом, и получит он милость Божию».

«Когда в Солуни, — рассказывал старец, — во время греческого восстания посадили в темницу афонских старцев, солунский паша, не удовлетворившись прежде взятой большой суммой и вещами с афонских монастырей, требовал от заключенных проэстосов и доверенных еще огромную сумму. Заключенные говорили, что ничего у них нет. Паша настаивал. Тогда ему сказали, что только и остались на Афоне на церквах свинцовые крыши, и то только в некоторых монастырях. Паша велел заключенным [старцам] написать на Афон, чтобы оставшиеся монахи свинец этот сняли и прислали в Солунь для отлития пуль. Отцы исполнили это, но, выдав ему письмо, рассуждали между собой всю ночь, и болезновали об этом, и молились Божией Матери. Вдруг ночью приходят в тюрьму два каваса¹ и требуют к паше купца Спандали, который тоже был в заключении. Он подумал, — что и естественно было в их положении, — что зовут его на казнь, поэтому, отправляясь, просил молитв у отцов. Приходит он к паше, а тот велит ему передать афонским старцам, что свинца с церковей он не возьмет, и пусть они напишут другое письмо на Афон, чтобы никто не посмел трогать свинца на крышах. Затем паша рассказал: ему во сне явилась Матерь Божия и так устрасила его, что он теперь ни за что не решится раскрыть церкви. Когда отцы услышали от Спандали радостную весть, весьма обрадовались и благодарили Царицу Небесную за Ее великое и скорое заступление». Старец продолжал: «Вот как Матерь Божия засту-

¹ Кавас — мусульманский почетный страж, облеченный низшей полицейской властью. — *Примеч. ред.*

пается; также во времена Чама не попустила туркам: они были уже около Хиландара, явились истребить все монастыри, но монахи все постились три дня и молились, и в один день турки ушли».

Еще рассказывал старец, как его сохранила Мать Божия: «Однажды упал я с высоты лестницы и ударился боком о камень, который воткнулся и прошел внутрь, так что на палец только не дошел до сердца, и я воззвал: „Пресвятая Богородице, помоги мне!“ — и остался жив». В другой раз пришел к нему в его калибку разбойник. Пришел он совершенно нагим. Отец Герман спросил его: «Зачем пришел?» Тот отвечал: «Убить тебя!» — и кинулся на него. Они боролись полтора часа, наконец тот повалил отца Германа и начал душить его. Старец взглянул на образ Божией Матери и воззвал к Ней. Разбойник, как бы испугавшись чего, вскочил и выбежал. После этого старец по ночам стал уходить в лес. Через двое суток опять приходил разбойник — следы его остались у келлии, но больше он уже не появлялся.

Из записок отца Пантелеимона

Сохранилась заметка одного саровского монаха о посещении им отца Германа. «Направляясь от пещеры преподобного Нила к Лавре и спустившись по рассыпавшимся кускам белого и светлоголубого мрамора, одинакового свойства с уральским полевым, мы попали на тропинку, ведущую к старцу Герману. Вскоре мы увидели жилище старца, разрушившееся от ветхости и во время падения изувечившее отца Германа так сильно, что он, несмотря на истинную любовь к иноческому

терпению, просил Царицу Небесную даровать ему исцеление, обещаясь при первой возможности устроить в честь Ее малую церковь. Матерь Божия услышала молитву и желание его, и в скором времени он получил исцеление. Но построить при своей келлии храм, как он обещал, он не мог по крайнему неимению средств. Пройдя разрушившуюся калибочку старца, я увидел за нею новую, еще не обустроенную келлию. Сам же отец Герман трудился в это время со своим учеником над выделыванием оливкового масла. Увидев нас, он оставил свою работу и поспешил встретить нас глубоким поклоном. Он был среднего роста, несколько сторбленный, но его походка и осанка дышали свежестью и простотой дитяти. Одежда его была сшита и связана из нескольких суконных и холщовых лоскутков. Небольшое его лицо, осененное седыми волосами и небольшой окладистой бородой, отсвечивало неземными радостью и миром; оно было полно любви, кротости и всецелого внимания и участия к кому бы то ни было. Мне казалось, что отец Герман был очень похож на нашего великого старца отца Серафима. Первым вопросом его прозвучало, не голодны ли мы, — есть у него хорошие сухари и свежая вода! Но так как мы были сыты, то я просил его попотчевать нас чем-либо для подкрепления сил душевных. Вздыхнув, старец сказал, что такими запасами он крайне беден и что он и все христиане в сии последние времена, по указанию святых отцов, спасаются единственно благодатью Христовой, которая подает разум и силу к перенесению многих и великих искушений.

— Что на пути монашеской жизни нашли вы лучшего? — спросили мы его.

— Послушание! — отвечал он.

— Я готов верить этому, если говорить о жизни отшельнической, — продолжал я, — но когда дело коснется общежительной, то не совсем верю: мне кажется, что соперничество в состоянии монастырей увлекло предстоятелей, а за ними и все монашество в интересы и материальность, которых добиваются разными благовидными средствами, отчего, думаю, в наши времена так оскудело истинное монашество. При таком направлении иному из нас иногда приходится получать послушания, не согласуемые совестью нашей с учением Церкви. Будет ли в таком случае послушание спасительно?

— Если ты убежден, — ответил он, — что повеленное противно заповеди Божией, то что мешает тебе прежде исполнения объяснить о том начальнику?

— Мое распятие! — отвечал я.

— Но не на то ли ты вышел из мира, чтобы взять крест свой и последовать Христу?

— Но что мне делать, когда по объяснении старец не убедится и будет настаивать исполнить повеленное?

— Если оно не составляет греха смертного и ты немощен, то, по-моему, лучше делать, потому что он, а не ты будешь отвечать за то пред Богом; но если ты крепок верою, то лучше быть виновным пред начальником, чем пред Богом; лучше быть готовым понести наказание и даже выйти из монастыря, неся крест свой. Впрочем, кто в простоте

сердца и с полной верою предает себя в послушание, непрестанно моля Господа, чтоб Господь открывал руководителю-старцу волю Свою ради спасения твоего, того Господь не попустит до искушения, и начальника и подчиненного избавит от сетей лукавого».

Почил отец Герман от многих трудов своих в 1875 году. Кончина его попущением Божиим была насильственной, от рук злодеев. Однажды случилось ему быть в Кавсокаливии. Там, заметив мирян-рабочих, он стал объяснять им, что предполагает строить у себя церковку, для чего потребуются увеличить здание калибы. Рабочие, слыша это, предположили, что у отца Германа есть деньги, и решили отобрать их у него, пока тот не нанял мастеров. Пришли они в пустыньку старца и, по всей вероятности, не получив ничего, убили его. Желая скрыть злодеяние, они набрали множество сухого хвороста и, обложив калибу, в нескольких местах подожгли, а сами удалились. Но огонь погас, калиба осталась цела. Прибывший по какому-то делу знакомый старцу один пустынный нашел калибку обложенной хворостом, а отца Германа убитым. И таким образом открылось дело.

Старец отец Иоасаф

В верхней части Ниловой пустыни находится келлия святого великомученика Артемия. Здесь пятьдесят два года подвизался старец отец Иоасаф (с 1820 по 1872 гг.). Старец же его, духовник отец Корнилий, жил тут сорок лет (с 1817 по 1857 гг.).

Отец Корнилий прибыл на Афон в 1812 году, будучи сорока пяти лет от роду. Начало монашества полагал в келлии святого Предтечи на Вигле, где ныне стоит молдавский скит; но, недолго там пожив, перешел на келлию святого Артемия. Он был муж духовной и святой жизни.

Отец Корнилий рассказывал, что до пришествия турок на Святую Гору, когда около их келлии в разных местах подвизалось много пустынников, один старец как-то рано утром пошел собирать каштаны. Лаврские вордунари¹ (муларщики) в то время охотились за кабанами. При тусклом свете луны, не разглядев хорошенько, один вордунар, приняв старца за кабана, выстрелил и смертельно ранил его. Подобным же образом пострадал некто старец отец Леонтий. Будучи еще мирянином, однажды он в ссоре ударил своего противника так крепко, что тот повалился и умер. Ставшему потом монахом на Афоне, ему промыслом Божиим, чтобы совершенно смыть с себя этот грех, была попущена насильственная смерть; это случилось в 1821 году, во время восстания греков. Турецкие войска заняли весь Афон. Из Кавсокаливии почти все ушли в Лавру, чтобы здесь быть в большей безопасности не столько от турок, сколько от морских разбойников. И отец Леонтий жил в Кавсокаливии. Замешкался ли он или просто по старости лет не мог скоро уйти, только нагрянувшие разбойники, ограбив скит, заметили его, когда он удалялся, и закричали ему вслед: «Постой!».

¹ Вордунар — работник, ведающий конюшней и скотным двором. — *Примеч. ред.*

Старец не остановился. Разбойники, выстрелив, убили его.

На полчаса ходу от келлии святого Артемия находятся развалины древнего скита святого Василия. Когда в одно время прибыли на Афон многие из синайских монахов, вытесненные из своих монастырей агарянами, то они поселились в этой местности и на Катунаках. Но только многие из них вскоре умерли, будучи не в силах вынести здешнего климата, а остальные оставили Афон.

Старец отец Иоасаф, родом грек, прибыл на Афон в 1820 году и поступил в Лавру, где прожил три года. Вскоре турки наполнили всю Святую Гору. Вместе с другими отцами отец Иоасаф прислуживал туркам и, к удивлению всех, никак от них не пострадал. Затем, в 1823 году, перешел к духовнику отцу Корнилию, от которого принял пострижение. Всего на Афоне он жил пятьдесят два года и за все это время ни разу не болел. Старший ученик его, Павел, жил с ним тринадцать лет и один только год был здоров. «Чем вы содержитесь?» — спросили его. «Матерь Божия промышляет. Я, — говорил старец, — кое-когда пишу копии с рукописей, но теперь, на старости лет и по слабости зрения и этого почти не могу исполнять». Другой ученик был иеромонах Дамиан. Он делал простые ложки и носил тяжести с морского берега или от скита святой Анны. Однажды, попущением Божиим, он свалился со скалы и до того разбился, что его принесли на руках. Теперь пришлось ветхому старцу служить обоим ученикам. Смотря на их жизнь, на ветхость одежд, особенно самого старца, нельзя было не удивляться.

Перед концом жизни старец очень одряхлел не столько от лет, хотя ему было уже семьдесят, сколько от трудности и жестокости жизни, хотя ум у него был ясный. Подход к келлии старца был очень крутой, по рассыпанным кускам мрамора. Если учесть, что старец пятьдесят лет ходил в эту гору и всегда с тяжелым грузом на плечах, то становится понятно, насколько трудной была его жизнь.

Незадолго до его кончины его посетили двое русских. На вопрос их, достает ли монахам на содержание и что они делают, старец отвечал: «Какие мы работники? А вот Она — Мать — промышляет о нас», — указывая на икону Божией Матери. Посетители, желая ввести старца в беседу, заметили ему, что бывает и не так. «Нет, — продолжал он, — если кто просит у Божией Матери чего бы то ни было, но необходимого для жизни или спасительного для души, то Она, Всемиловитая, умоляет Сына Своего даровать рабу Своему просимое им, если то не послужит во вред ему или другим. Только да уклонится человек от греховной жизни и положит начало покаяния; и Господь, и Матерь Божия принимают его как раба Своего, если он припадает к Ним и умоляет Их, как в Священном Писании сказано: *„Востани, спяй (то есть от греховной жизни), и осветит тя Христос“*¹; и Господь сказал: *„Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние!“*² И на кресте Он распростер пречистые Свои руки, чтобы грешников обнять и упокоить. Как же поэтому Господь оставит Свое создание?

¹ Ср.: Еф. 5, 14.

² Мф. 9, 13.

Разве только человек от лени и нерадения о своей вечной участи за гробом презрит путь спасительный. Если же он постоянно старается об исправлении, то никак не оставит его Господь. Надобно только, чтобы человек обратился к Богу. Потому и сказано: „Грядущего ко Мне не изжгю во¹“, лишь бы кто прибег к благодати Христа Спасителя. Кто же не обращается, тот себя губит!» Старец говорил дальше, что в старости человек более склонен к умилению и памяти смертной. Но обыкновенно кто свыкнется с греховными привычками, тот теряет склонность и способность к умилению, и, напротив, крепнет во зле, и отстать от греховных привычек бывает почти уже не в силах без благодатной помощи.

На вопрос старцу об искушениях в монастырях и о том, что в пустыне нет таких искушений и жить в ней легче, старец покачал головой и отвечал: «В монастырях — такие, в скитах — иные, а в пустыне — другие. Враг и зачинатель человеков на пути спасения весьма искусен в своих кознях: какие искушения подходят к месту, такие он и соплетает. Нам необходимее всего терпение. Господь не оставит нас мучиться до конца и не [даст] выше сил наших. Если кто с самого начала вступает на верный путь спасения, то непременно встретит искушения. Надобно терпеть — помощь Божия не замедлит». Далее говорил старец: «Если бы случилось с нами какое-нибудь искушение от демонов, от людей или от себя самих, и мы оставили бы из-за него место и перешли в другое, то там встретит нас искушение непременно больше; а если уйдем

¹ Ин. 6, 37.

и оттуда — то куда придем, найдем больше того! Вот и я, — говорил старец, — живя с моим старцем, страдал от помыслов и много дней ежедневно собирался уходить; однако же при помощи Божией и с терпением прожил с ним тридцать три года. Во время усиления помыслов старец брал меня и вел к духовнику отцу Христофору, который говорил мне: „Терпи, терпи! Враг хочет лишить тебя венца. Ступай назад, потерпи немного до смерти старца, а тогда уходи, куда хочешь“. И слово опытного старца весьма действовало на меня, и с обновленным духом я возвращался и продолжал послушание моему старцу».

Когда старец помянул о духовнике отце Христофоре, то один посетитель спросил его, не знал ли он, что будто бы этот отец Христофор причащал семерых отшельников, о которых знал один он? Отец Иоасаф ответил, что этого не слышал от него, но знает хорошо, что сам отец Христофор был весьма смиренномудр и настолько опытен в духовной жизни, что немногими словами, исполненными силы и благодати, он давал великое утешение и ободрение скорбящим и искушаемым душам. На Афоне прожил он двадцать пять лет, скончался семидесяти трех лет от роду. С самого приезда и поступления к старцу Захарии на Кавсокаливии и потом, по переходе в Яннокопуло, он деятельно упражнялся в умной молитве и крепко утвердился в ней. Слово его было тихо и смиренно, и почти никогда не слышно было от него лишнего слова. Любил трудиться как при старце, так и особенно после него. Имея трех учеников, он всегда шел на работы впереди них, а руки его

были истерты и в мозолях от трудов. При этих словах посетители перебили старца и спросили:

— Можно разве при умно-сердечной молитве заниматься и телесными трудами?

— Кто утвердился в ней, тому труды не мешают, — ответил отец Иоасаф, — руки делают свое, а ум занят своим, не переставая. Вредно только, если кто увлечется общением с людьми, тогда может потерять внутреннее делание; а при такой жизни, какую проводил духовник Христофор, труд не мог быть помехой.

Далее предложили ему вопрос:

— А как быть нам, живущим в общежитии? Ведь трудно!

— Да! Трудно, — отвечал старец, — если кто в начале поступления в обитель с совета духовных отцов не положил начала этого делания и не стяжал хотя некоторого навыка, тот не может после начать и остается без преуспевания в умном делании. Но там, в монастыре, есть другие добродетели: вы ходите в церковь на общие богослужения; иногда выстаиваете всенощные бдения, поэтому и будете иметь должное по трудам и усердию.

— О старце отце Христофоре, — добавил отец Иоасаф, — можно сказать, что видно из дел его; а какие были его сокровенные подвиги — один Бог весть, а нам он ничего не говорил. Для нас отрадно было то, что когда, бывало, мы пойдем к нему, то немногими словами он утешит нас, и какие бы ни были помыслы, тотчас избавит нас от них; слово его было плодovitое и благодатное.

Старец отец Иоасаф по жизни был подобен древним отцам. За три недели до смерти он забо-

лел и слег в постель, и 4 июля 1872 года он мирно преставился ко Господу.

Духовник отец Досифей

Замечательной подвижнической жизни был и другой ученик духовника отца Илариона грузина — духовник отец Досифей, родом молдаванин.

Начало монашеской жизни он полагал в своем отечестве. Восемнадцатилетним юношей он поступил в монастырь Калдорашани и десять лет прожил в нем. Когда он поначалу пришел в обитель, то вздумалось ему посмотреть, как трудятся братья на общем послушании. Там был и отец Леонтий, бывший тогда в сане иеродиакона. Отец Леонтий, заметив Досифея, спросил его:

- Зачем ты пришел сюда?
- Поступить в монастырь!
- Грамотный?
- Как же, и хорошо даже!
- Если грамотный, то не знаешь ли чего от святых отцов?
- Как же, знаю, и много!
- Расскажи, пожалуйста, я человек неграмотный, и мне хочется слышать и примеры, и наставления их!

И Досифей начал говорить: «Вот такой-то отец то-то говорит, а тот — вот это» и прочее. Отец Леонтий еще спрашивал, и тот поучал его, пока не зазвонили к вечерне.

Только тут, на вечерне, вдруг Досифей смотрит, что тот, кого он поучал как неграмотного, служит

иеродиакonom и становится на клирос петь и читать. Тогда он сказал самому себе: «Вот какие здесь монахи. Наложил же теперь себе палец на уста».

Прожив десять лет в Калдорахани, Досифей пожелал отправиться на Афон для более удобного пребывания во внимании и приобретении плодов покаяния. Сначала он жил при духовнике отце Леонтии в скиту Лакку, а потом лет шесть в Кавсокаливитском скиту; после перешел в безмолвнейшую пещеру преподобного Нила Мироточивого.

Отец Досифей был духовной жизни; слово его было от собственного опыта исполнено рассуждения и теплоты. О молитве умно-сердечной он имел верные познания, в особенности из бесед его старца отца Илариона грузина.

Из записок отца Пантелеимона

Говорил старец отец Досифей:

— Какие бы добродетели ни совершал человек, но попечение о душе выше всего. Пишут святые отцы: если человек не утвердит в помысле своем, что он три года уже как помер и погребен, — не может исправить добродетели. Если не помнит смерти, то ни начала нельзя положить, ни конца достигнуть. Начало добродетели — отречение всего вещественного, после этого нужно начинать исправлять добродетели, — это первый порог, которого миновать нельзя.

— Кто благодушно терпит находящие искушения, тот угоднее Богу, нежели кто исправляет великие добродетели. Когда находит искушение, то надобно молиться, во-первых, о даровании тер-

пения, чтобы Господь помог терпеть, а во-вторых, благодарить Его, что чрез искушения устрояет Он наше спасение; молиться притом, чтобы без вреда душевного пребывать во время искушения. Спасение не устроится иначе как чрез искушения, поэтому кто отвергает искушения, тот отдаляет от себя спасение и, кроме того, остается неискусным. Кто терпит с благодарностью, тому легко, и он свободно минует [искушение] и делается искусным.

— Человек, сколько бы ни был грешен, не должен отчаиваться, потому что мы имеем великую надежду на страсти Христовы — на излиянную на нас кровь Его. Пишут святые отцы: если человек вознесся бы добродетелями до небес, должен молиться о грехах, то есть о прощении множества грехов своих. Всем святым отцам, даже и самым великим, попускал Господь поползнуться в какие-нибудь погрешности, чтобы они смиренны были в помысле и не возносились своими добродетелями. Святой Исаак Сирий пишет: «Если ты и чудотворец, воскрешаешь мертвых, — об оставлении грехов молись!»

— Отцы говорят, чтобы мы не желали успокоения в этом мире, а возлюбили труд, пот, искушения, оскорбления, потому что нам приготовлена радость в будущем веке — веселие от Бога вечное. Когда человек в искушениях радуется, тогда познает свое преуспеяние.

— Святые апостолы, святые мученики и все преподобные отцы искушениями прошли эту жизнь и освятились. Царь Саворий люто мучил своего сына. Когда стали сдирать с того кожу, он вос-

кликнул: «Как сладко страдать за Христа!» Князья, дети царские, сами цари оставляли все, пребывали в крайней нищете, и терпели различные искушения, и через это становились святыми, как, например, Иоасаф-царевич, Арсений Великий и многое множество других.

— Соблюдая правило церковное, не следует этим одним ограничиваться, а надо постоянно пребывать в молитве умной, иначе то внимание, собранное на правиле, потом теряется, и никакого плода не остается.

— Память Божию кто имеет с любовью, того Бог помнит. Всякое попечение наше, о чем бы то ни было, для жизни тут останется, а молитва прилипнет к душе и с нею пойдет за могилу.

— Если человек самопроизвольно и с понуждением берется за какой подвиг для спасения души, тогда все делается легким.

— Кто посещает пустынных отцов, трудящихся и подвижающихся ради любви Христовой, и утешает их, тот получит великое воздаяние от Бога.

Более ничего не известно о старце отце Досифее. Если он удостоился милости Божией, то вспомнит и о нас, как мы вспомнили о нем и написали нечто малое на общую пользу.

Старец отец Геден

Отец Геден прибыл на Афон в 1832 году и начал положил в Русике, но только два года прожил там и перешел в Кавсокаливитский скит, к старцу отцу Дионисию, у которого прожил двадцать лет. Этот отец Дионисий прежде жил при

старце отце Тимофее, у которого было семь учеников, но из них только четверо были записаны. Во время греческого восстания все ученики отца Тимофея разбежались, и Дионисий думал жить в келлии старца, но Лавра не позволила, так как он не был записан в омологии¹ и потому остался без всего. В келлии преподобного Акакия, при пещере его, жил больной старец, к которому Дионисий и поместился; тот записал его, а через два года помер.

В годы греческого восстания оставалось в скиту немного отцов, а духовник отец Неофит Караманлис жил за скитом, в пещере преподобного Нифонта. Он посоветовал отцам посеять пшеницу, которой они какими-то судьбами разжились в Карее в количестве двадцати ок, и отец Дионисий принес ее на плечах своих. Отцы посеяли ее, и пшеницы родилось каждый год ровно столько, что им хватало ее на год, и это продолжалось до тех пор, пока по окончании смутного времени не стали из мира приплывать каяки с пшеницей, а с появлением их перестала у старцев родиться пшеница.

В годы восстания оставшиеся в скиту отцы проводили жизнь мученическую, им приходилось терпеть притеснения от турок и от морских разбойников. Например, однажды, в Великую Пятницу, разбойники пришли в скит и, зная порядок богослужений, ударили в колокол, так как время было совершать часы, надеясь этим средством собрать отцов и переловить их. Отцы, не зная

¹ Омология, то есть монахология, — перечень монахов, скитов, келлий и др. мест подвижничества. — *Примеч. ред.*

ничего, стали собираться, и разбойники кинулись на них и поймали трех, в том числе и отца Дионисия, а прочие разбежались. Разбойники требовали денег, и так как у них ничего не было, то предали их страшным пыткам: ладони рук их сдавливали винтами все туже и туже и при каждом повороте требовали денег. Потом в оба бока давили рычагами, а руки скрутили назад.

Старец Дионисий, делая замечания своему ученику Гедеону, всегда растворял благим словом свои замечания: «Если я промолчу, то будет тяжесть на моей душе; на мне лежит долг сказать это, так как и псы лают, видя идущего волка, не допуская его к стаду, — а ты исправься». Слова эти всегда пронзали сердце отца Гедеона, как мечом, потому что старец не строгостью и выговорами, а благостью и собственным примером учил его. В 1854 году старец Дионисий скончался, прожив на Афоне шестьдесят лет.

Из записок отца Пантелеимона

«Живя в общежитии, — говорил старец монастырским братьям, — старайся не быть в общении с братией, то есть говори только с теми, к кому имеешь дело, и не больше; а к кому не имеешь — уклоняйся от беседы, кроме как с сотаинниками твоими и единомысленными, из общения с которыми возделывается плод. Сразу отсечь общение нельзя, а постепенно, показывая любовь ко всем, и к тем даже, кто делает против тебя какой-либо вред или держит злобу. Ныне скажи: „Благослови, отче!“ А завтра сократи — скажи одним словом меньше, и так постепенно отсецешь ненужное

общение, и будет незаметно для них. С желающими с тобою кушать и пить совершенно отсекай общение. И в монастыре есть люди, строго заповеди Божии хранящие, но есть и противоположного устройства. Старец мой, когда был при смерти и я просил его не налагать на меня заповеди [о том], чтобы жить на одном месте, ибо переменяются обстоятельства, и не запрещал бы принимать учеников, не зная, что со мной вперед будет, отвечал: „Чадо мое, никакой не даю тебе заповеди, только храни [одну]: куда ты ни пойдешь, где ты ни будешь жить, здесь ли, в общежитии ли, везде закрой глаза, затвори уста, заткни уши“. И, взявши себя за бороду, потянул ее, сказав: „Будь как осел, будь малоумным, непонимающим: другого пути нет, кроме этого!“»

В разговоре со старцем Гедеоном я пожелал услышать что-нибудь полезное для себя и сказал, что у нас в Русике очень шумно по причине умножившегося братства; на что старец заметил: «Да! Теперь не то, как прежде, когда я жил там; тогда, действительно, было очень тихо и строго соблюдалось житие иноческое и правила отеческие; но спастись и теперь можно, если будете охранять себя внимательно». При этом седовласый старец закрыл глаза руками и открыл их, внимательно глядя на меня; потом закрыл уши и опять открыл; затем обеими руками плотно закрыл уста свои и опять открыл, и, наконец, ухватил руками свою белую бороду и начал ею быстро водить по сторонам. «Кто начнет делать так, тот будет в поругании у братии; над ним будут насмехаться и укорять, но ему нужно быть как не видящим этого

и не понимающим. Многие из святых отцов пребывали в таком устроении, и их считали юродивыми, помешанными, прельщенными. Если так уже не можете, то отсекайте, по крайней мере, общение и потерпите то, что случается от братства разнохарактерного. Действительно, трудно бывает перенести обиду, особенно когда сам чувствуешь, что оскорбляющий обязан оказать уважение и любовь оскорбляемому. Но да не смущается терпящий оскорбление, ибо за это обещано воздаяние великое, особенно если он окажет обидчику любовь и покажет пред ним смирение; может быть, это смирение приведет его в разум, и он одумается. Если же так не будет, то рука Божия на нем, она знает, как исправить его, так не останется, ибо возносящийся смирится».

«Куда бы мы ни пошли, — говорил старец, — искушения везде, от неба и до земли всюду искушения, как и преподобному Антонию Великому было открыто, что искушения, или сети врага, находятся повсюду. Он молился, и ему был глас: „Смирение минует их!“ Жизнь эту провести без искушений не ожидай и не думай, как и апостол сказал: *„Хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут“*¹. Тот же апостол говорил: *„Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был“*². Не только между мирянами, но и у нас в монашестве, кто хочет хорошего пути держаться, на того и воздвигает враг людей, чтобы спутали его или сбили с дороги. Терпение, отче, терпение!» — говоря это, старец легко потрепал собеседника по плечу.

¹ 2 Тим. 3, 12.

² Гал. 1, 10.

«Сколько бы мы не были добродетельны, — говорил далее старец, — все имеем погрешности, а Христос никакого греха не имел, и — Его распяли!»

«Наше утешение — Христос, — ободрял старец и продолжал: — Нам пишут святые отцы, чтобы мы так жили на земле, как не родились еще».

В беседе со старцем однажды мы заметили ему, что, находясь долго в монастырской суете, теперь, ходя по пустыне, мы немало утешаемся. Он отвечал: «Точно, точно! Возьмите маленькую ченаку¹ воды, поставьте ее: вода стоит тихо и чиста, видно самое дно. Возьмите большую ченаку воды и болтайте постоянно — будет ли тихо и чисто? Так и в многолюдстве — только в тишине можно рассмотреть себя и познать. В настоящее время не ищите добродетели, не ищите; только старайтесь терпеть находящие искушения, и это вменится вам с великими делами — с подвигами, пожалуй, преподобного Антония и с мученичеством святого Георгия — в будущем веке. На келлии жить хорошо, там можно устроиться кто как хочет, можно от всего уклоняться, ни в чем не участвовать и стараться не видеть ничего и сколько можно упражняться в молитве. Как только кончится церковное правило, так за молитву; молитва пусть будет непрестанной».

Однажды русский житель скита отец Товия пришел на бдение и, скучая, что ничего не понимает на службе, открыл это отцу Гедeonу, который утешил его: «Ничего, не скорби, хотя не понимаешь.

¹ Ченака — ковш. — *Примеч. ред.*

Сядь в форму¹ и держи молитву, а о том, что не понимаешь, не смущайся. Смотри на корабль, идущий по морю, там пассажиры разные: и греки, и молдаване, и русские, и арабы; они не понимают друг друга, но, находясь на одном корабле, сидят вместе, а корабль всех везет, идя к пристани. Так и Церковь: кто бы тут ни был, понимающий или нет, всех везет в пристанище Царствия Небесного. Мы вот и понимаем, но нередко спим на бдении, а вам, русским, простительно несравненно большее против нас».

Старец отец Гедеон в последние годы жизни стал изнемогать и часто болел.

Из воспоминаний монаха Денасия

«В последний раз я был у него летом 1896 года. Истощенный старец едва приподнялся на одре и, предчувствуя скорое отшествие свое, попрощался со мной, как преподобный Акакий: „Я иду в путь далекий, и более здесь не увидимся!“ 19 ноября того же года он мирно преставился ко Господу».

Старец отец Никодим

Родился отец Никодим в 1807 году. Не удовлетворившись мирской жизнью и ее суетой, он тридцатидвухлетним пришел на Афон. После малого пребывания в Новом скиту он по совету духовника перешел в Кавсокаливию, где поселился

¹ Форма — здесь: стасидия — специальное кресло с откидным сиденьем, высокой спинкой и подлокотниками в греческом храме; в стасидии можно стоять, полусидеть и сидеть во время долгих уставных служб. — *Примеч. ред.*

в малой келлии и начал проводить строгую молитвенную жизнь. Рукоделия никакого не делал до принятия учеников, когда неизбежно уже было иметь какое-либо поделие и приходилось исполнять скитские обязанности, горько стесняющие тех, кто проходит путь умного делания. Кушал он один хлеб, даже овощей не употреблял.

Не потерпел быстрого преуспевания его завистник нашего спасения и воздвиг на него различные козни: ему являлись страшные привидения, страхования и, наконец, светлые видения. Но, руководимый опытным старцем, он низлагал врага со всеми его полчищами.

В одно время келлия его была занесена снегом так, что выйти из нее нельзя было. К такой беде у него и сухари все вышли, и он долгое время оставался без пищи, так что от голода крайне изнемог. В это время явился ему бес в блистании света, сидящий на троне как бы в виде Святой Троицы и сказал: «Я — Святая Троица, поклонись мне, исполнишься благодати и будешь кушать». В это время алчущему старцу были показаны столы с различными яствами, запах которых сильно уязвил обоняние голодающего. Старец пал ниц и молил Господа не дать его в посмеяние врагу. Долго молился он, и призрел Господь на смирение старца и прогнал демона. Только тогда встал старец, когда запах яств исчез.

Перед кончиной у старца Никодима открылись в пяти местах огромные раны, и он мучительно страдал более трех месяцев. Поначалу он мог еще с трудом выползать из келлии, но потом лежал уже неподвижно, и его с усилием поворачивали с бока

на бок. Ученик его Нил день и ночь служил старцу и так изнемог, что был как сухая палка. Старец потерял самый сон, но при всем том пребывал в благодушии и постоянно благодарил Господа, ничего не говоря о лютости своей болезни. Однажды пришел один скитянин и стал ублажать старца за такую болезнь, которую он желал бы иметь у себя — ради очищения грехов и будущего воздаяния. Старец отвечал: «Не знаешь, что говоришь: если бы ты знал, какая это болезнь и что приходится терпеть, то ты не сказал бы этого».

Незадолго до кончины старцу было откровение об уготованном воздаянии и о пришествии ангелов взять его душу. В это время он взял руку ученика Нила и в радости духа и с твердостью стал говорить: «Чадо, держись пути, которому я тебя научил, и ты получишь то же, что я теперь!» От радости старец не мог продолжать речи, и в этих словах душа его отлетела ко Господу. Но в самое это мгновение ученик с горестью воскликнул: «Да ты, отче, умираешь?» — и сим как бы задержал душу старца ответить на его вопрос. «Да, умираю!» — и закрыл глаза. Это было в 1867 году.

Наставляя ученика своего Нила к умному деланию, старец внушал ему сколько возможно неослабно заниматься оным и не верить никаким мечтаниям. «Хотя бы явился и Христос, не верь и скажи: „Я не хочу видеть Христа в этой жизни, а в будущей“». В скорбном воспоминании ученик говорил: «Не осталось теперь другого такого старца. Вот уж недавно, по смерти его, я готовился к причащению Святых Таин и совершал правило с закрытыми глазами. Вдруг возник во мне такой

помысел: столько времени я подвизаюсь и все ничего не вижу. И тут же в один момент предстал пред глазами „Нерукотворенный Образ“. Открыл глаза и увидел то же — предо мною в великом свете икона Спасителя. По наставлению старца я понял, что это от диавола, закрыл глаза и продолжал молиться, и привидение исчезло».

Дивны и разнообразны пути жизни афонской. От Господа благодатная помощь готова всякому, а от нас уже зависит принять ее, усвоить и пользоваться ею во спасение.

Послушник Иаков¹ и сокровенный старец

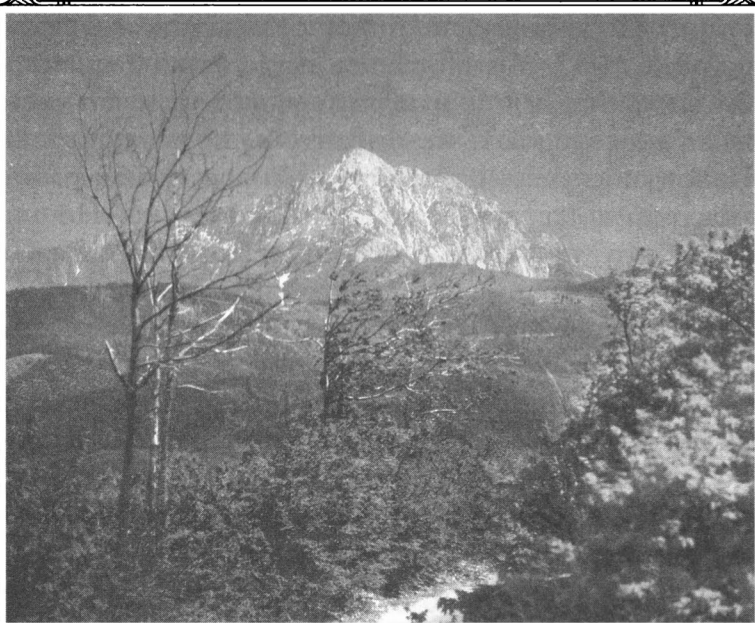
Некий юноша Иаков, болгарин, не посоветовавшись с опытными старцами, поступил к одному старцу-греку, жившему в Кавсокаливитском скиту на келлии пониже соборного храма. Старец этот любил широкий путь жизни и к тому же был суров, строптив и в духовной жизни несколько не сведущ, как не искавший того. Иаков же стремился к подвижнической жизни, желал поститься и молиться, но старец не допускал его к тому. Иаков спросил духовника, как ему поступать. Тот велел ему слушаться и такого старца, раскрыв ему, какую он получит пользу, если при том будет хранить ум свой и внимать голосу совести. Ученик повиновался, но не без внутреннего крайнего стеснения, о котором он сказал духовнику, и просил его благословить ему перейти к другому

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

старцу. Но духовник не благословил оставить старца, но во всем повиноваться ему, однако назначил ему подвиги поста и молитвы, которые он должен был совершать втайне, чтобы не знал старец. Иаков послушался: ночью молился, днем работал, соблюдая воздержание и внимание. Но не могло это укрыться от старца, который стал следить за ним, заставляя его больше есть и спать.

Иаков имел обычай каждую ночь приходить к соборной церкви и в притворе ее молиться перед иконой Пресвятой Троицы, находящейся над входом в храм. Так поступал он продолжительное время. Однажды, находясь в большой скорби от притеснений своего старца, во время ночной молитвы услышал он чьи-то шаги. Он спрятался. Едва слышно вошел в притвор старец, с седой бородой и длинными волосами и весь нагой. Взойдя, он стал пред дверьми церкви и, помолившись, перекрестил двери, которые тут же сами по себе растворились. Старец вошел в храм и долго посреди него молился, читал и вслух молитвы. По окончании молитвы старец приложился к иконам и вышел, перекрестив опять двери, которые заперлись так же.

Иакову захотелось узнать, кто этот старец, и попросить его принять к себе, почему тут же он вышел и стал следовать издали за ним. Так они с Кавсокаливии поднимались на гору до Керасьи, где старец повернул в сторону и пошел по направлению к вершине Афона. Когда начало рассветать, они были уже близ храма Панагии, и Иаков, наконец, решился догнать старца; но тут же старец, до того шедший, как будто не замечая его,

Вид на вершину Афона

обратился к Иакову и сказал: «Куда идешь?» Иаков приблизился и стал просить его, чтобы он взял его с собой. Старец отвечал: «Не можешь ты жить здесь. Ступай к своему старцу и делай послушание; это послужит тебе во спасение. А кто не принял Божественной благодати, в этом месте жить не может. Там, у старца, твое спасение. Знай же то, что в скором времени возьмет тебя Господь». Старец, уходя, добавил: «Нас здесь двое». Потом стал спускаться вниз от Панагии.

Иаков рассказал все это духовнику. Тот подтвердил это и преподал ему наставление — как готовиться к исходу. Через три недели Иаков скончался.

Через три года откопали его кости. От них исходило дивное благоухание, а голова была полна

мира. Многие, не зная его жизни, дивились, как и сам старец его.

Старец отец Паисий

Теперь скажем о славном подвижнике, старце Паисии, прожившем на Афоне восемьдесят три года и почившем о Господе более чем столетним старцем.

Как не пожалеть, что замечательная жизнь этого старца не была замечена в свое время. Старец Паисий был феноменом между старцами, прожившими около века на Афоне, ибо обладал дивной памятью и мог обстоятельно рассказывать о событиях прошлого, к тому же он был развитой человек и за свою сорокалетнюю жизнь в Лавре принимал в ее жизни самое деятельное участие, ибо он был в числе первых проэстосов.

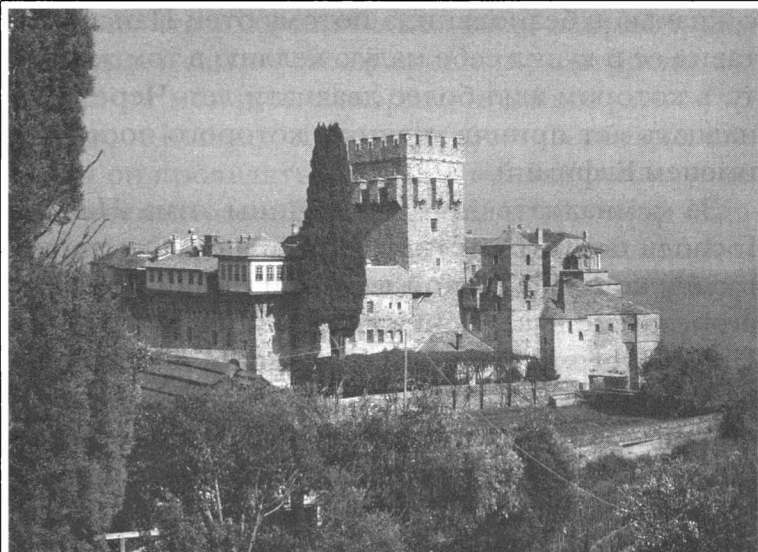
Где родился отец Паисий, кто были его родители и какое имя носил в миру — ничего об этом не знаем. Прибыл он на Святую Гору в 1785 году и поступил в Лавру. Здесь же сразу определили его на клирос, и вскоре он назначен был типикарем¹. Это послушание он занимал около сорока лет, так как обладал особенным между греками голосом и хорошо знал нотное пение.

Со временем он заслужил общее уважение и внимание начальства — ему дали просторную келлию и прислугу, и так как в идиоритме каждый содержит себя кто как может и знает, то он, против других, имел стол обильный и пил лучшее вино, а воды совсем не употреблял. Через

¹ Типикарь — уставщик. — *Примеч. ред.*

тридцать пять лет такой жизни последовало греческое восстание (1821), и турки наводнили Афон. Из старших лиц Лавры он только один с весьма немногими из братии остался для охранения монастыря. Сначала, по прибытии своем, турки не раз пытали его, требуя денег, а он терпел все истязания беспрекословно, продолжая в то же время служить им. Главными помощниками его были старцы Неофит (впоследствии переселившийся в пещеру преподобного Афанасия, где прославился высотой жизни) и Гедеон, которые приняли от него пострижение в схиму пред прибытием турок на Афон, страха ради смерти. Будучи словесен и услужлив, он в короткое время заслужил расположение паши и так угодил ему, что тот своей властью охранял его во всю остальную его бытность на Афоне. До занятия Святой Горы турецким войском Абдул Робут-паша имел намерение порубить всех оставшихся монахов под тем предлогом, что многие из ушедших с Афона вступили в греческое ополчение и участвовали в общем восстании. Но от султана Махмуда последовало решение оставшихся монахов не убивать, а только не оставлять им ничего, даже веревочки для опоясания.

По уходе турок, когда собрались многие из братии Лавры, старец Паисий подумывал последовать примеру и совету отца Гедеона и поселиться в пустыне, но чувствовал страх и совершенно отчаивался в возможности вместить пустынное лишение после сорокалетней роскошной жизни в Лавре. Духовником его был Неофит Караманлис, который в то время жил в пещере за скитом Кавсокаливия. Тот не один раз уговаривал его

Лавра святого Афанасия

удалиться в пустыню, а однажды решительно сказал: «Доколе ты будешь проводить такую жизнь? Вот ты сорок лет не пил воды, а все одно вино; тебе служат, тебе уже пора пить воду и самому послужить себе».

Настроение и решимость отца Паисия так были велики, что он тогда же оставил Лавру и с того времени по самую смерть — полных сорок лет — не пил вина, не ел с маслом и вообще строго подвизался.

По выходе из Лавры он пошел к духовнику, и тот заставил его копать землю, сеять пшеницу и исполнять разные тяжелые работы, а вместе содержать строгий пост. Прожив с духовником немного, он купил себе келлию с большой местностью в скиту Кавсокаливия; но большая келлия требовала большого попечения, что не совместимо

с жизнью в безмолвии, а потому отец Паисий оставил ее и купил себе малую келлию в том же скиту, в котором жил более двадцати лет. Через пятнадцать лет принял ученика, которого постриг с именем Евфимий.

За семнадцать лет до кончины отца Паисия Господь попустил на него тягчайшее испытание: в одну ночь без всякой видимой причины у него сгорела калибка, так что он едва успел выскочить. После этого пожара они с учеником остались ни с чем. Недоумевая, что делать в таком положении, старец пошел к духовнику и хотел поместиться к нему в сожительство, но, найдя у него некоторые препятствия для полного безмолвия, через пятнадцать дней ушел от него на свое пепелище. Здесь, помолившись Господу, он советовался с учеником, что им делать. Мысли их сошлись на покупке пустой ветхой келлии святого великомученика Георгия, за которую скит назначил самый незначительный взнос. Старец решился взять ее, но где взять денег на уплату? И вот он решается на подвиг, никогда не приходивший ему раньше на ум, — нацепить на себя торбу и пойти по Горе просить милостыню. Прежде он сам давал милостыню и распоряжался целым монастырем, а теперь пошел просить как нищий и едва кое-где находил сочувствие, так что вернулся, принеся несколько лишь пиастров, которые и внес в скит за келлию. Остальную сумму старец с учеником доплачивали понемногу, когда посылал им Господь.

Главная отличительная черта в старце Паисии была любовь всеобъемлющая. Любовь выражалась у него и в слове, и в деле. Если когда, бывало,

заметит, что у кого-либо нет чего, например, лука, вырвет сам на своем крошечном огороде, который не мог удовлетворять и самого его с учеником, и отнесет нуждающемуся. Особенно старался он проявлять любовь к ненавидящим и оскорбляющим его. Бывало, пойдет на собор старцев, по обычаю скита, на котором он должен был участвовать, но там старался сохранять молчание, особенно если в чем-нибудь разногласили отцы. Известный там старец Вениамин за такую его молчаливость начнет тут же, в самом собрании, кричать на него, поносить и бранить его. Старец кротко скажет: «Простите, Господа ради, я всегда согласен на все, что вам Господь внушит сделать», — и опять молчит. Возвращаясь домой, он замешивал хлебы и, испекши федулку (лепешку), относил, горячую, отцу Вениамину, с любовью разговаривал с ним, отдавая ее, чтобы тем показать, что он на него никакой обиды не имеет. Когда бы кем не был оскорблен, старец всегда старался оказать какую-нибудь услугу оскорбившему. Почему он нередко говорил: «Любовь, не оказываемая на деле хотя малейшим чем-нибудь, не есть совершенна».

Много претерпел старец искушений от врага. Перед концом жизни, когда он уже ослеп, бес предстал пред ним и сказал: «Ты все твердишь „Господи Иисусе!“ Пусть Христос отвержет тебе глаза! Видишь, Он тебе не помогает, а ты попусту твердишь!» Старец перекрестился и проклял беса, и тот исчез. По этому поводу он говорил ученику своему, укрепляя его: «Держи молитву Иисусову, держи неослабно и не бойся врага».

Как было сказано выше, перед нашествием турок на Афон отец Паисий постриг впоследствии знаменитых по жизни старцев Неофита и Гедеона. Неофит, живший в пещере преподобного Афанасия, почил о Господе в 1860 году, а Гедеон, подвизавшийся в Кавсокаливии, в келлии Благовещения, лежал на одре уже два года с половиной. Он желал посетить старца Паисия, но от трудной болезни, не позволявшей ему встать с постели, не мог этого исполнить. Тогда он послал ученика своего, Дамиана, который от имени его сказал отцу Паисию: «Меня прислал старец сказать тебе, отче, такие слова: „Поелику я не мог сам прийти, то посылаю ученика сделать от меня метание¹ и сказать, так как ты мой старец, то сохраним порядок: иди ко Господу ты прежде и приготовь там для меня место“». Когда услышал старец Паисий слова сии, возрадовался духом и сказал: «Благодарю отца Гедеона за весть сию. Он был причиной моего ухода в пустыню, и я кончаю здесь свои дни». При слове «благодарю» старец прослезился. Помолчав немного, он прибавил: «Скажи отцу Гедеону, что конец наш близок; пусть немного потерпит, скоро увидимся».

В день памяти святого великомученика Артемия, 20 октября, старец Паисий вышел из келлии и сел, чтобы согреться на солнце. День был ясный и теплый, но старец почувствовал, что озяб; вернувшись в келлию, он лег на постель и оделся, однако не мог согреться. После этого не вставал уже с постели, пролежав десять дней. В эти дни от ничего не вкушал, уготовляя себя для перехода

¹ Метание — малый земной поклон. — *Примеч. ред.*

в жизнь будущую, а питал дух свой ежедневным причащением Святых Таин. В предпоследний день ученик его, видя, как тает старец, предложил ему совершить над ним елеосвящение. Старец согласился, сказав: «Чем можете, помогайте теперь мне». Всю эту ночь ученик отец Евфимий просидел у одра старца, вопрошая его, как ему оставаться по его отшествию. Старец говорил: «Чадо мое, если хочешь спастись, то не пекись, как провести жизнь свою; исповедывайся и причащайся часто; храни любовь со всеми; ненавидящих тебя возлюби всем сердцем и, чем можешь, послужи им; имей страх Божий и память смертную. Когда встает солнце, размышляй: достигну ли я вечера? А вечером: достигну ли я утра? В таком положении находясь, будешь иметь истинное покаяние. О телесных же нуждах и о насущном хлебе не пекись; имей малое поделение и тем удовлетворяйся. Господь промыслит, только не ищи изобилия и излишества, а будь доволен малым. Также келейными делами не обременяй голову: то надо сделать, это окончить и прочее, — чрез такое многопопечение не будешь иметь душевного мира и истинного покаяния. Имей непрестанную молитву Иисусову и внимание и с этим не бойся часто причащаться Святых Таин».

Еще до рассвета пришел духовник, молдаванин отец Досифей, и с ним служащий иеромонах; причастили старца и начали совершать елеосвящение. До половины службы старец свободно владел руками — сам протягивал их и поворачивал для помазания, но после третьего Евангелия ослабел. Силы старца угасали более и более, и с последней молитвой, как бы засыпая, почил старец.

Ученик отца Паисия Евфимий жил с ним двадцать пять лет. При разговоре о старце своем он передал случай, свидетельствующий о великом преуспеянии его в умно-сердечной молитве. Евфимий был очень простой человек, и это свойство и также послушание старцу послужили для него как бы орудием к привлечению великой благодати Божией, которая действовала в нем, как у совершенных, всецело восхищая ум к Богу. Однажды старец Паисий рассуждал с одним пришедшим монахом об Иисусовой молитве, что она у преуспевающих заменяет все молитвы. Евфимий сидел недалеко и, слыша это, стал размышлять в себе: разве читаемое нами правило и разные молитвы и тропари Господу, Царице Небесной и святым — не молитва? Неужели такие молитвы не имеют дерзновения? И он усомнился и не поверил тому, что старец сказал пришедшему монаху. В это мгновение он вдруг ощутил, что как бы перестал дышать и сделался как бы заключен в самом себе; голова его облегчилась так, что он не ощущал ее, и в этот момент душа его была запечатлена неизреченным светом; ум восхищен неизвестно как и куда, и пред ним раскрылись неведомые тайны. Евфимий пришел в духовный восторг, какой бывает у проходящих созерцательную молитву, во время чего бывает пленение ума и всего сознания духовным предметом столь сильное, что все внешнее выходит из сознания. И так как при этом раскрывались неизреченные тайны, то он пришел в великий страх, но тут же радость объяла его душу и как бы скакала и говорила: «*Велий еси, Госпо-*

ди, и чудны дела Твои и ни единоже слово довольно есть к пеню чудес Твоих!»¹ Тело в это время было как бы бездушное, простое, и Евфимию показалось, что душа его отрешается от тела, почему он стал молить Господа, чтобы не взял его душу теперь как не готовую, и он будет проповедовать это всем людям. Тогда был ему голос: «Встань и смотри, какое это дело». — «Я, — говорил Евфимий, — встал и не чувствовал в это время тяжести тела. Тогда Свет, бывший во мне, сказал: „Евфимие, веришь ли теперь, о чем говорит старец, или пребываешь еще в прежнем неверии? Если не согласишься совершенно, то Я выйду отсюда!“ Тогда я возопил: „Верую, Господи, но молю: не бери мою душу, ибо я не готов, а я исповем имя Твое пред всеми людьми!“ Тогда услышал голос в себе: „Вот о чем они говорят, вот какая их молитва; поэтому верь тому, что они говорили“. Когда он пришел в себя, то действие Света продолжалось, и сердце его скакало от радости. Старец же Паисий в это время еще беседовал с пришедшим монахом. Придя в себя, Евфимий нашел, что глаза его были как бы застывшими; во время этого озарения души его Светом они были открыты и оставались устремленными в ту сторону, куда он смотрел пред началом осенения. Долго он протирал глаза и старался смежить веки, но они не двигались; так прошло много времени, и он уже отчаялся и не надеялся, что они вернутся в прежнее положение, почему возопил к Царице Небесной о помощи. Тут же веки его закрылись.

¹ Ср.: Пс. 85, 10.

При разговоре с отцом Евфимием о наставлениях старца Паисия о любви к врагам своим, ему заметили, что трудно любить их от всего сердца, видя их намеренные действия. Евфимий, следуя по стопам старца, сказал: «Если бы было нетрудно, то не было бы и воздаяния. Спаситель сказал: „Любяй Мя, заповеди Моя соблюдает“¹; а заповедь Его и есть та, чтобы любить ближнего и врагов своих, и тогда мы сделаемся чадами Божиими, как Сам Господь говорит во святом Евангелии. Поэтому, что в добродетели есть труд, и сказал Господь: „Много званых, но мало избранных“², что мало будет таких, кои будут подвизаться исполнять заповеди Божии».

За три месяца до смерти старца Паисия пришлось быть у него одному русскому монаху с родным братом и продолжительно беседовать. Предмет разговора был о частом причащении Святых Таин Христовых. Прежде всего старец спросил мирянина, сколько раз он причащается. И когда тот ответил, что однажды в год, старец умиленно увещевал причащаться каждый месяц или, по крайней мере, во все посты. Мирянин отозвался, что за житейскими заботами ему это неудобно исполнить. Старец не согласился на это и сказал: «Если кто захочет, то хоть во сто раз у него будет дел больше, хоть бы он был правитель целой страны, он найдет время, как находит его для дел земных». Затем раскрыл необходимость частого причащения, так как мы чрез это таинство теснее соединяемся с Господом и бываем един дух с Ним и что без сего

¹ См.: Ин. 14, 21.

² Мф. 20, 16.

единения с Господом в этой жизни как соединимся с Ним в будущей? Мирянин возразил, говоря: «Как можно нам приготовляться часто к такому таинству, когда мы обязаны житейскими делами?» На это старец объяснил, что сущность покаяния заключается не в устном только исповедании духовнику, а нужно иметь постоянно покаянные чувства и во всякое время хранить свою совесть, — хранить в отношении к Богу, к ближнему и к самим даже вещам. Когда будешь хранить свою совесть и слушаться ее внушений, то исповедь твоя будет перед Богом и духовником всегдашняя, истинная и полная; тогда не усомнишься и причащаться Святых Таин часто. Без наблюдения же над совестью и невнимания ее внушениям при делах, какие бы они у тебя ни были, какая же у тебя будет исповедь и покаяние?

Еще в беседе коснулись молитвы, и старец говорил, что прежде нужно исполнить все евангельские заповеди блаженств: нищету духовную, плач, милосердие и прочее, тогда и возможна истинная молитва, и что возможна она для возлюбившего молитвенное дело и рачительно упражняющегося в нем; но во всяком случае надо терпение, потому что против молитвенного навыка восстает диавол и приносит разные искушения, и если человек не имеет терпения и вознерадит, то молитвенное настроение пропадает и нескоро оно может возвратиться.

Много и усердно потрудившийся о спасении души своей старец Паисий мирно преставился ко Господу 29 октября 1869 года, имея от роду более ста лет, из коих восемьдесят три прожил на Афоне.

Отец Гедеон родился в 1781 году в Загуре в Малой Азии; при крещении дали ему имя Георгий. По кончине родителей Георгий хотел уйти на Афон, но об этом узнали братья его и попросили турка, чтобы тот поколотил его за желание стать монахом, надеясь тем утешить его. Турок усердно исполнил это поручение, и братья заключили, что он уже более не думает о монашестве, но Георгий только ждал случая и при первой возможности уехал на Святую Гору.

Прибывши в скит святой Анны, Георгий хотел поступить в него, но по молодости его не приняли. Тогда он просил указать ему место или старца, и ему отрекомендовали духовника Лавры, жившего в безмолвии на келлии святого Иоанна Златоуста. Георгий просил у него совета, и духовник указал ему лаврского повара по имени Иоаким, и с благословением проэстосов он поступил к этому старцу на послушание. Отец Иоаким был постриженником Русика, и через полгода он возжелал возвратиться туда. Ученик не хотел расстаться с таким старцем, и оба они были приняты в Русике. Там Георгий прожил десять лет и был пострижен в мантию. Лет через восемь сделана была закладка нового монастыря на берегу моря игуменом Саввою. Братство было малое, работы было множество, и тяжелой. Георгия, как крепкого и сильного, определили на послушание на один из каяков. Разъезды и общение с миром стеснили его дух, и он просил переменить ему послушание, но просьба его осталась неудовлетворенной,

и он года через полтора ушел из монастыря и поселился в Кавсокаливитском скиту. Тут ему весьма понравилось, и он предполагал уже совсем остаться, но случившееся несогласие между скитянами в выборе дикей¹ смутило его душу, почему он ушел в Лавру. Тогда порядки в Лавре были лучше многих общежитий; в общую трапезу ходили в четверг, субботу и воскресенье, и лавриоты жизнь проводили внимательную и строгую. Тут прожил он только год и, будучи влеком к уединенной жизни, поселился в скиту святого Василия, где в то время на горе Кармил у храма святого пророка Илии жил с духовником, но через пять лет духовник заставил его опять перейти в Кавсокаливитский скит, в котором для духа его было более удобства.

Вследствие греческого восстания турки заняли Афон в 1822 году, и так как из Лавры большая часть монахов выехали, то взяли туда в Лавру отца Гедеона как нужного человека для прислуживания туркам. Это было через три года по водворении его в Кавсокаливии. Там он стал помощником старца отца Паисия, от которого принял схиму, ибо жизнь их была в то время в опасности из-за фанатизма турок. Не имея чем кормить лошадей, турки послали лаврских монахов на остров Лемнос за ячменем на монастырском судне. В числе посланных четырех монахов был и отец Гедеон. В то время на берегу были скрыты в разных местах разбойничьи каяки, а сами они находились в засадах повсюду. Они видели отправлявшийся лаврский каяк и караулили его на обратном пути.

¹ Дикей — скитоначальник. — *Примеч. ред.*

На половине пути между Лемносом и Афоном пятнадцать каяков окружили лаврское судно и взяли его. Разбойники стали мучить монахов, требуя денег, и одному из них скрутили веревкой руки назад и, вдев в нее палку, закручивали все сильнее, требуя денег. Не вынес монах и сказал, что есть у него на Афоне деньги и там-то спрятаны. Когда тот принес деньги, то они двое были отпущены на свободу. Удавшаяся пытка над одним поощрила их испытать ее и над отцом Гедеоном. Они мучили его целый месяц. Прежде всего спросили, сколько лет на Афоне. Гедeon сказал, что больше двадцати. Тогда они потребовали за каждый год по тысяче левов, а у Гедео́на не было ничего. Мучили долго, но потом убавили, так что стали просить только тысячу, потом пятьсот или хоть сто левов. Наконец, убедившись, что действительно у него ничего нет, выкинули его на берег близ Иериссо, откуда привезли его на муле в Лавру. Там он три месяца пролежал и едва оправился.

С тех пор начинаются страдания отца Гедео́на. Турки каждый месяц сменялись. Однажды некоторые из вновь прибывших турок потребовали, чтобы их довели на лодке до Иверского монастыря, и, взяв монахов-гребцов, они отправились. Среди них был и отец Гедео́н. Была бурная погода и противный ветер, и монахи говорили туркам, что теперь, по случаю непогоды, нельзя ехать, надо обождать, но те заставили ехать. С трудом бились гребцы против ветра, но все-таки не могли доехать до Иви́ра [Иви́рона] и должны были выйти из лодки на месте «Мегас Велас», где стоит храм святого Георгия. Вынув из лодки все тяжести, турки

взвалили их на отца Гедео́на и заставили нести до Иви́ра, а лодку отправили назад. Отец Гедео́н окончательно изнемог, неся ношу, он остановился близ Иви́ра напиться воды. Один турок, заметив это, закричал: «А, негодный калугер¹, ты еще ле- нишься!» И начал бить его прикладом ружья; тут подошли еще товарищи его и до того избили от- ца Гедео́на, что он упал и захаркал кровью. Турки его оставили, а в Иви́ре братия, узнав это, взяли его и поместили в больницу. Оправившись немно- го, он отправился в Лавру и, имея особое усердие к Божией Матери и преподобному Афанасию, мо- лился им и тут же получил исцеление.

После этого заставили отца Гедео́на стряпать на турок, а это горше побоев отозвалось в душе его. Скорбел он неутешно; но пустынная жизнь была не легче: вследствие набегов разбойников паша отдал приказание, что кого бы ни встретили его воины вне монастырей, — всех убивать. И все же отец Гедео́н решился лучше претерпеть смерть, нежели оставаться между турками и разорять свое душевное устройство. Просился у старцев, чтобы уволили его от этого дела, но те не согласились. Однажды поставил он казаны на огонь для при- готовления пищи, и помысел сильнее прежнего сказал ему: «Уйди, хоть умрешь через это, сделай что-нибудь для души своей!» И отец Гедео́н оста- вил все и вышел, как варил пищу, в чем был, не взяв с собой ничего. Турки пропустили его во Святых

¹ Калугер (от греч. *καλός* и *γέρων*) — «добрый старец» — об- ращение младших монахов к старшим и более почетным лицам из монашествующих, ставшее с течением времени на- рицательным. — *Примеч. ред.*

вратах, думая, что он, как повар, идет за зеленью в огород. Он пошел прямо в Кавсокаливитский скит, где в пещере преподобного Нифонта жил духовник отец Неофит. Лавра просила турок не притеснять его, и те его не трогали. Духовник одобрил его стремление и велел поселиться в Кавсокаливии.

В Лавре спохватились и начали искать отца Гедеона, а когда узнали турки, то ужасно рассвирепели на него. По распоряжению начальства послали за отцом Гедеоном одного монаха и турка — отыскать, где он находится. Посланные через прислуживавших туркам монахов узнали, что отец Гедеон был в Кавсокаливии, и хотели взять его, но он упросил духовника пойти в Лавру просить за него. Старцы не подали и виду духовнику, а сказали: «Пусть сам придет взять благословение, а так скрываться нельзя, тем более что и мы в зависимости от турок». Духовник передал слова отцу Гедеону, и он с доверием пошел. В Лавре строго спросили: «Зачем ты ушел не сказавшись?» Он отвечал: «Я давно просил вас уволить меня от этого, но вы не соизволяли, а я не мог более выносить». Старцы за такое укрывательство потребовали с отца Гедеона пятьдесят левов, но как у него ничего не было, то тут же посадили его в пирг, где просидел он трое суток. Его бы и не выпустили так скоро, но духовник отец Неофит пришел и заплатил за него.

После этого дали отцу Гедеону свободу, и он вернулся на безмолвие в Кавсокаливию; но бедственна была его жизнь и там. Через некоторое время он пошел в Карею, и там знакомый монах подарил

ему один талер¹. Пришедши обратно в скит, он лишь только скинул торбу и положил талер под изголовье, как входит к нему разбойник, который начал требовать денег. Отец Геден ответил, что он сюда пришел не для того, чтобы иметь деньги. По убожеству калибки и в чем был старец можно было и разбойнику убедиться, что денег у него нет. Тогда он стал просить хлеба, на что старец возразил: «Какой у меня хлеб и где взять его?» Так как вся калибка была на виду, то и разбойник сам видел, что в ней ничего нет, и попросил, наконец, воды. Старец пошел почерпнуть, с тем чтобы в это время скрыться, но не мог. Разбойник, как только вышел старец, поднял изголовье и, увидав талер, взял его и немедленно вышел, чтобы следить за старцем. Когда он вернулся с водой, разбойник стал требовать денег, бил его ружьем, так что старец решил отдать ему свой талер. Подойдя к постели и, подняв изголовье, не нашел его. «Ты взял уже!» Разбойник оскорбился и закричал: «Так ты еще называешь меня вором!» И стал пуще мучить отца Гедена. Утомившись, он потребовал еще воды. Старец дал ему чашку, и когда тот пошел за водой, он, собрав последние силы, бросился бежать. Но, уйдя недалеко, встретил целую шайку разбойников, которые схватили его. Их товарищ сказал им, что у этого монаха есть деньги, и те снова стали мучить его; но, ничего не добившись, они забрали все, что могли, и ушли, оставив его едва не нагим и совершенно измученным.

¹ Талер (церк.-слав.) — старинная немецкая золотая и серебряная монета. — *Примеч. ред.*

Так протекло пять лет, но здесь еще не кончились страдания его: в то время солунский паша узнал, что афонские монахи искусно плетут фески¹, и потребовал, чтобы выслали ему в Солунь знающих это рукоделие для обучения его солдат. Все боялись отправиться туда и после долгого совещания наконец решили послать отца Гедеоны и отца Онуфрия, кавсокаливитских обитателей, и еще двоих иноков из скита святой Анны, и еще нескольких — всего человек десять. И при отправке отец Гедеоны опять попал в беду: отец Онуфрий пошел вперед к каймакаму², чтобы взять дешкир³ на отъезд, но, убоявшись, скрылся в лес. Турки рассердились, и тут явился отец Гедеоны. «О, злые вы монахи, вы все бегаєте!» — и посадили его в каземат. Через день выпустили и отправили в Солунь, где они были представлены паше и им отправлены в казармы. Только четыре месяца выдержал отец Гедеоны, так как перемена пищи, тяжелый воздух и отведенное ему самое плохое помещение совершенно расстроили его здоровье, и он начал кашлять кровью. Он оставил Солунь и вернулся в Кавсокаливию, где полтора года был в таком состоянии, что ежедневно ожидал себе смерти.

Потом отца Гедеоны посетило новое испытание от разбойников, беспрестанно тревоживших Святую Гору своими грабительскими разъездами.

¹ Фески — шапочки с кисточкой; распространенный головной убор в странах Ближнего Востока. — *Примеч. ред.*

² Каймакам — правитель округа в Турции, подчиненный губернатору. — *Примеч. ред.*

³ Дешкир — паспорт, вид. — *Примеч. ред.*

Они напали на него и, связав руки и ноги, бросили на землю, и так крепко, что едва не сокрушились его кости; затем нещадно били его прикладами ружей по хребту и пояснице, так что от этих побоев он страдал всю жизнь.

До прибытия на Афон турки имели намерение истребить всех монахов, но, получив фирман¹ от султана — «пощадить их жизнь», — невольно оставили свое намерение и только чинили монахам много притеснений и обкладывали их непосильными налогами. В скиту святой Анны оставались жить почти все бывшие там до восстания монахи, они занимались рукоделием. Тогда и старец Гедеон брал для себя шерсть и делал фески, получая за работу десять пар², на что и покупал себе пшеницу для хлеба. Но так как плата была ничтожная, и притом от болезни он не мог успешно работать, то ему на хлеб недоставало, почему он примешивал в муку молотые каштаны и некоторые травы, как дикий укроп. Однажды, посадив в печь такой хлеб, он услышал, что приближаются разбойники; тотчас же, забрав еще не испекшийся хлеб в торбу, он поспешил скрыться, направляясь в келлию святого Предтечи, находившуюся между скал, ниоткуда не видную и разбойниками ни разу не отысканную, где хранили скитскую ризницу. О приближении разбойников отцы узнавали по ударам в било при соборном храме, в которое били караульные скита, и тогда кто как мог скрывались. Разбойни-

¹ Фирман — охранный грамота, указ за подписью султана. — *Примеч. ред.*

² Парá — серебряная монета Турции, равная 1/400 турецкой лиры. — *Примеч. ред.*

ки пришли и, забрав все, что могли взять, возвратились обратно; но иногда только делали вид, что удалялись, а на самом деле укрывались вблизи и, когда скитяне возвращались в свои жилища, вдруг нападали снова. Таким же образом в этот раз они вновь вернулись к старцу Гедеону и начали требовать денег; но, ничего не найдя, забрали только хлеб, но, тут же разломив его, нашли его столь черным и неприятным по виду, что бросили.

Тогда взвалили на него награбленное в других келлиях и заставили нести к морю. Там они опять требовали у него денег, говоря: «Почему же другие отцы имеют, а у тебя нет?» Он, думая поскорее от них отвязаться, отвечал: «Оттого что они здесь давно, а я недавно». Но те закричали: «А, недавно; значит у тебя деньги где-нибудь в другом месте?» — и начали опять бить его. В то время старец Герасим, которого они уже ограбили дочиста, от сострадания спустился на берег и начал увещевать разбойников: «И вы ведь христиане, и вам нужно спасение, за что вы его мучите? Он действительно бедный человек, ничего не имеет». Тогда оставили его.

Еще однажды было попущено пострадать ему от разбойников: они связали ему руки назад так туго, что он, онемевший, упал и страшно мучился. Следы от этой пытки остались на руках его на всю жизнь. Это было последнее испытание отца Гедеона. Удивительно, как он мог после всего этого жить еще столько лет в самоумерщвлении и всесторонних лишениях. Но он не оставлял и своих обычных подвигов, и только в последние два с половиной года лежал на койке, не вставая, будучи поднимаем

своими учениками, которых у него было двое. Старший, Дамиан, жил со старцем двадцать шесть лет, а второй, Косма, — восемь лет.

Во время болезни он часто говаривал ученикам: «Отягощаю я вас», — но они отвечали: «Только терпи, отче, а мы с радостью исполняем это».

Старец Гедеон во все время пустынного своего жительства спал менее двух часов в сутки, едва предаваясь дремоте. Занимаясь постоянно умносердечной молитвой, он строго держал молчание. Когда наступало время отдыха, он клал на колени подушку и, наклонив голову, засыпал, никогда не ложась на ребра, пока, наконец, болезнь не уложила его. В последние годы Дамиан убеждал старца оставить такой подвиг, говоря: «Отче, ты уже стар и болен; тебе нужно хоть немного покоя. Ложись по крайней мере тогда, когда тебе нужно заснуть». Старец отвечал: «Теперь-то нужно мне потрудиться, потому что я стар и смерть близка. Знаешь, как один авва сказал: „Если убедишь ангела лечь, то и меня, а я хоть как скот посплю“».

В прежнее время он хотя и содержал строгий пост, но пил вино и ел с маслом, когда они бывали; но в последние семнадцать лет он не ел с маслом и вина не пил, не желая никакого утешения плоти, несмотря на болезнь. Обыкновенно питался таким замесом: вскипятит воду в малом кофейнике и, замешав мукой, кушал, ничего другого не употребляя. Плоть его так истощилась, что перед смертью оставались лишь кожа да кости. Видом он был похож на великого Арсения: стар, сед, сух, высок, сгорблен, но, несмотря на жестокие страдания, лицо его было ангеловидное. Ученик Дамиан однажды за-

болел и страдал года полтора; отчаявшись в болезни, он начал просить старца, чтобы он помолился об исцелении его. Старец отвечал: «Терпи, чадо, тебе эта болезнь в большую пользу: сколько страждет человек телесно, столько душа его очищается». Дамиан спросил его при этом о молитве. Старец отвечал: «Довлеет теперь тебе терпение, а после болезни, которая тебя приготавливает к этому, займешься молитвою». — «Как же это? — спросил Дамиан. «Это делается с великим понуждением себя, — отвечал старец, — и притом не иначе как при руководителе, ибо, когда начнет человек это делание, враг начинает представлять некие мечтания и обманывает неопытных. Имя Господа Иисуса Христа и Божией Матери да не отлучаются от твоего сердца, в этом поможет воздержание. Но, что бы ты ни делал: пост ли, молитву ли и другие какие подвиги, — смиренно помышляй, будто ничего не делаешь. Если человек исправит все добродетели, но не будет иметь одного — смирения, то все они ничего не значат. Я человек не для сего мира уже, но ты всегда имей в памяти час смертный и не смотри на скоропреходящие призраки века сего: славу, богатство и все прочее — и отвращайся от всего этого, а более пекись о будущей жизни. Я много имел желаний и рачения исполнить добродетели, но встретил от врага много препятствий к тому. Испытания эти надо победить, чтобы исправить добродетели, потому что кто не терпит искушений, тот не может преуспевать в добродетели. Нужно ли мне было попоститься или помолиться — всегда враг воздвигал против сего искушения, чтобы разорить начинаемое».

Вот, например, старец положил себе за правило в Великий пост вкушать малую определенную часть хлеба и воды — в день по сто грамм, а потом менее, и доходил до самого малого количества. И вот в один пост случилось, что упали бизули около скитского соборного храма. Немедленно созвали всех потрудиться, чтобы восстановить бизули, дабы от весенних дождей не подмыло и не развалило церковного здания. Труды были нелегкие, песок таскали от моря на крутую гору. Отец Гедеон не хотел переменить свое правило и ради этой случайности уступить врагу и разрешить свой пост. Вскоре другие трудящиеся заметили и стали поносить его воздержание, называя его лицемером, — что он делает это напоказ, по тщеславию или на обличение их... Старец смиренно на это сказал: «Я себе закона никакого не полагал, но не хочется пить и есть — и не пью и не ем».

В 1869 году накануне Рождества Христова ученики спросили старца: «Идти нам на бдение?» Он, против обычая, удержал их, и оба ученика остались при старце и совершали бдение по четкам. Когда время было за полночь, они снова спросили: «Будем ли продолжать?» Старец отвечал: «Пусть Косма пойдет в церковь, а ты, Дамиан, останься при мне; может, я умру теперь». Старец велел зажечь свечу и поκαдить ладаном — это было за три часа до смерти. Заметно было, что перед смертью враг хотел сделать в мыслях старца замешательство, но посрамился: старец спокойно, в мире и радости предал дух свой Господу — сам закрыл глаза, как бы засыпая. Было 25 декабря, и в это время в соборе пели Херувимскую песнь.

Однажды Дамиан спросил старца, как стяжать непрестанную молитву. Старец ответил: «Нужно постоянно нудить себя и без крайних нужд не иметь свиданий. При начале, по немощи, произносить только „Иисусе мой“. Это удерживается легко, что бы человек ни делал и куда бы ни шел, даже при разговоре. Потом, когда усвоится молитва, прибавить „Господи“, и еще „Христе“, и далее „Сыне Божий“, а затем „помилуй мя“. Когда молитва внедрится в сердце, то она будет действовать сама постоянно, и благодать Божия нисходит и просвещает человека. При этом надо внимать этой молитве и бояться, чтобы не вознерадеть о ней, так как за малую леность молитва отнимается, и тогда предлежит трудный, кровавый подвиг, чтобы снова научиться ей.

Имей со всеми любовь и много не хлопочи о вещественном. Постоянно храни в уме твоём смерть, ибо я умираю сегодня, а ты, может быть, завтра. Если память смертная и на один час отлучится от человека, то он склоняется ко злу. Страх Божий да не отходит от тебя ни на один час. Молись за всех православных, и особенно за умерших и за милующих нас, — более за ненавидящих, и обидящих, и зло творящих. О потребностях жизни не очень пекись и не бойся — Господь не оставит, а будет промышлять. Так как ныне или завтра мы пойдем туда, то, сколько можно, пекись о том, как предстать пред Господом, дабы не лишиться Его милости. Вот и я во время жизни моей много страдал, бывал без хлеба и без всего, но Господь не оставлял, посылая чрез какого-нибудь брата

то зелени, то хлеба, и я оставался жив. Хотя я и недостойн, но и после смерти духом не отлучусь от вас».

Незадолго до смерти старца Дамиан спросил его: «Отче, ты при жизни своей не говорил нам ничего в утешение наше!» Старец отвечал: «Не говорил, чадо, а теперь скажу: во-первых, храните смирение, а все прочее оставляйте, и за одну молитву Иисусову беритесь со смирением и хранением всех заповедей Божиих.

Память смертная да будет неразлучна с вами, потому что, когда будете иметь память смертную, ум не будет развлекаться на одно или другое. Когда ложишься, тогда размышляй, что утром не встанешь; а утром, вставая, держи молитву Иисусову и Божией Матери; тогда как подвизается человек, то приходит благодать Божия и просвещает его. Тогда нужно искать и иметь руководителя опытного. Господь пошлет все, что нам на пользу, только чтоб мы не нерадели; тогда и простейшему открывает Господь, просвещая его, сказать нам на пользу.

Некоторый авва пошел в один монастырь; его окружили братия и просили сказать слово, и авва сказал: „Во-первых, храните истинное смирение; во-вторых, стяжите в трудах и искушениях, бывающих от бесов и человеков, поносящих и клеветующих, терпение; в-третьих, берегитесь от злых помыслов, особенно от осуждения: если бы глазами своими видели брата согрешающего — не верьте“. Еще: спасающиеся и подвизающиеся для будущей жизни испытываются разными искушениями для искуса; все надобно терпеть и не давать места врагу, и терпением все пройдет».

Старец Геден так тихо говорил, что Дамиан с трудом мог разбирать его беседу. Еще когда только Дамиан поступил к старцу Гедену, то известный тогда старец, иеромонах Антоний, сказал ему: «Держись этого старца; я его знаю с молодых лет, он всегда находится в молитве и плаче пред Господом и Божией Матерью». Дамиан много раз замечал за отцом Геденом, что от плача в молитве стеснялся дух его, и когда спрашивал старца: «Что с тобою, отче?» — старец отвечал: «Ты не знаешь этого!» О молитве старец говорил: «Надо удаляться от всех вещей мира и не любить их, пребывать в мире душевном и никого не осуждать; кто желает навывкнут в молитве, должен хранить эти три».

Беспопечительность старца была такая, что хоть неделю, бывало, просидит без хлеба, не печалится о том. Так поступал он во всем, и все свое внимание устремлял к Богу, Который и посылал ему потребное после такого испытания его веры и всецелой преданности Ему. Бывало, когда приходил Дамиан откуда-то с торбой, утомленный, старец заставлял его спать, и если Дамиан исполнял это, то бывал спокоен духом.

На руках сего же Дамиана скончался известный всем прежним отшельникам духовник отец Христофор. Он перед смертью говорил собравшимся к нему: «Отцы, держите молитву Иисусову и, когда душа моя отрешится от тела, тяните за меня четки, чтобы Господь сотворил со мною милость». Говоря это, Христофор скончался, будучи преклонных лет. Лицо его просветилось, и все прославили Бога.

Духовник Христофор по прибытии на Святую Гору поступил к старцу Захарии, жившему на

келлии Вознесения Господня в Кавсокаливии. По кончине старца он крайне стеснялся возлагаемой от скита обязанности дикеея, духовника и прочего и, продав келлию, переселился на место, называемое Яннокопуло, вблизи пещеры преподобного Афанасия.

Старец длиннобрадый¹

В начале XIX века жил в Кавсокаливитском скиту блаженнейший старец. Борода его была как у преподобного Онуфрия и преподобного Петра Афонского — на четверть лежала на земле. Когда кто желал посмотреть ее, то старец становился на скамейку, и тогда она висела до земли.

Этот старец прежде был первый и славный певец по всему Афону, и не было подобного голоса во всей Святой Горе. Во все монастыри просили его на праздники для пения. В один праздник пел он всенощное бдение и потщеславился своим голосом. После того пропал у него голос, и не мог он уже ничего петь и оттого впал в великую скорбь. Сказывали: было ему видение и от Царицы Небесной извещение, что отнялся у него голос за то, что не умел им владеть, а только тщеславился; но что в утешение дана будет ему великая борода; только бы паки не тщеславился, а то и ее лишится. И начала расти борода его, и выросла на четверть ниже ног. И он всегда носил ее подвязанной и показывал только тем, кто пожелает посмотреть.

В одно время в Константинополе султан Махмуд проезжал мимо патриархии. И захотелось

¹ Дата кончины — 1835 г. — *Примеч. ред.*

*Насельник
из Пантелеимоновского монастыря;
фотография иллюстрирует,
какие бороды бывают
у монашествующих*

ему по любопытству посмотреть христианскую церковь. Встретил его сам патриарх; султан долго все рассматривал в храме. Увидав икону святых Петра Афонского и Онуфрия Великого, он сказал патриарху: «Вот у вас тут басни изображены; как возможно, чтобы у людей такие были бороды?» Патриарх ему смиренно ответил, что это не ложь, а истинная правда, и что в нынешнее время на Горе Афонской есть монах, который имеет такую длинную бороду. Султан скоро послал за ним. Он же приехал и явился к султану. Тот приказал показать ему бороду, и монах встал на диван и распустил свою бороду. Султан весьма удивился, что борода длиннее, нежели какие на иконах видел. Потом сам захотел испытать и увериться — не подделана ли она; взял один волос от самого подбородка и вел по нему рукой до самого конца; так пробовал три волоса. Потом, смотря на бороду, сказал: «У христиан, что есть писано, то все сущая правда!» А монаху дал фирман, чтобы оба они с учеником до смерти дани не платили, а жили на льготе.

Старец Хаджи-Георгий

Старец отец Георгий, по прозванию Хаджи-Георгий, родился в 1809 году в Турции, в селении Кермил, в митрополии Каппадокийской. Богатые по той местности родители его именовались Иордан и Мария. При крещении ему было дано имя Гавриил. По достижении отроческого возраста он был отдан родителями в школу, но грамота Гавриилу не давалась, и в течение четырех лет он не только не выучился читать по складам,

но и самый алфавит едва мог заучить. За это учитель в школе и родители наказывали его; от страха наказания он стал бояться и школы и дома и убегал за селение, где проводил время по месяцу и более в тамошних пещерах, которых там великое множество еще от времен языческих, и прятался там до тех пор, пока кто-нибудь из родных не отыщет его. От своей тетки монахини, у которой он иногда бывал в монастыре, слышал, что есть святые люди, называемые затворниками, которые всегда постятся и молятся Богу. Вот и ему пришло желание укрыться в тех пещерах, поститься и молиться Богу, и он стал укрываться там часто, подолгу, клал множество поклонов, постился дня по три и по четыре, ничего в рот не принимая, а когда изнемогал, то питался огородными овощами или дикими плодами, растущими в лесу, а хлеба часто и по месяцу не видал. Не оставляла его скорбь о том, что он не мог выучиться грамоте. Бывало, сами родители, видя его скорбящим, говорили ему: «Гавриил, иди в церковь и молись Божией Матери, Она тебе поможет научиться».

В приходском их храме есть чудотворная икона Божией Матери, и вот он, пропостившись три дня и положив тысячу поклонов, отправился в церковь и для того, чтобы не заметили родные, избрал ночное время. Вошедши на паперть, он пред церковными дверьми пал ниц на землю и со слезами стал умолять Божию Матерь: «Даждь мне, Матерь Божия, выучиться грамоте!» Вдруг железные двери отворяются: является благолепная Жена, берет его за руку, подводит к местной иконе Спасителя и произносит к Нему: «Сыне Мой,

Старец Хаджи-Георгий

даждь сему отроку Гавриилу выучиться грамоте». С этими словами Она благословила его и дала ему руку поцеловать. «Теперь ты, — сказала Она, — выучился грамоте». Сказав это, Она вошла в северные двери алтаря. Видя, что Она не выходит, Гавриил поспешил за Ней в алтарь, но там не нашел. Обошел потом кругом всю церковь, но Жены нигде не мог найти. Когда настало время богослужения, пришел пономарь и, отворив двери, увидел Гавриила. В изумлении, смотря на него, он спросил: «Как ты попал сюда?» Гавриил подробно рассказал о всем случившемся. Пономарь для удостоверения в истине случившегося взял и подал ему книгу и говорит: «На, прочитай; умеешь ли ты читать, как Она сказала? Выучился ли ты теперь грамоте?» И Гавриил стал читать хорошо и внятно. Тогда пономарь сказал: «Да, это была Божия Матерь, а не простая женщина!»

С тех пор родные стали уважать его, и он безбоязненно стал собирать своих товарищей в те пещеры, и устроили нечто вроде монастыря, и Гавриила избрали в игумены. В то время ему было около четырнадцати лет, и скоро он с односельчанами поехал в Константинополь.

В пути, проезжая мимо одного места, прекрасного и уединенного, ему пришла мысль: здесь, в этом лесу, должно быть, живут пустынники. Гавриил оставил спутников и пошел их искать, но, к прискорбию своему, никого не нашел. Спутников своих он упустил из виду и дорогу назад потерял в лесу. Испугался Гавриил и стал призывать на помощь святого великомученика Георгия, своего соотечественника. Вдруг показался вдали

молодой всадник на белом коне и, приблизившись к Гавриилу, говорит ему: «Видно, ты дорогу потерял?» — «Да, потерял», — ответил Гавриил. Всадник был в прекрасном воинском одеянии, и Гавриил не осмеливался с ним разговаривать. «Иди за мной», — сказал он Гавриилу и вывел его на дорогу, откуда тот увидал своих спутников и догнал их.

По прибытии в Константинополь Гавриил прежде всего поспешил побывать у своего родного дяди, который занимал должность при дворе султана Махмуда II (1808–1839) и вел большие дела по доставке разного продовольствия для турецких войск. Завистливые армяне [в свое время] оклеветали его, и донос клеветников имел силу, так что он должен был лишиться жизни. Во избежание смерти он решил потурчиться¹. Приняв магометанство, он вошел в большое доверие и милость султана, сделался одним из близких к нему и часто находился во дворце.

Гавриил весьма желал вывести дядю своего из этой пропасти, и Господь помог ему. И не только дядю, но с ним и одного священника и еще других нескольких человек, потурчившихся, он успел возвратить в христианство. Все они втайне снова стали христианами, но еще некоторое время оставались на прежних местах служения.

Целый год Гавриил находился во дворце султана. Султан заметил его и спросил дядю о нем; потом султан Махмуд лично беседовал с Гавриилом и весьма полюбил его. Находясь во дворце, Гавриил не увлекался роскошной жизнью: его днев-

¹ Потурчиться — быть в услужении у турок, приняв их веру. — *Примеч. ред.*

ной пищей была горсть ячменной крупы, сваренной в воде. Султан знал об этом и также о том, что ежедневно он полагал по пятьсот поклонов, и говаривал своим приближенным: «Кто научил такого молодого человека так поститься и молиться?»

Об этом султанине, благодетеле христиан, говорили, что он был тайный христианин. Старец Хаджи-Георгий так говорил о нем: «Султан Махмуд втайне христианин!» Большой его заслугой перед христианами было то, что при нем уже можно было и поправить обветшавший храм, и построить новый. Он дал до двух тысяч фирманов на построение новых церквей. После разрушения в 1821 году маленькой часовни в Балуклии, построенной над Живоносным Источником Божией Матери¹, на месте древнего великолепного храма, султан Махмуд, по ходатайству патриарха Константина I, позволил христианам возобновить церковь, которая, по недостатку средств, была построена в меньших размерах, причем известная благотворительница, русская графиня Анна Орлова-Чесменская, пожертвовала большую сумму. Султан Махмуд даже приказал уничтожить магометанское кладбище, бывшее на том месте, а могильные камни отдал христианам для постройки. Еще он пожертвовал две большие иконы святого

¹ Пресвятой Богородицы Живоносный Источник в Балыкы (Балуклии) расположен недалеко от Константинополя, позже над ним был возведен храм. Теперь там расположен монастырь Балыкы (с тур. — «красная рыбка») — по преданию, рыбы, водившиеся когда-то в купели Живоносного Источника, были необычно красного цвета. — *Примеч. ред.*

Предтечи, перед которым он благоговел, и отца Предтечи — святого пророка Захарии, и одно серебряное паникадило. Кроме этого, он оказал великое благодеяние Иерусалимской патриархии, которая была должна богачам-евреям 36 000 золотых лир. Султан узнал об этом и потребовал к себе все документы этого долга. По рассмотрении он решил, что очень много уплачено процентов, уничтожил все эти документы и строго приказал евреям, чтобы впредь не смели упоминать об этом долге.

Из записок инок Парфения

После российской войны султан Махмуд сделался добр и милостив к христианам, он освободил множество заключенных христиан и в Константинополе выстроил церковь в Балуклии за свой счет. Иногда он долго сиживал с патриархом и разговаривал. Христиане на него смотрели как на отца; турки же его ненавидели, называли неверным и христианином и нам говорили: «Теперь вы дождались своего царя; теперь уже султан — ваш христианин». Много он переменял турецких обычаев. И смерть его, говорят, была насильственная, потому что накануне вечером был здоров, ездил на каяке, а утром объявили, что умер.

Видя кругом себя честь и славу суетной мирской жизни и что трудно со всем этим бороться, Гавриил стал молиться Божией Матери, просить вывести его и указать ему путь спасения. Однажды, будучи за божественной литургией в патриаршей церкви, Гавриил со слезами молился пред иконой Божией Матери, что за патриаршей кафедрой,

мозаичной работы. Когда окончилась литургия, он не вышел вместе с другими, а остался еще молиться, желая получить откровение. И Царица Небесная, как рассказывал многим сам старец, услышала его скорбь и молитву: ему показалось, что Она сошла к нему с иконы в белом одеянии и спрашивает его: «Чего ты хочешь?» — «Хочу спастись!» — ответил Гавриил. Матерь Божия тогда сказала: «Выйдешь из церкви, иди к Фанарным воротам на пристань, где увидишь монаха, с которым поедешь на Афон». Сказав это, Она снова вошла в икону.

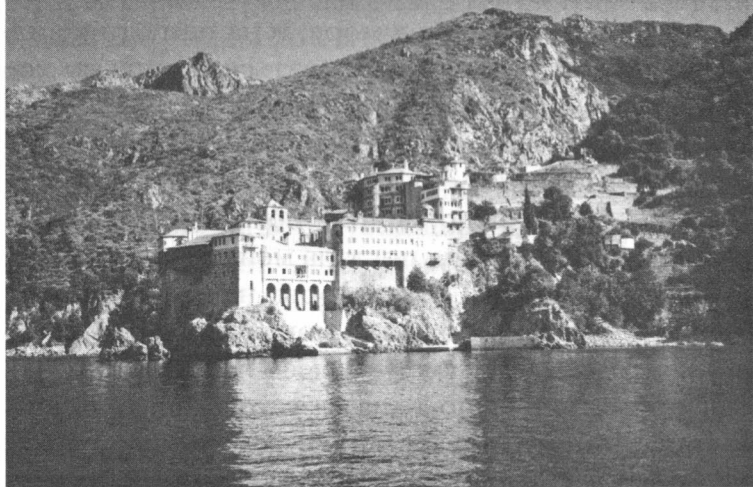
Гавриил поспешил на пристань и, действительно, увидел монаха: постный старец, борода седая и длинная. Это был игумен Григориатского монастыря отец Григорий. Гавриил упал ему в ноги и стал просить его, чтобы взял его с собой на Афон. Игумен смотрит на него и говорит: «Святыми отцами и постановлениями патриархов запрещено принимать на Афон не только мальчиков, но даже в летах, если они без бороды; так что об этом и не говори — на Афоне не быть тебе до совершенных лет». Выслушав отказ, опечаленный Гавриил рассказал о том, как он видел Божию Матерь и что Она ему сказала, дабы этим убедить старца взять его с собой. Тот задумался, но после краткого недоумения снова говорит: «Нет, я не могу взять тебя!»

Все это происходило в присутствии капитана того судна, на котором игумен должен был отправиться на Афон. Видя такое сильное желание молодого человека отправиться на Афон и слыша отказ игумена, капитан сжалился над ним и помог

ему исполнить его желание. «Судно скоро пойдет на Афон, — сказал он, — так ты пойдя и спрячься в судне, а после, когда выйдем далеко в море, ты откроешься ему, и тогда поневоле возьмет». Он так и сделал: судно вышло в море, и на нем отправился Гавриил. Не смея показываться старцу во все время плавания, он решил открыться ему только тогда, когда они уже подплывали к Афону. Он подошел к старцу и упал ему в ноги. Игумен промолчал. Гавриил был в недоумении, но одно он держал в уме: «Матерь Божия послала меня на Афон!»

Выйдя на берег Святой Горы, на пристань Григориата, Гавриил вошел в монастырь. Это было в 1825 году. Сам игумен и здесь не только не хотел принять его, но и на глаза его не допускал. Гавриил стал изливать свою скорбь некоторым из братии, которых тогда было немного. Братия упростили игумена принять юношу, и он согласился. Ему дали послушание на кухне. При начале жизни Гавриила в Григориате, как он сам рассказывал, на храмовый праздник святого Николая, по случаю непогоды, не могли наловить в море свежей рыбы для трапезы. И что же? Вдруг несколько больших рыб выбросились на берег около монастыря накануне праздника, и братия собрали чудно дарованную рыбу, которой было вполне достаточно.

По отъезде Гавриила из Константинополя его дядя возвратился в христианство и скрылся. Преодевшись в одежду бедняка, он прибыл в Смирну и здесь приютился при церкви, исполняя должность сторожа и пономаря. Чрез восемь лет покаянной жизни он мирно скончался в Светлое Христово Воскресение.

Монастырь Григориат

Недолго Гавриил прожил в Григориате. Он услышал, что есть в Кавсокаливитском скиту опытный старец-духовник Неофит Караманлис, соотечественник его, и подвизается в келлии святого великомученика Георгия. Вот он и задумал пойти к нему и проситься в послушники.

Старец Неофит принял его. Так как в то время, по случаю греческого восстания, вся Святая Гора была занята турками, то большая часть монахов оставили Афон, и в скиту жили немногие. Отец Неофит часто удалялся в пещеру преподобного Нифонта, и теперь, желая хоть в главном не нарушать патриарших и отеческих запрещений относительно приема юных и безбрадных, а вмес-

те, чтобы сохранить Гавриила от варварства турок, он поселил его в пещере рядом с пещерой преподобного Нифонта. Здесь он подвизался, никем не видимый, около четырех лет.

Когда настало мирное время, старец отец Неофит купил келлию святых апостолов на Керасье. Тут они жили года три-четыре. В это время старцу было видение, после которого он решил принять и установить для себя и учеников своих «устав совершенного постничества» — никогда и ни по каким причинам не употреблять ни сыра, ни яиц, ни молока, ни рыбы, ни масла, ни вина. Всю же непостную провизию, бывшую у них, старец отправил в Лавру. Потом он купил другую келлию — святого великомученика Димитрия, за четыреста левов. Здесь он постриг Гавриила в схиму с именем Георгий. Хотя в омологии келлии отец Георгий был записан за старца, но пока был жив сам старец, он считался хозяином и руководителем.

По закону своей родины отец Георгий не имел права учиться и говорить по-гречески и знал только по-турецки. Сам старец Неофит выучился греческому языку уже на Афоне. По этой причине отец Георгий долго не мог разговаривать с другими, кроме только старца, почему он был принужден пребывать почти в совершенном молчании. В течение нескольких лет старец Неофит не позволял ему входить внутрь храма, а только в притвор, откуда он и слушал богослужения. Благоговейный и простосердечный отец Георгий был уверен, что старец служит с ангелами, потому и не допускает его входить внутрь. В течение двенадцати лет отец Георгий по велению старца еже-

дневно ходил на вершину Афона, кроме лютой зимы, чтобы там заправить лампы перед иконами в маленьком храме Преображения Господня.

Однажды отец Георгий был одержим лютой плотской страстью, и, чтобы победить ее, он начал поститься — не ел и не пил двенадцать суток, но брань продолжалась, и он решил пропоститься сорок дней. И был ему голос: «Если и дважды сорок дней будешь поститься, брань не пройдет, если не смиришься!» А он в это время что-то имел против старцев. Тотчас пошел он к старцу, сделал метание, сказав: «Прости меня, отче!» И когда тот благословил его и положил свою руку на главу его, брань прошла тут же.

Однажды Хаджи-Георгий, по искушению бесов, ушел от старца, тогда бесы стали ублажать его и в виде ангелов как бы восходили на небо и нисходили, причем Хаджи-Георгий заметил в действиях их какую-то поспешность и торопливость. Они заставляли его поклониться им и обещали даровать ему благодать Святого Духа, но когда Хаджи-Георгий призвал молитвы старца своего, то все это исчезло.

В другой раз, когда Хаджи-Георгий жил еще со старцем, явился ему бес в виде молодого человека с мулом, который стал приглашать его к себе, обещая, что он и его товарищи сделают его своим старцем и ему будет у них хорошо жить; но Хаджи-Георгий познал бесовскую прелесть и тогда увидел, как бес вместе с мулом стал подниматься в воздух и исчез.

В одно время отцу Георгию пришло желание мученичества — желание пламенное и неодолимое.

Шестьдесят дней он молился Богу, все время стоя на ногах, восклоняясь только на посох для краткого отдыха, пищу употреблял раз в неделю, приготавливаясь к великому подвигу. По окончании шестидесятидневной молитвы он пошел к великому старцу Илариону грузину испросить его совета и молитвы на подвиг. Отец Иларион отвечал: «Я не приял еще от Церкви власти давать советы на подобные вопросы». Но Хаджи-Георгий со слезами просил решить: угодно ли его намерение Богу? Наконец отец Иларион сказал: «Если ты хочешь получить ответ, то иди к старцу отцу Венедикту грузину. Придя к келлии, найдешь в таком-то месте в стене веревочный узел, потяни три раза, и старец выйдет, подумает, что я пришел. Тогда пади ему в ноги и расскажи ему свое дело и проси наставление, и что он тебе скажет, то и исполняй, ибо это то, что угодно Богу и тебе на пользу». Хаджи-Георгий сделал все указанное, и когда вышел отец Венедикт, он принял его благословение и говорил о своем желании мученичества, ради чего он стоя молился Богу шестьдесят дней. Отец Венедикт понял, что он послан отцом Иларионом и, прежде нежели отвечать отцу Георгию по вопросу, начал себя упрекать: «Вот ты, Венедикт, столько лет живешь здесь, но не имеешь таких подвигов, и вот новоначальные превосходят тебя. Когда ты так бдел, чтобы простоять на молитве столько времени? Когда ты так постился, как этот раб Божий?» Говоря сие, он не столько укорял себя, как вразумлял Хаджи-Георгия, чтобы тот не полагался на эти подвиги и не возмечтал, что он сделал нечто великое. Старец знал, что ни чрез-

мерный пост, ни протяжная молитва не принесут пользы, если они не будут соединены с глубоким смирением и любовью.

Хаджи-Георгий принял эти слова за укор себе и слезно стал просить, чтобы старец решил, как ему поступать, ибо без совета опытного он не дерзает на такое дело. Отец Венедикт отвечал: «Если я и скажу тебе, ты меня не слушаешь и будешь искать, чтобы исполнилось твое желание. Однако можешь отправиться на мученичество; только совершенного мученичества не получишь, а претерпишь много. Настоящее мученичество придет к тебе само впоследствии, на Афоне, чрез юную братию, которая соберется к тебе».

Сказанное отцом Венедиктом оправдалось в точности: Хаджи-Георгий отправился в турецкий город и, чтобы больше раздражить против себя турок, начал собирать мальчиков и учить их о Христе и заставлял их делать крестное знамение; тут-то и напали на него турки. Долго и усердно били его и потом прогнали из города. После многих безуспешных попыток ожесточить турок до того, чтобы отрубили ему голову, он должен был возвратиться на Афон без успеха, только избитым и израненным. Так сбылось первое слово отца Венедикта; так потом исполнилось и второе: много ему пришлось претерпеть от своей братии.

Из записок отца Пантелеимона

Около 1870 года несколько раз отец Пантелеимон побывал у Хаджи-Георгия. Старец Хаджи-Георгий живет в Керасье, в большой ветхой келлии святого великомученика Димитрия, и имеет

тридцать учеников, греков и русских. Он известен всему Афону и почти всем бывающим на Афоне паломникам, в особенности тем из них, которые восходили на вершину горы, так как отсюда, с его келлии, начинается подъем туда. Возвращаясь, паки у него побывают и поэтому все его знают по страннoлюбию его, чисто Авраамскому: все, кто бы ни пришел, кушают безвозмездно, и он не скорбит и не жалеет. Старец имеет и мулов и ими оказывает большую услугу тамошним русским келлиотам. Хаджи построил большую мельницу, которая ему была очень дорога и была причиной больших неприятностей, но зато она принесла великую услугу всем окрестным насельникам. Имеет он небольшое пчеловодство и собственный каяк, на котором привозит из разных мест и свои и других вещи до пристани вниз, на море. Средств запасных никогда не имеет, даже часто бывает в долгах; но Господь как бы невидимо посылает ему вознаграждение за его страннoлюбие. Ученики его — это сущие ангелы. Старец держит их на пути спасения весьма сурово и строго. Они преимущественно молодые, и он, для пользы их и для соблюдения от нескромного взора заходящих к ним, велит им намазываться сажей; и часто можно встретить у него монаха, запачканного сажей и грязью, похожего на какого-то черномазого. Лавра, узнав об этом, приказала оставить эту странность, хотя и с доброй целью придуманную старцем. Во избежание того же соблазна нескромного взора заходящих у него все ученики постриженные, ни один не носит длинных волос. Между учениками есть и весьма замечательные, но иеромонах Мина — просто

святой жизни человек. Он сохраняет к своему старцу такое же послушание, как и новоначальные.

На всякое дело и вечером, идя спать, все берут у старца благословение и отходят молча по келлиям. Самого Хаджи-Георгия нельзя отличить не знающему его не только от какого ученика его, которые всегда грязные и оборванные, но и от простого рабочего: так ведет он себя серо и просто. Келлий у него никто не метет, блох и клопов не выметают, почему только разве крайнее утомление даст возможность заснуть в его келлиях.

Они вовсе не употребляют масло, вино, рыбу, сыр и яйца, а довольствуются самой скудной пищей; труды их изумительно велики. Мне очень понравилось одно из правил старца: не только когда бывает общее послушание или когда несколько человек вместе работают, но если и двое, то один непременно вслух читает молитву Иисусову во избежание празднословия.

Рукоделие их — иконопись, но большая часть учеников занимается разными тяжелыми работами. Климат здесь целебнее всех других мест на Афоне, что заметили еще древние языческие писатели, так как все жители бывшего тут города Акроафос жили подолгу. У Хаджи-Георгия же умирают больше молодые и очень часто; все утверждают, что эта преждевременность отхода в вечность — от строгого воздержания и чрезмерных трудов. Скорее всех умирают иконописцы. Старец все это видит, но не изменяет своего устава совершенного постничества, хотя не раз просили его о смягчении и по крайней мере дозволить постное масло, но старец не согласился. Просили

тогда только о дозволении вина, но и тут старец не сдался. Случалось, что некоторые посетители до того смущали учеников старца жалобами на его непреклонность, что те решались, для большего воздействия на него, уходить по нескольку человек, и особенно из иконописцев, но и тогда старец оставался непреклонен.

Возмущение против постного устава, наконец, стало до того общим, что вступилась Лавра, приняв сторону учеников. Тогда старец смирился, но в чем? Ради немощных он завел пчельник, насадил виноградник и не стал продавать крупные орехи, и из толченых орехов делал приправку к вареву, а виноград и мед подают братии в определенные дни.

Так как они проводят жизнь очень подвижническую, то им стали делать много заказов для России, хотя из иконописцев только один иеромонах Мина весьма хорошо пишет иконы.

По виду старец — самый незавиднейший простец и невежда, но в беседе с ним ясно выказывается его мудрость, опытность и глубокая начитанность. Во всякой скорби, во всяком недоумении у него найдется разрешение и утешение.

Однажды бес, заклятый старцем Хаджи-Георгием в одном человеке, сказал ему, что ни о чем столь не тщится, как о том, дабы разорвать связь послушания старца с учеником, и что тогда уже в его власти будет ученик, но бес очень неохотно это говорил, понуждаемый силой Христовой.

Когда сам Хаджи-Георгий стал руководителем других, то ему было откровение: около послуш-

ных иноков стоял ангел, и внушал им все полезное, и, возбуждая их, укреплял в молитве; а послушников бес поучал на все противное, спутывая их мысли.

Однажды к Хаджи-Георгию приведен был выкрещенный турок, бесноватый, который по молитвам старца избавлен был от беса и стал говорить по-гречески, не учившись. Прожил он у старца подвижнически три года и перед кончиной сподобился явления Господа.

Из записок русских паломников

Пять русских паломников посетили Хаджи-Георгия в 1879 году, когда старец жил в келлии святого Стефана около Кареи. «Встретил нас сам старец отец Георгий с такой истинно отеческой любовью, как Авраам. В жизни моей мне впервые привелось видеть смирение такого маститого старца. Одежда на нем довольно простенькая: подрясник из белого русского холста. Говорит он мало, но слова его глубоко ложатся на сердце, производят впечатление и наводят на мысли о загробной жизни. Нам, странникам, подали „учреждение“: чай, хлеб, мед и бекмен — напиток собственного их приготовления из виноградного сока, не имеющего ни кислоты, ни спирта. Старец вместе с нами разделял трапезу и в продолжение оной давал нам наставления, как нам вести себя во время пребывания нашего здесь, на Афоне, и как — по возвращении в мир. Прежде всего старец убеждал нас чистосердечно исповедать свои грехи духовнику и потом здесь же, на Афоне, приобщиться Святых Таин. О посте во время

говения говорить нечего: здесь всегда Великий пост. Исповедовались у русского духовника — иеромонаха Антония, ученика отца Георгия.

С вечера было отслужено всенощное бдение, а наутро, в воскресный день, причащались. После этого старец сделал нам наставление: „Знайте, чада мои, что какие были доселе на вас грехи, Господь их простил все, от рождения, но с тем, если вы впредь не будете впадать в оные; напротив, если во едином согрешите, всем будете повинны. Вы решились оставить отечество и родных; решились переносить скорби, которые могли встретить вас на пути; и все это ради душевного спасения вы предприняли. Господь, видя ваше доброе намерение, по исповеди простил все ваши грехи. Вот вы теперь пойдете по горе и будете на вершине Афона; там положите каждый по сорок поклонов, с молитвой Иисусовой, и там оставьте каждый свои страстные привычки: если кто имел пристрастие к табаку — отселе оставь эту гнусную страсть; если неумеренно употребляли хмельные напитки, то ради Господа, вкусившего за тебя оцет с желчью, положи в душе своей начало: отселе никогда не употреблять их. Эти и многие другие подобные им страсти, какими ты был одержим, оставь там, на горе, и твердо в сердце своем положи впредь более не прогневливать ими Бога. Исполни это — и Господь всегда будет с тобой. А если, как человек, в чем опять согрешил, иди скоро, не медля, к духовнику, очисти совесть свою исповедью, а не дожидайся обычного времени для исповеди, как это делают по неразумию некоторые. Вот простой пример: если ты белье свое замарал, тотчас

переменишь его и стараешься вымыть; а душа ведь намного дороже белья, и ты оставляешь ее в небрежении, загрязненной на целый год или еще более и нимало не заботишься о душе своей, что она у тебя не только что загрязнена, но и смердит от ран греховных“.

Много еще он говорил нам наставлений как из Священного Писания и житий святых отцов, так и из собственного опыта, и мы в продолжение трех недель наслаждались его благодатной беседой. Наконец, мы взяли у него благословение походить по всему Афону и просили дать нам проводника, знающего греческий язык».

По смерти старца Неофита Караманлиса в 1860 году отец Хаджи-Георгий стал старцем, и до 1873 года он подвизался на Керасье со своими братьями и учениками.

Отец Георгий привлек к себе весьма многих учеников — все бедные, убогие и больные имели радушный приют у старца, все к нему имели доступ, так как двери убогой его келлии ни днем, ни ночью не запирались; всякий желающий шел прямо к нему и объяснял ему свои нужды, свои скорби и помыслы. За больными сам старец ухаживал, это был для всех нуждающихся родной отец. Сами турки называли его «бизим баба», то есть «наш отец». Много было известных старцу и таких пустынников, которых другие не знали; он снабжал их самым необходимым.

Если кто, бывало, заболел из его братства, то обыкновенными лекарствами никогда не лечили, а часто приобщали Святых Таин. В случае большого изнеможения совершали над ним таинство

елеосвящения; когда же становилось заметно, что приближается к смерти, а в схиму еще не пострижен, то немедленно постригали и усугубляли за него молитвы. Старец Хаджи-Георгий более ста человек своих учеников похоронил своими руками в разных местах Афона, и большей частью русских и молодых, не выносивших, при усердных подвигах, перемены климата на Афоне.

Некоторые, конечно, нарушали постный устав старца, но таковые, если не раскаивались и не имели желания оставить допущенных себе послаблений, то или сами уходили, или же сам старец советовал таким и благословлял искать себе места, где полегче им будет. «Иди туда, — говаривал старец, — где все предлагается, а не навлекай на себя проклятие тайноядением. В Номоканоне¹ святого Василия Великого сказано: „Иже разоряет устав духовного отца своего, проклят да будет и при животе и по смерти!“»

Те же, которые не ради немощи, а по прихоти чревоугодия уходили от старца, перед кончиной сознавали, что они потеряли через то, и много скорбели, что малым временным успокоением они лишали себя великих благ. Так случилось с монахом Михаилом: он заболел и долго не нарушал постничества, но наконец не вытерпел, стал употреблять всякую пищу и еще захотел лечиться. Старец не благословил. Тот не послушал, отправился в Смирну и там лег в больницу, где первым долгом дали ему мясной бульон. Пролежал он там несколько месяцев, а болезнь не только не уменьшалась, но

¹ Номоканон (церк.-слав.) — собрание законов или правил церковных. — *Примеч. ред.*

все более увеличивалась, и наконец он почувствовал близость исхода. Теперь, на грани жизни, он познал свою ошибку и преслушание и стал плакать и призывать своего старца на помощь. Плачу его многие сочувствовали и спрашивали: кого он призывает? И узнали, что он — афонский монах и зовет своего духовного отца. Это предсмертное раскаяние очень подействовало на некоторых, так что со временем они оставили мир и уехали на Афон. Они и рассказали об этом.

Другой монах, Христофор, в течение пяти лет исполняя в точности святое послушание старцу в совершенном отсечении пред ним своей воли, напоследок, почувствовав упадок сил, осмелился обратиться к старцу с такой просьбой: «Отче, отпусти меня!» Старец ответил: «Ты мне мало служил и просишь отпустить тебя?»

Простосердечный Христофор отвечал: «Мало, да, а в совершенном послушании за пять лет я тебе ни в одном слове не прекословил; так, покуда ты жив, отпусти меня, а то, когда помрешь, я без тебя все это могу потерять».

Старец, помолившись Богу, велел ему быть готовым через несколько дней. Проходят дни, Христофор напоминает, что осталось уже немного. Совершили всенощное бдение, затем особоровали его и приобщили Святых Таин. Наконец приходят за душой его ангелы Божии; тогда он говорит собравшимся вокруг него братьям: «За мной пришли, простите меня!» Простились с ним братья, а потом и старец благословил его со словами: «Иди ко Господу и молись там о нас!» — и он в мире предал дух свой. Так почил блаженный юноша Христофор.

Один из учеников Хаджи-Георгия ушел в мир и пал во многие грехи и, несмотря на то, принял хиротонию в диакона. В этом сане он впал в блуд, но, раскаявшись, возвратился к старцу и провел сорок дней в великом покаянии, так что предузнал свою кончину. Он просил старца принять его опять в число своих учеников — что старец ему и пообещал — и с миром отошел ко Господу.

Другой ученик старца, бывший при смерти, сподобился небесного явления: явились ему в виде диаконов четыре ангела и сказали ему, что посланы за ним. Больной отвечал им, что без благословения старца своего он не может отправиться с ними, и объявил обо всем этом старцу. Опытный в духовной жизни отец Георгий, опасаясь, нет ли тут прелести со стороны духа тьмы, преобразующегося, по слову апостола, в ангела света, отвечал ученику: «Скажи пришедшим за тобою, что ты еще не готов; пусть придут они через два дня». Так он и сделал. Больной испрошенный им небольшой срок жизни провел в непрестанной молитве, и по прошествии двух дней, в тот же час, явились ему небожители и, отделив душу от тела его, вознесли ее в райские небесные селения.

Однажды старцу Хаджи-Георгию было видение Божией Матери: по правую Ее сторону стоял в виде воинов лик ангельский, а по левую — бесы в виде турецких солдат, и к Ней на суд приводили неградиво живущих на Афоне монахов. Она сказала: «Я не терплю, чтобы такие неградивые жили в Моем жребии», — и повелела туркам избивать их, а по убиении тела их бросали на воздух.

Случалось, конечно, что некоторые неопытные противоречили и грубили старцу, но такие скоро или заболели, или впадали в иные какие-нибудь скорби. А если некоторые совсем выходили из границ терпимого, то недолго продолжалась их жизнь. Которые же не хотели более оставаться у старца по каким бы то ни было причинам, то старец не стеснял и не удерживал [их], а только говорил: «Если ты у меня будешь жить и окончишь жизнь — спасешься: я ручаюсь пред Богом; а если уйдешь — я не отвечаю».

Многие из учеников Хаджи-Георгия жили отдельно в разных местах, в малых калибках, в совершенной бедности, не имея часто и дневного пропитания. Однажды за Великий пост он постриг в схиму таких бедняков тридцать пять человек, снабдив их для этого и своей одеждой. Старец имел большую веру в Бога, полученную им после многих скорбей и лишений; сам входил часто в долги, а всех приходящих бедных всегда старался по возможности всем необходимым удовлетворить.

К числу его великих заслуг должно отнести и то, что он успел обратить ко Христу несколько турок и даже одного агу — турецкого начальника. Приготовленный ко крещению ага уже прибыл к старцу на Керасью для тайного принятия таинства, но вдруг напали на него разные помыслы, и на окончательное предложение старца, что все уже готово, он совершенно отказался креститься. Глубоко опечалился старец и много употребил усилий, чтобы успокоить агу, наконец достиг своего сердечного желания и крестил его. Старец стал его крестным отцом.

Один из учеников старца, Паисий, сын богатого купца, пришедший к Хаджи-Георгию в юных летах, в самом начале подвергнут был жестокому искушению — как только он пришел, то старец его прогнал, и Паисий целую неделю провел на холоде, ожидая милости от старца. Прожив несколько лет у старца, он смутился и хотел возвратиться в мир, но старец о нем усердно молился Божией Матери и сподобился видеть святых ангелов, возносивших его молитву Божией Матери, написанную на хартии, и Царица Небесная даровала Хаджи-Георгию Паисия. Тот провел потом шесть лет в подвигах и совершенном послушании и молчании и при кончине сподобился видеть Господа.

Сей Паисий имел уговор со старцем, что он прежде него умрет. Однажды старец смертельно заболел. Душу его уже несли ангелы на небо, и он видел неизреченной красоты райские селения, и видел он, что ангел, несший его душу, имел спор с Паисием, который говорил, что он со старцем условился, дабы прежде ему умереть, — и превозмог Паисий. Старец был возвращен к жизни и, очнувшись, увидел вокруг себя плачущих учеников.

Однажды, когда старец Хаджи-Георгий занимался рукоделием, нечаянно он проглотил большую иглу. Имея веру к святому мученику Мине, он обратился к нему с молитвой, и святой предстал перед ним, спустил руку в его гортань и извлек иглу.

Инок Исаакий, сподобившийся принять священный сан, жил у старца двадцать пять лет очень хорошо. Великое он имел усердие к молитве, и в ночное время он всю Псалтирь выучил наизусть. Но потом, по действию вражескому, он стал кое-

что приобретать тайно от старца и хранить под замком в своей келлии, за что по попущению Божию был поражен бесами замертво. Тогда старец взял святую воду, окропил его крестообразно, и Исаакий пришел в себя и бросился старцу в ноги, прося его избавить и взять все, что он тайно хранил у себя. Прожив богоугодно, при кончине он сподобился ангельского явления.

Однажды старцу Хаджи-Георгию явился святой Николай Чудотворец, который сказал ему: «В среды и в пятницы я не сосал сосцев матери, а ныне в России не соблюдают посты, за что ее постигают многие беды и напасти. Я русским много помогаю, но живут они плохо».

Отец Хаджи-Георгий на вид всегда был бодр и здоров; лицо его было полное и даже с легким румянцем, глаза несколько навывкате; всякую работу он производил вместе с братией: пек хлеба, варил пищу, копал огород — словом, был живым примером для братии. Спал он очень мало, да и то где придется; часто с вечера уходил в церковь и там оставался до конца утреннего богослужения; часто он не имел и своей отдельной келлии. Всю жизнь он заботился о спасении ближних и несколько не заботился об удобствах жизни. Лица своего никогда не умывал, а между тем оно всегда было светлое, ни головы, ни бороды никогда не причесывал, а если свалются волосы в бороде, то он руками расправит, и довольно, а на голове если свалются наподобие войлока, то остригал их, взамен которых вырастали другие. Белье свое стирал всегда сам, но редко. Пищей его было — утешить бедного и скорбящего, умиротворить смущенно-

го, примирить враждующих. Имел он особенный дар слова, весьма действовавший на других.

Из бесед старца Хаджи-Георгия видно, что он основанием подвижнической жизни полагал послушание, которое он наипаче всего ублажал, заключая в нем спасение; но при этом, говорил старец, необходимо каждый день плакать и болезновать о своих грехах, а без сего не избавимся от сетей диавола.

В 1870 году старец Хаджи-Георгий стал скорбеть, не видя в послушниках своих той строгой жизни, которую сам проводил, и того совершенного послушания, которое имел он к своему старцу, и пришел к нему помысел оставить свое убежище и стать юродивым Христа ради. В этом размышлении душа его ангелом была восхищена на небо, и видел он там райские селения. Водивший его ангел подходил с ним ко многим прекрасным палатам, как бы желая войти в оные, но на стук их в дверь им отвечали, что это место упокоения такого-то святого, причем он слышал имена великих святых и думал со страхом: «Мне ли, убогому нищему, обитать в таких великолепных дворцах?» Так, обходя райские селения, уготованные святым, он пришел к одному прекрасному дворцу, и когда отворили дверь в него, то он увидел там своих учеников и возрадовался. Видел он тут и место, уготованное для него, и места учеников своих, находившихся еще в живых. Потом, следуя далее, увидел он места, уготованные братьям разных монастырей афонских. Утешившись таким видением, старец не захотел уже идти юродствовать.

В годы перед русско-турецкой войной возникли большие неприятности в Русском монастыре святого великомученика Пантелеимона между русскими и греками. Русские старцы — духовник отец Иероним и архимандрит Макарий — попросили старца Хаджи-Георгия прийти в монастырь и быть посредником между ними и водворить мир. Старец с любовью пришел и целых два месяца провел там, всеусердно стараясь о примирении. Наконец, не видя успеха, упомянутые старцы просили отца Георгия помолиться и просить открыть: угодно ли и есть ли на то воля Божия, чтобы отделиться русским от греков? Старец за послушание исполнил просьбу, и было ему откровение во сне: видел он, что посреди соборного храма святого Пантелеимона стоит эконо́м монастыря и перед ним большой чан соленых маслин, которые он раздает — одну чашку русским и другую — грекам. Когда старец рассказал это русским старцам и прочим из старшей братии, то из этого все заключили, что на разделение нет благословения Божия.

Всех желающих он постригал в монашество и по большей части прямо в схиму, основываясь на том, что преподобному Пахомию был показан ангелом один образ монашества. До 1870 года старец Хаджи-Георгий имел учениками почти исключительно одних греков. В этом году приехал из России для поклонения послушник Сергиевой пустыни Петр Гвоздев, уроженец Петергофского уезда. Остановившись в Русике, он хотел было тут оставаться на жительство, но старцы почему-то не приняли его, а предложили походить по Горе и по-присмотреться к жизни святогорцев.

*Русский
Свято-Пантелеимоновский
монастырь*

В это время жил на Керасье болезненный старец-молдаванин отец Феофан, имевший у себя ученика, монаха Виссариона, хорошо знавшего по-русски и по-гречески, и ему известны были многие пустынные старцы. В упомянутое время один паломник выпросил его у старца в проводника и переводчика, и хотя старец согласился, но сам остался без необходимого помощника. Вот на эту-то пору подоспел к нему Петр Гвоздев, и он соизволил остаться послужить старцу. Однажды старец узнал, что живший на келлии Покрова старец отец Макарий, русский, чем-то заболел, и он послал к нему Петра помочь ему. Отец Макарий лежал на постели. Когда же наступило время трапезы, неопытный послушник, заметив там много зеленой травы и вычитав из житий святых, что преподобные пустынники питались травой, вздумал и сам отведать святого этого кушанья. Итак, нарвал он первой попавшейся под руку травы, сварил и сел покушать, воображая себя чем-то великим. Но лишь проглотил он несколько ложек, как вся внутренность его возмутилась: окно показалось дверью, а у дверей — будто какое-то страшилище! Он перепугался, бросился в окно, перебив стекла, и пустился бежать, да как раз угодил в глубокую и крутую пропасть... Как он летел вниз, он, конечно, не помнил; но удивительно то, что он не чувствовал ударов об уступы скалы и не только не расшибся до смерти, но не получил особого увечья, а только повредил ноги и остался хромым.

Высоко на горе живший русский монах отец Павел заметил в глубине пропасти человека и пошел

*Братия Русского
Свято-Пантелеимоновского монастыря*

уведомить об этом отца Макария, а тот не знал, куда девался его прислужник. Когда же увидали на столе его травяное варево, тогда поняли, кто там, в пропасти. Отправившись вниз, подняли Петра и на руках, обходом, далеко, через Кавсокаливитский скит, принесли к Хаджи-Георгию. Опытный старец немедленно дал ему выпить один за другим три стакана теплого оливкового масла и этим затушил внутренний огонь от разлившегося яда. Несмотря на это, больной сильно ослабел. Старец распорядился совершить над ним елеосвящение, а потом, не видя улучшения, с дозволения старца Феофана, постриг его в схиму с именем Парфений. Вскоре по пострижении молодой тридцатилетний монах стал поправляться и совершенно выздоровел, оставшись только с поврежденными ногами. Это было весной 1871 года.

Таким образом отец Парфений нечаянно сделался учеником Хаджи-Георгия. Будучи человеком торговым, он имел множество знакомых и, имея от природы предприимчивый характер, немедленно оповестил всех о своем постриге, о дивных подвигах и прозорливости своего старца, что и послужило начальной причиной многих тяжких скорбей и испытаний для отца Георгия, и повлияло на перемену остальной жизни его. Потекли к ним жертвы обильной струей, и с этого времени стали приходить и проситься к старцу многие русские. Отец Парфений сделался усердным посредником между старцем и приходящими, а старец всех принимал, только с непременным условием совершенного постничества. Русские на все соглашались, только бы сделаться учениками такого старца. Таким образом в течение всего трех лет здесь собралось весьма порядочное греко-русское братство. В 1873 году старцу заблагорассудилось оставить желающих из греческого братства на Керасье, а с остальными переселиться на другое место. Сначала они поселились в пределах монастыря Григориат, вблизи него. Им указали место, где они могли построить помещение для жилья и церковь. Место это — высоко на горе, с церковью святого архидиакона Стефана. В благодарность за это Хаджи-Георгий и Парфений построили для монастыря церковь святого апостола Иоанна Богослова.

На новом месте жительства они построили большой братский корпус и вместо старой маленькой церкви воздвигли, при содействии петербургского купца Александра Старикова, но-

вую, светлую и просторную. Здесь прожили всего года три и принуждены были удалиться в другое место. Тогдашние старцы Русика предложили им келлию, тоже во имя святого Стефана, в пределах Кареи. Петербургский купец Ефрем Сивохин прислал им для внесения в монастырь за эту келлию 6 000 рублей. При переходе сюда у них было всего двенадцать русских учеников. Неугомонный отец Парфений не мог сидеть без дела: братство росло, завелись постройки, мастерские, приемы поклонников, снабжение их и благодетелей в России иконами, маслами и разными рукоделиями пустынников. Братство возросло до пятидесяти человек. Одному из учеников, иеромонаху Антонию, с молодым сыном его и с двенадцатью, пожелавшими удалиться с ними, была куплена большая келлия святого Николая «Белозерка», куда они переселились с благословения старца, который выдал им 3 000 рублей из хранившихся в Русике.

В 1883 году начавшиеся неприятности вынудили отца Парфения оставить и эту келлию, и даже Святую Гору, и удалиться в Константинополь. С ним вместе отправился и старец, и некоторые из его учеников. Там они взяли в аренду запустевший монастырь святого Пантелеимона и священномученика Ермолая, где они прожили до кончины старца Хаджи-Георгия.

Целый год старец был болен ногами и не мог ходить, но врачей не просил и лекарств не принимал, свой постнический устав не оставлял и до самой кончины был в здравом уме и полной памяти. Всех приходящих утешал, насколько мог. Предчувствуя близость перехода в иной мир, он за два дня

до смерти сказал братии следующее: «Все вижу во сне свой богатый магазин, наполненный разными дорогими вещами, которые всем раздаю бесплатно, в благословение, и, сколько ни раздаю, вещей не убавляется. Наконец, утрудившись раздавать, сказал Господу: „Когда же я все это раздам и покончу?“ И вдруг увидел свой магазин опустевшим и ничего нет в нем, кроме своей рясы».

Завещал он похоронить себя в Балуклии, при церкви Живоносного Источника Божией Матери, в могиле своего родного брата Анастасия, скончавшегося за два года до прибытия старца в Константинополь.

Незадолго до кончины старца пришли к нему две важные персоны с просьбой: уделить им на школы и другие заведения, предполагая, что у старца много денег. Старец, указав рукой на небо, сказал им: «Банк мой там, а здесь у меня нет денег, но еще есть за мной долг — четыреста лир, который с меня требуют заимодавцы». Накануне кончины с вечера изнемогавшего старца приобщили Святых Таин и также в самый день и час его смерти. Преподав всем предстоящим ученикам своим прощение и благословение, старец Хаджи-Георгий в мире предал дух свой Господу. Это было 17 декабря 1886 года.

Патриарх Иоаким IV распорядился совершить отпевание уважаемого старца в великой патриаршей церкви самым торжественным образом, возложив это на Виссариона, епископа Даррахийского. Всего духовенства при погребении старца участвовало до сорока человек. В погребальном шествии участвовало множество народа, а впере-

ди всех шли мальчики и девочки, воспитанники школ и приютов, которым старец много благо-творил. По кончине своей старец являлся во сне многим своим близким.

На Афоне, на Катунаках, на келлии Успения Божией Матери много лет подвизался старец отец Неофит со своим учеником Игнатием. Этот отец Неофит был побратимом старца Хаджи-Георгия, как постриженники одного старца — духовника Неофита Караманлиса. Когда Хаджи-Георгий скончался в Константинополе, отец Неофит на Афоне тоже почувствовал особенный упадок сил. В одно время старец, сидя на постели, вдруг сделался как бы вне себя, забылся; вскоре же, очнувшись, говорит:

— Я сейчас был в Константинополе у Хаджи-Георгия!

— А что ты нам принес оттуда? — спросил отец Игнатий.

— Да вот принес вам коливо!

— А что он сказал тебе? — продолжал отец Игнатий.

— А сказал, что «через три дня приду за тобой!» — ответил старец и замолчал.

— Мы, — говорил отец Игнатий, — не обратили внимания на слова старца; но, к нашему удивлению, старец Неофит, не чувствуя никакой особенной болезни, кроме старческого изнеможения, действительно, через три дня, 20 декабря 1886 года, мирно почил.

Старец Хаджи-Георгий был весьма незлобив; и если случалось кому обидеть его, то он первый искал случая воздать добром. Со всеми старался

быть в искреннем мире: враждующих примирял, скорбящих утешал и бедным благотворил.

В жизнеописании старца Хаджи-Георгия говорится и о духовном отце и наставнике — духовнике Неофите Караманлисе.

Замечательный старец тот, будучи еще юношей, слышал об Афоне и о пустынноиках и в простоте сердца думал, что монахи-пустынноики тогда садятся кушать, когда услышат звон на небе. Вот и вздумал он подражать им: бывало, с утра начинает данную ему работу в поле и дожидается, когда зазвонят на небе кушать монахам. В девятый час он слышит звон и спокойно садится и кушает. Так продолжалось некоторое время. Наконец, он пожелал и сам сделаться монахом, и восемнадцатилетним юношей в 1772 году он прибыл на Святую Гору и подвизался здесь целых восемьдесят восемь лет.

Преосвященный Порфирий Успенский еще в сане архимандрита и под титулом ученого посетителя и описателя Афона посещал и старца Неофита и беседовал с ним. Так, между прочим, он пишет: «Отец Неофит, родившийся и воспитавшийся в Анатолии, давно спасается здесь и других спасает. Он — духовник, и у него исповедуются иноки пяти монастырей и архиереи, живущие на Афоне. По словам его, монахи общежительных обителей нередко причащаются Святых Таин, но без строгого поста, так что накануне едят сыр и масло. Такое невоздержание не одобрил отец Неофит. Эта строгость понравилась мне, знавшему от святого Иоанна Златоуста, что причащающийся Тела и Крови Христовой должен быть чище луча

солнечного, и я просил собеседника сказать мне что-нибудь в назидание. Он зорко посмотрел на меня и сказал: „Имей страх Божий и будь воздержан“. — „Аминь!“ — отвечал я ему и стал слушать свободные речи его. „У меня, — говорил он, — девять учеников. Я никуда не отпускаю их. Днем они обрабатывают огород и виноградник, а под ночь совершают долгие метания, каждый особо. Кто из них более других любит эти метания, тот освобождается от работы. Согрешающих между ними я наказываю жезлом, а иногда сажаю в безводную цистерну на трое суток без хлеба. Все они никогда не едят ни сыра, ни рыбы и не пьют вина, а довольствуются одним сухоядением; причащаются же еженедельно после исповедания помыслов и разрешительной молитвы. Таково наше житие. Милостыню принимаем, но только на содержание нашей церкви, на одежду, на обувь и на хлеб насущный, который разделяем со всеми, кто у нас бывает“».

Однажды отец Неофит у себя в огороде застал дикого кабана, который портил овощи, и приказал ему стоять, а сам пошел к ученикам и велел им взять большой мешок. Ученики пошли и принесли кабана в келлию, сделали ему стойло, и отец Неофит приказал им кормить его кореньями и травой, чтобы он не ходил по огородам и не портил овощей пустынников.

Старец-духовник Неофит, по отзывам современников, был великий муж пред Богом. День кончины своей он предузнал за сорок дней; прочитал Евангелие и Псалтирь, сам вырыл могилу, общился Святых Таин, преподал благословение

своим ученикам, перекрестился и с миром предал дух свой Господу. Скончался он в 1860 году, имея сто шесть лет от роду, из коих восемьдесят восемь лет прожил на Афоне.

Старец отец Пахомий

Откуда был родом старец Пахомий, кто были его родители, нами не узнано. Будучи серб родом, он, прибыв на Афон, поступил в братство Хиландарского монастыря — достояние сербского народа. По вступлении в число братства он с усердием выполнял возлагаемые на него послушания и за свою услужливость всеми был уважаем и любим. По истечении немногого времени он был пострижен с новым именем Петроний. Здесь с ним был такой случай: он проходил обязанность повара и архондаричного¹ на конаке² монастырском в Карее, и при горячем стремлении к высшей духовной жизни ему представилось, что у него нет искушений и скорбей; между тем слышит, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*³. Почему начал он просить неотступно, чтобы Господь послал ему искушения, дабы, живя без них, не потерять ему спасения. Известно, что кто терпит посылаемые искушения, тот увенчается, а кто сам испрашивает, тот показывает или дерзость пред Богом, как будто Господь не знает, что ему нужно и полезно, или же гордость, что он уже

¹ Архондаричный — насельник монастыря, встречающий и провожающий гостей. — *Примеч. ред.*

² Конак — подворье монастыря. — *Примеч. ред.*

³ Деян. 14, 22.

силен в борьбе со врагом. Но так как у Петрония не было ни того, ни другого, и Господь видел его простоту и желание спастись, то и открыл ему неправильность его прошения, как древле Своим ученикам: *«Не веста, чесо просита!»*¹ Его постигло такое искушение, что он, при всем своем терпении, возмалодушествовал и возопил к Богу: «Такое ли угодно было Тебе послать на меня искушение? Господи, избавь, спаси и помилуй!» И тотчас же освободился от этого искушения.

Несмотря на то что в Хиландаре тогда было очень небольшое братство, да и в Карее было тихо, он тяготился суетливостью и более всего стремился духом к житию безмолвному, вдали от всякой суеты. Однако он не знал, есть ли на то воля Божия, тем более что и от монастырской жизни он видел пользу душевную. В таком недоумении он обратился за советом к одному старцу. Тот посоветовал усердно и неотступно молиться ко Господу, да Он Сам, Имиже весть судьбами, устроит его по Своей воле.

И Господь внял его усердной молитве и исполнил его желание: через шесть лет случилось в монастыре некоторое обстоятельство, которое и дало ему повод удалиться в пустыню. Сами старцы монастырские отпустили его с благословением. Отец Петроний устремился в подгорье Афона, и здесь, повыше скита Кавсокаливия, он купил себе келлию во имя преподобного Афанасия Афонского. Келлия эта построена будто бы неким архимандритом, сербом. При ней значительная усадьба,

¹ Мк. 10, 38.

Монастырь Хиландар

и скоро разросся сад с плодовыми деревьями и огородной зеленью.

Простота и любвеобилие отца Петрония привлекали к нему всех: иные заходили мимоходом, другие нарочно приходили. Приходившие не беспокоили старца и не отвлекали его от занятий, но сами приготавливали кушанье из тех запасов, какие находили. Все время приходили гости, и все благопотребное Господь посылал.

Проводя такую жизнь, отец Петроний заметил, что заботы о келлии и посетители все-таки отвлекают его от безмолвия, и стал он советоваться со своим духовником, как поступить лучше. Духовник посоветовал ему принять другого брата в качестве ученика и поручить ему заведовать келлией, а самому уединиться, оставив все попечения.

В Кавсокаливитском скиту жил его соотечественник-серб отец Иосиф, недавно прибывший; его-то отец Петроний пригласил к себе в ученики, но потом решился передать ему всю келлию на правах старца, надеясь, что этим отклонит всех посетителей, так как Иосиф был нрава строптивного и необщителен.

В это время отец Петроний решился принять схиму от Иосифа. Поводом к тому было следующее: намереваясь давно принять схиму, отец Петроний увлекся в разбирательство — от кого бы из высоких по жизни старцев принять пострижение — и в выборах своих мало на ком останавливался, стремясь мыслью отыскать еще достойнее, еще строже по жизни подвижника. Заметив в себе рог кичения и сомнения, старец строго укорил себя и сказал: «Вот он, Иосиф, твой старец; от него прими и постриг». Иосиф же был еще не стар годами, а в монашеском деле совсем неопытен. Мысль свою отец Петроний передал духовнику, который одобрил ее, видя, что он решительно заботится об искоренении самолюбивого мудрования.

При пострижении Петроний получил имя Пахомий.

Вступив в подчинение новому старцу, Пахомий по-прежнему возделывал огород и ухаживал за садом, который приносил великое обилие всяких плодов: там росли черешни, вишни, орехи, абрикосы, персики и яблоки, не говоря уже о винограде. Хотя и переменился хозяин келлии, однако посещения прежних знакомых продолжались, и все они относились не к отцу Иосифу, а к отцу Пахомию. Это не нравилось отцу Иосифу, и он просил

духовника устроить, чтобы отстранить Пахомия от всего и заставить совершенно уединиться. Признавая главной причиной стечения посетителей роскошный Пахомиев сад, Иосиф просил духовника благословить ему истребить его. Духовник, принимая во внимание, как вредно для безмолвствующего посещение многих, и поверив, что тому причина не доброта Пахомия, а сад его, согласился и благословил порубить все фруктовые деревья. И в одно время раздосадованный пришествием нескольких монахов Иосиф схватил топор и начал рубить деревья в присутствии пришедших. Пахомий смотрел безмолвно на странное действие старца. Через некоторое время пришел к ним духовник и, настроенный Иосифом, обращается к Пахомию: «Зачем ты завел такой сад и огород? К чему эти хлопоты, заботы и попечения? Это ли безмолвная жизнь?» Старец Пахомий, будучи чист от предполагаемого в нем пристрастия и давно стремясь к жизни отшельнической, сказал: «Отче святой, я ради вас это делал, чтобы было чем утешить вас и других отцов, когда приходите, а для меня ничего этого не нужно; для меня достаточно и пещеры, и, если благословите, я пойду под камень и буду жить там». Духовник, недолго рассуждая, сказал: «Иди, Бог благословит!» — «А как старец скажет?» — добавил Пахомий, обратясь к Иосифу. Тот, зная, что Пахомий никакого рукоделия не знает, заключил, что не больше чем через неделю Пахомий возвратится к нему, и отпустил охотно.

Поселясь под камнем, старец Пахомий сделал некоторую пристройку в виде навеса, из досок и веток, для защиты от непогоды и взял для себя

туда лишь самое необходимое. Такой перелом в своей жизни он принял прямо за призвание его промыслом Божиим к высшей безмолвной жизни, а потому не только не поскорбел на своего старца, но радовался тому, что так неожиданно он выдвинут на желанное безмолвие.

Поначалу Пахомий временами приходил к своему старцу и брал иногда по хлебу; а потом, не желая беспокоить его, почти совсем не стал ходить. Это не нравилось Иосифу, и, погружаясь более и более в искушение, он однажды предложил духовнику мысль — сжечь пристройку над камнем Пахомия и запретить ему более там жить, и тот сказал: «Что же, сожги». Между тем Пахомий часто стал удаляться в лес и в скалы под вершиной Афона и погружался там в молитву и богомыслие. Там ничто не нарушало глубокого безмолвия его ума, и он благодарил Господа за свободу. Чтобы не оставаться без внешнего занятия, Пахомий прививал деревья по пространному лесу Афона, делая их из диких садовыми. Иногда он устраивал в лесу под разными деревьями себе шалаши из веток и проживал в них некоторое время, чувствуя вместе с тем какое-то внутреннее побуждение сыскать себе приют, где бы мог поселиться навсегда. Переходя из пещеры в пещеру, из пустыни в другую, Пахомий наконец обрел необитаемую расщелину, вполне соответствующую требованиям его духа, куда и перенес вскоре свою чергу¹ и другое немного, что у него было.

Уединяясь в эту пещеру, Пахомий главным образом хотел испытать себя: может ли вынести

¹ Черга — шерстяное косматое одеяло. — *Примеч. ред.*

суровость пещерной жизни? Место было самое холодное и сырое, и оно находилось на такой высоте, на которой никто не живет. Если некоторые и поселялись в тех местах, то они ужасно пострадали: кто лишился зубов, у кого вылезли волосы, иные заболели так, что недолго оставались в живых. Не крепость телесная, но живая вера старца в промысл Божий укрепила его так, что сырой и холодный воздух той пещеры не вредил ему. Вначале он там бывал временами, а потом возвращался снова в свое прежнее место, где безмолвствовал. Но вот однажды Пахомий, возвратившись в свою калибку, нашел ее сгоревшей. Не стал он искать причин и расспрашивать об этом, а, возблагодарив Господа, отправился в пустыню. Тут же он посвятил себя скитальческой жизни. Одежда и обувь его износились, сухарей не было, и он собирал травы и плоды разных растений и ими питался.

Устраивая для себя в разных местах при каком-либо камне или под деревом временное жилище, он, переходя в другое, сжигал их, поступая как преподобный Максим Кавсокаливит. Однажды целое лето он провел на самой вершине Афона.

Живя в гористых местах, он привык с легкостью взбираться и ходить по таким скалам, по которым и серны не могут вскарабкаться. В то время шерстяная черга составляла весь его дом; она служила ему вместо рясы и подрясника; ее он постилал, ею и накрывался!

Старец его Иосиф после сожжения калибки отца Пахомия начал в оправдание своих поступков распространять слух, что Пахомий впал в прелесть, и быстро разнеслась молва о том. Но и это

послужило в великую пользу старца, ибо никто не стал искать его. О его подвигах и преуспевании знали очень немногие, близкие к нему духовно. Иосиф же, не находя средства возвратить Пахомия в келлию, опять прибег к духовнику, но тот не мог в этом случае помочь. Когда он стал вопрошать Пахомия, зачем он скитается в лесах и не живет в келлии, то он отвечал: «Нигде с такой легкостью и удобством не мог я углубиться в умное делание, как в лесах, и нигде не ощущал таких духовных утешений, как там». Духовник не мог препятствовать тому, чему сам содействовал прежде, посему он повел речь с другой стороны, говоря: «Вот старец твой скорбит и не хочет, чтобы ты жил в лесах и скалах; и многие упрекают его, будто он выгнал тебя». Выслушав это, старец Пахомий сказал, что теперь он не может уже по келлии ничем заняться, ибо ум его отрешился от всех попечений; потому, как бесполезного и негодного, просил благословить его жить где придется. При этом он упоминал об устроенной им пещере, надеясь со временем передать духовнику о своем там жительстве. Духовник не мог возражать, но беспокойный старец Иосиф противился. Тогда Пахомий с кротостью сказал: «Я нахожу для души своей там свободу и утешение; чего же стоит для вас преподать мне одно только ваше благословение? Я не ищу от вас ничего другого, а одного вашего благословения. Вы сами прежде говорили, чтобы я безмолвствовал, а теперь вы как будто стали возвращать меня?» Ни духовнику, ни старцу нечего было сказать вопреки простым доводам, и они его отпустили. Как ни старался Иосиф распространять молву, что

Пахомий впал в прелесть, однако Господь не пустил продолжиться сему.

Испытав все степени и лишения пустынной жизни, Пахомий наконец поселился в упомянутой пещере. Но нужно было получить еще от духовника благословение на водворение там. Желая, чтобы духовник выслушал его без предубеждения, Пахомий стал говорить, что, проживая времена в пещере, не ощущает от этого вреда и прочее, и убедил духовника пойти с ним посмотреть ее. На месте духовник соизволил его желанию и благословил водвориться ему тут, но только в виде опыта, а если не сможет жить, то переселиться вниз, ближе к морю.

В этой пещере сухо бывает только зимой, когда замедает ее всю снегом. Однажды кто-то снабдил Пахомия одеждой и обувью, и это, вместе с немногими книгами, бывало тогда только сухим, когда вывешивалось на солнце.

Некоторые из ревнующих подражать его жизни решались проводить у него малое время и пострадали различно: у одного иеромонаха в одну ночь все тело покрылось волдырями, как будто кто осыпал его горохом; другой простудил половину тела с той стороны, которой лежал к стене пещеры; а другие пострадали расстройством желудка.

Проводя жизнь в таких местах, где неоткуда достать хлеба, Пахомий приучил себя к такой пище, которую редко кто может есть. И всегда он употреблял почти одно и то же: натолчет камнем гнилых каштанов, прибавит, если есть, сухари, положит все это в воду и, заболтав мукой, иногда варит, а то и так кушает себе на здоровье. Иногда прибавлял

дикие сухие плоды, которые никто не станет есть и свежими, и, удивительно, — оставался здоровым. Был случай, что однажды он пострадал от неких плодов: на двадцать дней затворился его желудок, и весь он был как в огне. Ничем не лечился, ничего не ел, не пил, и только один Господь Бог врачевал его. С тех пор природа его как бы переродилась или закалилась как сталь, так что потом он жил безбедно там, где никто другой не может жить, и ел такую пищу, какую никто другой не станет употреблять.

*Из воспоминаний об отце Пахомии
некоего русского инокa*

Зимой 1868 года мы вызвали сего богомудрого простеца Пахомия из его затвора, и он с простотой дитяти, исполняя послушание, пришел к нам: мы задержали его на целую неделю. Во все это время каждую ночь мы наперерыв беспокоили старца, каждый желая насладиться его беседой, исполненной нектаром духовным. Зная достоверно, что старец провел пятнадцать лет в непрерывном плаче, мы спросили его о слезах, плоды которых он так обильно совмещал в себе, пришедши в такое незлобие, смиренномудрие и любвеобилие. Старец говорил, что в слезах есть свои степени и большое различие. Плач кающегося и преуспевающего в духовном делании имеет великое различие. Ни память смерти, ни воспоминание прежних своих грехов не производят уже прежнего плача, который свойственен кающемуся и который горько-горек, хотя и не без утешения. Плач совершенного проистекает только от размышления о страданиях Христа и из любви Божией; он

производит в душе великую, необъяснимую сладость, которая и питает и согревает дух, возводя его в неизглаголаннные созерцания и восхищая ум всецело к Богу. Все подобное бывает не одинаково у всех, а по мере приемлемости, которая, в свою очередь, есть мера преуспевания.

Замечательная еще черта в старце Пахомии: он никого не осуждает. В виде испытания, а иногда и по простому течению разговора, приходилось многим вводить слова осуждения, но он никогда не отзывался на это.

В последнее время отец Пахомий не скрывался в лесах, а удалялся только в верхнюю свою пещеру. Так как жизнь старца стала приходить в известность, то стали являться по временам желающие обитать с ним и пользоваться его наставлениями и руководством. Старец никому не отказывал и отдавал свою пещеру новому ученику, а сам уходил в другую, повыше и ничем не защищенную, в отвесной скале. Пещера эта весьма просторная, так что если бы перегородить ее внутри, то могло бы поместиться до ста человек. Подъем только к ней столь труден, что забираться в нее мог только один отец Пахомий; но и тот взбирался с великим трудом. Когда узнали в Русике, что отец Пахомий нуждался в веревке, по которой удобнее бы можно было взбираться по отвесной скале в пещеру, то снабдили его оной.

*Из записок отца Пантелеимона
о посещении старца в 1869 году*

В апреле сего года мы нарочно ходили к отцу Пахомию. О, как мы утомились, пока достигли его

обиталища. К нашему горю, мы не застали старца в его нижней пещере; он должен был находиться или в отлучке, или в верхней пещере. При взгляде на подъем, я и другие спутники отказались взбираться туда; но вызвался пустынник, наш проводник. Как он взбирался — это нужно видеть. Долго мы дожидались, разместясь в нижней «трехэтажной» пещере, где горела лампадка перед иконой Божией Матери. Пещера высокая, и старец сделал в ней помост вроде потолка, который служит полом для второго этажа, а над ним таким же образом устроен и третий. В нижнюю часть пещеры свет входит беспрепятственно, в среднюю он проникает сквозь не загороженный природой свод пещеры, служащий вместо окна с лицевой стороны; верхняя же часть совсем темная.

После долгого ожидания я стал опасаться за целостность посла и отправился посмотреть: не увижу ли кого? В это время ожидаемые нами спускались по скале: старец был впереди и полз уже от места, где кончилась веревка, а проводник наш был еще высоко. Видя труд их, ужас овладел мною, но я начал упрекать старца: «Зачем ты, отче, забрался в такую даль? Мы такутомились, идя сюда, что сил не стало, и едва добрались к тебе!» У старца за плечами была торба; одежда на нем была хоть худенькая, но вполне монашеская; под рясой виднелась ветхая схима, и на камилавке толстого сукна накинута наметка¹. Постническое лицо его выражало строгость его жизни и произвело благоговейное впечатление. Приняв вину на себя, старец с сердоболием стал

¹ Наметка — короткий подрясник. — *Примеч. ред.*

кланяться и просить прощения за утруждение нас. Говорил же он это с такою убедительностью, что я уже пожалел о высказанных вольно словах. Когда уже взошли мы в пещеру и разговор переменялся, он снова стал испрашивать прощения: «Аще бы аз ведал, яко вы дошли беша до zde, то аз сам пришел бых до вас, и никакоже попустил бых, да вы трудились толик путь ради меня, грешного!»

Недавно в этой местности случился ужасный ураган, поваливший много лесу от пещеры отца Пахомия вниз на огромное пространство. Перед самой пещерой стояли три вековых дерева, переломленные бурей. Вот что с ними было: к старцу поступил ученик из русских. Старец позволил ему, когда возымеет нужду, греть воду или сварить что-нибудь и также одеваться в защиту от сырости и холода, как и чем может, и дал ему правило, соразмерное его силам. И, бывало, отец Пахомий утешается и благодарит Господа, видя, что ученик его крепко спит, когда он стоит на молитве. Ученик этот стал просить у старца позволения устроить себе кровать на одном из трех деревьев и там спать. Старец с улыбкой заметил, что это лишнее и что не нужно прибавлять к тому, что есть, тем более что пещера просторная, что этот труд будет напрасен, потому что не пройдет и двух недель, деревьев этих, может быть, не будет. Вскоре после этого наступил какой-то праздник, и старец с учеником отправились на бдение в ближайшую к ним келлию. Когда они ушли, то в ту ночь была сильная буря по всему Афону, и при скалах, где находится пещера отца Пахомия, ураган разразился

во всей силе, пройдя с вершины вниз полосой. Во время страшного стихийного действия пере-
ломило на два аршина от земли и те три дерева,
и отнесло их саженой на двести пятьдесят. Воз-
вратясь с бдения, старец указал ученику на то мес-
то, где стояли три дерева перед пещерой, и ска-
зал: «Вот, смотри, и твоя кроватка улетела бы
вместе с деревьями». Ученик упал в ноги старцу
и просил прощения. Старец говорил, что человеку
невозможно было бы остаться живому от одного
страха, если бы пришлось кому видеть действие
этой страшной бури.

Упомянутый ученик оставил старца и поселил-
ся в одном из скитов. Причин к его выходу было
много, но главная — следующая: в то время зимой
был на Афоне повсюду большой снег, а местность,
где находилась пещера, всегда обилует им по при-
чине своей высоты. Пещера давно была завалена
снегом, но когда снега прибавлялось все более
и более, то ученик совсем потерял присутствие
духа и решил оставить старца, говоря: «Что бу-
дет дальше? Задохнемся под снегом и христиан-
ского погребения не сподобимся». Его и прежде
сильно пугало, когда отторгался где-либо с высо-
ты камень и пролетал мимо пещеры со страшным
грохотом; пугали также страхования бесовские,
но прежде старец его успокаивал, и он оставался,
а теперь, сколько старец ни убеждал, что Господь
не попустит им умереть под снегом, ученик уже
к старцу потерял веру и, взяв свою торбу, по-
прощавшись, вышел из пещеры. Нужно было вы-
лезать на снег и спускаться по склону горы вниз,
к тропинке, чтобы по ней добраться до жилья;

но лишь ученик выбрался на снег, как поскользнулся и покатился кубарем вниз от пещеры. Как ни силился он в это время остановиться, ничего не мог сделать, пока не докатился до деревьев, кои не совсем еще были занесены снегом. До них было около версты. Старец смотрел и молился, чтобы ученик его не ушибся, и только тогда успокоился, когда тот встал на ноги и ему поклонился.

Когда 30 апреля мы ходили к старцу, снег уже с вершины сбежал, но близ пещеры мы в двух местах переходили овраги по снегу; то же было в июне: снег обратился в лед и медленно таял. В этой пещере старец Пахомий жил неисходно не более трех лет. Всего на Афоне он жил лет тридцать. Временами стали приходить к нему монахи с произволением остаться у него, и он, не желая никого огорчить отказом, молился Божией Матери, чтобы Она отняла вредность пещерного воздуха и не допустила бы более повредиться никому. И действительно, приходящие не стали уже ощущать вреда. Старец всех принимал с любовью и намеревался перегородить свою пещеру на несколько отделений и помещать в них приходящих. Между прочим, спросили у него: что же принятые им будут делать? Рукоделия он никакого не знает, а постоянно в молитве они пребывать еще не могут. На это старец отвечал, что не только на десять, но и на сто человек и более он найдет дела, потому что камней на всех достанет — перекладывать их каждую ночь с места на место. После узнали, что старец делал это сам, как и святые отцы, последуя правилу: томлю томящего мя.

Однажды приходит отец Пахомий к духовнику отцу Феофилу, который сам проходил подвижни-

ческую жизнь, и просит его помолиться о себе, как об одержимом сластолюбием. «Как ты заметил в себе сластолюбие?» — спросил его духовник. «Да вот, я налил в котелок воды, всыпал туда соли и согрел на огне. Когда потом положил туда сухарей и стал есть, то усладилось это во устах моих паче меда и сота. Поэтому боюсь, чтобы не впасть мне в сластолюбие. Помолись, отче, о моем окаянстве». Духовник, хотя и знал, что старец кушает мало и редко, подумал, нет ли чего особенного в его приготовлении, почему для точнейшего дознания о необычайной сладости Пахомиевой похлебки решился сам сварить, как ему рассказал старец. Разумеется, что духовник ничего в воде с солью и сухарями не нашел сладостного. Поэтому, когда пришел отец Пахомий, духовник снова стал спрашивать, как он варит воду. Старец попросил котелок и начал на деле показывать, как он варит воду, подсыпая туда соли; но когда он, добавив еще сухарей, стал есть свою похлебку, то опять она усладилась ему «аки манна небесная». Поняв дело, духовник спросил старца: «А давно ты ел?» — «В воскресенье», — отвечал старец; а была же пятница, когда пришел он к духовнику. «Так вот от какой приправы, — с улыбкой заметил духовник, — твоя похлебка делается „паче меда и сота“».

Один пустынный спросил старца: «Как ты, отче, поднимаясь на крутую гору, и притом с ношей, можешь держать умную молитву? Я и без ноши едва-едва могу держать устную только, потому что совершенно изнемогаю». Старец отвечал: «Когда поднимаюсь на гору, чем больше утруждаюсь, тем молитва действует тверже и с каждым шагом креп-

нет так, что раздается в сердце с воплем крепким и силой несказанной. Чем тяжелее несу я ношу на гору, тем легче действует молитва, и я не ощущаю труда».

В последнее время жизни старец Пахомий жил в калибке на Керасье близ келлии Хаджи-Георгия, высоко на взгорье, близ той местности, на которой во времена языческие находился «железный дворец». Перед кончиной старец заболел, у него образовался запор мочи. Он обратился за советом к духовнику отцу Иерониму в Русике: лечиться или нет? Тот дал ему такой совет: если можешь терпеть — терпи; если не можешь — лечись. «Буду терпеть», — решил старец. Болезнь очень усилилась, и другого исхода от нее нельзя было и ожидать, как только смерти, — старец к этому и стал готовиться. Кончина была самая преподобническая. Отпевание было совершено в келлии отца Хаджи-Георгия. Скончался старец Пахомий в день Святого Духа в 1870 году.

Старец отец Дионисий

На Керасье в келлии святых апостолов жил юродивый монах отец Дионисий, родом грек. Он родился в 1814 году, на Святую Гору прибыл в 1842 году и сначала поступил в Кавсокаливитский скит к старцу отцу Никифору, у которого жил и другой ученик, монах отец Парфений, пострадавший от строгости старца расстройством здоровья, после чего у него образовалось что-то вроде чахотки. Вследствие этого, с благословения старца, Парфений купил себе келлию святого ве-

ликомученика Георгия и переселился туда, взяв с собой Дионисия, и там постриг его. С ним Дионисий прожил лет четырнадцать, а потом купил себе келлию святых апостолов на Керасье, где жил лет двадцать в таком убожестве, как последний бедняк.

Малая церковь и жилое помещение были бедны в полном смысле слова. Неизвестно, где он покупал масло для лампад, потому что купить его ему было не на что, тем более что только незадолго до смерти он стал принимать подавание, а прежде ни от кого ничего не брал. Вот один из примеров его нестяжательности. Один человек случайно встретил отца Дионисия вдали от жилища и из сострадания дал старцу турецкую монету. Испугался нестяжательный старец данной ему монеты до того, что разыскал этого человека и возвратил ему назад монету, говоря: «На что ты мне дал ее? Одежда на мне есть, хлеб имею — на что она мне?» Видно, что отец Дионисий крайне тяготился в помысле от принятия монеты, но его уговорили принять ее на масло для церкви. Приняв монету, старец посидел некоторое время, углубившись в самого себя, и вдруг, положив ее на землю, встал и поспешно ушел. Сокровенная жизнь его была вся в Боге, Который и имел о нем попечение как о верном рабе Своем.

При его келлии была усадьба с виноградником и фруктовыми деревьями, о которых, как и о самой келлии, он совершенно не заботился и так запустил, что они заросли бурьяном. Но такое небрежение, хотя и было допущено им с целью всецелого углубления в богомыслие и молитву, послужило

ему великим искушением: много раз начальство Лавры напоминало ему, чтобы он заботился о своей келлии, но он не обращал на это внимания. Наконец, ему стали угрожать, что выгонят его, если он не поправит разваливающиеся стены и не будет возделывать свой сад. Некоторые проэстосы знали и почитали старца как подвижника и удерживали других от насилия над ним. Вскоре старец перестал отказываться от подаваний.

Старец творил умную молитву, прикрывая это разными странностями, стараясь убедить других, что он человек потерянный — прельщенный. Очень с немногими он вступал в беседу, в которой открывалась глубокая его мудрость и опытность в духовной жизни. Для прочих он заводил такой разговор, что незнающий легко мог счесть его за помешанного.

Старец говорил:

— Ныне монахи только искушениями спасаются, потому что нет добродетели; а претерпевающие искушения будут с прежними отцами, много подвизавшимися. Довольно того, чтобы претерпеть искушения, ибо если без ропота они переносятся, то это то же, что и молитва. Дьявол искушает нас не столько, сколько хочет, а сколько будет попущено Богом. В своих кознях враг старается сделать человека, чтобы он не понимал себя, или внушает ему безнадежность и отчаяние, или же наносит ему помыслы гордости и сомнения о мнимой своей святости. Его лукавства и хитрости многое множество. На желающих спастись он бросается как бешеная собака. Я ему сказал: «Дьяволе, делай со мной что хочешь», но

не может ничего сделать: если я имею духовника и причащаюсь Святых Таин, то успеет ли он что в своих кознях?

— Разве и в уединении бывают искушения и разве ты испытал что особое, живя здесь?

— О, сколько навел на меня искушений враг и какое множество его козней! Много я испытал в разных местах, но решился терпеть на одном месте, зная, что искушений не избежишь нигде. Если хочешь, чтобы враг не борол тебя, то пей, ешь, спи и делай все ему угодное: тогда он не принесет ни искушений, ни скорбей. Это подобно тому как если собака сидит и никто ее не трогает, то она спокойна, но если кто тронет, то она бросится, чтобы укусить. Нужно иметь опытного духовника и советника, к которому имеешь благоговение, потому что в этом заключается смирение.

Однажды в Великую Пятницу собрались в одну келлию разные пустынные отцы совершить бдение. Двое из пришедших заблаговременно поместились в притворе, в формах. Было уже темно, но они заметили, что в углу кто-то стоит, и подошли тихонько посмотреть. Это был старец Дионисий, и он находился в восхищении ума к Богу, когда тело бывает как бы бездушно. Познав, кто это, один спросил другого:

— Видал ты этого юродивого?

— Видал, смотри, где он теперь!

И без глубокого благоговения они не могли смотреть на святого старца, понимая, куда вознесена душа его от действия умно-сердечной молитвы. Долго отец Дионисий не ощущал находящихся близ него людей; а когда пришел в себя и заметил

их, то начал делать некоторые обычные ему странности, чтобы сочли его за прельщенного.

Скончался старец отец Дионисий в 1880 году.

Старец отец Иларион

Отец Иларион в 1849 году поступил в монастырь преподобного Саввы Освященного, что близ Иерусалима, где жил четыре года и принял постриг в рясофор; а потом он жил в самом Иерусалиме до 1857 года. В этом году он приехал на Афон, где сначала около года прожил в Кутлумушском монастыре. Он искал себе опытного старца. Отсюда он перешел в скит Малой Анны¹, в келлию старца Харитона; но с ним он прожил немного и ушел в скит святого Василия. Отсюда он опять переселился в скит Малой Анны, в калибу, отыскивая во все это время старца-руководителя. По усердной его молитве Господь даровал ему такового в лице старца Герасима, жившего тогда на Катунаках. Отца Герасима он просил облечь его в схиму и принять под свое руководство. Старец исполнил его желание, и отец Иларион тогда перешел опять жить в калибку в скиту святого Василия и оставался здесь десять лет.

Однажды посетившие отца Илариона соседи спросили, какие места находит он лучше: здесь или в Иерусалиме? Старец отвечал: «По моей немощи тут лучше, потому что где у кого нет устроения,

¹ Скит Малой Анны — Новый скит Рождества Пресвятой Богородицы, или «Малая Анна». Располагается недалеко от скита святой Анны. — *Примеч. ред.*

Монастырь Кутлумуш

там место хранит человека; а устроенный человек может и там жить и быть примером для других. Здешние места, конечно, для безмолвия лучше, хотя и труд большой. Помолитесь Христу, чтобы я мог положить начало благое».

Когда еще спросили у старца: «Что, отче, не соскучился ли ты, живя здесь, и не стесняешься ли?» Старец посмотрел на посетителей серьезно и с удивлением сказал: «Когда необходимая настает нужда выходить мне из калибки, тогда точно скучаю и стесняюсь». — «А леньность, отче, не нападает ли на тебя?» Качая головой, старец сказал: «Это — тиранка, мучительница».

Пытаясь вызвать старца на беседу, посетители спросили: «Отче, когда нападает страшная скорбь, которая не допускает даже бороться, и человек

в то время находится совсем как погибающий — чем ты себя тогда утешаешь, находясь один?» — «Отвергаюсь всякой надежды человеческой, какая только может быть в сем мире, и, сосредоточившись, обращаюсь к Богу с печалью — и утешает тогда Бог. Живя один, человек борется со всеми страстями».

Из разговора о жизни тамошних пустынников сделалось известным, что живущие в одной пустыне по разным калибкам всегда имеют особенное единодушие и любовь.

Однажды один из соседей, зайдя к старцу отцу Илариону, усердно просил старца не забывать его в своих молитвах, так как в то время он находился под тяжестью многих искушений, о чем отчасти знал старец, который отвечал ему: «Если бы не было добродетели, то не было бы такого искушения; а так как есть добродетель, то и всегда должна последовать за нею скорбь, — иначе невозможно».

В последнее время жизни отец Иларион перешел на жительство на Капсалу по причине упадка сил телесных, и там он скончался в 1880 году.

Старец отец Варнава

Старец отец Варнава, родом куцо-влах¹, родился в 1829 году. Не находя покоя душевного в мире, он оставил его еще в молодых летах и отправился в тихое пристанище спасения — на Святую

¹ Куцо-влахи — люди валашского племени, которые занимаются преимущественно овцеводством в Эпире, Фессалии и Македонии и ведут полукочевую жизнь. — *Примеч. ред.*

Гору. Здесь он поступил к старцу отцу Нафанаилу, великому и знаменитому подвижнику, жившему в скиту святого Василия, с которым он прожил довольно лет. По кончине старца своего отец Варнава остался один в этой калибке и уже лет сорок после него прожил, подвизаясь в умной молитве.

Однажды посетил старца русский монах с проводником своим. Ходя по старцам, они пришли в скит уже по закате солнца, а до скита святой Анны оставалось еще часа полтора пути, почему принуждены были остановиться тут, но переночевать было не у кого, чтобы самого хозяина не выгнать из келлии. В это время отец Варнава шел от соседа к себе и, узнав их нужду, с такой любовью предложил свою калибку, что нельзя было не тронуться его искренностью. Русский инок вспоминал потом: «Не надивлюсь я той любви и усердию, какие выражались в отце Варнаве. Он не только не стеснялся, но и радовался от души».

При входе в калибку проводник мой предупредил меня обратить внимание на скамейку, употребляемую старцем для умной молитвы, и плетку, которой наказывал себя покойный старец отец Нафанаил. Не имея достаточно времени для беседы с отцом Иларионом, к которому мы зашли по пути, мы просили позвать его. Старец пошел за ним; а так как у него не в чем было согреть воды, то он сбегал к соседу и принес сосуд. Мы не запаслись ничем, кроме чая, а потому попросили у старца: нет ли у него чего покушать? Он извинился, что, никуда не ходя по болезни почти год, он не имеет запаса сухарей, и показал остатки горелых корок. Но тут же вспомнил, что, когда он

был в монастыре святого Павла, один монах дал ему просфору и хлеб, которые он засушил, и они хранятся у него наверху. Тотчас он достал их, и мы поели. Отец Варнава сел у порога, а отец Иларион едва согласился сесть около нас. Между прочим мы спросили старцев: какого делания, словесного или телесного, должен держаться человек, на котором мог бы основываться, и было бы известно, что он преуспевает? Отец Варнава отвечал: «Исполнения заповедей Господних по Евангелию». На это я заметил примером двух прельщенных, недалеко живущих, сказав: «Да ведь их исполняют гораздо более нас Пахомий на Каруле и Арсений, тут недалеко, а плода не видно». Отец Варнава отвечал: «Не по разуму исполняют их». При этом старец отец Иларион покачал головой, но промолчал. Обратившись к нему, мы спросили: «Ты, отче, что скажешь?» Старец отвечал медленно и неохотно: «Что говорить? Я еще не сделался словесным человеком, как христианином назовусь?» Затем я сказал: «Я не могу без утешения жить в пустыне». — «Сколько можно оставить, оставьте телесные утешения, и Бог поможет», — заметил отец Варнава. Я обратился к отцу Илариону: «Ты, отче, что скажешь?» — «Что мне говорить, кроме того, что говорили до меня: да отлучится человек от утешения телесного и от всего мира, а за этим скоро последует познание грехов своих; и тогда уже человек приходит в то состояние, что припадает пред Богом со скорбью, и Господь скоро призывает на него».

Отец Варнава сказал: «Для какой цели мы пришли на Афон, как не для одного только спасе-

ния?» — «В монастыре, — говорили мы, — борются только с людьми, а в пустыне ведь с бесами». Отец Варнава отвечал: «Об этом мы недавно говорили с отцом Иларионом, что диавол нападает на человека как лев — с такой грозной силой, чтобы мгновенно проглотить его; но подвижающийся в страхе Божиим делает его немощным, как мурашку, так что, видя такого человека издали, он трясется».

Затем перешли к разговору о его старце отце Нафанаиле. Старец отец Нафанаил поступил в монастырь святого Павла и жил там более десяти лет. Будучи антипросопом¹ и заседа в Киноте, он подвергся разным искушениям. Так, например, однажды, находясь в Кутлумушском монастыре с другими антипросопами, он подписался под одной бумагой к турецкому паше в Солуни, в которой члены святого Кинота, из пустой любезности, обещались молиться за пашу. Глубокое раскаяние овладело им, и он хотел, если уже не воспрепятствовать совсем такому посланию, то хоть изгладить свое имя. Когда он сказал об этом, то прочие антипросопы стали смеяться над ним; но когда он высказался решительно, то поспешили послать человека с бумагой в Солунь, а отца Нафанаила задержали в Кутлумуше, успокаивая его, а между тем ворота заперли. Раскаяние, однако, овладело отцом Нафанаилом так, что он вышел, с тем чтобы догнать посланного. Увидав ворота запертыми железными запорами, он разбил их, имея от природы громадную силу. На границе Афона он

¹ Антипросоп — представитель, доверенное лицо от монастыря. — *Примеч. ред.*

догнал посланника, взял у него бумагу, как имеющий власть, и вычеркнул свое имя.

Оттуда он уже не возвратился на свое место, но, презрев все, ушел в пустыню и поселился в калибке в скиту святого Василия, в которой прожил пятнадцать лет. Всего на Афоне он жил около двадцати пяти лет и скончался в октябре 1864 года.

Подвиги отца Нафанаила после предшествовавшей привольной жизни были невероятны. Окаявая¹ свое прошлое, он проводил время в слезах, клал по три тысячи поклонов в день и ел будто бы только по одному куску сухого хлеба раз в неделю. Нередко ночью, вероятно, при появлении какого-нибудь помысла о пище или о невыносимости пустынной жизни, он сек себя плеткой, сохранившейся доселе у отца Варнавы. Бывало, на вопрос ученика, что это за хлестание такое было ночью, старец отвечал: «Это я постучал, чтобы ты не спал».

Монастырь доставлял ему все нужное и почитал его за святого, что известно было и самому отцу Нафанаилу. Долго и горячо он молился, чтобы Господь послал ему опытного руководителя, и как-то узнал об одном духовном старце, пошел к нему и при разговоре познал, что старец этот — тот самый, о котором он просил. Он ему открыл свою душу и предался ему так, что, если бы старец послал его на смерть, он бы с радостью пошел.

Прежде всего старец дал ему заповедь сходить в монастырь святого Павла, где считают его за святого, и разубедить их в этом так: пойти в общую трапезу и попросить двойную порцию пищи

¹ Т. е. оплакивая. — *Примеч. ред.*

и вина. Несмотря на сжатость внутренностей от чрезмерного поста, Нафанаил исполнял это в течение целой недели. Братия стали перешептываться, а к концу недели утвердительно заговорили между собой, что отец Нафанаил в прелести. Узнав это, он возвратился к старцу и рассказал ему все. Тогда старец сказал: «Вот теперь хорошо. Иди в свою калибку и делай так...» — и тут он преподавал ему правила и посвятил в делание умно-сердечной молитвы, в которой он достиг высокой степени духовного преуспеяния.

Скажем здесь немного о бывавших тогда у них бдениях: приходили они днем в субботу, потрапезуют вместе и побеседуют: Иоасаф, Неофит, Нафанаил и сам старец, и начнут бдение, которое совершали по уставу безмолвия, — в умной молитве. Проведя ночь в этом, каждый получал благодатные плоды по мере своей.

После обычного начала они садились на скамеечки и пребывали в молитве, пока солнце взойдет; тогда кончали пением «Честнейшую» и славословием. Опять старец готовил одно кушанье и с благодарением ко Господу расходились до следующей субботы. Позже, бывало, когда сам отец Нафанаил стал старцем, он совершал такие бдения с учеником Варнавой, с отцом Герасимом и отцом Иларионом.

Однажды читали до шестопсалмия; потом Герасим спросил у Нафанаила: «Как теперь будем продолжать: читать ли будем или займемся молитвой?» Старец, имея блаженное устроение предоставлять избрание брату, отвечал: «Как хотите!» Тогда выбрали молитву. Потушили светиль-

ник и начали. Все сидели по местам в церкви и упражнялись. Каждого Господь утешал по мере его трудов и возраста духовного. Вдруг старец Нафанаил вслух воскликнул: «Пресвятая Троице, помогай мне!» — после чего опять наступила тишина. Когда настало время кончать бдение, все, кроме отца Нафанаила, поднялись с мест, произведя шум, кашлянули, чтобы поднимался и старец. Наконец сказали: «Отче, пора кончать!» Но старец не вставал и, видно, не слышал ничего. Подождав немного, они зажгли светильник и подняли колпачок, чтобы, увидав огонь, старец поднялся, но отец Нафанаил не слышал. Он весь был там, где бывает дух людей, восходящих на степенъ, описанную у святого Каллиста. Старец Герасим и другие, поняв это, умолкли. Рассвело — прошел еще час, и старец сделал движение; тогда все поднялись и кончили бдение.

Ученик отца Нафанаила, Варнава, многократно видал старца в этом состоянии.

Старец отец Варнава скончался в 1905 году во время страшного землетрясения, когда большой камень упал на его калибку и задавил старца, лежавшего на одре своем.

Старец отец Неофит¹

Старец отец Неофит, родом грек, на Афон прибыл во время греческого восстания, имея от роду двадцать один год; но, узнав, что турки здесь забирают молодых людей, уехал с Афона и поступил

¹ Дата кончины — 1886 г. — *Примеч. ред.*

в монастырь Преображения на Метеорах, где жил десять лет и принял постриг в мантию. В 1832 году, когда утихли мятежи, он возвратился на Афон и поселился в скиту святого Василия, где прожил лет пять. Потом ушел и жил в Кавсокаливитском скиту лет пять да еще где-то лет шесть, а потом до самой смерти своей, почти сорок лет, жил на Катунаках. Тут он сам выстроил калибку в одну комнату, а потом — в другом месте другую келлию, побольше, и церковь в честь Успения Божией Матери. Тогда там никого не было — после уже стали населяться те местности. Потом он принял ученика, болгарина Игнатия, который прожил с ним тридцать пять лет и был по воле старца рукоположен в иеромонаха.

Старец отец Неофит говорил: «Вот и я трудился и день и ночь по усердию к церкви, чтобы устроить ее и сделать при ней обитель для тех, кто возжелал бы здесь жить после меня». На вопрос о скуке в пустыне старец отвечал: «Когда кто привыкнет жить в уединении и услаждаться безмолвием, то и человека не хочет видеть. Человек, что бы ни делал, все должен делать не ради людей, а только ради Бога, потому что Бог от нас хочет, чтобы мы или пот проливали ради Него, или слезы каждый день. Я жил около пятнадцати лет один в этой пустыне — тут никого не было, везде рос лес и бурьян, а теперь вот сколько населилось здесь, и я теперь — как в клетке. Тут у меня церковь, и все лепятся около нее».

В разговоре коснулись искушений и сказали: «Если человек не будет иметь внутри особенной благодати утешения, то не может стерпеть все

это». Старец отвечал: «Надо иметь постоянное самоукорение и видеть всех святыми, а себя — грешнее всех в полном смысле слова, и тогда благодать утешит душу. Если бы можно было представить человека самого худейшего и мерзостнейшего, то не только нельзя считать себя лучшим его, но считать себя недостойным лобызать ноги его. Бог ничего другого так не хочет от нас, как смирения».

На замечание, что помыслы сообразно состоянию человека могут противоречить, они могут быть... — старец не дал договорить и отвечал: «Смотри на небо: набегут облака — закроют солнце, но пролетят — и солнце опять светит, и небо чисто».

Перейдя к беседе об общежитии, старец сказал: «В общежитии легко можно спастись, только нужно оставить всю свою волю». Ему сказали, что это весьма трудно, тем более что люди, при многолюдстве монастыря, разноравные, да и самолюбие не допускает до такого самоотвержения. Старец отвечал: «Если бы мы хранили пред глазами своими как зеницу ока будущее воздаяние и что будет при и по смерти, то не только оскорбления словом или иначе как, но если бы и наложили на нас тяжкую ношу и били палками, чтобы несли, не упираясь, то и тогда мы с охотою и радостью терпели бы, как терпели святые мученики мечи, колеса, огонь и разные муки и как терпели преподобные отцы. Все они имели это пред глазами и терпели». — «Но возможно ли это, — спросили старца, — при наших нестроениях?» Он отвечал: «Вдруг — это невозможно, а также если человек не отрешится всего здешнего; но если мы и немощны, каждый день

должны подвизаться к сему устроению. Все преподобные и мученики подвизались ко всему благому и не стояли на одном месте. Монашеская жизнь окружена искушениями: бесы, как звери, бросаются на человека. Один авва молился, дабы Господь явил ему бесов; но Господь не благоволил. Авва опять молился, и тут он увидал их, летающих и роящихся около людей, как пчелы около улья. Кто делает добро, да не убоится его искушений; нужно не внимать внушениям вражиим, а их презирать; не смотреть около себя, а вперед — подобно плавающему, который смотрит не под себя, а где ему высадиться на берег. В Отечнике об одном авве сказано, что пошел он с кувшином за водой и пал в грех. На возвратном пути враг влагал ему в ум отчаяние, внушая: „Куда ты идешь теперь и зачем? Нет тебе спасения, ступай в мир“, но авва отвечал: „Ты, диавол, это сделал, а я ничего не сделал“, и, придя в калибку, начал свое обычное дело как ни в чем не бывало. Тогда Господь открыл одному пустыннику, что такой-то инок пал и восстал. Тот пошел и спросил его, что с ним случилось. Авва рассказал все. Тогда пришедший сказал: „Твое рассуждение наступило на главу диавола“.

Другому подвижнику враг говорил: „Что ты молишься? Ты в ад пойдешь“. Тот отвечал: „Если и в ад пойду, то и там увижу тебя под моими ногами“».

Недели за три до кончины своей старец Неофит слег в постель от слабости. 17 декабря отец Игнатий вдруг услышал, что старец тяжело дышит, как бы от сильного утомления: «Ах, ах!» — «Что ты, старец?» — «Ах, как я утомился; я был в Константинополе у Хаджи-Георгия и издали видел

дворец султана». Потом старец стал плакать: «Ах, помер Георгий!» Отец Игнатий, утешая его, а вместе и предостерегая на случай обмана от дьявола, стал говорить ему, что он только что получил телеграмму, что Хаджи-Георгий еще жив. Старец поверил и успокоился, сказав: «Ах, враг меня обманул».

Через три дня после этого старец Неофит мирно отошел ко Господу. Потом было получено известие, что Хаджи-Георгий скончался именно в тот день, когда старец отец Неофит получил о том извещение.

Старец отец Харитон

Н иже келлии старца отца Неофита, на крутом склоне, есть калибка, где долгое время жил славный старец отец Харитон, родом грек. В 1827 году, на двадцать пятом году жизни, он прибыл на Афон, и здесь, на одной из келлий, он принял постриг в рясофор с именем Христодул. Потом он поступил в Русик, где с именем Христофор был пострижен в мантию; но тут он прожил только около трех лет. Тогда монастырь не имел рабочих, и сами монахи исполняли все тяжелые работы, почему жить там многим было не по силам. Христофор перешел в Дохиарский монастырь, где он прожил семнадцать лет и принял схиму с именем Харитон.

Прочитав за это время много святоотеческих книг, он увидал, что многого недостает у него к тому, чтобы назваться монахом. Благодать Божия коснулась его сердца и призвала на подвиг высшей

Монастырь Дохиар

духовной жизни. Почувствовав влечение к безмолвию, он вышел из Дохиара и поселился в Ксенофонтском скиту, где прожил три года; но потом, усмотрев там неудобства к достижению своей цели, он перешел в скит Малой Анны, где поселился в малой калибке и прожил там девять лет, после чего он избрал себе место на Катунаках, на голой скале, где и начал своими руками устраивать калибку. Долго он трудился, не оставляя в то же время поста. О труде может судить каждый, взглянув, на какой страшной отвесной скале он устроил свое жилище. Кушал он в это время по одной луковиче и немного хлеба с малым количеством соли и воды, но так как необходимо было купить для калибки лес, известь и прочее, то у старца скоро

истощились все средства, какие он имел по выходе из Дохиара, и он остался ни с чем. Спал он только часа два в сутки, а бдения совершал каждую ночь. В этой калибке он прожил лет двадцать, до своей кончины, без всякого обеспечения и без средств.

Слыша о благодеяниях пустынникам духовника отца Иеронима в Русике, он два раза ходил туда, чтобы раскрыть перед ним свое затруднительное положение; но там, по некоторым обстоятельствам, он не мог получить просимой милостыни.

Старец Харитон говорил: «Когда я жил в монастыре, то знал, что уничтожение приносит пользу, а потому терпел всякое поправление. Трудно все передать, как попирали меня там; но зато я привык все терпеть и всегда приготовлялся переносить все, что бы ни встретилось».

Старец Харитон был духовный муж: беседа его бывала умирительно-трогательная. Однажды пожелавшие посетить старца пришли к нему еще до восхода солнца и застали его, когда он только что окончил свое бдение. Лицо старца сияло каким-то невыразимым светом, и он преисполнен был благодати.

Старец говорил: «Здесь тишина невозмутимая. Для тела, конечно, болезненно терпеть лишения пустынной жизни, а душу радует Сам Господь».

Между прочим он сказал, как должно молиться принимающим милостыню за благодетелей: однажды, в 1869 году, два монаха помогли ему без просьбы с его стороны. Старец отблагодарил за это благодеяние, полагая за них по полторы тысячи поклонов, и это правило он держал долго. «Мы не должны туне пользоваться милостынею, но по

силе нашей должны соответствовать ей. Духовное делание никак не может совмещаться с людьми, потому что враг находит удобные причины в среде людей и чем-нибудь низлагает человека и разоряет иногда долговременное его делание. Между людьми большей частью теряется духовное устройство и даже самая цель монашества. В пустыне враг не может, при руководителе, подействовать на человека. Я знаю людей тут, на Катунках, которые каждодневно кладут по две тысячи поклонов и постятся до сорока дней, вкушая мало хлеба».

Ему заметили, что такие подвиги могут вынести только крепкие, но ведь и немощные есть, которые возвышаются посредством умного делания и чрез то достигают высочайших дарований. «Да, есть люди, — сказал старец, — которые постоянно находятся в умилении сердца, и ум их постоянно погружен в созерцание. Что в писаниях святых отцов сказано, все это (я знаю людей) они исполняют и теперь. Как авва Арсений стоял по целым ночам, так и теперь есть такие; но это по благодати Божией, а сам человек не может этого делать».

Так как старец около келлии поделал высокие и стройные бизули, искусно устроая их над пропастью, чему удивлялись издавшие этот великий труд, то мы спросили, не отвлекало ли его это тяжелое дело от умного делания. Он отвечал, что каждый положенный им камень освящен молитвенными слезами.

Когда разговор перешел к искушениям, старец сказал: «Господь поступает с нами как отец с сыном. Не бойтесь, отцы, есть между нами люди на Святой Горе, которые постоянно находятся в по-

каянии пред Богом и этим покаянием привлекают милость Божию. Не бойтесь, если кому пришлось искуситься от искусителя, без этого нельзя, потому что мы в брани, в подвиге; но да не убоимся. Искренно желающий спастись и промыслительно подвергающийся искушениям не останется в своих бедах. Господь попускает на нас искушения до самой смерти, ради пользы душ наших. Я со стороны вижу, как по монастырям братия мучаются. Они мзду свою не видят, а мне видно: только да терпят, и получают мзду. Плохо только, если кто возвратится в мир на прежнюю жизнь. Терпение надо иметь во всех находящих искушениях. Господь посылает по силе, и если большое искушение, то большую подает силу терпеть. Наша пустынная жизнь — совершенное мученичество, которое самопроизвольно претерпевают хотящие последовать Христу, по слову Его: *„И суть скопцы, иже искиашиа сами себе Царствия ради Небеснаго“*¹. При исполнении заповедей Христовых бывают искушения, которыми Господь испытывает нашу любовь».

Для утверждения нас в терпении старец рассказал происшедший с ним случай. Однажды позвал его один сосед помочь при кладке камня. Ради любви старец Харитон пошел. Там был еще один человек, не в своем уме. Нужно было долбить дыру в камне, и старец сказал державшему молот: «Погоди немного», пока сам направлял долото, как тот со всего размаха ударил молотом по руке старца и размозжил палец. Сорок дней страдал он, не находя места от страшной боли, и при этом послужить ему было некому — сам должен был одной

¹ Мф. 19, 12.

рукой месить и печь хлебы, которые потом нужно было разрезать и сушить на сухари. Один Господь весть, как было ему трудно. Рассказав это, старец продолжал: «Желающий спастись пусть не боится искушений, потому что Господь знает, сколько мы вмещаем; только мы должны предаться Ему так: „Господи, делай со мною как знаешь — воля Твоя во всем да будет!“ — ибо Господь требует от нас одного смирения и чтобы терпели находящие на нас искушения с благодарением».

Коснулись и любви, и старец сказал: «Всякое богатство, покой и радость мира сего ничего не стоят против любви Божией. Если бы все печали нашли на имеющего любовь Божию, он продолжал бы радоваться в них. Так радовались святые мученики и все преподобные отцы, терпя мучения и всякие злострадания».

Мы спросили, что нам делать с искушениями. Старец отвечал: «Внимание надо большое. Я тут один живу, и как диавол бросается на меня; но он ничего не может сделать, потому что я берегусь, внимаю себе и не делаю зла против брата, через которого враг борет меня, ибо из Отечников научился, что нужно терпеть. Когда вначале я на Афон пришел, еще молодым, я хотел пойти в пустыню; но духовники посоветовали прежде поступить в общежитие, а потом уже в пустыню. И я так и сделал. Поступил в монастырь, днем исполнял послушание, а ночью читал отеческие книги. Со временем я понял, что дело не так... и удалился от людей. Тут я увидел диавольское действие, какие козни он устрояет. Так и вы: пользуйтесь временем, по слову апостола: *„Искупующе время, яко днии*

лукави суть“¹. Если вы видите, что в монастыре с людьми не исправляетесь, то удалитесь в пустыню и поучайтесь святыми писаниями, и так обрящете путь. Впрочем, можно и в общежитии удалиться от людей: не заводите приятельств, сходов и бесед. При обращении с многими необходимо упражняться в чтении, тем более что диавол воздвигает соблазны через людей. Внимание нужно! Диавол прежде приносит прилог, потом склоняет, чтобы мы согласились, а нам нужно всячески стараться не склоняться на исполнение того. Пусть он лает; а от молитвы Иисусовой тотчас убегает. Когда размышляешь о своих грехах и что вот уже стар, скоро умру, Господь будет меня судить, — тогда враг со всеми своими прилогами не может стоять. Я знаю монастырскую жизнь, почему печалую о вас. Я тут имел многие брани, но теперь привык, и они не кажутся мне подвигом. Знайте, отцы, что мы имеем брань не простую, но с диаволом, который от зависти воюет на людей, желающих спастись. Надо держать в сердце молитву».

Мы ему сказали, какое понятие имеют в монастырях о пустынниках — как о лесных зверях. «Это правда, — заметил старец, — но только, я скажу вам, это поступающие прямо из мира, не бывшие ни в монастыре, ни под старцем. Они молодые и неопытные, страсти в них остаются, какие были. Они часто ходят по монастырям, портят свое безмолвие и навлекают соблазн и нареkanie на пустынников. Теперь восьмая тысяча², и духовные

¹ Еф. 5, 16.

² Восьмая тысяча — то есть последние времена, точка отсчета от сотворения мира. — *Примеч. ред.*

пастыри разленились и нерадят об овцах. Мы, отцы, живем в восьмой тысяче, и нам нужно большое внимание, а силу брать из чтения отеческих книг».

В это время он читал «Добротолюбие» и очень восхвалял его, говоря: «Что за книга, это уста Христовы! Теперь подвижащиеся боятся сказать слово Божие, так как люди немощны и от недостатка рассуждения повреждаются. Хорошо в свое время уединиться и уйти от людей и, при воздержании в телесном, читать писания и вникать в них с помощью Божией. Без всестороннего, разумного воздержания не может очиститься ум. Святые отцы ели хлеб и пили воду.

Переходы с места на место расстраивают мир внутренний, а без него добродетели невозможно приобрести и сохранить. Мы оставили уставы святых отцов и поэтому потеряли из виду смысл и значение монашества. Мы для того оставили мирскую жизнь, чтобы оставить лукавство и переменить себя, чтобы не потерять спасения. Смешение мирское, круговорот и всякое безобразное обращение с другими заключают в себе ад. Мы должны помнить, зачем пришли, и исполнять то, что нам должно. И не надо бояться врага, пусть он делает свое, а мы будем делать свое».

Мы говорили старцу, что не исполняем своих обязанностей в отношении к Богу, ближним и своему званию. Старец сказал: «Не исполняем, так смиримся в помыслах пред Богом. Так делали преподобный Антоний и прочие, так будем делать и мы, со смирением; а если не можем, то тем больше да смиримся. Святой Давид сказал: „Смирися

и спасе мя Господь“¹. В месте, в каком находитесь, сохраняйте монашество, свое правило исполняйте и читайте божественные книги. И так, потихоньку упражняясь в этом, будет согреваться сердце и приходить благодать Божия. Когда человек имеет страсти, то совесть обличает их. Нужно терпение, потому что когда совесть обличает, то человек смиряется, и тогда совесть укажет, что надо делать; от сердца услышите это. Вот я был в разных послушаниях и хлопотал усердно, но так как читал божественное Писание, то и понял, что надобно что-то другое, и постоянно упражнялся в этом. Я услышал тогда от сердца, что нужно делать, и вот перешел сюда, и, слава Богу, хорошо. Теперь совесть, которая прежде обличала, превратилась в радость. Постоянно радуюсь. Теперь не чувствую насыщения в чтении божественного Писания и как бы медом питаюсь.

Скажу вам пример: когда человек делает какой-нибудь грех, то этот грех огорчает его внутри; а когда приведет в порядок жизнь свою и исправно будет жить, то постоянно радуется, потому что он имеет дерзновение ко Христу. Как грех огорчает, так добродетель услаждает. Что более сказать? Заповеди храните, любите ближнего, хотя бы он уничижал и укорял; злоделателю платите добром, потому что Спаситель сказал нам: *„Аще кто ударит тя в десную ланиту, обрати ему другую“*². В этом смирение. Еще: *„Благословляйте кленущая вы, добро творите ненавидящим вас“*³ и прочее...

¹ Ср.: Пс. 114, 5.

² Ср.: Мф. 5, 39.

³ Мф. 5, 44. Лк. 6, 28, 27.

И так понемножку приходит благодать Божия и просвещает человека».

На слова старца мы заметили ему, что за зло, творимое нам, хочется отомстить. Старец ответил: «И зло сделаешь, и оскорбившего не исправишь; он еще более будет злобиться. А если будем терпеть и благодетельствовать ему, он после, увидав добродетель нашу, исправится. Если злому человеку заметишь укорительное или жестокое слово, он еще злее сделается, еще ожесточеннее станет. Только тем, кои благоговейны, можно сказать слово — они исправятся. Смотрите: Христос виноват был или согрешил? Евреи Его изгоняли, а Он их исцелял. Терпел от неразумных рабов и благодетельствовал им. Такой завет оставил Спаситель и нам. Также и апостолы: их заключали в темницу, били, тиранили, а они исцеляли у них страждущих. Подобно и святые отцы, и старцы наши: им завидовали, их поносили и оскорбляли и необходимые вещи у них крали, а они терпели. Так, например, преподобный Макарий, застав разбойников, крадущих его вещи, показался как чужой и помогал им накладывать их.

Монаху должно удалиться от политики и уклониться от всех слухов и дознаний, потому что через то падает он в искушение.

Что сказал преподобный Антоний? „Уже не боюсь Бога, но люблю Его“. И я то чувствую теперь в себе. Это и другие так чувствовали, потому что исполняли заповеди Его».

Из другой беседы со старцем Харитоном

По приходе нашем старец спросил: «Как поживаете?» Мы ответили, что телесно хорошо, а душою

болеем. На это старец сказал: «Кто хорошо пребывает телесно, тот и душевно; потому что когда тело находится в хорошем состоянии, то человек благодарит Господа, что Он, Милосердый, так устроил его, успокоил его и даровал мир».

Мы просили пояснить, и старец в ответ продолжал: «Между людьми пребывая, невозможно вникнуть в духовное дело, так как при общении и встречах возникают нередко смуты, несогласия, которые, как пальцы, находятся в сцеплении. Это подобно воде, которая стоит чистой, но когда пойдет дождь, то возмутится, — так и ум человеческий между людьми; но желающий спастись или любящий свое спасение собирает свой ум и молится: „Господи Иисусе Христе, Ты видишь, какие восстали на меня искушения и в каких бедах нахожусь. Со всех сторон я окружен всеми искушениями и погружен в них. Милостью Своею изведи меня от них и устрой все на пользу!“ Надо молиться, чтобы Господь даровал силу и просвещение, молиться, чтобы даровал Святого Духа, ибо когда Дух Святой снидет на человека, то просвещает его, как солнце, и человек видит все дела и понимает их, познавая, что есть от Христа и что от диавола. Тогда человек познает добродетельных людей и лукавых, принимающих только личины благочестия, ибо и лукавые говорят духовные слова, но пели их другие; а добродетельные от своего сердца говорят.

Когда человек пребывает в заповедях Божиих, то, поверьте, такая любовь Божия приходит, что кто бы его ни укорял, кто бы ни унижил и ни оскорбил, — все то не прикасается к нему.

Кто имеет страх Божий, тот от всего человеческого уклоняется: от встречи и свиданий, от прогулок и прочего. Кто имеет страх Божий, тот и между людьми просвещается; потом понемногу отвергается у него ум, и он познает все вещи и простирается в любовь Божию.

Когда хитрый диавол это усматривает, то начинает свои козни; почему нужно великое внимание, чтобы сохранить память Божию крепко. Господь помогает, а со стороны человека нужно только одно произволение и хранение. Стараться проходить жизнь по-монашески и всегда искать Господа, взывая: „Помоги мне, Господи! Просвети мя!“ — и так всегда, и день и ночь, устремляться к Богу. После этого приходит человек в благоговение, ему все надобное делается понятным, и он уразумевает, как поступать. В нас с младенчества находятся страсти: у кого гордость, у кого гнев и прочее, и должно их лечить лекарствами, определенными святыми отцами. Необходимы пост и бдение, и стараться надо, чтобы плакать. Ведь подвиг для того и устроен, чтобы мы молились и Господь даровал нам Духа Святого. Для этого постимся, бдим и подвижаемся. Человек должен себя держать как грешник кающийся. Христос вознесен на крест, чтобы показать нам образ жизни: кто хочет приблизиться к Богу, тот должен распять себя миру, то есть всем страстям.

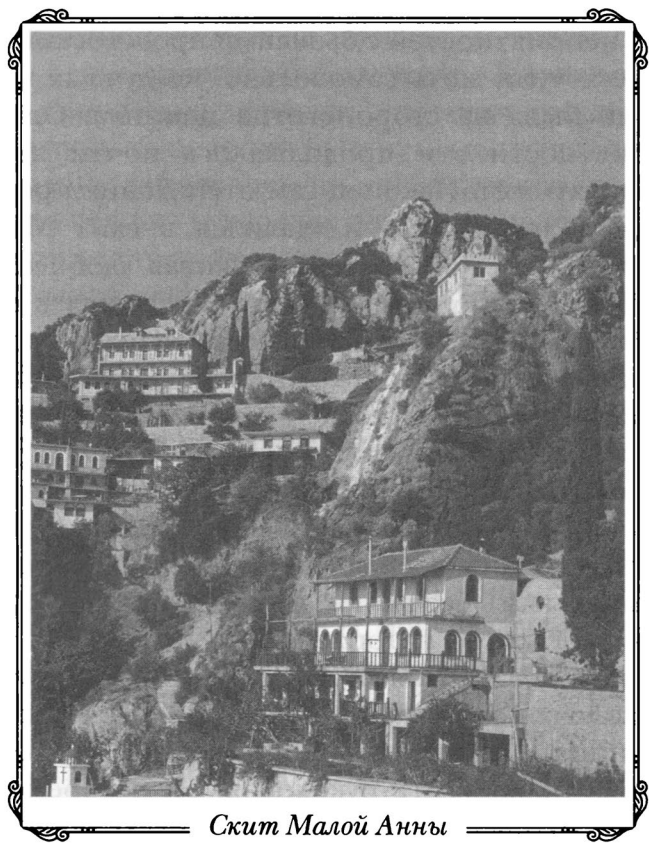
Когда Дух Святой просветит монаха, то он не желает ни радостей, ни веселия; но любит он все истинное монашеское. Тогда он предстоит чистым от помыслов пред Богом, Господь удаляет от него врага, который не может восхитить его помысел,

и дарует ему истинное смирение вместе со слезами. Да к чему много говорить; монах и всякий истинный христианин, если начнет покаяние, то все это обретет. Если ревнующий о спасении допустит какое-либо преткновение и даже падет, и пребудет так день или два, то пусть не смущается, а держит свою дорогу, потому что без брани на этой стезе не бывает, подобно войне: стреляют с одной и с другой стороны, то побеждают, то побеждены бывают».

Скончался старец отец Харитон здесь, на Катунках, в 1878 году, прожив на Афоне более пятидесяти лет.

Старец отец Даниил

Отец Даниил родился в 1804 году и на Афон прибыл после греческого восстания. Первоначально он поступил к старцу отцу Неофиту в скит Малой Анны, в келлию святых архангелов, и от этого старца он принял пострижение и прожил там лет шесть. Так как ходить туда, особенно с тяжелой ношей на спине, было крайне затруднительно, то старцы не могли далее жить там и перешли в другую келлию, в Большом скиту святой Анны, где жили девять лет. К концу этого времени братство Григориатского монастыря избрало отца Неофита в игумена, и с ним отправился туда и отец Даниил. Так как прежде этот монастырь был необщезительный, и нужно было вводить порядки общезительной жизни, что сопряжено было с трудом, и старец Неофит не мог один за всем смотреть, то многое было поручено

Скит Малой Анны

ученику его, Даниилу, который неумоимо помогал ему в устройстве новых порядков.

Через некоторое время отец Неофит отказался от игуменства, и братия выбрали Даниила. Много было неприятностей с бывшими проэстосами, которые хотели жить самовольно, но лучшая часть братии была на стороне отца Даниила. Однако неприятности эти продолжались почти целых двенадцать лет. Наконец сам отец Даниил решил оставить игуменство и удалился в скит Малой Анны, где жил вначале. Разыскивая удобнеее место для безмолвия, он вскоре перешел в скит святого Василия, тут он бы и остался, но холодный климат скита, расположенного на высоте, заставил его поселиться ближе к морю, на Катунаках, оставив построенную им большую келлию с церковью преподобного Макария. На Катунаках он устроил себе маленькую калибку, где жил один, а ученик его жил неподалеку, особо. Живя тут, он мог пребывать без печки, по своей привычке, так как не мог жить в натопленной келлии.

После оставления игуменства он жил в пустыне около сорока лет, делая крестики, а ученик его Каллиник — ложки. Под конец жизни, будучи не в силах продолжать рукоделия, он по временам терпел нужду. Смотря на его убогую обстановку, спрашивали старца посетители: «Какая вера нужна была, чтобы поселиться здесь?» Старец говорил: «Человек должен иметь три сии добродетели: веру, надежду и любовь. Вера — несомненно верить в промысл Божий, что Господь печется о нас, так что и влас главы нашей не спадет без воли Отца Небесного. Надежда — надеяться на Него

с простосердечною преданностью. Любовь — любить Его всем сердцем, всеми силами души и с тем поступать на такую жизнь.

Не думайте, что здесь без труда живут, нет, — с пролитием не только пота, но и крови своей, чтобы достать себе необходимое. Сейчас многие пустынники ходят просить милостыню, а если бы не ходили, то не могли бы жить в пустыне, потому что одним рукоделием не могут удовлетвориться. Теперь цена на рукоделия значительно упала, а содержание стало втрое дороже. С тех пор как отняли молдавские метохи¹, монастыри лишились доходов, то и пустынники много терпят. В общезжитии я двенадцать лет подвизался, желая все устроить по правилам святых отцов, дабы главное попечение сосредоточить на заботе о душе, но не мог. Ведь теперь почти главная забота о внешнем чуть ли не с совершенным забвением о других высших наших потребностях, что отчасти, пожалуй, и извинительно, потому что они лишились своих имений в Молдавии. Но я не мог согласиться с этим и оставил игуменство. Впрочем, во все время игуменства я постоянно молился, чтобы Бог устроил меня, как Он знает, на спасение, и приготовился прежде всего в пище, отказывая себе и ограничиваясь, как только можно было, но отнюдь не простираясь за положенное в общей трапезе».

К старцу отцу Даниилу многие ходили за советами. Однажды на вопрос об отце Иларионе грузине, с которым старец имел духовное общение, он так высказался о нем: «Отец Иларион имел великое

¹ Метеха — здесь: подворье, расположенное в сельской местности, имение вне Афона. — *Примеч. ред.*

рассуждение и глубокий ум, но о подвигах его я не знаю. Когда я вышел из монастыря и поселился в пустыне, то пошел посоветоваться с ним. Я хотел есть через два дня, но он не благословил, а велел кушать каждый день однажды, а в субботу и воскресенье по два раза с маслом: „Делай так, как я тебе сказал, это твоя дорога!“

Еще я спрашивал отца Илариона о сне, и он сказал: „Спи столько, сколько знаешь, но как проснешься — вставай и не ложись больше“. И точно: в первый сон человек не видит никаких мечтаний, а во второй — являются разные сновидения. Молитесь от сердца со слезами, дабы Господь устроил путь жизни по Его святой воле и во всем всегда даровал благий конец. Выше всех добродетелей то, чтобы совершенно предаться воле Божией. Зависть — злейшее всех зол; она глава зол. Надеющийся на Господа никогда не падет и не боится; а завистливые и злоторящие часто падают, Бог рассыпает и все их замыслы. Если иногда и вопреки нашим добрым делам что-либо случится, то это воля Божия, так нужно для пользы нашей души. Тогда довольно для нас того, чтобы не делать зла тем, кто делает нам неприятности словом или делом. От зависти бежали отцы, но они жили по скитам, а в монастыре этого нельзя — там надобно уступать и смиряться перед каждым. Блаженная мать Синклитикия говорила: „Зачем ты ненавидишь оскорбившего тебя человека? Не он оскорбил тебя, а диавол, общий враг нашего спасения. Он не хочет, чтобы мы заняли его место в Царствии Небесном, где он был до падения, поэтому старается всеми силами запнуть нас и с собою низвергнуть

в адские свои жилища, как говорил мне один древний старец, много и явно с ним воевавший“.

Не нужно размышлять об искушениях, как они происходят и от кого, — не должно, а возложиться на Бога и молиться Ему, — молиться непрестанно. Берегитесь исследовать, от кого оно происходит, например: кто это сказал? кто это сделал? и тому подобное, а только молитесь Богу: „Господи, прости им!“ Имейте особенную любовь к Матери Божией.

Может, и то на пользу вам, что опечаливаетесь сердцем на месте, где живете; а если потом Господу будет угодно, то приведет вас в другое место на безмолвие. Тогда вы стерпите труд безмолвия, вспоминая бывшие искушения. Тогда хоть и есть будет нечего, а скажете: „Хотя и не имею что поесть, но имею безмолвие и в нем утешение души“. Пустынная жизнь — на каждый день подвиг, поноуждение».

Об искушениях старец говорил: «Начало надобно полагать в самых искушениях; и только искушения приводят к добру. Иной, например, и в темнице находится, но просит помощи и защиты; а пророк Иона был и во чреве китове, но молился, и Бог услышал его. Имейте воздержание в пище, употребляя иногда понемногу вина, но только при слабости здоровья, потому что надо давать поддержку телу, и оно способнее будет в деланиях духовных. Надо хотеть спастись и просить, и Господь устроит. Возлагаться надо на волю Божию. Один старец, как пишут в Отечнике, заболел, и ему дали слугителя. Однажды слугитель ушел, и больной остался один и был при смерти; но так как

с малолетства он имел любовь к Матери Божией, то и теперь молился Ей. Ему явилась Царица Небесная и сказала: „За то, что ты имеешь ко Мне такую любовь и усердие, дарую тебе еще тридцать лет, и будешь иметь силу как тридцатилетний, — а было ему девяносто лет, — и после этого времени придешь в Царство Сына Моего“».

В другой беседе старец Даниил говорил: «Я тоже нес эти искушения, и знаю их, и глубоко сочувствую вам, и всегда молюсь за вас. Я вполне уразумел и вижу, что Господь воздвиг вас в эти годы, которые стали для всех пустынных очень трудными. (В то время монастырским монахам, помогавшим пустынным, творили много неприятностей.) Матерь Божия определила вас на это дело, и потому оно не может остаться без искушения. Я знал об этом и прежде от некоторых пустынных и молюсь за вас особенно. Доброе дело не может остаться без искушения, им оно очищается и через него познается, что оно богоугодно. Только Господа Иисуса Христа носите в сердце постоянно, потому что Царствие Божие внутри нас. Господь сказал: *„День имеет двенадцать часов, кто ходит во дни, тот не споткнется, ибо во свете ходит“*¹. Так и мы потечем по пути заповедей Господних, куда Он ведет или выведет, ибо понемножку Он ведет и выведет на свет. Господь не оставит Своей помощью, но приведет к благому концу, как вот и меня: искушения и соблазны привели меня сюда, и теперь я мирен и прославляю Господа — так славлю, так благодарю, что и выразить не могу; так и вы».

¹ Ср.: Ин. 11, 9.

Старец говорил: «Необходимо иметь страх Божий и надеяться на Господа до последней минуты жизни. Он помогает в искушениях, через которые мы можем приобретать большую опытность в рассуждении и награды от Бога за терпение и мужество. Если кто внимательно будет заниматься собою и избегать всех бесполезных беседований, то мало-помалу ум его и мысли будут собираться, и Господь подаст такому непрестанную молитву, по слову сказавшего: „Даст молитву молящемуся, ибо это — дар Божий!“»

Старец отец Даниил отошел ко Господу 17 июня 1889 года. После него остался ученик его, отец Каллиник.

Старец отец Игнатий

Отец Игнатий прибыл на Афон немного раньше 1850 года, имея от роду тридцать лет. Сначала он поступил в Русик и здесь прожил тринадцать лет. Отсюда он перешел в скит святой Анны, где подвизался восемь лет, а затем, желая большего безмолвия, он поселился на Катунаках, в одной маленькой калибке, устроенной при замечательной пещере, в которой в половине XIX века жил некто палестинский старец отец Варнава, в самом низу Катунак, ближе к Каруле. Этот отец Варнава оставил подробные наставления, как проводить безмолвную жизнь, по просьбе одного монаха, желавшего поселиться в пустыне. Поначалу отец Игнатий еще был в силах делать рукоделие, занимаясь плетением четок, и он мог жить, не терпя особенной нужды, и утешался обретенным

уединением. Но когда один глаз его от напряженного труда, при постоянном чтении и рукоделии, разболелся, а другой был закрыт от природы, так что он с трудом стал видеть, то рукоделия никакого уже не в состоянии был делать, почему и крайне стал нуждаться в помощи.

Некогда посетившие его заметили ему: как он живет в такой калибке, где и поклона положить нельзя и даже лечь от тесноты? Старец отвечал: «Там чтобы не было тесно, а здесь потеснимся ради будущего; ради множества грехов моих потерплю тут». При этом один из пришедших указал другому на устроенные вешалку и ручки в стене, которые на день у него пригибались к стене и притягивались к потолку у порога. Чтобы не подать вида старцу, что они обращают внимание на его жизнь и видят орудия его ночных подвигов, вышли и стали осматривать пещеру палестинского старца.

Старец отец Игнатий, по словам знавших его, был замечательной жизни и имел умно-сердечную молитву. Скончался он в 1903 году.

Старец отец Зосима¹

Собиратель жизнеописаний пустынных отцов Пантелеимон однажды услышал, что в глубокой пустыне, мало кому доступной и известной, между Катунками и Керасьей, живет пустынный, и возгорелся желанием посетить его. Старец этот был родом грек, и имя ему — Зосима.

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

По прибытии на Афон Зосима сначала поступил в Ксиропотамский монастырь, но необщительная жизнь, а и того более данное ему послушание — разъезжать на суднах в разные места, до того стеснили дух его, что он пошел на вершину Афона, где молился Царице Небесной — да устроит путь его. Там захватил его снег, и он десять дней пробыл, пока нашел возможность спуститься вниз, на гору Кармил, где и поселился при храме святого пророка Илии, без калибы, под навесом. Удивительно, как он мог там жить, на такой высоте, без защиты. Но его не внешние неудобства и злострадания беспокоили, а другого рода беды, от коих он потерпел жесточайшие искушения: демоны не давали ему покоя ни днем ни ночью, многообразно ополчаясь на него. Если бы в это время он не имел у себя опытного руководителя, то погиб бы. Не имея никаких средств устроить хижину на горе, отец Зосима отправился по пустыне искать себе другой приют. Наконец пробрался в непроходимую пустыню и нашел здесь готовую калибочку, когда-то выстроенную тем, кого, может быть, никто не знал.

О трудах старца Зосимы страшно и вспомнить: воду носил он с Керасьи за два часа ходу и по такому пути, что и без ноши тяжело ходить.

Из записок отца Пантелеимона

Отец Пантелеимон посетил старца в 1872 году. Старец, удивленный нашим приходом, встал, приветствовал нас и указал, что у него все тут — калибка, тесная и жаркая, и что здесь, снаружи, прохладнее. Я заглянул в нее: перед иконами лампадка го-

рит, окна нет и свет входит через дверь. Высокая койка примкнута к стене и под ней все его имущество: сухари и рукоделие.

Стали спрашивать его:

— Что привело тебя, старче, сюда, в такое дикое место? И какую имел цель?

— Любовь Христова, — отвечал старец, — а цель одна: потерпеть тут ради Христа, в краткую эту жизнь, и переселиться в вечность.

— Какое впечатление производит на тебя эта пустыня, эти горы и камни и это волнующееся море?

— Во всем вижу величие Божие, великие дела Его, и, восхищаясь, прославляю Божию благодать.

Мы спросили его, как он ходит босиком и отчего не купит башмаки. Старец отвечал:

— Если ходить в башмаках, то моего рукоделия не достанет на одну обувь, хотя бы трудился и вдвое больше. Хожу босой не без труда.

Рукоделие он делает — простые ложки, деревянные.

— Как же ты живешь и терпишь такую тесноту жизни? Мы вот этого не можем понести.

— Вы — другое дело; я человек простой и привык. Когда человек отвергнется всего себя и идет вслед Господа своего, то его предваряет благодать и укрепляет. Вы не смотрите на место — место не спасает человека, а добрые дела, ради Христа делаемые. Я как человек, не имеющий нигде убежища, пришел сюда и поселился по той простой причине, что для меня нет в другом месте пристанища, — потом прибавил: — Бдение приносит

человеку другое бдение: когда человек бдит, то сердце его воспламеняется и вкореняется в одном таком рачении о Боге, что молитва, действуемая в сердце, не дает ему сна, хотя бы он и понуждал себя. Дьявол ничего так не боится, как подобного трезвенного состояния бдящей и молящейся души. Он как огнем опалается и бежит, не будучи в состоянии к ней подступить.

Вот это все, что знаем о пустынноике отце Зосиме.

Старец отец Иоанн

Родиной отца Иоанна была Червонная Русь. Здесь, в Буковинской митрополии, около 1833 года родился он и при крещении получил имя Илия. Отец его по фамилии Гарус был молдаванин, а мать — малороссиянка. Но на Афоне отец Иоанн не жил с молдаванами и всегда показывал себя русским, так как по-русски говорил в совершенстве. Достигнув определенного возраста, он женился и имел детей. Любимым занятием его было чтение Псалтири, поэтому все его уважали и, в случае смерти кого-нибудь, приглашали его читать над покойником. В скором времени он овдовел и вместе с семейством переехал в Каменец-Подольскую губернию. На новом месте он недолго жил, а вместе с отцом своим поступил в Преображенский монастырь, близ местечка Бершад, а дочерей послал в женский монастырь в Волыни.

Послушник Илия после смерти отца решил поехать на Афон. Забрав свой увольнительный

вид, он отправился в Одессу, где с ним приключилась тяжкая болезнь. В таком состоянии он дал обет: если выздоровеет, приедет на Афон, станет монахом и не будет есть ни сыру, ни яиц, ни молока, ни рыбы, ни масла. Вскоре после этого он выздоровел и, получив разрешение, выехал из Одессы в Константинополь, а оттуда на Афон.

Имея стремление и ревность подражать древним великим подвижникам в житии постническом и пустынном, Илия путешествовал по Святой Горе и искал себе в пустынях духовного наставника. В это время на Керасье, в пещере высокого крутого утеса, безмолвно подвизался отец Пахомий, серб, к нему и добрался Илия и усиленно просил принять его к себе в ученики. Отец Пахомий, узнав из рассказов его прошедшую жизнь и стремление к жизни строго подвижнической, принял его и с течением времени постриг в схиму, переименовав его в Иоанна.

Постригая его, отец Пахомий не снял с него постничества, а подтвердил ему продолжать его до смерти. В одно время отец Пахомий, желая испытать в своем ученике отсечение воли, приказал ему есть все предлагаемое, что отец Иоанн беспрекословно исполнил. Видя такое послушание воле старца, отец Пахомий снова позволил ему держаться постного правила.

Лет шестнадцать жил он со своим старцем, подвизаясь в многоразличных подвигах покаяния и озлобления плоти. По исполнении дней жизни старец Пахомий мирно скончался, оставив отцу Иоанну в наследство подвижничество, пустынничество и постничество.

Всю свою жизнь на Афоне, как и старец его, отец Иоанн стремился к самому глубокому безмолвию в возможной дали от жилищ других. По этой причине он нередко переходил с места на место, если усматривал какие-нибудь неудобства для безмолвия.

В одно время он жил на Керасье в разных каливах¹. За это время у него побывало три или четыре ученика. Раза три он селился в пустыне «Фиваида» и построил там четыре калибки. Живя здесь, он часто удалялся в самые глухие места. В такие походы он забирал с собой сухари, топор, лопату, кирку, чайник и полог холстинный; все это в мешок и на плечи. Утомившись или при приближении ночи, он располагался где-нибудь на полянке, расчищал место, раскидывал над собою в ветвях дерева полог и таким образом устраивал шатер. В случае недостатка провизии или воды он не слишком беспокоился и проводил по несколько дней без этого.

Церковное правило он правил общее, по четкам. За келейный канон он пребывал в занятии умно-сердечной молитвой по два часа сидя. Все остальное время он немного читал, размышлял и большую часть старался пребывать в молитве.

В келлии у него не было ни стульев, ни табуреток, ни койки, ни кровати. Он никогда не ложился на бок или на спину, а спал всегда в сидячем положении на полу, на разостланном войлоке. Хотя грамоту знал посредственно, но очень ясно и легко объяснял неудобопонимаемые места из аскети-

¹ Калива — хижина, жилия постройка небольших размеров, без земельного участка. — *Примеч. ред.*

ческих сочинений святых отцов и из Священного Писания. Иногда умными очами он видел так ясно, как бы телесными, козни врага. От всегдашнего пребывания в молитве нрава он был незлобивого, кроткого и терпеливого.

Жившие с ним ученики тоже должны были держаться постного устава, и очень редко он разрешал им масло и вино. Святых Таин отец Иоанн приобщался по возможности еженедельно. Один ученик говорил, что однажды видел отца Иоанна идущим в свою калибку, по приобщении Святых Таин, сияющим паче солнца. Ученик этот решился только через полтора года открыть старцу об этом и просил объяснить ему причину этого. «Ради того, — отвечал старец, — чтобы ты имел ко мне доверие».

Отец Иоанн ежедневно совершал бдение, начиная с вечера и оканчивая на другой день. В это время он пребывал в умной молитве.

Под конец жизни отец Иоанн оставил «Фиваиду» и забрался в глубочайшую пустынь между Катунками и Керасьей, над взморьем, в то место, где раньше жил отец Зосима. Но недолго он тут жил. В одно время вспомнил о нем близкий ему по духу старец отец Варнава в скиту святого Василия. Призвав своего ученика, он послал его навестить отца Иоанна и справиться, жив ли он. Действительно, ученик нашел его едва живым. Когда он вернулся к отцу Варнаве с этой вестью, то тот послал его к русскому духовнику отцу Иродиону в том же скиту, но его дома не оказалось. Отсюда он побежал на Катунки к духовнику отцу Игнатию, болгарину, но пока дошел до пустыньки

умирающего по очень трудным тропинкам, отец Иоанн, не дождавшись, испустил дух свой в руки Господа. Это было 11 ноября 1892 года. Тут же на месте он и был погребен.

Всю жизнь свою на Афоне он очень усердно занимался умно-сердечной молитвой и был на высокой степени преуспения в этом делании. Близкие к нему говорили, что он был сподоблен весьма многих духовных видений, многие из подвижников обращались к нему за советами.

Старец отец Даниил

В 1814 году к берегу Кавсокаливитского скита пристало парусное судно. На нем находился восемнадцатилетний юноша Димитрий, родом грек, впоследствии старец Даниил, приехавший сюда для монашеского жития. Перед вступлением на Святую Гору юный Димитрий положил намерение признать своим старцем и руководителем того монаха, которого встретит прежде, и жить до смерти у него. В этом намерении он, выйдя на берег, пошел на гору, и когда взошел высоко и увидал перед собой старца Германа, жившего в келлии святого Артемия, то сказал сам себе: «Здесь, у этого старца, должен я остаться и послужить ему до смерти, так как к нему привел меня Господь».

Старец Герман, родом серб, был с виду характера строптивного, сурового и жестокого, так что не только бранил послушливого ученика своего, но и бил его почти каждый день, особенно вначале. Делал же это не просто по страсти гнева, но в разуме духовном, что долго не было понятно не толь-

ко ученику, но и посторонним лицам. Несмотря, однако, на такое обращение, просвещаемый благодатью послушник не оставлял старца и слушался его во всем беспрекословно. Это продолжалось до самой кончины отца Германа, последовавшей через сорок лет.

Суровые поступки старца с учеником не могли быть тайной, и вот собрались однажды к отцу Герману старцы скита святой Анны, с тем чтобы увещевать его оставить жестокости по отношению к ученику. Старец им отвечал словами Евангелия: *«Вы не мыслите, яже суть Божия, а человеческая!»*¹ Познавши, что старец поступает так в разуме духовном, старцы оставили его, удивляясь духовной мудрости Даниила и его преданности старцу.

После многолетней жизни при старце Даниил достиг глубочайшего смирения и сподобился даров благодатных. Однажды, будучи еще послушником, Даниил топил хлебную печь и, разгребая жар, уронил в него кочергу, которая плохо была прикреплена к деревянной ручке. Дрова пылали в печи. Обратившись к старцу, он воскликнул:

- Прости, отче, согрешил: кочерга свалилась!
- Полежай достань! — строго заметил старец.
- Благослови! — произнес послушник.
- Бог благословит! — ответил старец.

И вот ученик вскочил в печь, разгреб руками жар, достал кочергу, довольно уже накалившуюся, и вышел с нею, оставшись неопалим. Скоро весть о таком чуде распространилась по всему Афону, но, не желая сделаться предметом общего внимания, Даниил скрылся от старца и жил

¹ Ср.: Мф. 16, 23.

в неизвестности до тех пор, пока чудное событие не пришло в забвение.

В этой келлии святого Артемия Даниил со старцем прожили два года и переселились в Хиландарский монастырь, где прожили они один год. Потом поселились на Каруле и жили тоже год, а оттуда перешли на Керасью и жили семь лет, а потом — в скит святого Василия, где жили десять лет, чтобы, наконец, поселиться в скиту святой Анны, где прожили более пятнадцати лет в келлии Воскресения. Здесь скончался старец Герман.

В начале своего пребывания на Афоне Даниил много терпел не только от старца, но еще больше от тех бедствий, каким тогда была подвержена Святая Гора: было время греческого восстания. Страдальческую жизнь проводили тогда пустыnnики: хлеба не было, собирали дикую траву и каштаны, чем и питались во все это время. Из каштанов они делали муку, высушивая их и превращая в порошок; но хлеб из толченых каштанов не мог быть испечен; нужно было прибавлять муки хлебной, без которой замес каштановой рассыпался, а достать хлебной муки было почти невозможно. Да и с примесью ее каштановый хлеб мог быть в употреблении только по великой нужде. Голод и бедствия нередко побуждали отца Даниила просить милостыню в каком-нибудь монастыре, хотя бы хлеб для старца своего. Однажды он добыл где-то пшеницы и нес на своих плечах в пустыню. Шел он ночью, чтобы не встретиться с разбойниками, однако попался в руки их. Они отняли у него пшеницу и требовали денег, но по истязании, видя, что у него ничего нет, отпусти-

ли его живого. В другой раз, отправившись за продовольствием, Даниил опять попал в руки разбойников, которые вели еще трех монахов. Подойдя к берегу, разбойники стали сажать забранных ими на лодку, чтобы отвезти и продать их в неволю. Даниил, который был малого роста, упал со слезами у ног капитана и просил оставить его на Афоне или, если угодно, то сейчас же отрубить ему голову. Капитан толкнул его от себя, вероятно, не надеясь выручить хорошей цены за такого малорослого человека, сел с другими в лодку, отправился в путь, а Даниил возвратился к старцу.

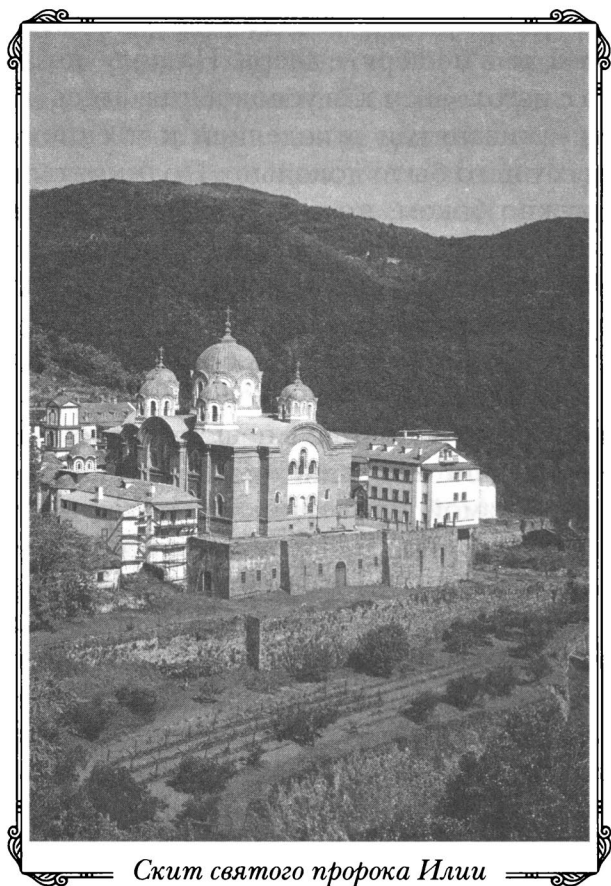
Вскоре последовало от разбойников отцу Даниилу и старцу такое насилие; в то время они жили на Керасье, в келлии святого Иоанна Богослова, а по соседству с ними жил иеромонах в келлии святого Георгия. Этот иеромонах тоже бедствовал по недостатку в пище, и, чтобы утолить свой голод, он ловил рыбу в море по ночам. В одну ночь его схватили разбойники, которые заставили его довести их до его келлии. Забрав у него все, что могли, они ограбили и другие там келлии. Не найдя у старца Германа ничего, они заставили его с учеником нести награбленное к берегу, но там почему-то больше не обратили внимания на Германа и Даниила, а иеромонаха взяли с собой.

По смерти отца Германа старец Даниил поселился в пещере выше скита святой Анны. Пещера эта устроена в осевшей при землетрясениях скале горы, протягивающейся с северо-запада на юг. Если посмотреть снаружи, то побоишься не только жить в ней, но и взойти в нее, так как поневоле подумаешь, что вот-вот покатится камень вниз

и задавит. Так как камень откололся от скалы углом, то проход между ним и скалой идет сначала вверх к востоку, потом, пройдя две-три сажени, поворот вправо к югу, где устроено окошечко, а при входе в пещеру — дверь. На полу лежала постилка с изголовьем для успокоения; здесь и сидел старец при занятии рукоделием и чтением книг, которых у него было довольно. Подниматься в пещеру нужно боком, но и при этом не избежишь, чтобы где-нибудь не зацепиться спиной о камень, а взойдя в пещеру, непременно нужно сесть, по причине тесноты.

Из записок отца Пантелеимона

Однажды мы заходили в пещеру втроем, и, пока старец, шедши впереди, не поместился около окошечка и мой проводник не потеснился, сев около старца, мне в пещеру взойти нельзя было, а когда взошел я, то дверей нельзя было затворить до тех пор, пока я не придвинулся плотно к собеседникам. В углу стены, с восточной стороны, сделано в камне углубление, где стоят иконы и книги и около них — череп старца Германа. Во время разговора отец Даниил, указывая на череп, говорил умиленно, скрестив руки на груди: «Ничего не делаю, никакого доброго дела у меня нет, и только уповаю на милость Божию да на молитвы старца; чем бо, кроме сего, оправдаюсь?» Вид и всякое действие отца Даниила есть выражение глубокого его смиренномудрия. Игумен Ильинского скита отец Паисий просил старца сказать слово на пользу. «Что могу сказать вам? — отвечал старец. — Я человек грешный, ищу только милость

Скит святого пророка Илии

Божию и на нее одну уповаю». Надобно было видеть при этом, с каким глубоким убеждением говорил отец Даниил, скрестив руки на груди.

В ближней пещере, с пристройкой вроде калибки, жил ученик его. Старец уступил ему пещеру, и он жил там самочинно, уходя часто и надолго. Это печалило многих отшельников, ходивших для духовных советов к отцу Даниилу, но сам он тем же терпением хотел победить непостоянного ученика, не прекращая внушать ему необходимое к созиданию его душевному.

Летом 1870 года мы были у отца Даниила и видели, что близ пещеры его порублены деревья и поставлена маленькая калибка, построенная вчерне¹ одним человеком, сжалившимся над болезненностью старца, страдавшего простудой от камней тесной пещеры. Постройка эта вызвала старца из его затвора, и он ходил в Карею, где не был тридцать лет, для покупки каких-то материалов.

Бывая временами у старца и зная его строгое уклонение от советов и наставлений, мы старались вызвать его к каким-либо объяснениям о проходимой им жизни, почему предлагали ему разные вопросы; но он большей частью уклонялся от ответов, не оставляя, впрочем, некоторые простые вопросы.

— В искушениях, — говорил старец, — нужно благодарить Бога, потому что Он посылает их для пользы нашей и выше сил не попустит искушиться. А если роптать, то искушения попустятся

¹ Вчерне — без окончательной отделки, начерно. — *Примеч. ред.*

сильнее. Когда же кто отринет искушение или думает убежать от него, то непременно встретит несравненно большее. Терпеть надо, терпеть. Святые мученики кровь проливали ради Христа, а мы хоть труд и пот прольем. Через искушения приходит человек в опыт и усовершенствуется. Нужно трудиться и молиться.

— Одинаково ли может молиться человек и в мирном состоянии духа, и когда дух его бывает потрясен какой скорбью?

— Об этом рассуждать духовникам, а я простой человек, — ответил старец.

— Да ведь мы относимся к тебе, старче, не как к духовнику, а так, спрашиваем просто; ведь ты сам когда-нибудь прежде бывал в скорбях, то и по опыту своему можешь знать это.

— В скорбном состоянии, — ответил он, — человек со слезами обращается к Богу — и Христос утешение его. По мере скорби бывает и утешение от Господа.

— Действительно ли безмолвники не могут, как нам сказали, более трех суток оставаться в самоуглублении и молитве, хотя бы ощущали и благодатные посещения?

— Да, — ответил старец, — точно, нужно движение, чтобы не впасть в леность, но делают это немощные, а кто вкусил плод безмолвия, тому не лежит этот закон.

— Разве, — спросили мы, — могут и дольше пребывать, не исходя из келлии, и как это?

— Могут... — он хотел и еще что-то сказать, но пресек слово в самом начале, потом добавил: — В пустыне нужно постоянно воевать с врагами,

которые ожесточенно ведут брань с подвизающимися. Здесь бой рукопашный, а потому опасный по хитрости и злобе демонской. А кто живет с людьми, те имеют с ними развлечения и рассеиваются, а потому и духовная брань у них невелика.

Старец Даниил, хотя родом грек, но по-сербски объяснялся так легко, что его многие считали за серба. Благодатные дары, которыми был осенен старец, обнаруживались только в некоторых случаях и как бы против его воли. Вверху Катунак жил старец из молдаван, имя его Косма. Жизнь его была жестокая, но он ее переносил благодушно. В одно время посетила его великая скорбь душевная, и он не находил себе отрады и в молитве и сильно был отягчен мыслями. В этом состоянии он вышел в лес искать мягкое дерево «комарня» для своего рукоделия. Он пошел по лесу и вдруг встречает изможденного старца, низенького роста, с маленькой бородкой, в самой убогой одежде. Он поклонился старцу, не зная, что это был отец Даниил, и вдруг ощутил в себе разительную перемену: не только не стало прежней скорби, но разлилась внутри него тихая радость и свет. Косма тотчас убедился, что старец, встретившийся с ним, имеет великую благодать и мысленно помолился о нем [о Косме], познав духом его душевную болезнь, но лишь только он поспешил к старцу и начал знаками (он не знал по-гречески) благодарить его, как старец быстро пошел от него и скрылся. Спустя несколько лет этому же отцу Косме по какой-то болезни нужно было достать свежих огурцов. Зная, что их можно достать только в монастыре святого Павла, он отправился туда, но там

получил отказ в его прощении, так как не умел объяснить, почему собственно ему были нужны огурцы. Возвращаясь в свою пустыньку, он поднялся уже высоко в гору над скитом святой Анны, когда услышал, что кто-то, идя спешно по дорожке, догоняет его. Это был старец Даниил. Как бы не помня свою старость, он бегом догнал Косму, поднимаясь по крутой горе. Косма поклонился старцу, а тот вынул из-за пазухи шесть свежих огурцов, только что сорванных, положил ему в торбу и пошел вниз по направлению к своей пещере, оставив в крайнем недоумении и удивлении Косму, не знавшего, чему больше дивиться: тому ли, что старец познал его скорбь и нужду в огурцах, или тому, где Даниил взял эти огурцы, которых у самого отца Даниила, ни в ближних от него местах ни у кого не было, а они были только что сорванные.

Спустя несколько месяцев отец Косма с тяжелой торбой шел по той же крутизне, поспешая в свою калибку. Время было зимнее, бурное и холодное. Начинал порошить снег, и он напрягал свои силы, чтобы до заката успеть дойти до дома. Но, когда он взошел уже высоко, поднялась такая метель, что не было возможности ничего видеть и идти вперед, и он окончательно выбился из сил. Весь мокрый, без перемены одежды, он стал искать где укрыться. Усмотрев вблизи большой камень, Косма решился пойти и присесть около него. И что же там находит? Свернувшись едва не в комок, в худой одежде своей, без всякого покрытия, лежит у камня босой старец Даниил и дрожит от холода. Косма, считая по прежним опытам отца Даниила как благодатного для себя защитника,

скинул с себя торбу, положил ее в изголовье и лег близ старца. Метель продолжалась, и холод усиливался. Снег густо устилал землю, а Косма, лежа близ горящего душою к Богу старца, скоро ощутил теплоту, и такую, что ему показалось, что он находится как бы в натопленной комнате. И так до утра пробыл спокойно и без вреда. Рано утром поднялся старец Даниил и пошел вниз, к своей пещере, а там, где он лежал, не было снега и было совершенно сухо.

По словам отца Евфимия, живописца Иоасафского братства в Кавсокаливии, старец отец Даниил был такой подвижник, каких ныне, пожалуй, нет больше. Старец окончил свою жизнь в своей же пещере близ келлии святого Артемия, выше скита святой Анны, 19 июля 1879 года.

Старец отец Авраамий¹

Отец Авраамий родился в 1811 году в купеческой семье и в миру был учителем. На Афон прибыл в 1830 году и поступил в Григориатский монастырь, где жил шесть лет. Еще живя в миру, отец Авраамий имел любовь к безмолвию, и, ревнуя о возвышенной жизни, он потом перешел в скит святой Анны и поселился вверху скита, в малой калибочке, где жил два года. В это время руководивший его старец сделал ему испытание и послал его в монастырь Дохиар, где он два года служил на кухне, а потом в Русик на один год. Старец его, видя Авраамия укрепившимся

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

в смиренномудрии, благословил его, наконец, уйти на безмолвие, это было в 1842 году. Он тогда, после короткого пребывания в прежней калибке, перешел в скит Малой Анны, где отцы увольняются от всех обязанностей Большого скита святой Анны, но зато не получают ничего и, не имея садов и огородов, живут исключительно безмолвно.

Тут отец Авраамий построил себе крошечную калибочку под горой — в сущности курень, в три аршина длиной и в два с четвертью шириной, где помещен малый очаг и форма, в которой бдит и отдыхает старец. В другой калибке жил его ученик отец Косма, поступивший к нему в 1854 году.

Жизнь отца Авраамия была возвышенная, строгость умеренная, рассуждение глубокое, которое он стяжал не ученостью, но опытом жизни и благодатным просвещением.

Пониже келлии старца [располагается] огромная пещера, где находятся косточки древних тамошних отцов — чистые, желтые, как воск, и благоухающие. Двое монахов, искавших безмолвия, просили у старца благословения поселиться в этой пещере, но тот не дал, имея на то свои причины. Местность старца такая уединенная и в такой дали от тропинки на Карулю, что мало кто нарушает его безмолвие.

Из записок отца Пантелеимона

Около 1870 года я посетил отца Авраамия и просил наставления в несении скорбей. «Если отринешь скорби, — говорил старец, — посылаемые по попущению Божию, то настигнут большие. От скорбей одно убежище — терпение. Отпором и

стойкостью их не победишь, а больше размножишь, и они наконец победят тебя. Будь как тростник: когда находит ветер, тогда склоняется; а когда пролетит, он встает. А если не склоняется, то он его и ломает. Испытания и скорби приводят человека к смирению, а выше смирения ничего нет. Поэтому, когда найдут испытания, нужно обнять их, положить, так сказать, за пазуху; и если они разольются и окружают тебя, как море воды, то ты пополни очи слезами и плавай в них.

Если святому апостолу Павлу, молившемуся об испытании, было сказано: „Довлеет ти благодать Моя“¹, если ему нужны были и испытания, то что сказать нам, страстным? Господь по сердоболию посылает нам испытания, чтобы ими привести нас к смирению; и если мы не смиримся малыми, то пошлет большие, и делает это до тех пор, пока приведет нас к смирению. Скорби и испытания так нам нужны, что не будь их, мы не спасемся; но выше сил Господь не попускает никому.

В скорбях душевных предваряет благодать и укрепляет, как бы приготавливая человека, а в скорбях телесных или вещественных предваряет враг: тут испытывается произволение человека, его решимость и любовь ко Господу, и если он борется, то неукоснит² на помощь благодать и утешит его за произволение.

Пока человек не искоренит страстности, до тех пор не может молиться в мире духа. Мир духа приходит после скорбей, которые побуждают человека к молитве и рождают смирение; а смирение

¹ 2 Кор. 12, 9.

² Неукоснит — здесь: непременно придет. — *Примеч. ред.*

рождает и мир духа, в котором человек, обучаемый скорбью, молится. Благодать Божия поступает с нами любовлагодутробно: как мать, уча дитя ходить, поддерживает его обеими руками, а потом держит их около него, чтобы, если он покачнется, снова подхватить его, а когда приучится он сколько-нибудь ходить, то стоит и смотрит и, чуть заметив, что дитя падает, тотчас поддерживает его и хранит, пока он совершенно утвердится ходить. Так поступает с нами и благодать.

Если есть самолюбие, то есть все страсти. Одно оно погубит нас. От самолюбия ссоры, вражда, убийство, воровство и все злое. Добрые дела самолюбивого не угодны Богу».

На пути на Карулю, не так далеко от старца Авраамия, живет монах Пахомий, грек, про которого утвердилось мнение, что он в прелести. Мы спросили у старца о сем. «Да, — сказал старец, — к сожалению, он вне дороги, и его никто ничем убедить не может. Он не причащается, потому что не хочет никакому иеромонаху сделать метание или взять благословение. Убеждение его такое, что он рукоположен свыше, что он равен или выше патриарха. Если бы архиерей сделал ему метание, то Пахомий без стеснения благословил бы его, как рукоположенный свыше. О духовнике никак нельзя ему упомянуть, ибо из себя выйдет. Но жизнь его столь жестокая и строгая, что почти нет примеров на Афоне, равных его жизни. Рассудок его чист, и если не коснуться духовника и прочего, что приводит его в негодование, то суждения его здравы и взгляды верны, но иногда увлекается. Значит, он не вполне еще впал в ког-

ти врага, но положение его опасное. Сожаление о нем общее. Прежде жил он в монастыре Симонопетра, потом в пещерах в разных местах».

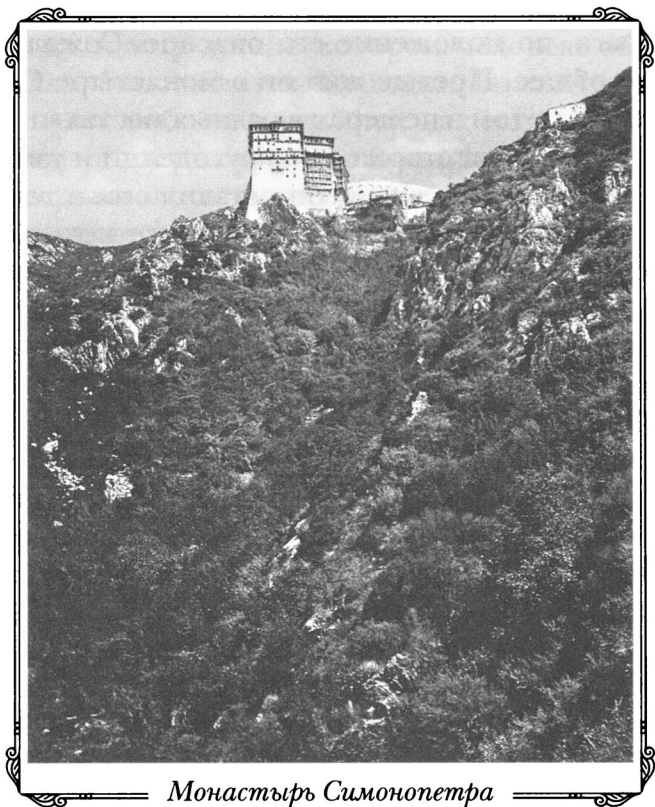
Мы спросили старца о его рукоделии и узнали, что десять лет уже [как] он оставил его, а теперь даже ученик затрудняется носить все потребное для рукоделия от пристани до их калибки. В пище он себя не ограничивает, а когда случается, и масло, и рыбу употребляет, только сам не покупает сего.

Из беседы старца Авраамия

— Телесные искушения легче душевных, но труднее молиться при них, потому что они смущают и чувства внешние. А душевные искушения сильнее огорчают душу, но скорее приводят к молитве, и человек получает пользу, не ощущая того, потому что искушения приводят его к смирению, а оно хранит его без вреда, и тогда он прибегает к Богу; и не только мы, новоначальные, но и совершенные имеют искушения ради смирения.

— Что касается молитвы в мирном состоянии духа, то этот мир должен искуситься прежде и победить все страсти. Если отымутся от нас искушения и будем в мире, не достигши той меры, то помысел наш возгордится: *«Несмъ якоже прочии»*¹. Святые отцы говорят: кто отвергает от себя искушения, тот укрепляет их на себя; а кто терпит, тот получает крепость от Господа. Великая благодать Божия к нам — терпеть искушения, как говорит апостол: «Великая благодать для нас *не токмо*

¹ Лк. 18, 11.

Монастырь Симонопетра

веровати... но и еже пострадати за Него»¹, ибо многими скорбями подобает внити в Царство Небесное².

— Святые отцы говорят, что нет ничего иного слаще, как страдать за Христа. Следовательно, сладость терпения за Христа давала силу мученикам претерпеть до конца. Апостолы и мученики терпели за Христа, и мы терпим: болезнь ли посетит нас скоро, печаль или искушение — все терпим ради любви ко Христу. Терпят турки и французы,

¹ См.: Флп. 1, 29.

² Деян. 14, 22.

но не имеют надежды, а нас облегчает надежда на Христа.

Мы просили старца помолиться за нас, на что он ответил:

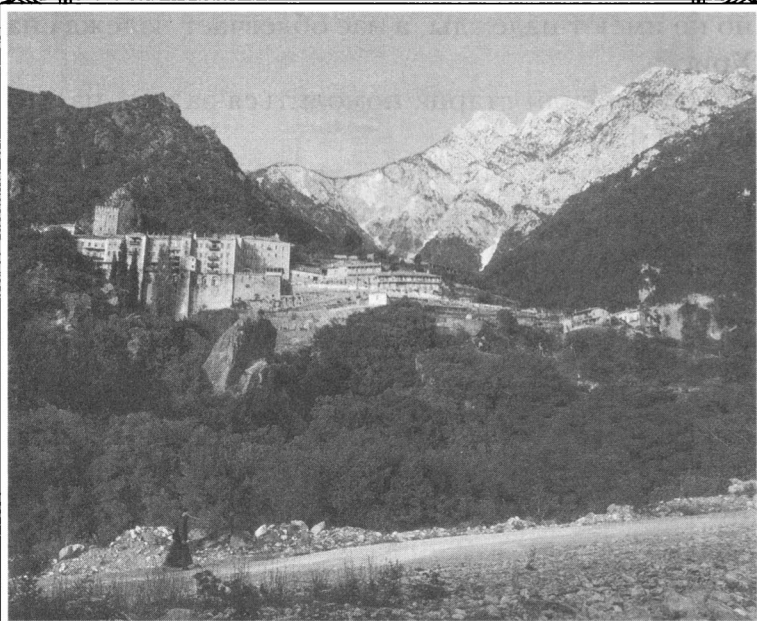
— Молитва монастыря — как стены; а мы живем как змеи в норе, как звери. И по наружности вот мы какие, а по внутренности еще хуже.

— Читать божественные книги необходимо: без сего душа помалу охлаждается, даже ожесточается и помрачается. Если, даже читая, не исполняем, и тогда надо читать, ибо это приведет к самоукорению; а без чтения, живя худо, кажется, что хорошо идем. Один авва сказал ученику, не хотевшему читать: «Из двух сосудов помой один». Тот помыл. «Какой чище?» — спросил авва. «Помытый», — отвечал ученик. «Хоть он и такой же пустой, как и другой, но чистый; так и чтение божественных книг, хотя и не исполняем читаемого, но, пока читаем, очищаемся».

Вот и все, что знаем о старце отце Авраамии.

Старец отец Гавриил

Приехав на Афон в 1846 году, отец Гавриил поступил в монастырь святого Павла. Прожив там шесть месяцев, он перешел в скит святого Василия, откуда скоро переселился в калибку в скит Малой Анны, где получил постриг. Не зная никакого рукоделия, он продал потом калибку и поселился в пещере в том же месте. Перед этой пещерой старец стал класть стену и, когда достаточно возвысил ее, расшатал нижние камни, нарочито над отвесом выдающиеся из стены, и тотчас вся

Монастырь святого Павла

стена загремела вниз, в пропасть. После сего старец спускался крутой дорожкой и снова носил на гору все те камни, чтобы опять класть свою, ни для чего не нужную ему, но лишь для утруждения себя, стену. Так он делал многие годы, большей частью по ночам.

Все проходящие духовную жизнь имеют какое-либо рукоделие, но выбирают они такое, которое не отвлекает ум от богомыслия. Для каждого труд необходим, но чтобы не было пристрастия к тому, что делают. Поэтому разве только вполне совершенные могут иметь келейное занятие, как, например, сад, огород, вязание четок или делание ложек, и относиться к нему беспристрастно. А так как пристрастие приходит иногда незамет-

но, то многие избирают такой труд, который отнюдь не отвлекал бы ума их, погруженного в богомыслие или молитву. Один старец в течение многих лет срыл около калибки своей огромную гору. Так и отец Гавриил клал и разорял стену каждый раз.

Жизнь старца так убога и скудна, что и самые бедные пустынники удивляются. Не имея ничего, он часто оставался без сухарей, ибо, лишь вынужденный крайней нуждой, он ходил в монастырь святого Павла за сухарями, а часто сидел несколько дней совсем без пищи.

Видящие такую нищету старца спросили его, не скучает ли он. Старец отвечал с глубоким чувством: «Святые отцы, днесь или завтра уйдем отсюда; можно ли скучать, когда мы знаем, что ожидает нас вечно? В Отечнике сказано: „Некий брат сказал старцу: ‘Отче, меня борет лень в келлии!’ Авва ответил ему: ‘Если бы мы знали о мучениях адских, которые ожидают ленивых, то хотя бы келлия наша была полна червей, мы терпели бы’“».

Из ответа его и глубокого смирения его видно было, что старец сказал то, что во внутреннем делании обнимает всю его душу и служит двигателем к тем подвигам, которые он так самоотверженно переносил.

Старец отец Феодосий¹

Отец Феодосий родился в Болгарии в Великом Тырнове. Здесь пять лет он учился в духовной

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

школе и имел основательное знание древнегреческого языка. Прибыв на Святую Гору в 1830 году, он поступил в Кавсокаливитский скит к некоему старцу отцу Антонию, греку сурового и строптивого нрава, который не только изнурял его тяжелыми работами, не давая и заснуть, но и всячески истязал кроткого ученика. Не раз он прогонял его от себя, но тот, считая, что старец испытывает его любовь и постоянство, подождав несколько, возвращался к нему и терпел те же жестокости. Не раз старец посылал его в Русик с запиской к греческому духовнику отцу Макарию, прося дать его ученику послушание в магерной¹ и чтобы не давали ему никакой ослабы, всячески обременяя его работами.

Однажды прогнанный ученик пришел к своему родственнику, иеромонаху Паисию, который впоследствии стал настоятелем Ильинского скита, а тогда еще проживал в Кавсокаливии, и рассказал ему все, что у них случается со старцем, прося совета. Тот посоветовал ему более не возвращаться к отцу Антонию, и отец Феодосий поместился при другом старце; но тут отец Антоний, одумавшись, пришел к отцу Паисию и просил сказать ученику, чтобы он возвратился, обещая его постричь. Отец Паисий поверил, но новый старец отца Феодосия возражал: напрасно полагаться на

¹ Магерная — ткацко-валяльная мастерская по производству тканей, шерстяных одеял, обуви и «магерок» — зимнего головного убора, используемого преимущественно у восточных славян в XVIII–XIX вв. Магерки шили из толстой ткани или валяли из шерсти. Эта работа была связана с очень тяжелым физическим трудом. — *Примеч. ред.*

его уверения, он не вытерпит и по своей привычке опять будет делать то же самое. Так и случилось: старец принял его с радостью и при отце Паисии восхвалял его терпение и послушание, в которых он так уверился, что теперь желает постричь его. После пострига не прошло и двух месяцев, как старец опять прогнал отца Феодосия. Тогда собрались к нему скитские старцы и стали увещевать его, укоряя за непостоянство и жестокость. Отец Антоний раскаялся и прослезился, ибо отец Феодосий уже впал в чахотку, кашлял и страдал одышкой. Приняв ученика, они жили уже в мире, и вскоре сам старец заболел. Видя приближающуюся кончину, старец сокрушенно просил прощения, говоря: «Я убил тебя, чадо, прости меня!» Так он часто говаривал и при смерти своим раскаянием привел в слезы всех тут бывших, а ученик плакал неутешно.

В Кавсокаливии отец Феодосий жил при старце девятнадцать лет и после него — семь лет. Потом он перешел в скит Малой Анны и поселился в келлии Успения Божией Матери. Теперь он так страдал от болезни, что раза два в месяц совершенно умирал, и дыхание его потухало в сильно стесненной груди, так что окрестные пустыnnики часто приходили прощаться с ним. Но внезапно дух его возвращался, и он поправлялся так, что вся болезнь, кроме бессилия, проходила. Однажды в воскресенье собрались соседи, попрощались, зажгли свечи, покадили и не видели уже жизни в старце, лежавшем бездыханно и остывавшем, но к вечеру отлегло, он стал дышать и так поправился, что посетившие его монахи из Русика нашли

его совершенно уже здоровым и долго с ним беседовали.

Суровые поступки старца Антония и решимость отца Феодосия выработали в нем глубокое смиренномудрие. И не болезнь была причиной стяжанной им памяти смертной и неуклонного пребывания в умной молитве: болезнь была лишь пособием к развитию воспринятого образа внутреннего делания. В умной молитве отец Феодосий так преуспел, что великий в подвижниках старец Иларион грузин пребывал с ним в духовном содружестве и многие ходили к нему за советами.

Болезнь старца, естественно переходя свои периоды, достигла высшего развития, так как он ничем не лечился и давно бы уже умер от одного только недосмотра, не имея возможности послужить себе в чем. Но благий Господь за примерное его терпение показал на нем два чуда: продлил его жизнь выше всех соображений человеческих и послал ему такого ученика, которого все, знавшие его, называли ангелом. Это была воплощенная кротость и преданность старцу, и часто он забывал про пищу и покой, заботясь об успокоении болезненного старца. Имя его Гавриил.

На вопрос об учениках отец Феодосий ответил: «Ученик имеет двоякую брань: одна от старца, а другая от диавола; посему нужно нести немощь, какой бы хороший ученик ни был. Сегодня он видит старца как святого, а завтра — напротив. Враг разные влагает помыслы на старца: чем ученик более будет благоговеть и чтить старца своего, тем более враг старается расстроить, как пишет святой Феодор Едесский. В таком случае нужно так

делать: враг подкинет помысел, а мы отвратимся от него. И так, постоянно выкидывая наносимый помысел, мы останемся невредимы.

Лучше человеку подвизаться до смерти и не видеть благодати, нежели, получив, потерять, потому что такой осудится как недостойный. Все наши дела имеют конец, а покаяние до смерти конца не имеет. Если кто прежде смерти оставит покаяние, хотя бы и был святой, то погибнет. Святые отцы подвизались до смерти. Во святом крещении человек получает совершенную благодать и дар, но после должен сам трудиться, и тогда постепенно открывается благодать. Господь давал иногда святым отцам благодать ради пользы многих, а тут пустыня, и Господь не дает особенную какую, а довольно и того, что приходят в молодых годах и с помощью благодати живут в таких жестокых местах».

В определении помыслов старец сказал: «Если можешь уловить мрежею¹ ветер, то и помыслы; только не надо принимать их, а отвергать и постоянно очищаться покаянием: „Прости, Господи, согрешил, каюсь!“»

Так как старец средств к жизни не имел, то ученик трудился неусыпно, но и тогда не хватало им на пропитание, и ученику приходилось, как только старец почувствовал облегчение в болезни, поспешить с просьбой о милостыне к сострадающим им, и те снабжали, кто чем мог.

Когда спросили отца Феодосия, как он переносил побои, наносимые ему старцем Антонием,

¹ Мрежа (церк.-слав.) — сеть для уловления зверей, невод. — *Примеч. ред.*

то он рассказал следующее: «В Кавсокаливии при море жил старец отец Иоанникий, болгарин, с послушником Матфеем, тоже болгарин. Старец поступал с ним так строго, что постоянно кричал и бил его жестоко, а ученик только падал в ноги и говорил: „Прости, прости, отче!“ Тот и ногой, и поленом, и чем попало бил его. Ученик так благоговел перед старцем, что не смел сесть при нем, а приседал на корточки, и при крике старца сожмется от страха, уважения и благоговения к нему. Так до смерти прожил с ним, а старец, поступая с ним, как с собакой, делал это в разуме духовном для пользы ученика, а другим говорил, что имеет ангела. После смерти кости ученика благоухали».

О себе отец Феодосий говорил: «Старец мой строго со мною поступал, потому что у меня не было послушания и старания, и это было мне на пользу, в обучение души моей».

Старец отец Амвросий

Отец Амвросий родился в 1778 году. На Афон прибыл в 1799 году и поступил к старцу отцу Косме в скит святой Анны на келлию святых архангелов, у которого еще жил побратим отец Игнатий.

Незадолго до греческого восстания, в ночь с 1-го на 2 сентября 1820 года, над Афоном разразился страшный тайфун. Еще за год до сего тайфуны часто были видны вдаль по морю; но перед самым восстанием гнев Божий посетил и Афон в сем всеразрушающем тайфуне, главная часть коего разразилась в скиту святой Анны, а в других мес-

тах он коснулся только крылом своим, но и то много бед натворил.

Старец Косма с учениками читали утреню. Вдруг послышался необычайный гул с шумом, так что отец Амвросий сказал старцу: «Благослови, отче, выйти посмотреть, что это». Но лишь он отворил дверь, вода хлынула в церковь рекой и наполнила всю келлию. Амвросий ухватился за притолоку обеими руками, и в это самое время водяной смерч унес всю келлию с землею, оставив только ту самую дверь в западной стене, за которую держался Амвросий. Он один только и остался, а старцев его унесла вода. Тайфун вывернул всю землю, включая огород и близрастущие деревья. Другой водяной столп упал на келлию преподобного Антония и унес ее всю с жившим там старцем, а третий упал за двести шагов от кириакона¹ и унес две келлии и мельницу, а близстоящие едва удержались, хотя вода заливала их через окна. Расщелины, что теперь между кириаконом и келлией отца Константина, прежде не было, она образовалась после тайфуна.

Итак, отец Амвросий остался без старцев, без келлии, без хлеба и всего. После он взял у кого-то шерсть и, делая фески, питался кое-как, но недолго. Скоро последовало восстание, и Афон наполнился мирскими людьми, искавшими убежище от турок. Из монастырей почти все уехали, забрав с собою что могли; оставались лишь немногие. Потом нахлынули турки, начались насилия; они собрали скитских отцов в Лавру и посадили их в пирг, где те стояли по колено в холодной

¹ Кириакон — соборный храм афонского скита. — *Примеч. ред.*

смердной воде и в невыносимой мѹке зывали к Пречистой о помощи. Потом вытащили их из пирга и стали требовать денег, с кого сколько хотели. Кто мог, откупился. Один из них сжалился над бедными, как отец Амвросий, не имевшими ничего, и внес за них назначенную сумму.

В это время урожай каштанов, трав и всего был особенный, и отец Амвросий ходил по пустыне и питался зеленью. Потом паша издал приказ, чтобы в пятнадцать дней все мирские вышли с Афона, в противном случае, кого встретят там после сего, отрубят голову. И тогда очистилась Святая Гора, и оставшиеся монахи вздохнули свободно. Но что последовало? Вернувшись домой, большая часть беженцев нашли, что лишились всего, и стали они заниматься разбоями: начали приезжать на Афон и мстить монахам за прежнее их изгнание со Святой Горы. Они грабили и избивали монахов, которые стали испытывать сугубое страдание: от турок, коих были полны монастыри, и от разбойников, но от последних несравненно больше, и жизнь была вполне мученическая. «Один Бог весть, — говорил отец Амвросий, — чего стоило мне опять поселиться в скиту, построить келлию и обзавестись необходимым».

Кто-то дал ему шерсть, и он опять стал плести фески. Однажды, собрав, что у него было сделано, поехал он на лодке с другими пятью отцами до Ксиропотама, чтобы оттуда пойти в Карею продать рукоделие и купить хлеб и шерсть; но только они хотели причалить, как напали на них разбойники и все отняли, а самих связали. Кто-то из них знал отца Амвросия и сказал другим: «Что вы его вя-

жете? У него едва душа держится; келлию его вода унесла, и у него ничего нет». Тогда отпустили его. Он начал просить отдать назад фески, но те сказали, что уже разделили их. Потом стали требовать деньги от других отцов, по пятьсот левов. Те согласились и поручили отцу Амвросию поехать в скит и собрать деньги от их учеников. Когда он хотел уже вернуться, ему лодочник сказал: «Что ты делаешь? Разбойники тебя изрубят. Давай я отвезу». И так лодочник повез деньги на Амулиан и отдал их.

После этого у отца Амросия кушать было нечего, но потом взяли его в Лавру послужить туркам, как хорошо знающего по-турецки. Там служащие носили белые фартуки, почему их не трогали.

О старцах прежнего времени отец Амвросий сказал: «Когда я приехал на Святую Гору, тогда застал здесь поистине старцев — и по самому виду, а особенно по их духовной опытности. Бывало, мы взглянуть на лицо их не смели, а если взглянешь, то невольно смежишь глаза от сияющей в них благодати, и согбенно, поникнув долу, проходили мимо них. Слово их было сильное и поселяло благоговейное к ним уважение и страх, растворенный любовью».

Старец отец Амвросий скончался 24 февраля 1871 года. Говорил до последнего и причащался часто. В последний день пришедший иеромонах нашел его остывшим и лежащим с закрытыми глазами, почему сочли его мертвым, но иеромонах, наклонясь, сказал на ухо старцу: «Открой уста!» — и отец Амвросий открыл, и его причастили, но лишь проглотил, закрыл опять глаза, и душа его отлетела ко Господу.

Старец отец Виссарион

Родился отец Виссарион в 1809 году. На Афон прибыл в 1834 году вместе с родным братом (впоследствии духовник отец Зосима, живший на Катунаках) и поступил в Дионисиатский монастырь, где через три года получил постриг. Тут он жил двадцать лет, а потом по примеру брата ушел на безмолвие и жил в разных пещерах. Однажды он поселился в сырой пещере вроде свода, сделанного в земле для небольшого ключа, текущего из горы вверху Катунак, а когда в Лавре узнали об этом, то распорядились выгнать его, выставя причину, что козлы и быки пугаются и не могут подходить к водопою, устроенному при пещере, завидев там человека. Потом он жил пониже Ксенофонтского скита, в логе, а когда и оттуда прогнал его монастырь, то выпросил себе место между скитами святой Анны и Новым скитом, в камнях, где и слепил себе калибочку.

Родом отец Виссарион куцо-влах; роста был весьма высокого, постоянный наряд его был — на низенькую камилавку, вроде скуфейки, накидывал прехуденькую, коротенькую наметку — короткий ветхий подрясник, а сверху него куртка с остатком удержавшихся овчинок, привезенная им из мира давным-давно, которую он не скидывал и летом. Келлия его самая маленькая. Рукоделием он был портной, но шил мало. Главное занятие его состояло в чтении, размышлении и умно-сердечной молитве. Знание им Священного и отеческих Писаний было обширное.

Русские монахи, посетившие старца в 1871 году, попросили его вскипятить воду для чая, но оказа-

лось, что, кроме маленькой сковороды, у него нет ничего. Тогда попросили напоить их духовным питием. Надо было видеть, с каким воодушевлением говорил он; басистый его голос, и без того громкий, еще усилился. «Умной молитве, — говорил старец, — можно научиться и в монастыре. Дело это нужное, но при опытном руководителе и с самопринуждением, со скорбью, но не оставляя и деятельных подвигов: поста, хождения в храм, поклонов и прочего. И во всем надо держать строгое внимание. Хороши порядки в Русике. Прежде Дионисиат превосходил все монастыри, и там были великие подвижники; они и теперь есть, но не те и не столько. Порядки, вследствие изгнания мира между некоторыми братьями, переменились. Ныне Русик превосходит с порядками, заведенными игуменом Герасимом и духовником Иеронимом; а потому храните их, и Христос со всеми ангелами пребудет с вами. Он и теперь живет в вашей обители, только нужно внимание, чтобы Он не удалился. Надо, чтобы братия жила в мире и согласии во всяком деле, иначе все разорится, как упали и большие монастыри, и все пойдет на разлад и как бы разольется из сосуда, так что после не соберешь, как бы ни трудился кто. Возьмите в пример семейство, общество, государство: то государство и сильно, и крепко, где подданные единокорны и с одинаковой ревностью заботятся об общем благе, забывая или презирая свои личные выгоды, а где нет единокория, то государство падает. Почему другие монастыри обеднели и упали? От недостатка единокория: там игумены сменяют один другого; кто за-

Монастырь Дионисиат

хватил управление, старается покрыть свои насилия и утвердиться покрепче. Я увещевал много раз многих из старших лиц этих монастырей, чтобы они молились, дабы Господь отдал все священные места на Востоке русскому государю; тогда и здесь, на Афоне, завелся бы порядок, и это необходимо для блага монашества; но они, привязавшись к своим личным интересам, не хотят молиться об этом. Но я им сказал: „Когда так, то слушайте: если вы не хотите молиться так, то хоть молитесь о том, чтобы Господь не дал русскому государю это святое место, а мы, пустынники, возденем руки свои к Богу и будем молиться, дабы Господь благоволил отдать все места православному государю, и посмотрим, чья молитва будет услышана Богом“. Знаю, что грехи наши не допускают, чтобы мы на-

ходились под мирным и кротким правлением русского государя, но, может быть, умиосердится Господь и внемлет молитвам нашим».

О милостыне старец говорил: «Хорошо поступает Русик, что раздает милостыню и снабжает неимущих; но то нехорошо, что дает открыто во вратах, потому что многие пустынники, услышав о раздаваемой милостыне, поднимаются и идут получать и для себя, и тем разоряют свое безмолвие. Надо втайне делать милостыню и рассматривать нуждающихся. Господом дана заповедь, и какая легкая заповедь! А она первая вспоминается во Втором пришествии Его: „Приидите, благословеннии...“¹» Еще говорил старец: «Кто носит печаль в сердце по Богу, тот имеет дерзновение к Нему, и душа его радуется; а кто имеет успокоение телесное, у того душа скорбит, а тело радуется».

Мы спросили старца, бывают ли ему искушения от людей или от бесов. Он ответил: «От людей нет, а от бесов... но они учителя наши — без них и добродетели нельзя совершить».

Старец отец Виссарион скончался в 1884 году.

Старец отец Иоаким²

Отец Иоаким, в миру Манолий, родился на острове Крит в епархии Сфатья, в селе Каликрат. Здешние жители издревле отличаются смелостью и удалством в грабеже и считают за славу звание разбойника.

¹ См.: Мф. 25, 34.

² Дата кончины — 1889 г. — *Примеч. ред.*

Манолия не учили грамоте, он не знал и молитв, и, обращаясь со сверстниками своими, естественно усваивал себе их пороки, и на двадцатом году жизни вступил на путь разбойников. Из желания заслужить имя генерала (по его выражению) их, он не примешивался к шайкам прочих и удалял от себя даже тех, кои приходили к нему с намерением вступить в товарищество. При первоначальных своих действиях, еще как неопытный, он попадался в руки солдат и был заключаем в тюрьмы, откуда находил, однако, возможность освободиться. Когда разбои и грабежи его усилились, правительство сильно стало его преследовать, назначив немалую цену за голову его. Так провел Манолий пятнадцать лет. Благий же Господь, не хотяй, да кто погибнет, видя незлобивое сердце его, увлеченное только обычаем страны, устроил его обращение от погибельного пути. По каким-то обстоятельствам старший брат Манолия попал в тюрьму; об этом передали Манолию. Сжалившись над положением брата, и особенно его семейства, он решился лично ходатайствовать за него перед начальством и себя предать вместо него. А так как в селе их были старшины из христиан, то Манолий отнесся к одному из них ночью за советом: предаться ли паше или уйти куда? Старшина обещался переговорить с каймакамом и, придя, спросил: «Если мы поймаем Манолия, подаришь ли нам его?» — «Подарю!» — отвечал каймакам. Старшина передал Манолию разговор свой и привел его к паше, который, в свою очередь, уважая каймакама, даровал жизнь Манолию. Приход его удивил и изумил пашу, который долго не верил

глазам своим, что это был Манолий, за голову которого назначена значительная сумма, и особенно тому, что он отдавался в руки его добровольно. Паша был тронут до слез, отпустил брата его и тут же предложил Манолию остаться при нем за жалованье, на что тот согласился. Оставшись, он служил то паше, то каймакаму попеременно, получая по шестьдесят левов в месяц.

После четырех лет пашу назначили в Солунь, и Манолий попросил взять его с собой, а через год паше нужно было отправиться на Афон, и с ним вместе поехал и Манолий. Тут на Святой Горе был тогда тот самый каймакам, к которому первоначально явился Манолий, и он просил его остаться в качестве сардара¹; но Манолий не согласился, считая долгом службы не оставлять пашу в дороге и возвратился в Солунь. Через неделю каймакам прибыл туда и выпросил его у паши, как человека крепкого и храброго, подходящего для охраны Святой Горы. Манолий принял это за указание Божие, оставил невесту и поехал с каймакамом.

Целый год Манолий исправно служил на Афоне, обходя монастыри, бывая на праздниках для охраны порядка и прочего с другими сардарами. Потом каймакама назначили на другое место, и он предложил Манолию отправиться вместе с ним, но тот ответил: «Эфенди, позволь мне пожить здесь еще год, мне так хорошо». И каймакам ответил: «Поживи, поживи», — и уехал один. С этого времени начинается перелом в жизни Манолия.

¹ Сардар — военный чин в Османской империи, титул командующего армией, ведущей боевые действия. — *Примеч. ред.*

В сердце его стал раздаваться сильный зов Божий: отречься от мира и посвятить остальную жизнь покаянию.

В первый год страннической своей жизни Манолий от скуки, или по прежнему своеволию, или не вынося данного ему трудного епитимийного правила, решился уйти с Афона, но лишь только подумал это, как почувствовал, что что-то привязывает его к Афону, и это повторялось каждый раз, как только являлось у него желание и решимость оставить Святую Гору. Три года Манолий ходил при каймакаме, но жалованья уже не брал, а в четвертый год, проходя скит святой Анны, он остановился там и целый год прожил на кириаконе. Прошло пять лет от прибытия его на Афон, и время наложенной епитимии кончалось. Он чувствовал в сердце зов остаться, но еще боролся с этой мыслью. Он даже совсем решился оставить Афон, но это была уже последняя борьба с самим собою. До Хиландарского монастыря он шел с решимостью, чтобы более не возвращаться, но тут почувствовал такое душевное смятение, что не мог ступить дальше, и повернул назад, раздавая по пути все свои деньги. Дойдя до скита святой Анны, Манолий не пошел дальше. Дикей Виссарион, и прежде знавший его, сострадая духовному бедствию его, не только не стеснял его пребывать там, но оказывал ему всякое участие, и вскоре Господь помог ему обрести желаемое убежище.

За скитом на северо-запад есть в одной скале большая пещера, и это место так понравилось Манолию, что он решил, что если ему уже оставаться, то нигде, кроме как в этой пещере. Взяв

благословение у старцев, он поселился в ней, приходя оттуда каждодневно на раннюю литургию. Монашества еще он не принимал, жил там пока мирянином.

Однажды он пришел в церковь перед литургией; тут в притворе собралось несколько братьев, которые сказали ему: «Что же ты, Манолий, живешь между нами так. Пора тебе оставить мирскую одежду и облечься в монашескую». Манолий уклонился от положительного ответа и взошел в церковь, а когда стал на месте, то услышал тихий внутри глас: «Что же ты медлишь, в самом деле, Манолий? Следуй советам старцев. Смотри, ведь ты уже старик, у тебя и борода седая, куда пойдешь? Не видишь, как промышляют о тебе святые Иоаким и Анна с Матерью Божией? Смотри, как они не пускают тебя, не хотят, чтобы ты удалился с этого места». Выйдя из храма, Манолий сказал братии: «Я останусь здесь, принимаю ваш совет, только купите мне одежду и назовите меня Анною, дабы и самым именем всегда принадлежать скиту».

Старцы не удивлялись такой простоте Манолия, зная его прежнюю жизнь, а потому рассказали ему, что этого нельзя, а назовут его Иоакимом. На одежду же старцы сделали между собой складчину: дикей дал десять левов, другие — кто что мог, но сумма эта была недостаточна, почему Манолий отправился по некоторым монастырям попросить помощи и купил все нужное. Потом его постригли, и так как окончилась его епитимия, то он мог приступить к приобщению Святых Таин.

Пещера, в которой жил отец Иоаким, обширная, высокая и, можно сказать, светлая, образо-

вавшаяся в природной скале, но всегда холодная и сырая, тем более что она не защищена от ветра и непогоды. Нет ни дверей, ни окна, при дождях она протекала, а при морозе протекавшие струи воды превращались в лед, а когда снег выпадал на скалах, то попадал и в пещеру и оставался там всегда дольше, нежели на открытом месте. Огня он никогда не имел и одежды теплой не носил, а что было на нем — холодный подрясник и ряса, в том ходил и лето и зиму.

Прошло только пять лет со времени пострижения, но за его решимость и произвольные злострадания Господь даровал ему дар смирения и умиления.

Со времени пострижения он все более и более приходил в страх Божий, и скитские отцы избрали его еkkлесиархом¹ в гробничную церковь, куда он ежедневно до рассвета приходил и приготовлял все нужное для совершения литургии. После службы он убирал церковь, запирали ее и уходил в свою пещеру, взяв для себя кувшин воды. Будучи безграмотным, он знал наизусть все праздничные тропари и кондаки, но всего замечательнее в нем был дар умиления и слез. Сделав отца Иоакима еkkлесиархом, скитские отцы положили между собой давать ему каждый день по хлебу. После литургии он отправлялся в одну из келлий, где получал хлеб и, набрав кувшин воды, уходил; на другой день шел в другую и так далее подряд. Насушенными из этого хлеба сухарями старец угощал всех, кто бы

¹ Еkkлесиарх — церковнослужитель, наблюдающий за церковным зданием и порядком богослужения по уставу. — *Примеч. ред.*

к нему ни зашел. Тотчас же по приходе кого-либо он поспешно доставал воду, наливал ее в ущербленную ченаку и накладывал туда сухарей; положит ложку и, сложа руки на груди, начинал просить, чтобы гость поел, и так умиленно, что будь кто сыт, не отринул бы такого искреннего его усердия.

У него был резной крест, подаренный ему кем-то по приезде его на Афон; на нем изображены с обеих сторон двенадцатые праздники в малом размере. В сквозные прорезы между ними он вложил много кусочков ваты, которые брал со святых мощей в каждом монастыре. По его живой вере от ваток этих разливалось в его пещере предивное благоухание, как от самих святых мощей. Крест этот был единственное его сокровище, которое хранил он в деревянном футляре. Когда кто приходил к нему, он прежде всего доставал крест и предлагал пришедшему помолиться, после чего он просил гостя приложиться к бумажной иконке Божией Матери. Затем предлагал сесть, а сам начинал хлопотать об угощении. При прощании же он непременно срывал травку, которая росла у него между камнями, и давал на благословение от святых Иоакима и Анны и Пресвятой Богородицы.

Он имел вид изможденный, чему, конечно, способствовал образ его жизни. Сам он говорил: «Прежде я ел и мясо, и всякие кушанья, пил вино в изобилии, молоко же не хлебал ложкой, а пил вместо воды через край горшка, — а теперь Господь даровал мне эту воду и хлеб, и я нахожу, что это слаще всего, что я ел и пил в миру. Пустыня удивительно как услаждает хлеб, дает ему особенный вкус, особенную сладость! Слава Тебе, Господи!

Слава Тебе, Господи! Как милостив Господь и какие Его дарования!»

Он не стеснялся утвердительно отвечать на вопрос: «Отче, ты был Манолий-разбойник?» — «Да, я самый, я! Это чудо милосердия Божия, чудо! У меня никогда не было и думки быть монахом, а, смотрите, что сделал Господь! Турок, турок привез меня сюда! Чудо, чудо милосердия Божия!»

В пещере у него ничего не было. На сыром, природой посланном полу, в углу, положено несколько старых досок, на которых он покоил претружденное тело, постилая остаток шерстяного мешка. А чем наполнял длинные ночи в пещере, не зажигая огня, не зная грамоты и не занимаясь рукоделием? Найдя где-то две брошенных пустых тыквы, он положил в одну из них мелких камешков, а около нее поставил другую тыкву, полагая за каждым камешком земной поклон с молитвою Иисусовой. Эти камешки заменяли ему четки.

В прежнее время кое-кто, сжалившись над его бедностью, давал ему или рубашку, или другую одежду, но он все это через малое время относил какому-нибудь пустыннику или же полагал на дорогу, по которой ходят одни пустынники, поступая так же и с деньгами, если кто давал их. Видя, что он не носил эти вещи, спрашивали у него, где же они. Отец Иоаким неопределенно говорил, как бы не зная: «Я оставил в пещере, но кто-то, видно, в отсутствие мое взял». После этого, узнав его обычай, перестали давать ему [что-либо]; но надо заметить, что впоследствии он крайне нуждался в теплой одежде — пронзительный холод пещеры, сырость, а вместе и изможденное старческое

тело оказали свое влияние на его здоровье, и он сам уже просил теплый подрясник, рясу и крепкие башмаки.

Деятельные подвиги его, кроме поклонов, заключались в том, что он по ночам очищал дорожки от камней, углаждая путь для всех, кто ходит теми тропинками. Извилистые тропинки тянутся часто по сыпучему над крутым обрывом спуска, вследствие чего собрать с дорожки камень начисто невозможно, но трудолюбец собирал если не все, то хоть мешавшие ходить по тропинке, и из них же делал тропинку более ровной. Там же, где часто насыпался камень на дорожку, почему и невозможно было ее уладить, старец повыше дорожки устроил из камней стены (бизули), иногда одна за другой, несколько над одним местом дорожки, чтобы задерживать камни. Главная мысль подвижника была та, чтобы не дать себе ослабы, а вместе по чувству искренней любви к отцам облегчить им путь, чтобы они не затруднялись в хождении.

Обычай древний на Святой Горе — на перепутьях и поворотах ставить кресты, чтобы пешеходы по ним знали, где нужно им свернуть и в какую сторону. В скиту святой Анны, по причине скалистой местности, дорожки разветвляются во множестве — в каждое дальнейшее место, даже в каждую почти келлию ведет своя дорожка. Местные жители привыкли к ним, но пешеходы других мест затрудняются нередко по причине множества пересекающих одна другую дорожек. Отец Иоаким на каждом перекрестке в нужном повороте поставил кресты, утвердив их каменной каймой,

довольно изящной. Таким рукоделием своим он значительно облегчил дорогу для ходящих там.

Пещера его расположена так: в мраморе образовалась продольная пустота с севера на юг, — вход в нее с юго-запада; к входу ведет узенькая тропинка из скита, с обходом. К востоку возвышаются одна над другой скалы, к югу пещера заслонена склоном горы, а на севере — обрыв. Со стороны обрыва выложена стена из камней для защиты пещеры от снега, который, без этой стенки, наполнил бы ее в зимнее время, что однажды и случилось, так что старца из-под снега откопали другие. Впрочем, стена эта не окончена по причине высоты, на которую без подмостков нельзя было втаскивать камни, а потому над этой стеной остается большая отдушина, накрытая сверху нависшей над обрывом скалой и образующая род огромного слухового окна. При этой стене у старца наложены были доски, где он иногда отдыхал. При входе в пещеру он разобрал камни и натащил земли, на которой посеял шалфей, васильки и еще какую-то пахучую травку, которую и раздавал на благословение приходящим. По пути в пещеру кое-где в расщелины камней повтыкал или виноградные лозы, или миндальные деревца и утешался, видя их зеленеющими.

Раз в разговоре спросили отца Иоакима: не вредно ли ему в такой сырой пещере и не боится ли он простуды? Он отвечал: «Чего же бояться? Если взять за одну руку святую Анну, которая держит руку Владычицы, то какая опора, какая крепость, какая надежда! Боязнь — от врага, а мужество и радость — от Господа и Божией Матери.

Когда воины идут на брань, то вначале точно как бы имеют страх; но, восприняв мужество и начав брань, укрепляются в мужестве и одолевают врага. Тогда они получают награды, их делают капитанами и прочее. Так и монаху должно быть. Слава Тебе, Боже, сколько дарований дал мне Господь мой, — мне, грешному. Я был разбойник, блудник, преступник всех заповедей Господних, а какими дарованиями наградил меня Господь! Какое у меня может быть лучше место жительства? Я не знаю, как мне и благодарить Господа и Пречистую Его Матерь за эту пещеру. Не раз являлась у меня после пострижения мысль походить по монастырям, помолиться перед святыми мощами и чудотворными иконами, но как только взгляну на свою пещеру, то никак не могу расстаться с ней. Помысел тут же начинал говорить мне: „Куда же ты пойдешь? Чего у тебя нет? Одежда у тебя есть, ты и не ходил за ней, тебе ее сюда принесли. Хлеб отцы дают, сиди на месте“. Я как бы связанный, так и остаюсь, не могу пойти от пещеры, кроме как в скит на литургию. Господь такую мне дает сладость в этой пещере, что если бы отдавали мне весь Афон, не мог бы пойти отсюда». — «Что же, старец, — спросили мы, — не холодно ли тебе?» Он отвечал: «Бывает, что и руки и ноги замерзают, так скорчит их, что и протянуть не можешь; но когда пройдет это, то чувствуешь себя в семь раз здоровее, чем каким был до этого. Я вам скажу, братья, на Афоне говорят, что тут воздух вредный и вода, текущая по мрамору, и боятся этого. Страх от врага. Если Матерь Божия — Царица всей вселенной, а это дом Ее, и если Она промышляет о всем мире, то, конечно,

несравненно более о Своем доме, — то чего нам бояться? Для того, чтобы понять щедроты Божии, я не сделал и двери в пещеру; Она, Царица Небесная, Заступница всех, то как же нам-то сомневаться? Да, страх от врага. Если переменить рубашку, для того чтобы она высохла, то ничего; а если страха ради, чтобы не простудиться, то никогда не верьте этому, потому что мы должны иметь веру ко Господу и Божией Матери и святым Иоакиму и Анне, а не к переменяемой рубашке. Вот игумен [монастыря] святого Павла два раза приходил сюда и просил перейти к ним в монастырь, обещая дать все, что мне нужно, но я не могу. Потому одежда приходит ко мне сюда, башмаки тоже, хлеб есть, воды — слава Богу. Какое оправдание принесу, если пойду? Монах должен показать храбрость и мужество так, как на войне христиане с турками: из нее выходят только храбрые победителями. Если бы они прежде не утвердили себя в решимости идти совершенно на смерть, то не могли бы иметь храбрости и мужества, не могли бы быть победителями и не сделались бы капитанами и генералами в награду. Так и монах в своем делании должен показать своего рода храбрость и мужество и прежде всего утвердиться на одном месте и хранить себя строго.

Однажды, — продолжал он, — в феврале месяце мне пожелалось взойти на вершину Афона, и спросил некоего монаха о дороге туда, но он так меня напугал, что я совершенно пришел в недоумение. Он говорил, что там и летом бывать опасно для здоровья от сильного холода, а зимой никто и не ходит. Но после я подумал в себе: как это можно?

Место это — святая святых. Возможно ли там повредиться, а тем более пропасть? Я, расспросив дорогу у Хаджи-Георгия, пошел. С закатом солнца я добрался до вершины, вошел в находящуюся там церковь. В ней был лед, и лечь там я усомнился. Помысел сомнения зародился во мне: как бы в самом деле не повредиться? Но тут же пришла мысль: возможно ли? Здесь ведь святая святых. Ночью руки и ноги мои озябли крепко, но к утру я ощутил себя в семь раз здоровее, чем когда пришел туда, и мог уже хоть три дня пребывать там. До сего времени я носил куртку, а после этого совершенно оставил ее. С тех пор я не стал уже бояться никаких страхований, зная, что страх от врага и от недостатка веры.

Когда у меня есть одна вещь и дают такую же другую, то я одну отдаю, чтобы двух одинаковых не иметь, потому что я был разбойник, блудник и великий грешник, не могу иметь двух пар башмаков, двух рубашек или другого чего из одежды». О получении милостыни старец говорил: «Я положил себе за правило никуда не ходить и ни у кого не просить, но, если кто приносит ко мне, не отказываюсь принять и употребляю на поправку общей дороги или на возобновление развалившейся бизули, больше же на неугасимую лампаду в гробничную церковь, а также прошу иеромонаха отслужить литургию. Но если бы случилось большое пожертвование, то я взял бы на себя весь расход гробничной церкви, то есть просфоры, вино, масло, воск, ладан и прочее». После сего старец Иоаким встал и принес показать два хлебца, рассказывая, что кто-то ныне дал ему их,

и, показывая, воскликнул: «Чего мне еще? Слава Тебе, Господи! Пресвятая дает мне хлеб, чего же мне еще? Она всем меня снабжает.

Вы не думайте, чтобы я исполнял что-нибудь монашеское. Сижу я здесь и пребываю в одном осуждении, чревообъядении и сне. Хоть рыбы и не хочу, но хлеба ем очень много, — а при всем том надеюсь на щедроты Божии, на покров Матери Божией, на святых Иоакима и Анну, хотя я и недостойн».

Попущением Божиим и со старцем Иоакимом случилось подобное тому, что было с преподобным Антонием. Враг нанес ему великое озлобление: после поправления дорожек накануне какого-то праздника он шел ко всенощному бдению на кириакон. Вдруг явилось множество бесов, которые схватили его и бросили вниз по крутому косогору к морю. Старец, перевертываясь, летел вниз, и когда на ровном месте останавливался, то бесы снова схватывали и опять бросали далее, и таким образом, несколько раз перебрасываемый бесами по зубцам камней и через кусты, он докатился к самому морю. К великому удивлению, он не потерпел никакого вреда. Скитские отцы начали уже собираться в кириакон. Не видя отца Иоакима и зная, что он всегда первый являлся в церковь, удивились и подумали: а жив ли отец Иоаким? И пошли осведомиться. В пещере не было, стали искать повсюду и наконец по голосу нашли его у берега моря. Потом решили собором не пускать его более в пещеру и дали ему приют при гробничной церкви.

Перед праздником Рождества Христова 1888 года старец заболел, слег в постель и ничего не ел.

От сего времени и до самой кончины он пробыл без всякой пищи, разве когда какой глоток воды вливали ему в уста. Голос его хотя и ослабел, но он еще мог говорить, и хотя с трудом, но можно было разбирать его слова. Наконец наступил четверток Светлой седмицы, канун храмового праздника его церкви в честь Живоносного Источника. Уже солнце приближалось к краю горизонта, еще минута, и оно совсем готово было спрятаться за него. Вдруг отец Иоаким воскликнул громким голосом: «Владычица моя, Владычица моя!» — и с теми словами испустил свой дух в руки Господа своего, Которого так крепко возлюбил.

Старец Иоаким скончался около восьмидесяти лет от роду, прожив на Афоне более двадцати пяти лет.

Старец отец Евфимий¹

О старце отце Евфимии, к которому за советами обращались отец Антипа (Валаамский) и игумен Нифонт, как его духовный сын по пострижению, подробных сведений мы не имеем. Узнали лишь следующее.

Из записок отца Пантелеимона

Старец отец Евфимий был родом грек и родился в 1780 году на острове Имбро. В миру некоторое время служил учителем, но, не будучи обременен супружескими узами, он рано стал помышлять о спасении души и решил вступить в монашество.

¹ Дата кончины — 1866 г. — *Примеч. ред.*

Достигнув тридцатилетнего возраста, он отправился на Афон и здесь поселился в скиту святой Анны у одного старца. По отзыву отца Нифонта в скиту он был как столп и опора.

За год до отхода в вечность старец отец Евфимий был очень болен. Все имевшие с ним духовное общение приходили прощаться. Готовясь умереть, он как опытный подвижник говорил на прощание пришедшим: «Отцы, тщитесь всегда готовиться, дабы к этому часу не быть неготовым, ибо тогда уже ничего не можем сделать!» Говорил же это с таким воодушевлением, что все были тронуты и, видя, с какой твердостью он вступает во врата смерти, получили великую пользу. Но от этой болезни старец не умер, а совершенно выздоровел. При жизни ему было откровение об умирающих, известное некоторым старцам. О важности того часа, когда душа исходит из тела, старец говорил так: «Если кто услышит об отшедшей душе, то, где бы он ни был и чем бы ни занимался, пусть оставит все и молится об умершем. Хотя бы и сам крайне нуждался в молитвах других, хотя бы и правила своего еще не выполнил, но в этот час пусть забудет себя и всякое дело и молится о почившем».

Старец отец Евфимий имел особую любовь к молдавскому скиту. Не находя возможности часто видаться со старцем, игумен Нифонт долго просил его переселиться к нему в скит, но отец Евфимий не соглашался, не желая оставить своего безмолвия. Бог же, видя искреннее усердие отца Нифонта и его братства, промыслив Своим устроил по их желанию. Игумен пригласил стар-

Молдавский Богоявленский скит

ца на освящение скитского храма. Старец отправился совершенно здоровым. Везде ходил по скиту, смотрел новые строения, бывал на всех службах и в трапезе, и через два дня он приобщился Святых Таин. После сего, придя в келлию, он находился в несказанной радости, от избытка которой начал петь тропари и стихиры, что показалось другим весьма необычным. Среди самого пения старец предал дух свой Господу. Бывшие при этом думали про себя: какой странный у старца обычай петь вслух; а лишь он смолк, оглянулись и увидели, что старец уже скончался с выражением великой радости на лице.

Когда потом мы посетили келлию Рождества Богородицы в скиту святой Анны, где жил старец

Евфимий, мы просили его учеников, чтобы сказали что-нибудь из наставлений его, те со скорбью отвечали, что не могут передать этого, особенно с той силой и убедительностью, как говорил он. «О, если бы вы застали его при жизни и от него самого услышали слово. Нам нельзя его слов передать, ибо они имели благодатную силу и проникали в глубину души».

Старец отец Феофил **Агия Психи**

Отца Феофила в миру звали Феодоритом. Родился он в 1777 году и по ремеслу был столяром, но больше он участвовал в судебных делах; какое бы дело у христиан с турками не случилось, всегда приглашали его, ибо турецкий язык он знал в совершенстве. Но, познав суету, он прибыл на Афон и поступил в Русик. Это было около 1800 года при игумене Савве, когда хотели приступить к копанию фундамента под здание нового монастыря при море. Из Русика Феодорит поступил к старцу в Кавсокаливитский скит, где жил шесть лет, а во время греческого восстания он уже жил в Новом скиту, где постригся в мантию с именем Феодосий. В схиму же постриг его духовник скита святой Анны Иоасаф, наименовав его Феофилом.

Владея турецким языком, он и тут с успехом ходатайствовал перед турками за многих монахов, освобождая кого от смерти, кого от беды, подставляя нередко собственную спину за тех, о ком ходатайствовал. Видя его добровольное страда-

ние, многие турки говорили: зачем он заступается за виновных, достойных наказания? И советовали ему удалиться со Святой Горы. Но вольный страстотерпец готов был за ближних своих и живот свой положить. И в Солуни он заступался за афонских монахов и многих выручал из заключения.

Имя Агия Психи он получил от скитян за необычайную доброту его и всеобъемлющую любовь ко всем. Его никак иначе не именовали, и многие даже не знали его настоящего имени.

От побоев турецких он стал совсем калекой: рука была перебита, спина избита, и все тело изранено. Также спас он многих мальчиков от насилия турок, из коих один впоследствии был игуменом в Кутлумуше.

Во время греческого восстания у немногих оставшихся скитян было оскудение во всем и, во первых, в хлебе. Тогда питались каштанами и травой. В одно время приезжал чиновник от солунского паши, и Агия Психи сказал ему: «Доложи паше, что мы с голоду умираем и вашим солдатам есть нечего — пусть пришлет пшеницы», — и с того времени паша стал присылать хлеб.

Все боялись турок вследствие их жестокости, но Агия Психи имел особое к ним дерзновение и смело заступался за всех. Турки много раз уступали ему, но иногда и хорошенько его избивали.

Когда паша узнал, что на Афоне осталось много мальчиков, он повелел забрать их; и забирали кого попало: и послушников, и мирских — около трехсот душ, которых и потурчили в Солуни. Агия Психи был там тогда и увидел их перед

совершением над ними басурманского обряда. Он сказал паше: «Зачем ты забрал мальчиков?» Тот отвечал: «Наш пророк Магомет повелел, если какой христианский мальчик будет близ вас, то увещевайте его благими словами принять веру свою, а если мальчик будет из пленных, то это сделайте насильно. Вот как наш пророк заботится о распространении нашей веры». — «Ваш пророк ведет вас во ад, а вы слушаете его!» — возразил отец Феофил. При этом один турок тотчас хотел убить его, но вдруг остановился и сказал: «Убить тебя надо, но нам жаль тебя, и оставляем тебе жизнь; только ты оставь свое ходатайство за этих мальчиков».

Когда заключили в тюрьму в Солуни депутатов афонских и других монахов, среди них были два иеромонаха из Нового скита — Иосиф и Герасим, тогда братия умоляли отца Феофила, чтобы он сходил в Солунь и попросил об их освобождении. Потерпев много на Афоне от турок, так что однажды даже выстрелили в него с досады, он не хотел было идти, но, вспомнив, как страдают пленные, не мог удержаться и от сострадания отправился туда. У паши он упросил отпустить двух этих иеромонахов, но когда пришли освобождать их, то многие другие, там же заключенные, стали со слезами просить отца Феофила, чтобы походатайствовал и об их освобождении, кланяясь ему в ноги, лобызая то место, где он стоял, называя его отцом и благодетелем. Бедственное положение и их горькие слезы глубоко тронули его, и, несмотря на всю трудность этого поручения, он отправился снова к паше. Господь ему

помог, и паша тут же отпустил еще двадцать три человека.

Однажды на Афоне Биле-паша при других спросил Агия Психи:

— За кого вы почитаете нашего пророка Магомета?

— Мы с ним дела не имеем, вы его знаете.

— А за кого вы Христа считаете?

— Иисуса Христа мы никак не считаем, а как Он есть Бог истинный, сотворивший небо и землю, ангелов и человеков, море и все, что мы видим своими глазами.

При этих словах с пашой сделалось что-то вроде обморока: он упал, как помешанный. Агия Психи испугался и, скрестив на груди руки, ожидал неминуемой смерти. Бывший тут же сотник на коне выхватил меч и хотел сразить Агия Психи, но в это время паша стал подниматься, и это отвлекло внимание сотника, который соскочил с коня и спросил у паши: «Что с тобой случилось? Зачем вступаешь в такой разговор, когда чувствуешь себя бессильным?» Паша отвечал: «Я говорил со многими греками, но ни от кого таких слов не слышал; это какой-то особый человек».

Можно бы было предполагать, что по окончании турецкого пребывания на Афоне все получившие помощь от Агия Психи поспешали обеспечить его во всем до конца жизни. Вышло, однако, не так. Когда спросили его, зачем он живет в такой нищете, он объяснил это тем, что при восстании большая часть монахов разъехались в разные стороны и мало кто возвратился, а освобожденные им перемерли. Сам же он, имея калибу в Новом

скиту и делая рукоделие, почти никуда не ходит, и, естественно, мало кто его знает.

В последнее время отняли у него и самую калибку. Это было вот по какому случаю: когда скиты судились с монастырями за подать и пошли с прошением к патриарху с разъяснением дела, среди подписей старцев Нового скита подпись Агия Психи была первая. Когда узнал об этом монастырь святого Павла, то продали его калибку, и он остался ни с чем. Господь внушил принять в нем участие старцу келлии святого Иоанна Богослова отцу Мелетию, и он дал ему приют в своей келлии и успокоил как родного старца, за что Агия Психи глубоко был ему благодарен.

Скончался старец в 1870 году.

Старец отец Аввакум

Отец Аввакум, как помнит, прибыл на Афон в пятнадцать лет, около 1790 года, но в монашество не поступил, а был лодочником сначала в Русике, а потом перешел в Дионисиат, где жил до восстания греческого. Когда большая часть обитателей Афона спешили укрыться от турок, уехал и отец Аввакум на родину, на остров Скопелос, где и пробыл все смутное время. Там же он принял постриг от каракальского игумена Николая. Возвратясь на Афон, он долго жил бесприютным по разным местам, пока, наконец, не сжалились над ним старцы Нового скита, давшие ему помещение при гробнице в малой калибке, и теперь он считал себя успокоенным, хотя жил в сущем хлеву. Удивительно, как он проживал в такой тем-

ной, холодной, задымленной келлии, особенно зимой, когда и летом нужно было ему согреться на жгучем солнце, но он уверял, что не зябнет и ему всегда тепло. Видимо, что, кроме одежды его, худой и ветхой, как он сам, он еще одевался обычной у подвижников одеждой терпения.

Снисходя к его старости, скитяне давали ему по хлебцу, и он довольствовался таким сухоядением десятки лет. «Надо же, — говорил он, — приготовиться туда: как явиться пред Господа? А здесь ничего не нужно: не ныне-завтра умрем, и все останется, а вечность не изменяется. Туда нужно быть готовым!»

При вопросе о его убогой келлии он говорил: «Я думал было приобрести с помощью добрых людей себе калибку, но раздумал; на что она? Умру скоро, и здесь вот у меня приют, хорошо!»

Скончался старец отец Аввакум в 1875 году, имея от роду около ста лет.

Старец отец Паисий

Отец Паисий родился в 1799 году и на Афон прибыл семнадцатилетним. В скиту святой Анны он жил тридцать лет, сначала при старце, а потом один. Туда приехал к нему племянник, который упросил старца перейти в Новый скит — место более сносное для трудовой жизни, и они поселились в келлии Успения Божией Матери, где племянник был пострижен с именем Кирилл. С ним он прожил тридцать лет.

Рукоделием их было вязание камилавок и резание больших ложек. Однажды один русский

монах зашел к ним и застал их за работой. Море же подмыло стенку, она завалилась, и отцы клали ее снова, чтобы удержать землю, которую всякий дождь мог снести в море. Когда русский монах позвал их, то они поспешили прийти, и прежде других пришел сам старец с легкостью юноши. Он был в таком наряде, что пришелец изумился и, подав полунагому старцу немного денег, взял с него слово, что он купит себе другую одежду.

Из рассказов отца Паисия

Перед приходом турок на Афон монастырь святого Павла совершенно опустел. Уезжая, старцы просили скитян присмотреть за монастырем, обещаясь, что если отцы сделают что-нибудь в пользу монастыря, то по уходе турок монастырь освободит весь скит от дани, в чем дали скитянам расписку.

Во все пребывание турок отцы служили им и в скиту, и в монастыре и платили дань по тридцать левов в месяц на каждого турка. Трудно и бедственно было, и в то же время они вязали фески и продавали, чтобы платить дань. Ели сухой хлеб, и то не пшеничный, а кукурузный или ячменный.

По окончании смутного времени, когда вернулись монастырские отцы, то спросили у скитян, как они жили. Затем повторили свои обещания, только просили свою расписку. Те, без всякого сомнения, вручили им ее. Через малое время монастырь наложил на скит дань, гораздо большую, чем брали прежде. Скитяне думали было сослаться на их обещание, приводя и свои страдания, и плату туркам дани за монастырь. Те отвечали: «А вы

зачем платили? Зачем тут остались? Мы вот уехали и не платили, то и вы так бы сделали».

После такой «благодарности» скитянам нечего было сказать, и, как зависимые от монастыря, они должны были повиноваться. У них хранились за десять лет расписки за уплату дани; эти расписки они взяли в Константинополь, когда судились скиты с монастырями, но там на это не обратили внимания.

Скончался старец отец Паисий в 1876 году.

Старец отец Герасим

Отец Герасим прибыл на Афон вскоре по окончании греческого восстания и поступил в монастырь святого Павла, где прожил тридцать лет. Потом он испросил благословение у игумена на уединенную жизнь и поселился в калибке повыше Нового скита.

Калибка его имела высокий забор с калиткой, при которой всегда стоял крест в знак того, что его нет дома; это для того, чтобы не нарушали его безмолвия. Для знавших его была протянута веревочка к привязанному в келлии колокольчику. Кто вызывал его таким образом, к тому он выходил, как к пришедшему за каким-нибудь нужным духовным делом.

При выходе из монастыря он сделал вклад в две тысячи левов, за которые монастырь обязался пожизненно давать ему сухари. Поначалу давали радужно и еще из одежды и обуви, но после и сухари давали со стеснением.

Рукоделие его было небольшое: изредка делал четки и отдавал их одному монаху для продажи

в Карее, но сам он никуда не выходил и ни у кого не просил, почему жил стесненно.

На предложенные старцу вопросы он говорил: «Бывает время, что так бы и летел на небо, но бывает, что несколько часов накрывает такая печаль, что не знаешь, куда деваться. В это время не можешь ни спать, ни молиться, ни читать, ни сидеть на месте, ни кушать, ни беседовать с кем. Такие часы очень тяжки и совершенно необъяснимы для того, кто сам не испытал этого.

Иной раз бывает, что все члены болят так, что не можешь встать на молитву, но если в это время понудишь себя немного, то все это исчезает бесследно. Особенно если в это время прибегнешь к Матери Божией, то скоро ощущаешь помощь. Она всегда помогает. При расслаблении или случающейся такой боли членов нужна совершеннейшая решимость — до смерти, иначе не победишь. Живя одиноко, не смотришь уже ни на что: пришло время вечерни или другого молитвенного правила, то что бы ни было, встанешь с решимостью полной — Господь помогает».

Гостям хотелось вызвать его на более откровенный разговор о плодах его безмолвия, но он только поддакивал, а сам от прямой беседы уклонялся.

«Старец, — говорили мы, — не трудно ли для проходящих безмолвную жизнь, как ты, в таком месте, где нет вблизи проходящих ее, так как всем необходима взаимная откровенность и проверка своих действий?»

Старец отвечал: «Да, трудно, но я хожу к отцу Виссариону, живущему выше скита, и с ним беседую; а исповедуюсь у здешнего скитского ду-

*Карейя — административный
центр Афона*

ховника Евфимия». — «Но он ведь не знает сего делания». Старец отвечал: «Не знает, но откровение помыслов нужно, а для духовной беседы хожу к Виссариону.

Бываемые у безмолвников изменения не у всех одинаковы. Святой Исаак Сирий пишет, что оно попускается только тонкоумным и простирающимся к видению. Он советует, что если видишь себя совершенно объатым таким состоянием, так что решительно не в силах ничего сделать, как мною было сказано, то укутай свою голову мантией и ложись спать, пока пройдет этот час. Состояние это испытывающая его душа не может никому объяснить. Если сравнить с этим состоянием все труды и подвиги и другое что-либо, то все это окажется весьма малым или ничего не

значит. Впрочем, чем более попускается на человека подобное испытание, тем более он приходит в преуспеяние, и ему уготовляются великие дары Божии. У святого Исаака Сирина сказано еще, что подобное искушение бывает никак не более часу, иначе бы душа погибла. Но после этого бывает благое изменение: человека посещает такая радость, что душа его пропитывается несказанным блаженством, как в сражениях бывает на войне, когда кто увидит, что дело его идет вперед, бросается как бы победить всех своих врагов, не видя пред собою никаких препятствий, останавливающих его: он вкушает тогда горечь смертельного яда, а враги стараются неожиданно напасть на него. О, что бывает тогда? В душе его возгорается неукротимая ревность отомстить этим врагам, невзирая ни на что».

Старец отец Герасим, добрый воин Христов, скончался в 1880 году.

Духовник отец Неофит

Отец Неофит прибыл на Афон в 1809 году тридцати семи лет от роду и поступил в Эсфигменский монастырь, где жил десять лет. Пожелав потом совершенного безмолвия, он удалился в пустыню, поселясь под Афоном, где жил двадцать лет. Поначалу поселился он на самой вершине Афона и думал, что может там жить, но не вынес суровой зимы. Оттуда спустился ниже, ходил по пещерам и наконец поселился в келлии святых архангелов в скиту Малой Анны. Здесь прожил десять лет. По собственному его сознанию он там

хорошо пребывал и питался духовными плодами уединенного безмолвия. Отсюда взят был на игуменство в монастырь Григориат.

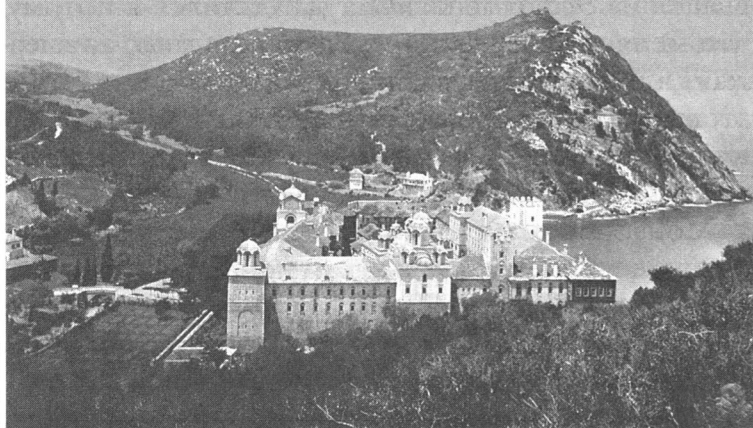
Однажды спросили его, по какой причине он вышел из Эсфигмена. «Оттуда удалился я потому, что меня за послушание посылали в мир, а, выезжая, я чувствовал, что повреждаюсь. Если бы не это, то и теперь бы жил в общежитии. Там хорошо и меньше брани, а в пустыне нужно бороться с более яростными врагами».

Монастырем он управлял десять лет, но там, как и раньше, по обстоятельствам монастыря, необходимо было выезжать в мир, и это, как и еще некое нестроение в братстве, заставили старца оставить игуменство.

«Впрочем, — говорил старец, — я от юности имел желание к пустынной жизни, и это влечение имело свой перевес. Я удалился опять в скит святой Анны, где прожил шесть лет; но, найдя, что телесные силы мои не соответствуют духовному моему влечению жить в том скиту, где нужно от берега носить на своих плечах всякие необходимые вещи, перешел в Новый скит, в келлию святого Харалампия, где живу с 1855 года».

В подвижнической жизни он был замечательный старец. К нему с полной доверенностью обращались за советами.

По переходе из Григориата он имел средства, достаточные для того, чтобы содержать себя, но в одно время, когда он уходил в кириакон на бдение, кто-то из мирских украл у него все, что было. Это вынудило его послать своего ученика Матфея по монастырям просить милостыню. С тех пор

Монастырь Эсфигмен

он терпел недостаток и между прочим говорил: «Жизнь в пустыне не без стеснения и не без лишений».

На вопрос посетившего его монаха он отвечал: «И в обители можно держаться внимательной жизни, только необходимо иметь опытного духовного руководителя, а с другими общения иметь как можно меньше, да и то с изведенными».

Столетний старец скончался в 1872 году.

✠ **Старец отец Анфим** ✠

Отец Анфим родился в городе Софии и в миру был священником. По смерти жены своей, последовавшей около 1830 года, он удалился

на Святую Гору, где вначале поселился в монастыре Симонопетра и там принял монашество. С 1841 года он начал юродствовать, но по какой причине он решился проходить такой опасный и многотрудный путь духовной жизни, это осталось неизвестным. Отец Анфим любил монастырь святого Пантелеимона, любил слушать русскую службу, а потому часто приходил в Русик, а иногда и проживал в нем по неделе, и даже более. Любимый приют его был на паперти церковной.

Отец Анфим всегда старался скрывать свою внутреннюю жизнь, показывая себя неразумным, часто говорил несвязно, как бы бессмысленно, а иногда без церемоний и побранивался. Когда же замечал, что начинают понимать притчи его и изъявлять ему почтение, тогда, бывало, с намерением наговорит много смешного, и уйдет в пустыню, и безмолвствует там месяца два или три или скитается по вертепам и пропастям Афона, а потом опять придет в монастырь.

С самого начала его юродства некоторые в Русике обратили на него свое внимание и строго следили за образом его жизни. Он не вдруг начал проходить этот путь, но постепенно. Начав юродствовать, лет пять он носил обыкновенную одежду, не отказывался от общей трапезы и не скрывался долго в уединении. Но потом время от времени он как бы укреплялся и возрастал в самоотвержении, мало-помалу изменял одежду, начал носить худую, а потом и эту пренебрег, стал ходить полунагой, в суконном мешке, прорезав дыры для головы и для рук, и таким образом ходил везде, а после он мешок свой расшил и просто носил его на плечах,

и потому его прозвали чувальником (от «чувал» — мешок). А в пустыне он и этого лишал себя и ходил вовсе без одежды.

Многие получали духовную пользу от него, смотря на сверхъестественное его терпение, а некоторые соблазнялись, считая его безумным. Он многих назидал, исправлял, ободрял и обличал. Касательно жизни своей он был скрытен; очень немногие пользовались его откровенностью, но многие знали, что он имел высокий дар прозорливости.

В последние годы своей жизни он хотя и нередко приходил в Русик, но внутрь монастыря не всегда входил, разве когда уже понудят его убедительной просьбой; а постоянный приют его был за монастырем, в кухне или в трапезе работников, где он в холодное время обогревался и подкреплялся пищей. Монаху, служившему там в должности трапезного, от настоятеля поручено было принимать старца и покоить его. Монах этот, с должным усердием исполняя это служение, приобрел у отца Анфима особенное доверие и мог узнать отчасти сокровенные его подвиги. Отец Анфим имел от Бога великий дар — продолжительно поститься, что он хотя и скрывал тщательно от всех, но иногда, по обстоятельствам, без намерения и как бы нехотя, открывал свои подвиги и благодатные дарования, коих был сподоблен. Так, однажды в Петров пост старец пришел в Русик очень изнуренный; монах, служивший ему, принял его с радостью и предложил ему трапезу. Старец начал есть, а монах ходил по трапезе взад и вперед, изредка посматривая на

него. Старец, как бы не обращая на него внимания, продолжал есть более обыкновенного, это соблазнило трапезного монаха, он начал мысленно осуждать старца за то, что такой сухой и изможденный монах так много ест. Смутившись от таких помыслов, он с досадой ушел из трапезы. Старец, окончив обед, вышел из трапезы и сел у дверей ее. Увидев соблазнившегося приятеля своего, он пригласил и его сесть и, взяв его за руку, спросил: «Ты, брат, знаешь ли, что значит смиренномудрие?» Монах, по скромности, отвечал ему: «Не знаю». Тогда старец сказал ему: «Смиренномудрие в том состоит, чтобы не осуждать никого, а самого себя считать хуже всех. Вот ты сейчас соблазнился и осудил меня, что я много ел, а того не знаешь, сколько дней я не ел! Вспомни, когда я у тебя был и ел». Монах отвечал ему: «Помню, отче, что ты был у нас в Вербное воскресенье, а с тех пор я не видел тебя». Старец сказал ему: «Видишь ли, сколько дней я не ел? А ты еще осудил меня, что я много ел. Брате, Божии дарования различны, всякому дано что-нибудь от Бога. Вот мне Бог дал силу терпеть голод и стужу. Можешь ли ты стерпеть, сколько я терплю? Попытайся, сними с себя одежду и обнаженным пройди со мной хоть до соседнего монастыря. Вот ты хоть певец, а как поешь Богу? Мысли твои находятся более на стороне, в рассеянности, а послушай, как я буду петь». Старец, подняв руки к небу, с крепким стенанием запел «Аллилуиа», и слезы ручьем полились из глаз его. Трапезный пришел в ужас и заплакал. Потом старец сказал ему: «Вот, брате, не осуждай никого,

ибо ты не знаешь, кому какое дано дарование, а себе больше внимай». Брат поклонился старцу и попросил у него прощения. С того времени старец сделался откровеннее со своим приятелем.

Другой брат однажды соблазнился поступками старца и сказал в душе своей: «Какой он прозорливый? Разве прозорливые так много едят?» Старец, прозревая его мысли, подозвал его к себе и сказал: «Ты, брате, хочешь быть монахом, а мысли твои все в России; ты пойдешь туда, исполнишь свое желание, но опять возвратишься назад, и тогда духовник удостоит тебя монашества». Слова старца исполнились во всей точности. Названный брат смутился помыслами и, оставив обитель, отправился в Россию, но через год опять возвратился на Афон и удостоился пострижения в монахи.

Служивший старцу монах имел к нему великое уважение, как к святому, но в то же время боялся высказать ему свои чувства признательности, зная, что он не любил похвалы. Однажды трапезный принял пришедшего к нему старца, посадил его и предложил ему трапезу, а сам, из уважения к нему, не хотел сесть рядом, но, чтобы не дать заметить этого, стал ходить взад и вперед по трапезе. Старец молча ел и с улыбкой поглядывал на ходящего взад и вперед брата. По окончании трапезы отец Анфим, встав из-за стола, сказал: «Добре, добре, брате, стой; Господь да поможет и укрепит тебя».

Один из иеромонахов рассказывал, что, соскучившись по отечеству, он однажды принял мысль оставить Святую Гору. Когда он об этом думал, вдруг вошел в келлию отец Анфим, чего прежде

не бывало, и сказал ему: «Божия Матерь послала меня сказать тебе, отче, чтобы ты не ходил в Россию, а если выйдешь из пустыни в мир, то впадешь в грех».

В одно время отец Анфим безмолвствовал на высотах Афона довольно долго. Брат, служивший ему, привыкший утешаться беседами его, не видя его долгое время, соскучился по нему и молил Бога, чтобы Он внушил старцу прийти к нему для духовного утешения и при том размышлял: «Может быть, теперь мой старец в пустыне от подвигов изнурился, я бы его утешил пищей и чаем попил бы его». На другой день, утром, старец пришел к своему другу и, увидав его, с улыбкой сказал: «Вот, по желанию твоему я пришел из-за Афона, устал и ноги избил о камни; стоит ли такого труда твой чай?» Брат удивился его прозорливости и испросил у него прощения за труд.

Нередко отец Анфим утешал брата своего в скорбях и ободрял своими советами, а иногда, провидя его погрешности, обличением исправлял его. Так, однажды на этого брата напала тяжкая печаль и скука, и он, не зная, чем от нее избавиться, молил Бога, дабы Он для утешения его послал к нему отца Анфима. По прошествии нескольких часов является к нему старец. Скорбящий брат, увидев его, обрадовался и спросил: «Как это ты, отче, явился во время нужды моей?» Старец улыбнулся и ответил: «Ты желал видеть меня и просил о том, вот я послан к тебе».

Однажды, накануне 1 октября, когда в Русике совершаемо было всенощное бдение в честь Покрова Пресвятой Богородицы, отец Анфим прибежал

в монастырь усталый и едва переводя дух. Встретив знакомого своего брата, он сказал: «В эту ночь я находился близ Зографа в пустыне и молился, стоя на камне. Во время молитвы я увидел Матерь Божию, сходящую с неба в ваш монастырь; я обрадовался этому явлению и поспешил сюда, чтобы застать Ее здесь, да покроет Она и меня, грешного, вместе с прочими Ее рабами Своим покровом. Но лишь только я тронулся, чтобы бежать сюда, как вдруг явилась змея, с яростью бросилась на меня и крепко укусила в ногу; но я догадался, что это препятствие, по попущению Божию, сделал мне враг, чтобы таким образом лишить меня духовной пользы и утешения, а потому я не обратил на это внимания и пустился бежать к вашему монастырю». Брат осмотрел ногу его, пятка его уязвлена была глубоко, и кровь текла из раны. Великая любовь старца к Богу делала его нечувствительным к страданиям телесным.

В 1862 году на Афоне была холодная и снежная зима. В это время отец Анфим на высотах Афона в глухой пустыне жил в дупле. Снег выпал большой и совсем завалил его, так что ему невозможно было выйти оттуда, — сорок шесть дней он пробыл там без хлеба; тогда как прежде в зимнее время он более находился при монастыре. Старцы Русика, узнав, что в такую холодную и снежную зиму нет у них отца Анфима, начали беспокоиться о нем, не замерз ли он в пустыне. По прошествии сорока шести дней старец пришел в монастырь в полном изнурении, с обмороженными лицом и руками. Скорбевший о нем брат, неожиданно увидев его, от радости воскликнул:

— Ах, отче, это ты? А мы уже вовсе отчаялись видеть тебя. Где же ты был это время?

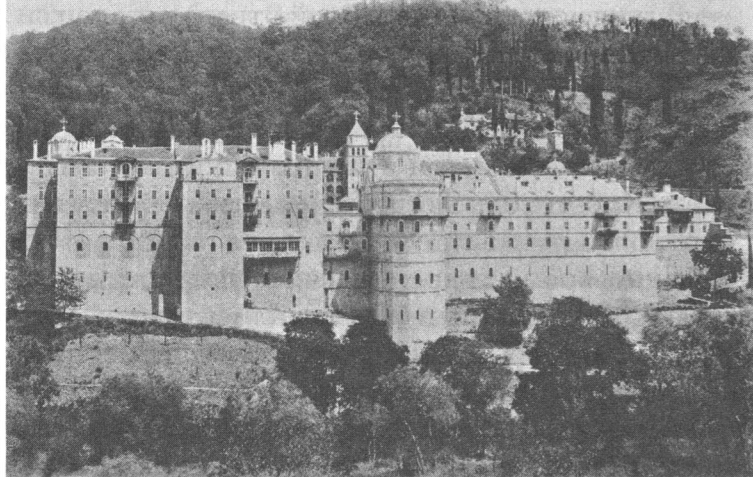
— В дупле сидел, — с улыбкой отвечал старец.

— Что же ты там ел, отче? — спросил его брат.

— О, брате Викторе, сколько я там от бесов и от холода пострадал, об этом токмо один Бог весть; я уже отчаялся было и в жизни своей, но святой Иоанн Креститель явился мне и избавил меня от смерти.

В одно время старец месяцев пять не приходил в Русик. Старцы беспокоились мыслью: не оскорбил ли его кто? Духовник отец Иероним знал одного безмолвника, с которым отец Анфим был откровенен, и попросил его, чтобы он отыскал старца и узнал у него о причине такого долговременного непосещения Русика. Увидев отца Анфима, тот спросил его, отчего он перестал ходить в Русик. Старец отвечал ему: «Покуда не прославляли меня там и не считали святым, я ходил, а теперь ходить туда мне не только не полезно, но и вредно. В последний раз, когда я был там, один иеромонах упал мне в ноги и сказал: „Помолись, отче святой, о мне, грешном, да спасусь твоими молитвами“. Только я отошел от него, как другой иеромонах с такой же просьбой обратился ко мне. Вот, видишь, можно ли мне теперь ходить к ним? Хотя я люблю этот монастырь, но с этого времени посещать его буду реже, потому что там считают меня святым».

Однако и после этого отец Анфим приходил иногда в Русик, но внутрь не входил, а посещал его как бы тайно; гостил у служившего ему приятеля за монастырем. С ним и беседовал обо всем и даже

Монастырь Зограф

открывал ему некоторые свои тайны. Однажды старец пришел, и была предложена трапеза, после которой старец сказал: «Святой Иоанн Милостивый вчера посещал ваш монастырь». День этот был воскресный, по обычаю в монастырь пришло много пустынников, и все были накормлены и наделены хлебом и милостыней.

Отец Анфим постоянного жилища нигде не имел, но вся Афонская Гора была его жилищем. Он ходил по всем монастырям и скитам и по всем местам вокруг горы, но чаще всего посещал Русик. В последние годы жизни он жил около Зографа, часто приходил трудиться на постройку монастырскую, носил камни и воду. В августе 1867 года великий подвижник в последний раз посетил Русик, вошел внутрь, прямо в гостиницу, и долго

здесь беседовал со своим знакомым братом, поучал его, как побеждать лукавые помыслы и страсти, и, наконец, прямо сказал ему: «Я уже более не приду к вам, ибо скоро умру».

В конце ноября месяца того же года он пришел в Зограф и заболел здесь. Его поместили в больницу, в которой он пролежал двенадцать дней. Декабря 9-го дня отец Анфим оставил многотрудную жизнь и с миром преставился ко Господу.

Игумен отец Савва

В начале XIX века монастырь святого Пантелеимона, Русик, населенный в то время одними греками, пришел в полное разорение, почему в 1803 году Священное собрание, Кинот, решило исключить монастырь из числа афонских монастырей и обратилось с соответствующим прошением к вселенскому патриарху. Но патриарх Каллиник решительно отверг это представление и, наоборот, предписал неотложно позаботиться о приискании опытного старца духовной жизни, которому можно было бы немедленно поручить восстановление обители с учреждением в ней общежития. Приняв волю патриарха к исполнению, Священное собрание избрало и поставило на вид патриарху престарелого иеромонаха Ксенофонтского скита отца Савву с таким мнением со своей стороны, что этот старец осуществит эту задачу. Патриарх благословил, и так отец Савва стал строителем Русика без его добровольного согласия, и даже без ведома его. Троекратно отец Савва отказывался от этой должности, но в четвертый

раз, выслушивая предписания патриарха, грозившего уже судом Божиим за ослушание, отец Савва потерял присутствие духа и повиновался. Вскоре пришло повеление патриарха явиться к нему для личных объяснений. Неожиданность такого повеления патриарха сильно возмутила сердце смиренного старца. Не трудов и хлопот путевых он испугался, но весьма тяжела была для него мысль, что смерть может уложить его вне Афона. Слабость сил и самые лета старца справедливо тревожили мысль его подобной боязнью, но делать было нечего, и он повиновался.

Быстро пронеслась молва между верными в Константинополе о прибытии к ним знаменитого отшельника Святой Горы, которого многие там лично знали. Впрочем, дня два никому он не показывался, отдыхая после тяжелого пути, и только на третий день, в сопровождении ученика своего, опираясь на скромный иноческий посох, явился он в патриаршую палату. Окруженный синодом патриарх, едва только увидев старца, встал со своего места и, прежде нежели тот успел подойти под благословение, потребовал к себе омофор и мантию. Вслед за тем начался молебен; в умиленных прошениях патриарх призывал благословение свыше на благое начинание отца Саввы и молил Бога, да Сам Он, судьбами Своего промысла, благопоспешит ему в этом деле. После молебна отец Савва хотел целовать руку святителя, но тот был столь смиренномудр, а вместе и уверен в духовности старца, что сам взаимно поцеловал его руку. Это чрезвычайно смутило старца, и он залился слезами и плакал, как дитя.

Для сборов подаяний отец Савва остался на четыре года в Константинополе. В это время он познакомился со многими благочестивыми греческими семействами. В одном семействе передали отцу Савве о молодом родственнике-купце, что тот имел случай познакомиться с приставниками гарема султана и доставлял обитательницам их всевозможные товары. Вместе с этим он вошел и в другие связи с этими затворницами, отчего и посещал их ежедневно. Родственники его, рассказывая об этом отцу Савве, говорили, что если узнают об этом, то изрубят его в куски, почему и просили его о том, чтобы он своим участием избавил бы его от этой страсти. Отец Савва, полный веры в благодатную помощь Божию, через посредство Святых Таин Тела и Крови Христовых приступил к делу. После долгих и тщетных уговоров сластолюбца оставить греховные связи с магометанками отец Савва, наконец, предложил ему со своей стороны легчайшее условие, обещаясь не беспокоить его и не отвращать его от греховного дела; он попросил его только один день не ходить в гарем, попоститься, обещая прочесть ему разрешительную молитву и приобщить Святых Таин, а потом-де можешь опять туда идти! Бедный грешник, тяготевший к своему греху, как железо к магниту, с трудом согласился, частью, быть может, и от стыда перед старцем и своими родственниками, а более потому, что мудрый старец и не отвлекал его от греха, а только просил потерпеть один день.

Невольный покаянник попостился, выслушал разрешительную молитву и приобщился Святых

Таин. За столом отец Савва сначала слегка предложил ему, что если бы он и сегодня не пошел в гарем, то он и завтра бы приобщил его. Не видя соизволения, он стал убедительно просить его об этом, опять обещая по приобщении дать ему волю грешить или не грешить. Получив согласие, он приобщил его на тех же условиях: и в тот день не ходить в гарем. Так же приобщил его и в третий день. Видимо, благодать Божия по живой вере старца и за молитвы его и родственников производила свое дело. Грешник умягчался сердцем и мало-помалу начинал чувствовать в себе охлаждение пылавшей в нем страсти. Таким образом отец Савва продолжал свое дело и приобщал его в течение сорока дней! Наконец, приобщив его в последний раз, отец Савва говорит ему: «Ну, теперь довольно; теперь ступай куда хочешь, хоть туда, в гарем, я не удерживаю». Но в душе этого человека случился переворот. «Теперь пусть изрубят меня на куски, — отвечал он отцу Савве, — я ни за что на свете не соглашусь идти туда, куда прежде так неудержимо стремился».

Таким образом многомилостивый Господь, *не хотящий смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*¹, разыскал Свою заблудшую овцу.

Об этих пастырских трудах отца Саввы в Константинополе передал очевидец — ученик его, архимандрит Прокопий, умерший в 1848 году.

Когда старец собрал довольно подаяний, он вернулся на Афон и начал строить обитель на берегу моря. Скончался он в 1821 году.

¹ Ср.: Иез. 33, 11.

Игумен отец Герасим

Преемником отца Саввы в Русике был ученик его Герасим. Он родился в Македонии в 1770 году.

Из записок инока Парфения

Отец Герасим в пятнадцатилетнем возрасте поступил в монастырь Косфенит и более пятидесяти лет пребывал в монашестве. Он имел удивительный дар рассуждения. Двести человек у него было духовных чад, и всеми он управлял не властительно, но отечески: кого наказывает, кого наставляет, кого со слезами увещевает, и всех любит, как отец чадолюбивый. Никогда у него келлия не затворяется, как лечебница. И вся братия, духовные его чада, здоровые и болящие, спешат к своему пастырю, к духовному своему врачу, и открывают и показывают ему душевные свои раны. Он же, как искусный врач, всех врачует и отпускает из келлии своей здоровыми, и каждый исходит в радости и веселии и поспешает на свое послушание. Он же, проводив всех, и сам исходит из келлии. Прежде посещает больных, потом обходит все келлии и посещает всех рабочих и рукодельщиков; потом исходит вне монастыря и посещает всю братию, труждающуюся на разных послушаниях, и сам с ними трудится. И так препровождает дни в беспрестанных трудах. На труд братию никогда не понуждает, но еще удерживает и часто приказывает отдыхать. В церкви всегда является прежде всех. Иногда взойдем в церковь, еще из братий нет ни одного, а игумен уже стоит на своем месте.

Пищи, кроме трапезы общей, не употребляет. Часто в трапезе говорит изустные поучения и дает братии наставления, а иногда и обличает братские немощи и недостатки; но имя ничье не объявляет, а только дает понять. А говорит всегда со слезами и с отеческой любовью и всю братию приводит в слезы. И смотрят на него все братия, как на ангела, и повинуются ему, как Богу, и трепещут его, как царя, а любят его, как отца. И доверили ему свои души и тела, как врачу и пастырю и руководителю в Царствие Небесное. И не только одни его чада почитают, но и вся Афонская Гора его ублажает как строгого хранителя общежительных иноческих уставов.

Упомянем вкратце о том, как старец Герасим поступал с братией Русика — как немощных немощи носил, гордых подвижников смирял, разрушающих общежительные уставы и своевольников из обители изгонял.

В одно время пришел в обитель монах Авраамий, русский, с Дону, из господ, прежде живший в Ильинском скиту, и начал проситься в обитель жить; а ходатайствовал за него духовник отец Иероним. Просился он, с тем чтобы приняли его капитал в 20 000 левов, а на послушание не посылали. Игумен спросил: «Что же ты будешь делать?» Он отвечал, что будет Богу молиться. Игумен сказал: «Хорошо, я этому радуюсь. Если у меня все братия согласились бы беспрестанно молиться Богу, то я ни одного не послал бы на послушание; потому что настоящее дело монаху есть молитва, а прочее есть поделение, данное для препровождения времени и во избежание уныния. Но если бы

Иеросхимонах Герасим

не было послушания, то у меня в обители не осталось бы и двадцати человек; а теперь, когда есть послушание, имеется двести человек, потому что каждому весело и радостно на послушании общем. Есть время помолиться, и есть время потрудиться; есть время вкушать пищу, и есть время спать, потому что каждый имеет плоть и кровь. А кто любит Господа от сердца своего, тот может беспрестанно молиться умной молитвой, которой телесные труды не препятствуют, даже вспомоществуют. Если и ты так можешь молиться, то я тебя прииму и упокою и без денег твоих; их отдай куда

знаешь. А ежели так молиться не можешь, то нам и деньги твои не нужны. Мы в монастыре живем — деньги не собираем, а души спасаем. А хотя кто и деньги принесет, — мы не отринем и употребим их на монастырскую нужду, но только тот должен повиноваться всем общежительным уставам и отсечь свою волю; а мы сверх силы ни на кого ничего не налагаем, а только кто что может понести». Столько был старец игумен Герасим нестяжательным и рассудительным.

Еще случалось тому подобное: жил в обители один монах, уже постриженный в мантию, родом грек. Он отдал большую сумму денег в обитель, но еще и себе оставил немного. Игумен ему говорил: «Если хочешь с нами жить, то у себя ничего не оставляй — это теперь в твоей власти. А если тебе их жалко и не хочешь с ними расстаться, то и ничего не давай, а сыщи такое место, где можешь с ними жить. А если ты утаишь, и после смерти окажутся, то они брошены будут с тобой в могилу, и ты, как разрушитель общежития, не сподобишься братского поминовения». От ответил: «Отче святой, что имею, то все отдаю». Игумен принял его и потом постриг в схиму. Монах был очень смирен и кроток и полезен для обители, как хороший мастер и столяр, и братия очень любили его. Но игумен провидел таящегося в нем змея сребролюбия и часто его призывал и увещевал со слезами, чтобы объявил свои деньги. Он же в закоснении говорил, что больше не имеет. Игумен, видя его закоснение и погибель души приближающуюся, захотел его исправить. В один день при всей братии приказал некоторым из них выгнать его из

обители с бесчестием, выбросить все его имущество и выдать ему его деньги. Он денег не взял и сказал, что деньги пожертвованы на обитель вечно. Братия о нем очень сожалели и слезно скорбели, что игумен без милости наказал такого смиренного человека. Монах вышел из обители, нашел себе товарища и купил келлию. Заплатил четыре тысячи левов, а две тысячи употребил на постройку. Тогда все братия уразумели, почему его игумен выгнал из обители. Но когда он купил келлию и деньги все издержал, то напало на него уныние, и больше не мог жить на келлии, отдал ее товарищу, а сам пришел в монастырь и стал просить вратаря, чтобы доложил игумену, что хочет просить прощения. Вратарь сказал игумену. Тот, услышав, выбежал сам, принял его в свои объятия и сказал: «Все свои деньги истратил, не осталось ли еще?» Он же со стыдом и со слезами ответил: «Прости меня, отче святой, что согрешил перед Богом и перед тобой. Теперь больше ничего не осталось, кроме грехов моих». Игумен сказал ему: «И теперь радуюсь, что Господь тебя очистил; теперь и ты будешь монах», — и дал ему келлию.

Вообще, старец Герасим каждый день делал дела, удивления достойные: он знал, кого как наказывать и кому простить немощи.

Игумен Герасим преставился в 1875 году ста пяти лет от роду.

Духовник отец Макарий

Отец Макарий, в мире Манассия, родился в Румелии, в местечке Заркост, от родителей

Фоехариса и Стамули. Отец его занимался хлебопашеством и размежевкой земли, и хотя он не имел научной подготовки, но практически достиг надлежащей опытности в этом деле. Мать же ткала полотно. Манассия помогал по хозяйству, но, достигши двадцати лет, отправился в Константинополь и поступил там к одному купцу. Както Манассию увидел митрополит Лаодикийский, который предложил ему отправиться с ним в епархию, обещаясь заняться его образованием. Манассия согласился и три года прожил с митрополитом, усвоил от него не только изучаемые науки, но приобрел познания и в духовной жизни. Слыша рассказы о Святой Афонской Горе, он почувствовал влечение лично посетить Святую Гору, и по благословению своего владыки Манассия прибыл на Афон в 1804 году. Побывав всюду, он остановился в скиту святой Анны и решил остаться здесь. В то время подвизался там известный духовник Мефодий, и к нему обратился Манассия, попросив совета, и тот, поговорив с ним, послал его в келлию трех святителей к отцам Венедикту и Неофиту.

Необычность этой келлии заключается в том, что она от построения ее никому не продавалась; существует сотни лет, и всегда переходила преемственно от старца к ученику. Блаженной памяти старец Иларион грузин говорил: «На этой келлии три иерархия сии чудодействуют. Там всегда жили великие подвижники, и все достигали глубокой старости».

Между ними замечателен старец Анастасий, родом из древней, благородной семьи, который по

прибытии на Святую Гору поступил на эту келлию к старцу, славившемуся духовной опытностью. У старца было семь учеников, для которых келлия была тесна. Анастасий предложил старцу расширить келлию и церковь за свой счет. Старец отвечал: «Если ты истратишь свои деньги, а после не понесешь нашей жизни и захочешь уйти, то у меня нечем возвратить тебе». Анастасий успокоил старца и, взяв благословение, нанял мастеров и построил келлию и церковь. Пожив свыше ста лет, старец скончался, и оставшиеся ученики разошлись. Остался один Анастасий, подвизаясь о Господе, как он был научен от старца. К нему поступил ученик, в постриге Каллиник; потом другой — Венедикт. После шестидесятилетнего пребывания на Афоне старец Анастасий переселился ко Господу, имея свыше ста лет от роду. Отец Иларион грузин слышал от древних старцев, современников отца Анастасия, что тот имел великие подвиги и был осенен благодатью. Ученик Каллиник умер еще при старце, и остался отец Венедикт, который был подражателем подвигов его. Он был родом болгарин. К нему пришел Неофит, потом и Макарий, которые жили с ним до конца. Старцы Венедикт и Неофит были простые, неученые, но добродетельные монахи, проводившие внимательную аскетическую жизнь, и Манассия оказывал им послушание до полного самоотречения. Через год по поступлении Манассии старцы, видя его благонравие, страх Божий и послушание, сказали ему:

— Хочешь ли пребыть с нами до кончины?

Тот ответил, что ради того он и пришел к ним.

— Мирен ли ты духом?

— Мирен и радуюсь, что Господь привел меня к вам, — отвечал тот.

Тогда они постригли его и нарекли Макарием.

С принятием монашества отец Макарий еще с большей ревностью стал проходить послушание, не щадя себя. Одежду носил самую ветхую, пищу ел самую худшую, и если получал уже испорченную, то употреблял ее без всякого ропота. Живя на Афоне, он никогда не имел у себя денег. На пятом году своего монашества, в 1809 году, отец Макарий был рукоположен во иеромонаха и стал совершать ежедневно литургию. Вскоре старцы приняли к себе другого послушника, которого при постриге называли Нектарием.

В скиту святой Анны жил и скончался вселенский патриарх Дионисий, который положил порядок скитской жизни, между прочим и то, чтобы хоронили всех не по келлиям, а на общем кладбище при кириаконе; также, чтобы не имели мулов, ни ослов, а носили все на своих плечах. Это последнее правило последовало вследствие явления ангела одному послушнику, который, утомясь под тяжестью ноши, подумал: будет ли за такой труд какое воздаяние? — тем более что для себя трудился, для своих нужд. Вдруг услышал голос: «Труд этот и пот сравняются с кровью мучеников, а за каждый шаг получают трудящиеся отцы воздаяние». С тех пор соборно положили, по совету патриарха, не иметь мулов и ослов, а все на себе носить. Кроме того, патриарх укорял тех, кто при своих келлиях посадил виноградник. «За это, — говорил он, — наложат на вас дань».

Мирно текла жизнь отца Макария, но над Афоном уже собиралась гроза. Греческое восстание вспыхнуло в 1821 году; но еще за год до него начались беды: в ночь с 1-го на 2 сентября 1820 года на скит налетел тайфун. В это время отец Макарий служил литургию. Вода вливалась в окна церкви и едва не унесла келлию со всеми ее обитателями. Отец Макарий взял чашу и крепко держал ее в руках. Вода сбежала, смыв с собою кости почивших старцев, захороненных с наружной стороны храма под алтарем, в углублении, и разорила две стены.

В то страшное время, когда кровь христианская лилась рекой от изуверства турок, большинство монахов решили уйти с Афона. 6 декабря 1821 года, при приближении турецкой армии к Афону, Кинот предоставил всем право уезжать, кто куда знает, спасая жизнь и святыни. Старцы Венедикт и Неофит, видя, как покидают Афон монахи, благословили своим ученикам скрыться на время возмущения, а для платы при переезде дали им свои рукоделия. Отец Макарий, не уверенный, что выдержит испытание, если случится попасться в руки турок, решил на время расстаться со Святой Горой.

Во время пребывания турок на Афоне скитские отцы служили им по очереди: стирали белье, носили дрова, варили кушанье и все делали, что требовали турки. Например, они заставляли скитских отцов караулить скит по обе его стороны ночью, а сами спали; и лишь караульщик услышит что-нибудь, должен был будить турок. Кроме того, скитяне платили еще дань по двадцать

пять левов с человека в месяц. В первые два года не было хлеба, и взять его было негде. Отец Констанций говорил: «Два года мололи траву, дикий укроп и сухие каштаны, и все это замешивали, прибавляя немного муки, из чего и пекли хлебы». Через два года турки стали привозить хлеб из Солуни. Вследствие такой бедности скитским отцам не под силу было платить дань, за что они были посажены в лаврскую башню, в том числе и отец Неофит. Отец Нектарий пошел выручать его, но и его посадили. Потом выручил всех отец Констанций, потому что он хорошо знал по-турецки.

В то тяжелое время, когда турки безнаказанно притесняли афонских монахов, пристал к берегу скита святой Анны каяк с христианами, бежавшими от турок. Увидав высаживающихся на берег людей, скитяне стали уговаривать их скрыться где-нибудь в другом месте. Христиане возразили на это: «Куда же мы пойдем? Везде турки нас преследуют. Здесь, на Афоне, по крайней мере, есть где укрыться». Турки как раз в это время пришли в скит из монастыря святого Павла. Увидав на берегу христиан, они воскликнули с гневом: «А, вы принимаете разбойников!» — и поспешно удалились. Отцы стали уговаривать христиан отплыть от их берега во избежание беды. Те пошли к лодке. Но в это время на них напали турки и стали стрелять по беззащитным христианам. Одних они убили, других, связав сзади руки и привязав к шее веревку, привели в монастырь святого Павла. Только двое спаслись, бросившись в море и добравшись до берега.

В монастыре турецкий начальник велел всех мужчин убить в потоке¹. Когда их повели на казнь, один богатый пленник вынул мешочек с деньгами и отдал его турку, прося отпустить его. Тот взял деньги, но пленника не пощадил. Солдаты всех отвели, как овец на заклание, в поток, где и изрубили около десяти человек. Женщин же и детей турки держали по своему обычаю с неделю, а потом отвезли и продали в неволю.

Еще до прихода турок на Афон одиннадцать человек скитских отцов и несколько мирян ездили на каяке в Румелию собирать созревшую пшеницу. Тогда повсеместно крестьянами были покинуты их поля из-за страха перед турками. На одном Афоне тогда было более пятидесяти тысяч христиан обоого пола и разного возраста. Целый месяц приезжали они и жали хлеб с большой осторожностью; пять или шесть человек жали, а прочие с ружьями караулили. Доставив каяк с хлебом, отцы делили пшеницу по восемьдесят восемь ок на человека, но им даже на неделю не хватало этого хлеба, ибо приходили мирские люди и говорили: «Умираем с голоду, дайте хлеба!» — и нельзя было не дать.

Когда нападения разбойников почти прекратились, и отцы не имели денег, чтобы платить месячную дань туркам, то они попросили снять караул — почему в скиту осталось только пять турок. В это время к Новому скиту пристало на каяке восемьдесят человек разбойников. Они, поймав одного монаха, послали его посмотреть, караулят

¹ Поток — здесь: устье высохшего водного потока, спускающегося весной с гор в море. — *Примеч. ред.*

ли турки скит святой Анны и сколько их. Монах возвратился и сказал, что караула нет. Капитан разбойников, взяв с собой всю свою команду, отправился в скит и распорядился так: «Когда я выстрелю, стреляйте все». А прежде сего велел окружить скит, чтобы не упустить ни одного монаха. Пришли они ночью под воскресенье. Зная обычай скитян собираться в кириакон на бдение, они ударили в колокол, а сами спрятались. Отцы начали сходиться на службу, а разбойники, как только кто появлялся, хватали его и вязали.

Старец отец Нектарий взял незадолго перед этим у одного старца займы хлеба, а теперь, испекши свой, он пошел с теплым хлебом к тому старцу, чтобы вернуть долг. Разбойники, схватив его и увидав свежий хлеб, обрадовались, разломив его, а Нектарию в благодарность так крепко связали руки на спине, что он после долго не мог владеть ими. От всех отцов стали требовать денег. Нектарий имел пятьсот левов и все отдал. А разбойники, разойдясь по келлиям, ограбили все, что могли унести. Награбленное они нагружали на спины старцев и заставляли их нести к лодке. Нашли они и большие казаны, но они были настолько тяжелы, что их пришлось ногами толкать, чтобы докатить до берега.

Отец Макарий избежал всех этих несчастий. Напутствуемый благословением старцев, он выехал с Афона в Морею. В епархии Триполис местные христиане предложили ему восстановить разоренный турками древний монастырь святого Николая в местности, называемой Арменисти. Отцу Макарию очень понравилось это место, и он

решил остаться и привести монастырь в порядок. С ним поселились два монаха, и жизнь их потекла обычным порядком. Местный архиерей, видя строгую жизнь отца Макария и его духовную опытность, предложил ему взять на себя обязанность духовника окрестных жителей. Отец Макарий стал исполнять возложенное на него послушание и заслужил всеобщую любовь и уважение, но вскоре вторжение в Морею Ибрагим-паши разрушило все, и он вместе с прочими вынужден был укрыться на время на острове Скопелос.

Опустошивший уже много сел Ибрагим-паша приближался к Арменисти с намерением уничтожить и его. Не успели христиане обдумать меры ко спасению, как уже показались войска паши. Почти все устремились к морскому берегу, но, к несчастью, не оказалось ни одной лодки, а лишь вдалеке было видно одно греческое судно, которое, по отчаянному крику жителей, направилось к берегу. Отец Макарий с двумя своими монахами тоже вышел из монастыря и пошел к приближающемуся судну. Но что оно могло значить для двух тысяч человек, когда вместимость его была не более двухсот. Отец Макарий решил возвратиться в монастырь и там ожидать своей участи; но два его сожителя настояли вернуться к кораблю. Не дойдя до берега, они услышали голос капитана, кричавшего им: «Идите, монахи, идите сюда!» Капитан посадил сначала их, а потом и других, сколько мог вместить корабль. Все это делалось на виду у войска Ибрагим-паши. Не успел нагруженный людьми корабль отойти от берега, как турки, подобно лютым зверям, напали на оставшихся

христиан и истребили всех. Спаслись только те, кто еще ранее скрылся.

По уходе турок пришел в свой монастырь отец Макарий и, найдя его разоренным, хотел совсем оставить его, но некоторые жители упросили его остаться, предложив свою помощь по восстановлению обители. Они показали ему прежние границы монастырской земли и советовали отыскать старые документы на владение ею. Отец Макарий остался, построил кое-как временное жилище и очертил границы по указанию жителей, найдя нужные документы на владение. Монастырь быстро восстанавливался.

После возвращения отца Макария на Афон монастырь посетил король Оттон. Ему очень понравилось место. Монахи рассказали королю о древних границах монастыря и показали документы, собранные отцом Макарием; король утвердил за монастырем принадлежащие ему земли. Впоследствии братия писали отцу Макарию на Афон: «Все, что твоя святая рука начертила и записала, теперь даровано монастырю».

В 1833 году отец Макарий решил возвратиться на Афон, куда и прибыл к своим старцам. Отца Венедикта он уже не застал в живых, он скончался в 1822 году. Отец Макарий остался жить с отцом Неофитом и отцом Нектарием. Незадолго до его прибытия к ним поступил монах отец Савва, который остался при отце Макарии до самой его кончины. Вскоре избрали отца Макария духовником скитской братии, и в 1834 году собором была возложена на него обязанность дикеея; целый год он исполнял это хлопотливое послушание. В то

же время нередко он приезжал и в Русик для исповеди братии по приглашению игумена.

В 1839 году отец Макарий осиротел: старец отец Неофит скончался в день Благовещения, приходившегося в тот год в Великую Субботу. Еще с вечера на Великую Пятницу он отправился в кириакон, где стоял всю весьма продолжительную службу. После службы он, ввиду отдаленности своей келлии и приближающегося бдения под праздник Благовещения, не пошел домой, а остался в храме. Когда началось бдение, отец Неофит стоял, прислонившись к стасидии в полусидячем положении, внимая службе и молясь умной молитвой. Когда иеродиакон совершал каждение после 8-й песни канона, отец Неофит отвечал ему поклоном. Вслед за 9-й песнью все братия, по старшинству, стали прикладываться к праздничной иконе и помазывались елеем от лампы. Стоящий рядом с отцом Неофитом монах, видя, что он медлит идти, подумал, что старец задремал, и начал тихонько толкать его, но старец молча стоял с наклоненной головой, держа в руках зажженную свечу. Тогда монах тот взглянул поближе и увидел, что старец спит вечным сном. Дыхание его отлетело в тот самый момент, когда запели: *«Всякое дыхание да хвалит Господа»*¹, чтобы вечно хвалить Бога на небесах.

По жизни своей старец Неофит отличался любвеобилием и страннолюбием. Около самой их келлии проходила тропинка, по которой ходили пустыnnики; бывало, что старец никого не пропустит,

¹ Пс. 150, 6.

но упросит зайти к себе и угостит всем, что только найдет у себя.

После смерти старца отец Макарий получил приглашение из Русика перейти в монастырь и быть духовником братии. Не сразу решился он оставить избранное им место. Наконец 30 августа 1840 года отец Макарий прибыл в Русик и поселился в келлии Всех святых, за монастырем.

Отец Макарий с усердием и ревностью служил духовному благу Русика. Здесь, как и в скиту, он ежедневно совершал литургию и со слезами молился, чтобы Господь ниспослал Свою милость бедствующему Русику и благоустроил его духовно и материально. В усугубление таких молитв он каждый день прилагал особый молебен Божией Матери, а когда устраивался храм святому Митрофану, то сему святителю вместе со святым Пантелеимоном он составил особый молебный канон, который и читал ежедневно. Внимательная жизнь отца Макария была награждена от Господа таким даром умиления, что он не мог без слез совершать ни одной службы; и даже беседы его сопровождались слезами, которые, как два ручья, источали его глаза. Смирению, незлобию, кротости он поучал не столько словом, сколько делом. Любовь его была всеобъемлющая, наставления кратки, но сильны. Кто бы ни пришел к нему с каким помыслом, огорченный, потрясенный искушением, он с двух слов совершенно успокаивал его, внимательно выслушивая обстоятельства и замечая, как надо поступать. «Это так, а это вот так; то оставь, а это сделай!» — говорил он. Иногда случалось, что приходил кто-нибудь перед самой

трапезой или когда ему надо было отдыхать, однако отец Макарий, бывало, и виду не подаст, что ему надо есть или спать, но терпеливо и с полным вниманием выслушивал все до конца. Только когда выяснялось дело, монах успокаивался, получал разрешение, старец отпускал его с миром. Касательно пищи отец Макарий не имел никакого попечения и никогда не просил есть; только когда поставят ему трапезу и пригласят, он начинал есть. Привык он вкушать один раз в сутки, а Великим постом — однажды в двое суток, и этот обычай он сохранил до самой смерти. Рукоделия своего — вязания чулок — он не оставлял. Иногда ночью просыпался и, отрясая сон, брался за рукоделие, не оставляя в то же время умной молитвы. Спал он очень мало, сидя по-восточному обычаю на низком диване, облокотясь на локоть и без одеяла, а окна были открыты даже зимой.

В старости убеждали его одеваться потеплее или затворять окна, но он на это не согласился. В сидячем положении он и дух свой испустил так тихо, как бы забылся дремотою. Во всю жизнь он ни с кем не ссорился и никого не оскорбил. Укоряемый, он не возражал, а отвечал или молчанием, или: «Пусть будет так!» Только однажды он ответил на оскорбление: когда в скиту святой Анны некто, укоряя его, назвал простым, глупым человеком, он сказал: «Я, может быть, и философ, но делаюсь таким нарочно, меня любовь заставляет поступать так».

В то же время, когда отец Макарий жил в скиту, прибыли на Святую Гору два учителя, отыскивая опытных духовных мужей. Узнав об отце

Макарии, они пришли к нему и сказали: «Что вы здесь живете? Мир пропадает, идите туда, там нужно народ учить и тем приносить пользу ему и стране». Отец Макарий отвечал: «Мы люди простые и неграмотные, как будем учить? Это ваше дело; вы, учителя, можете и должны учить народ». — «Нас народ не послушает, — отвечали те, — он почему-то имеет больше уважения и доверия к вашей одежде, к вашему почтенному виду и постническому житию. Посему-то он вас слушает, а нас, не имеющих этого, не хочет слушать».

Когда отец Макарий был на острове Скопелос, привели к нему бесноватого и просили молиться. Сострада одержимому, он начал читать о нем закликательную молитву; в это время бес, бывший в человеке, возопил: «Прожег, прожег меня... уйду, уйду!» — и вслед за сим, сотрясши больного, оставил его.

Во все время его духовничества в Русике вся разноплеменная братия обители имела между собой замечательное единодушие, мир и любовь. Он и сам искал и другим внушал искать и стремиться к «единому на потребу». Вот почему его духовные дети имели между собой согласие. Бывало, придет к нему кто-нибудь из братии и начнет жаловаться на какого-нибудь старца или начальника, отец Макарий отвечал: «Не смотри на такого-то; тебе не так кажется это дело, да и не касается оно тебя; ты свое смотри, чтобы совершенным предстать пред Господом».

Отец Макарий был в тесном духовном союзе с игуменом Герасимом: у них была как бы одна душа. Духовная опытность отца Макария, его бли-

зость и единомыслие с игуменом и мягкость характера благотворно влияли на духовное развитие обители. Все это особенно ясно осозналось после кончины его. Тогда в братстве начались разделения, несогласия и, наконец, стала образовываться племенная партийность.

Плач и прежде почти не оставлял отца Макария, но при конце жизни умиление посещало его в таком изобилии, что ежедневно совершаемая им божественная литургия, длившаяся часа по два, стала кончаться через три, а впоследствии и через четыре часа. Старец от умиления плакал в алтаре, а его чтец и певец, отец Савва, подражал ему на клиросе. В последнее время от избытка умиления и слабости ног он не служил сам, но каждый день приобщался Святых Таин. Отец Макарий, как и старец его отец Неофит, любил быть на монастырских бдениях, поэтому его, когда он не мог ходить, приносили в монастырь на кровати.

Перед смертью отца Макария находившиеся при нем братия спросили, как им жить после кончины его. Старец сказал им: «Живите как жили; имейте воздержание и умеренность во всем, имейте послушание, смирение и молитву; об этом старайтесь, сего ищите, а чудеса творить не ищите, — то нужно, а это не спасает».

За три дня до кончины отец Макарий, сидя на своей кровати, вдруг устремил взгляд в пространство и смотрел не мигая так напряженно, что совсем не замечал ничего вокруг себя. Бывшие при нем спросили: «Что с тобою, отче, что ты видишь?» — но отец Макарий ничего не отвечал. Только через четверть часа, перекрестившись, старец сказал

трижды: «Слава Тебе, Боже Вседержителю!» Ученики приступили к нему и опять спросили, что он видел, но он ничего не ответил.

Итак, течение скончав, веру сохранив и, добавим, братию на путь спасения наставив, старец отец Макарий мирно и тихо предал душу свою Господу 15 ноября 1859 года, имея семьдесят девять лет от роду, прожив на Афоне пятьдесят пять лет.

Старец отец Макарий

В Русике жил замечательный старец, монах Макарий, родом грек. В самой юности, отвергшись мира и поступив в монашество, шестьдесят лет провел он на Святой Горе: двадцать лет прожил в пустыне — у старца в послушании, потом, проводив своего старца на вечное блаженство и продав келлию, поступил в общежитие, в котором жил лет сорок. Было ему более семидесяти лет. Для всех он служил примером доброй жизни. На каждом послушании был первым и трудился больше всех. Часто ему игумен говаривал: «Отче Макарие, ты бы уж не ходил на послушание, а сидел бы в келлии: ты уже потрудился в своей жизни, а теперь пусть молодые потрудятся». Он же со слезами упадет игумену в ноги и начнет ему говорить: «Отче святой, не лиши меня венца за дела послушания; не отлучай меня от возлюбленного моего братства, пока ходят ноги, пока владеют мои руки; сколько есть моей силы, еще потружусь на обитель, еще полюбуюсь на мою возлюбленную братию». Игумен ответит: «Трудись, трудись, отче Макарие; это я сказал, жалея твою старость».

Таких стариков в монастыре было еще человек десять. Смотря на них, мы всегда удивлялись и плакали их высокой мере совершенства, ибо они сделались как незлобивые дети или как бесстрастные ангелы, а наипаче сей отец Макарий. Часто его игумен искушал, скажет ему: «Ты, отче Макарие, согрешил». А он упадет на землю и слезами ее омочает. Часто всю трапезу остается без пищи, а после трапезы лежит при дверях и со слезами у всей братии просит прощения. Это делал игумен для того, чтобы он не превознесся своими добродетелями, а погружался в смиренномудрие и считал себя ниже всех.

В 1845 году отец Макарий скончался без всяких болезней. Причастившись Святых Таин, пришел он к игумену и сказал: «Прости меня, отче святой, и благослови: я хочу умереть». Игумен ответил: «Бог тебя простит и благословит; только я надеюсь, что ты не помрешь, ибо совершенные послушники не умирают, а разве только отходят на вечное упокоение». Выйдя от игумена, отец Макарий пришел в больницу и попросил койку. Больничный сказал: «На что тебе, отче Макарие, койка?» Он же ответил: «Хочу умирать», потом со всеми простился, возлег на постель и с миром предал душу свою Господу.

Старец отец Тимофей

Родом он был из великой России, из Вологодской губернии. В юности проживал в Петербурге. Познав суету и непостоянство мира сего, оставил дом свой, родителей и сродников и имение

свое и пришел на остров Валаам, в общежительный монастырь, определился в число братства и проходил там разные послушания.

При пострижении в мантию наречен был Тихоном. По наставлению старцев вкусил сладчайшего безмолвия и благотворной молитвы. И столь возлюбил Господа своего, так усладились сердце его молитвою, что ни на одну минуту не хотел разлучиться со своим Господом, но возжелал всегда с Ним молитвою соуслаждаться. Заметив, что много разлучает с Богом язык и разные разговоры, особенно бесполезные, затворил свои уста, удержал свой язык и четырнадцать лет не проговорил ни единого слова, через что терпел много скорбей и напастей. Не дал он *сна очам своим, ни веждам своим дремания*¹; днем находился на послушании, умом же беседовал с Богом, а ночью стоял на молитве. Естеству своему давал упокоение — немного сна, и то стоя или мало сидя; оттого часто падал в церкви во время службы. Часто удалялся в пустыню и стоял в лесу на одном месте по два и по три дня без пищи, имея ум свой устремленным к Богу. Часто, когда диавол ужасал его страхованиями, он выходил ночью на кладбище, стоял всю ночь на могилах и так побеждал страх, по совету Лествичника. Много претерпел он и других напастей и искушений от диавола.

Жил отец Тихон на Валааме более двадцати лет, и прошла о нем слава повсюду, и наипаче по Петербургу. Хотя он никогда ни с кем и не говорил, но многие желали видеть хоть лицо его.

¹ Ср.: Пс. 131, 4.

Валаамский игумен Дамаскин неизвестно по какому побуждению послал его в Петербург, в монастырскую часовню. Хотя он и много со слезами просил игумена, чтобы оставил его внутри монастыря или в пустыне плакаться о грехах своих, но игумен не оставил. Когда он приехал к часовне, в шумном городе показалось ему весьма трудно и даже невместительно, потому что, более двадцати лет прожив в монастыре и в пустыне, теперь приехал смотреть на соблазны. Наипаче отягощало его то, что все его славят и ублажают и ежедневно в часовне толпа народа. Жил он в часовне целый год и многожды просил игумена, чтобы позволил возвратиться ему в монастырь, но не получил просимого. Потом вознамерился удалиться на Святую Афонскую Гору и просил митрополита, чтобы уволил его в Иерусалим на поклонение святым местам. Получив паспорт, отправился в Иерусалим; прожил там полгода и после Пасхи отправился на Афон. Приехал в Русик, определился в число братства и принял постриг в схиму с именем Тимофей. Потом, по его желанию, отпустили его в уединенную пустыню, на келлию святого великомученика Георгия, от монастыря час ходу. Проживая там один с единым Богом, каждую седмицу приходил он в монастырь на всенощное бдение, на литургии причащался Святых Таин, брал себе пищу и паки возвращался в свою пустыню. Так прожил три года. Потом стал изнемогать ногами, которые у него стали толсты, как ступа, от многого всенощного стояния.

По возвращении моем из России отпустили меня к отцу Тимофею послужить ему, и сподобился я быть свидетелем его жизни и подвигов. Жил я с ним полгода и не видал его никогда лежащего, да и сидящего весьма мало, только разве во время трапезы, но всегда он был на ногах. Хотя ноги и больны, и опухли, но он на то не смотрел. Каждую ночь с вечера среди церкви становится на молитву и стоит до дня неподвижен целых двенадцать часов — такой его был устав. Келлии для себя не имел, а церковь ему была вместо келлии. В течение дня прочитывал часть из Апостола и из Евангелия и акафист Пресвятой Богородице. Также часть из «Добротолюбия» и Исаака Сирина. Потом занимался трудами. Пищу употреблял самую постную. После трапезы входил в церковь, садился на место и дремал один час — это было его упокоение, которое он давал своей немощной плоти. Потом встанет и отправляет монашеское правило: триста поклонов земных, одна тысяча двести поясных; а молитву читает не устами, но сердцем и умом. Таковы были его жизнь и подвиги, что не мог я без слез на него смотреть.

Когда старец Тимофей пришел на Святую Гору, то духовник отец Иероним благословил его говорить со всеми и, кто будет требовать, давать наставления. Разговоры и наставления его были только в том, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву и чтобы каждый более всего старался очищать внутреннего человека, очищать свое сердце от помыслов и от прилогов вражиих. Он всегда говорил, что монах потому на-

Схимонах Тимофей

зывается воин Царя Небесного, что имеет брань и войну не с плотию и кровию и не с человеками, но с началами тьмы века сего и с духами злобы, которые беспрестанно имеют брань и войну с нашим умом и беспрестанно пускают свои стрелы в наше сердце и уязвляют нас. Не в нашей воле состоит, что они стреляют, и невозможно нам того им запретить, но в нашей воле состоит то, чтобы их нам блюстись, беспрестанно им противиться и отражать их стрелы, то есть прилоги, непрестанной Иисусовой молитвой. Ежели случится, что очень больно уязвят, то надобно скоро эту рану

открывать врачу — духовному отцу и излечивать ее покаянием и слезами.

Еще он часто говорил и сие: «Срамно и стыдно тому воину называться воином, который не исполняет в точности царской службы, еще подвергается и наказанию. Также стыдно и срамно будет пред Царем Небесным и нам, монахам, не пекущимся и не старающимся об очищении внутреннего человека и не тщащимся совершать умную молитву, которая очищает наше сердце, и отгоняет все вражьи помыслы и прилоги, и соединяет нас с Самим Богом. Какое мы, монахи, принесем оправдание, аще, оставив мир, освободившись от мирских попечений, удалившись в пустыню, отрекшись самих себя и уже половину пути прошед, до конца пути дойти не хотим и настоящей нашей цели достигнуть не стараемся? Настоящая же наша цель та, чтобы очистить нам внутреннего человека, возлюбить Господа Бога своего от всего сердца своего и от всего помышления своего и соединиться с Ним молитвою, то есть беспрестанным с Ним беседованием через умную молитву. Когда достигнем такого истинного монашеского состояния и будет сладостно для нашего ума и сердца имя сладчайшего Иисуса Христа, тогда с Ним удобно можем победить и страсти, и не только победим, но и умертвим. А кроме умной молитвы невозможно победить нам страсти, и очистить свое сердце, и соединиться с Богом. Умная молитва есть начало и источник всем добродетелям. И апостол говорит, что лучше сказать пять слов умом, *нежели тьмы словес языком*¹. И Сам Господь наш, Спаситель

¹ 1 Кор. 14, 19.

мира, сказал: „*Царствие Божие внутрь вас есть*“¹. И паки: „*Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят*“². Как нам тогда не веселиться, когда очистим свое сердце от страстей и от нечистых помыслов! Как нам тогда будет не утешиться, когда душевными нашими очами узрим Самого Бога, Творца неба и земли, на Него же не смеют и чины ангельские взирать! Вот нам Господь открывает какие неизреченные таинства и какие неизреченные изливает Свои милости, а мы не хотим постараться очистить свое сердце, не хотим понудиться к благотворной молитве. Ибо *нуждницы восхищают Царствие Небесное*³. Это наше дело — иноков, монашествующих, оставивших мир и мирское попечение и всю суету. Любители мира не достигают сего и даже не вмещают и достигнуть не могут, потому что они всегда упражняются в житейских попечениях и имеют ум свой привязанный к миру и к его прелестям.

Был у нас на Валааме монах, мой духовный брат, который мне открыл, что однажды стоял он на молитве и внимал умом, и сердце его горело огнем Божественной любви; и сделался он вне себя, весь изменился и был в восхищении — и оказался стоящим в раю; видел множество ангелов и святых угодников Божиих, видел множество разных садовых деревьев с прекрасными плодами, а наипаче привлекало взор его одно дерево, более всех прекрасное, и плоды на нем наподобие яблок. Он долго на него любовался и не хотел от него

¹ Лк. 17, 21.

² Мф. 5, 8.

³ Ср.: Мф. 11, 12.

отойти. Пришел к нему один прекрасный юноша, в дивном одеянии и золотым поясом подпоясан, и спросил его: „Что, человек, стоишь и чудишься? Или желаешь вкусить сих плодов?“ Монах ответил: „Ежели бы можно, то желательно хотя бы отведать“. Юноша сорвал одно яблоко, дал ему и велел съесть. Когда он съел, то очутился в своей келлии стоящим на молитве. И столь сладко и вкусно было яблоко, что невозможно и объяснить языком человеческим; и ничего на земле подобного ему нет. Что на земле сладкого и вкусного вкушаешь, то оно только тогда бывает сладко, когда его вкушаешь и когда оно еще в гортани, а после скоро и позабудешь; а райский плод не таков: прошло десять лет, а еще чувствуется в гортани сладость». Хотя старец Тимофей рассказывал о другом [монахе], но я полагаю, что он сам этого сподобился за его равноангельную жизнь.

К концу жизни своей старец Тимофей вернулся в монастырь, где жил в затворе. Скончался он в 1848 году.

Старец отец Василий¹

Близ монастыря Зограф жил и скончался известный старец отец Василий. Об этом старце один из бывших его учеников рассказывал следующее: «Читая однажды утреню, дошел он в 50-м псалме до слов „*сердце чисто созижди во мне, Боже*“², далее он уже не мог продолжать, а только повторял постоянно: „*Сердце чисто, сердце чисто...*“ —

¹ Дата кончины неизвестна. — Примеч. ред.

² Пс. 50, 12.

и зарыдал наконец». Посещение благодати в этом состоянии умиления продолжалось около часу. Но это только малый луч благодатных состояний его духа, которые продолжались иногда целые дни, приводя его в забвение всего окружающего.

Старец Василий долгое время не имел об умносердечной молитве и понятия, а проводил только деятельную жизнь. О внешней подвижнической его жизни слух уже носился по Афону. Деятельная жизнь была для него лестницей к созерцательной: силой помыслов благих, страха Божия, а особенно именем Господа Иисуса Христа, разрушающим всякое зло, он очистил свое сердце и вошел на высшую степень нравственного преуспеяния.

Родом отец Василий был болгарин. Первоначально он поступил на родине в Рыльский монастырь и прожил там два года. После того прибыл на Афон и поступил в Зограф. Это было в 1813 году. Здесь проходил он разные послушания, преимущественно же он был еkkлeсиархом. Во время греческого восстания отец Василий удалился из Зографа в пустыню и жил некоторое время на Капсале в калибке, где раньше подвизался известный своими писаниями преподобный Никодим Святогорец. В 1822 году смутные политические обстоятельства, приведшие множество турок на Святую Гору, побудили отца Василия выехать на время с Афона; но незадолго до своего отъезда отец Василий успел совершить подвиг любви — спасти от рук турок одного молодого монаха, который был впоследствии игуменом Зографа.

Дело было так. Турецким войском, пришедшим тогда для занятия афонских монастырей, предво-

дительствова^л Абдул Робут-паша, сын православного грузинского священника, в детстве увезенный турками и обращенный в ислам. Ревнуя о распространении своей веры, а вместе и содействуя турецкому правительству в его политике, паша везде, где только мог, брал мальчиков и обращал их в ислам. Из них после выходили отчаянные воины, известные как янычары. То же сделал он на Афоне, захватив юных питомцев пустыни, чтобы обратить их в свою веру. Между прочим, паша узнал, что в Зографе есть молодой писарь лет семнадцати, и распорядился взять его. Видя неминуемую беду, этот послушник дал знать о своей опасности отцу Василию, прося немедленно прийти и, как знает, спасти его. Был вечер. Переговорив с ним, отец Василий приготовил корзинку и, прикрепив ее длинной веревкой, ночью спустил в ней юношу в окно, сам же вышел в ворота, не подозреваемый турецкой стражей, как пустынный, возвращающийся в свою калибку. Подойдя к глухой стене, где его ожидал послушник, старец уложил его в шерстяной мешок и понес на плечах, как ношу сухарей. Этот послушник росту был малого, а потому для отца Василия, крепкого телом, не тяжело было его нести. Оттуда они по ночам пробирались до пустыни старца, где он кормил будущего игумена сухими каштанами, делая из них муку и приготовляя печенье вроде хлебов. Умилительно бывало, говорили зографцы, помнившие отца Анфима, когда сам игумен рассказывал об этом братии. Вот как Господь приготовил большому монастырю опытного игумена, воспитав его в гонениях, подвигах и лише-

ниях. Скоро турки начали проникать уже и в пустыню отца Василия. Чтобы скрыть ученика, он передал его другому старцу, жившему в таком месте, куда не могли проникнуть турки, а сам старец оставил Афон и отправился в Болгарию, где прожил все смутное время в пустыне при одном из монастырей.

Когда же водворилось повсюду на Востоке спокойствие, возвратился отец Василий на Афон. Капсальское его убежище было уже в запустении, почему старец попросился в Зограф, где и был принят радушно. Но жизнь в монастыре, тем более бывшим тогда штатным (своежительным¹), стала для него нестерпимой, и он просил проэстосов монастыря позволить ему поселиться в заброшенной калибке лесничего в логу, в расстоянии менее часа ходу от монастыря. Старцы благословили.

Поселившись в калибке, старец поправил ее, сколько можно было сделать самому, и предался глубокому уединению, которое с течением времени дошло до совершенного безмолвия. Через несколько лет он уже совсем затворился и никого не принимал, ни с кем не беседовал и никуда не выходил. В Зограф старец прежде ходил на большие праздники, а потом являлся только раза три в год.

Слух о его подвижнической жизни достиг до отдаленных пустынь Афона и возбудил одного

¹ Своежительный, или особножительный, — тип монастырей, которые являются некой средней формой монашеской жизни по сравнению с общежитием и пустынножительством. — *Примеч. ред.*

подвижника, иеромонаха Герасима, известного в то время всему Афону, как опытного делателя умной молитвы, посетить старца. Герасим находился в то время в качестве послушника у знаменитого отшельника, духовника Илариона грузина. В монастыре отговаривали отца Герасима идти к старцу, говоря, что труд его будет напрасен. Старец, говорили ему, и для своей монастырской братии никому не отворяет дверь. Это, однако, не остановило отца Герасима. Он сказал, что пришел не ради любопытства, но чтобы получить пользу от беседы со старцем. «Верую, — говорил отец Герасим, — что Господь не лишит меня возможности увидеть старца и побеседовать с ним». С таким несомненным упованием он отправился по логу к пустынной келлии. И надежда его не посрамилась. По устройению промысла Божия старец Василий вышел из калибки в то время, когда отец Герасим подходил к ней, и они встретились. Приветствуя старца, отец Герасим просил его благословить войти к нему; тот не отказал, и они вошли. Неизвестно — имя ли великого Илариона, которому отец Герасим служил, или только их беседа помогла, но скоро растворилась внутренняя клеть сердца отца Василия.

— Как ты проводишь время и как совершаешь свое правило? — спросил Герасим.

— Жизнь моя и правило мое — простые, — отвечал старец, — прочитываю утреню, часы, вечерню, повечерие с канонам и акафистом Божией Матери, совершаю монашеское правило и прочитываю книги.

— Какие? — продолжал Герасим.

— Евангелие, Псалтирь, затем «Добротолюбие» и Исаака Сирина.

— Хорошо, — заметил Герасим, — какие же ты видишь плоды от умного делания?

— Какого? — спросил старец.

— Как ты упражняешься в умной молитве, какие от того бывают у тебя действия?

— Прости, отче! — смиренно отвечал старец. — Я еще не знаю, какая это умная молитва.

— Да как же ты читаешь «Добротолюбие», если не знаешь, что такое умная молитва?

И отец Герасим просил старца, чтобы он говорил с ним откровенно.

— Я читаю просто, как душеполезную книгу. Конечно, я давно замечаю и чувствую, что в этой книге есть что-то сокровенное, глубокое, сладостное, но показать мне было некому, и я потому не знал как проникнуть в это духовное сокровище.

Видя, что старец говорит с простодушием, иеромонах Герасим рассказал ему правила умной молитвы, предостерегая в то же время от бесчисленных искушений со стороны хитрого ловителя душ человеческих. Усладившись духовной беседой и условившись о новом свидании через некоторое время, они расстались.

Возблагодарив Господа за ниспослание ему милости в свидании и беседе с отцом Герасимом, старец много дивился своему невежеству, особенно когда хотел начать новое делание и увидал, что забыл подробности преподанного ему отцом Герасимом руководства. Укоривши себя, отец Василий дожидался вторичного прихода своего учителя. Вскоре отец Герасим опять пришел навестить

старца, и он, не обинуясь, рассказал ему, что забыл то правило, какое тот преподавал ему. Отец Герасим повторил сказанное и в возбуждение ревности старца к умному деланию передал о своем делании и плодах его.

Так как прежняя двадцатилетняя жизнь старца в монашестве была исключительно посвящена богоугождению, то ему скоро была дарована умная молитва. Только при начале он встретил новое затруднение: расспросив все относящиеся к умному деланию правила, он не спросил отца Герасима, где у него сердце, куда нужно было ниспускать вместе с дыханием и словами «Господи Иисусе Христе...» ум, произнося с выдыханием: «...помилуй мя»; и только тогда, когда умная молитва заговорила в сердце, он узнал, где оно у него. Тогда стало ясно для него и «Добротолюбие».

Злобный враг, диавол, видя духовные успехи старца, вооружил на него людей и до того ожесточил их, что они не раз открыто хотели или выгнать старца, или, еще хуже, сжечь его вместе с калибкой. Более двух лет продолжалось это жестокое гонение. Старец же переносил великодушно все это и, обрешши себя на всякие злострадания и на самую смерть, ожидал каждочасно и днем и ночью мученической кончины. Терпение его и мужество духа изумили самих его гонителей; у всех как бы открылись глаза, и все братство монастыря вдруг переменилось в отношении к нему, начали уважать и почитать его, и с сего времени он жил уже спокойно, особенно когда введено было в Зографе общежитие (1849) и игуменом поставили его питомца — отца Анфима.

Мужественно претерпевая напор жесточайших искушений от бесов и людей, старец не мог, однако, до конца бороться с природою: двадцать пять лет он прожил в пустынной, худо защищенной от непогоды калибке и, наконец, должен был ее оставить. Сырой воздух водоточного глубокого лога, холодный ветер, называемый опоем, повредили здоровье крепкого мужа, так что он принужден был оставить свое место. Старцы монастыря предложили ему перейти в монастырь, но отец Василий просил устроить ему калибочку повыше того места, и игумен исполнил его желание.

По смерти игумена отца Анфима отец Василий опять подвергся гонению, развившемуся до того, что совсем было изгнали старца из нового его жилища. Но попустивший это новое испытание для утверждения старца в терпении Господь вскоре разрушил все кознодейства диавола. Некто спрашивал по поводу сего старца: как он теперь пребывает? Он отвечал: «Утвердив себя в мысли ожидать ежечасно беды и напасти, я пребываю в мире и спокойствии, что бы со мною ни случилось».

Опыт в искушениях и просвещение благодатью через умное делание привели старца в глубокую рассудительность, а вместе и к смиренномудрию. Теперь он проводил хоть столь же уединенную жизнь, но уже не столь безмолвную, ибо с некоторого времени двери келлии его были открыты для всех братий, кто бы ни захотел прийти к нему ради совета. Он считал себя невеждою, не могущим и поговорить толком, как не получившим образования, и являл себя ничего из добрых дел

не имеющим. В беседе он давал понять другим, как будто он никаких духовных проявлений не знал; а между тем беседа его была весьма усадительна.

Будучи от природы крепкого сложения, он не давал ослабы своему телу. Это можно видеть и из того, что, перейдя в новую калибку, отец Василий в течение десяти лет срыл огромную около нее гору, не имея в том никакой надобности.

Всей жизни в монашестве отца Василия было более шестидесяти лет. В последнее время ему поручены были от монастыря ученики, сколько для послушания старцу, столько и для воспитания их в высшей духовной жизни. Один ученик его был после военным священником во время русско-турецкой войны, другой, Мелетий, стал митрополитом в Болгарии. Остальные его ученики потом занимали важные должности в Зографе. Принимал учеников отец Василий не без разбору, и если поручаемый ему монастырем монах был ему не по духу, то не принимал. Внимающие своей жизни знают, как трудно при умном делании жить с человеком другого настроения.

Духовник Русика отец Иероним, слыша похвальные отзывы о жизни старца отца Василия, желал видеть его, но как сам никуда не выезжал, то он просил некоторых зографских отцов убедить старца прийти в Русик. Три года старец не соглашался ни на какие увещания сходить туда, считая себя невеждой и в слове, и в деле. В этих приглашениях он видел только искушение от врага вызвать его из пустыни. Через многое время, наконец, он сказал одному иеромонаху, что «сходит». На вопрос: «Когда же?» — он отвечал: «Когда возвестит

Господь!» Старец рассуждал, что если пойдет с тем иеромонахом, то весть о его приходе огласится в монастыре, и через то будет беспокойство от любопытства братии; поэтому лучше пойти с незнакомым там человеком — и пригласил он своего духовного друга, пещерника отца Харитона, который хорошо знал дорогу в Русик. И, таким образом, втихомолку, как «едины от нищих», пришли они. Оставив отца Харитона на условленном месте ожидать себя, старец отправился прямо к духовнику. На русской половине он увидал игумена отца Герасима, с которым не видался более сорока лет, но, не желая огласки, прошел, оставшись незамеченным, к отцу Иерониму. Часа три пробыли они наедине в беседе, следствием которой было то, что старец Василий вынес глубокое уважение к дару рассуждения, каким обладал духовник.

Желая успокоить старца с дороги, духовник отпустил его в надежде, что в наступающую ночь пространнее побеседует с ним. Но, пока духовник делал распоряжение отвести старца на архондарик, чтобы там угостить его и успокоить, тот потихоньку спустился вниз, отыскал своего проводника и зашел с ним в трапезу. Там его никто не знал, и оттуда они прямо отправились обратно в свою пустыню.

В дополнение сведений о сем доблестном старце нелишне заметить, что он знал подвиги многих новомучеников и был даже очевидцем страданий некоторых из них. В Зографе один из монахов, прожив десять лет, ни разу не был у старца. Вот на него нашли различные искушения, угнетавшие его дух, так что он стал изнемогать. Ему советовал один

близкий ему иеромонах сходить к отцу Василию, чтобы открыть ему свои помыслы; а он все думал: «Что услышу от старца?» Наконец, решился-таки сходить, но пошел с большой неохотой. В беседе старец, предварив его вопросы, начал объяснять ему искушения и все, что с ним было и есть, и даже что будет, если поступит так, а не иначе. Вышел он от старца как бы обновленным.

Советы старца Василия, как поступать во время вражды с кем-нибудь: «Падшей природе нашей как бы естественно, что сердце возмутится, когда кто-нибудь на тебя злобствует или сделал какую пакость, явно или скрытно; а если при этом попустить еще себе заняться разбирательством нанесенного зла, то сердце делается подобно тигру рыкающему, который готов напасть на своего противника. В раздраженном сердце повторяются с силою вопросы, раздувающие пламя гнева: „Как? Почему? Для чего? Какой я подал повод?“ Человек хочет в это время овладеть собою и успокоить себя, но когда разожглось сердце помыслами смущения, то ум бессилен уже противопоставить возражения взволнованному сердцу. Даже на молитву трудно подвигнуть себя, особенно на молитву об оскорбившем, ибо тут все: и сердце, и самая мысль как бы выворачиваются — с трудом, с болезнью. Сколько мысленных противоречий возникает в то время — конца и краю нет! И если человек, несмотря на весь этот хаос, воздвигаемый диаволом внутри нас, начнет решительно понуждать себя, то восстает уже одна главная противодействующая мысль, нередко отклонявшая от молитвы неопытных: как ты будешь молиться?

Смотри, что у тебя на душе — какое смятение. Примет ли Бог такую молитву? Не паче воздвигнешь ли гнев Его? Видя такую бурю — и сердечную, и мысленную — и проразумевая козни бесовские, подвижник приступает к молитве: берет четки и, творя поклоны, начинает: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй раба Твоего!“ О, как болезненно идут эти поклоны и молитва при первой четке! Но Господь близ. Произвольное понуждение человека Он принимает здесь паче всякой жертвы, тем более что это совершается ради исполнения первойшей заповеди Его о любви, и притом о любви к врагам.

Мало-помалу как бы начинает рассветать в душе, водворяется тишина, и через некоторое время делается на сердце радостно и мирно, и исполняется человек горячей любовью ко врагу, любовью такой, что готов предать себя на жертву за него, если бы то потребовалось. О, какой свет, свет небесный, какая блаженная радость, какая полнота святой любви растворяется в то время в душе. Это может знать только испытавший, а слову это недоступно. Восчувствовав в сердце своем совершенную любовь к оскорбившему, он встречает дивную перемену и в самом враге. Из этого видно, что только любовь сродна нам, а вражда, ненависть суть плевелы злокозненного врага».

Больше сведений о старце отце Василии не нашлось.

Старец отец Иоанн

О себе старец отец Иоанн поведал следующее: «Я родом великороссиянин, из самой внут-

ренной России. От какого рода, того знать не нужно. От юности моей возлюбил я Господа Иисуса Христа; рассмотрев суету и непостоянство мира сего, краткость настоящей жизни и бесконечность будущей и размыслив, что кто на сем свете послужит и поработает Господу Богу, тот спасет душу свою, наследует вечное блаженство, а кто согрешит и прогневает Господа Бога, тот должен принять вечное мучение, я рассудил поработать Господу своему без всяких препятствий от сует мира сего и, оставив все, последовал Христу с самых младых лет.

Прежде странствовал по российским монастырям и во многих слышал о великом старце Паисии и о его великих подвигах, о великом его богособранном стаде, и о прочих молдавских отцах, и о старце Онуфрии; и я предпринял путешествие и достиг Молдавии и великой обители Нямецкой.

Здесь я увидал великого старца отца Паисия и святолепные его седины и Богом собранное его великое полчище. Его учеников уже было около тысячи. И припал я к стопам его и начал его просить принять меня в свою святую обитель и причислить к своему стаду. Он с любовью принял меня и, зачислив в братство, дал мне келлию, назначил послушание и поручил меня духовнику. Он всех приходивших и желавших с ним жить принимал, хотя старшие кое-кто из братии и скорбели, ибо терпели недостатки. Но он всегда говаривал братии: „*Аз грядущаго ко мне не изжениу вон*¹; прибыл брат, прибыла и молитва — пошлет Бог и на него пищу“.

¹ Ср.: Ин. 6, 37.

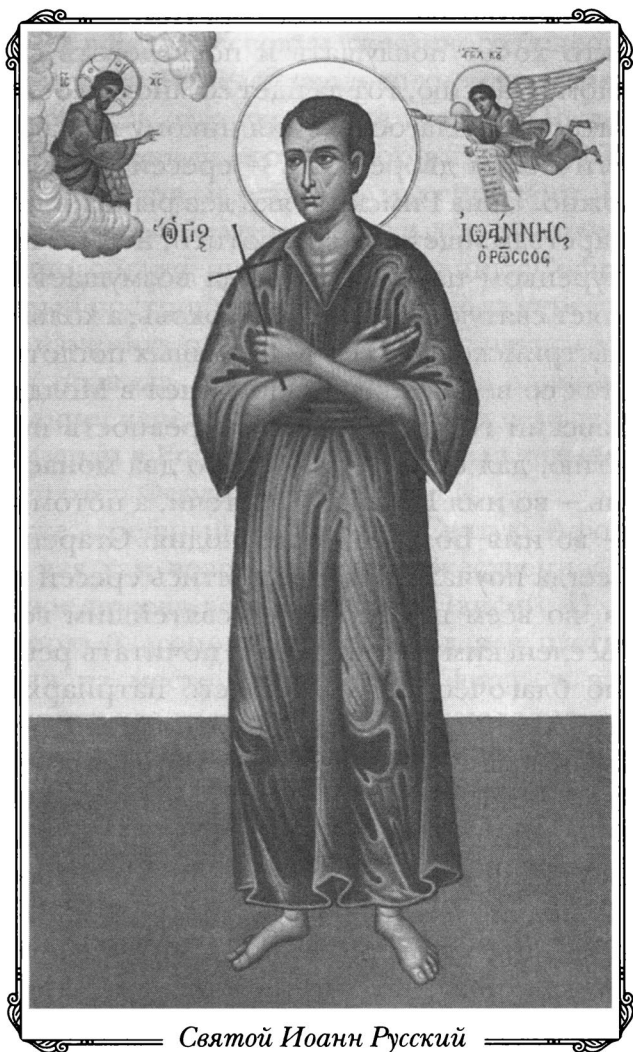
И я, грешный, начал жить в том богособранном его стаде и наслаждаться его богомудрыми наставлениями и утешаться, глядя на его благолепные седины. Старец Паисий всех учил, всех утешал, всем наказывал с отеческой любовью — не разрушать общежития, иметь совершенное послушание и смирение, отсекал свою волю, и внушал, чтобы всякий повиновался один другому и почитал один другого земным поклоном. Чтобы всякий ступал кротко, руки имел сложенные на груди, главу — наклоненную, глаза — потупленные в землю, сердце — горé к Богу, а ум — в беспрестанной Иисусовой молитве, и чтобы во всех была любовь нелицемерная. А более всего старался во всяком посеять и углубить божественное семя — сердечное делание, умную и беспрестанную молитву Иисусову. И была тогда Нямецкая обитель как рай, Богом насажденный; все в единомыслии и любви работали Господу своему; было совершенное общежитие и любовь во всех, и была во всех как бы единая душа; всяк проходил свое послушание со смирением, без роптания; все, смотря на пастыря своего, утешались его лицезрением и беседою и его святолепными сединами. Он всем был образ и пример своею жизнью. Но я, грешный, не сподобился от него постричься в полное монашество, а принял от него только рясофор и пожил с ним только два года.

Но сколько он был смирен и кроток, столько был и строг, за малое какое-либо бесчиние строго наказывал. В одно время шел по монастырю один послушник и неблагочинно размахивал руками и озирался по сторонам. Старец смотрел в окно

и спросил посторонних, какого духовника этот послушник. Ему сказали. Он же призвал духовника и сделал ему строгий выговор: „Так ли наставляешь учеников своих? Они бесчинствуют и соблазняют братию. Монах должен быть во всем монах: ступание кротко, руки на груди, очи в землю, главу склонить, каждому встречающемуся делать поклон; иеромонаху или монаху — до земли, равному себе — в пояс. Ты скажешь, что он еще не монах, но кто живет в монастыре, пострижен ли или нет, — все должны наблюдать монашество и брать со старших пример. За это обоим вам с учеником даю канон — три дня в трапезе творить поклоны, чтобы и прочие научились не делать бесчинства“.

Еще он строго наблюдал, чтобы крестились правильно; если кто неистово или с небрежением изображал крестное знамение на лице своем, того весьма строго наказывал и всегда говорил: „Если кто неистово изображает крестное знамение, тому маханию бесы радуются“. Также он наблюдал великое благочиние в церкви; всегда сам обходил всю братию, чтобы все стояли чинно, со страхом и трепетом, и наблюдали все поклоны, а особенно на клиросах и за чтецами, чтобы ни одного поклона не опустили на „Святый Боже“, на „Приидите, поклонимся“, на „Аллилуиа“. И весь чин и устав и напевы содержали Святой Горы Афонской.

Табак же употреблять строго запрещал, а кто не исправляется, того выгонял из монастыря. Явную он показал ревность по благочестию тем, что когда он жил с братией в монастыре Драгомирна, и после военных времен отошел его монастырь

Святой Иоанн Русский

вместе с Буковиной под австрийское владение, то он оставил монастырь свой со всеми богатствами, перешел в Молдавию и сказал братии: „Отцы и братья, кто хочет послушать и последовать своему грешному Паисию, тот да идет со мною, а остаться в Драгомирне благословения никому не даю, ибо в еретическом дворе жить — ересей убежать невозможно. Папа Римский, яко лев рычит и по другим царствам ищет кого поглотити, не дает покою и в Турецком царстве и всегда возмущает и оскорбляет святую Восточную Церковь, а кольми паче в австрийском владении он живых поглотит“.

И так со всем своим стадом ушел в Молдавию. Молдавский государь, видя его ревность по благочестию, дал ему вместо одного два монастыря: Секуль — во имя Иоанна Предтечи, а потом и Нямец — во имя Вознесения Господня. Старец Паисий всегда поучал братию блюстись ересей и расколов, во всем повиноваться святейшим восточным вселенским патриархам и почитать ревнителей по благочестию: святейшего патриарха Фотия и блаженного Марка, митрополита Ефесского, подвизавшихся против папы Римского.

Но я немного наслаждался его медоточным учением, только два года. Потом все вдруг приуныли и заскорбели, услышав, что старец болен; все сделалось мрачно и печально. Вскоре всем дана была повестка, чтобы были на литургии. И слетелись иноки, как орлы, так что не могла вместить церковь. Вот идет старец, поддерживаемый двумя духовниками. Все братия возрадовались, увидав его святолепные седины, и все поклонились ему до земли; он же прошел прямо в алтарь и вовре-

мя сподобился причастия Святых Таин. После литургии стал на свою кафедру и всем повелел подходить под благословение; со всеми простился и пошел в келлию свою и уже никого более к себе не принимал. Через несколько дней услышали плачевную весть, что скончался старец. После трех дней похоронили его в соборной церкви Вознесения Господня, и остались мы сиротами. Потом по совету всей братии избрали другого начальника, одного из учеников его, духовника Софрония, который постриг меня в мантию. Года через два начали изменять общежительные уставы отца Паисия и правила, и оттого сделалось в монастыре смущение, через что наших русских семьдесят человек ушли в Россию; в числе их был знаменитый старец отец Феодор.

Я же, грешный, пошел на Святую Афонскую Гору, чая там возрастить то божественное семя, которое посеял во мне старец Паисий. И, дойдя по морю благополучно, поселился в пустынной келлии на месте, называемом Лакку, и прожил там почти два года, питаюсь от рукоделия — вырезая ложечки. Потом наступили смутные времена, настали войны, пришли разбойники на Святую Гору и начали творить много пакостей. Я, окаянный, не мог терпеть и снова по морю возвратился в Молдавию, в свою обитель. Но, вкусив пустынного, сладкого паче меда безмолвия, испросил себе келлию вне монастыря. Отец архимандрит с духовником хотели меня рукоположить во иеродиакона. Я же боялся принять на себя сан, дабы не отлучиться мне от умной и безмолвной молитвы; просил оставить меня на безмолвии, но они

усиливались меня принудить. Я же, видя их намерение, отсекаю себе палец правой руки, и от того часа оставили меня и прозвали Беспальным. И начал я жить в безмолвной келлии и проходить некоторые монастырские послушания, и часто посещал одного пустынножителя, схимонаха Платона, ученика Паисиева, и наслаждался с ним духовными беседами. И прожил в той келлии пять лет. Наскутила мне молва, бываемая на послушании, и начал во мне угасать светильник Божественного света. Тогда начал я просить архимандрита, да отпустит и уволит меня в глубочайшую пустыню, в Покровский скит, к отцу Платону. Он же сказал: „Если мне вас, таких молодых, отпускать в пустыню, то некому будет ходить на послушание“.

Я же вышел плача и стал помышлять: какое я собрал богатство на Святой Горе, здесь все расточил. Пойду снова на Святую Гору и там скончаю живот свой. И пошел я к отцу Платону и открыл ему свой помысел. Он же сказал: „Иди на Святую Гору, и поживи там, да снова приходи сюда; и здесь уже тебя успокоят; и тогда будем вместе жить, и похоронишь грешное тело мое. И хотя бы ты и остался там жить до смерти, но поневоле выйдешь“. Я же поклонился ему, и пошел к архимандриту, и начал его просить, да отпустит меня на Святую Афонскую Гору, и сказал ему, что теперь время утихло, ибо я и тогда вышел из-за смущения. Он с любовью отпустил меня.

Перед самым отъездом я снова пошел к отцу Платону и просил его дать мне последнее наставление. Он же начал мне говорить: „Мое наставление такое: когда достигнешь Святой Горы, избери се-

бе искусного старца, отца и наставника, и препоручи ему свои тело и душу, и буди ему послушен даже до смерти. И где он благословит, там и живи. Афонские отцы выше молдавских; я и сам бы желал с ними пожить и от них пользоваться, и даже путешествовал на Святую Гору, но воля Божия и смутные времена не позволили мне там препровождать свою жизнь, и я паки возвратился в Молдавию. А о будущем блаженстве, как его достигнуть, скажу тебе вкратце: где будешь жить, где будешь странствовать, везде и на всяком месте владычество Господне и благодать Его присутствует, только если по воле Его святой будем жить и волю Его творить. Не место человека просвещает, но человек место. Воля Господня состоит в главных трех добродетелях, то есть в вере, надежде и любви. Первое — вера, она есть глава всем добродетелям. Без веры все добрые дела мертвы. Праведник от веры жив будет. Верую все святые победили мир, соделали правду, получили обетования. Если совершенную стяжешь веру к Богу, то ничего тебе не будет невозможного, но все твои благие желания исполнятся, и никакие скорби и напасти одолеть тебя не смогут. О сей вере сказал Господь ученикам Своим: *‘Аще имате веру, яко зерно горюшно, аще речете горе сей: двигнися и верзися в море, будет’*¹.

Сию веру стяжали апостолы, и прошли по всей вселенной, яко овцы посреде волков, и уловили все народы в Христову веру. Сию веру имели святые мученики, пролившие свою кровь. Сию веру

¹ Ср.: Мф. 21, 21.

имели преподобные отцы, которые, оставив мир и яже в нем, удалялись в пустыню и едины со единым Богом пребывали в ней, одни — сорок, другие — пятьдесят и шестьдесят лет; верили они Богу, и Господь питал их, хотя и мало кого от человек видели. Таковую веру если стяжешь, то и ты не далече будешь Царствия Небесного!“ Но я ему отвечал: „Отче святой, как могу стяжать веру сию, которая превосходит естество человеческое? Я человек грешный и повседневно обретаюсь в немощах“. Он же сказал: „Да, правда, эта вера трудами и подвигами, постом и молитвами стяжается, совершенным послушанием и отсечением собственной воли укрепляется и возрастает. Но опять тебе говорю: если не стяжешь такой веры, то не сможешь стяжать и надежды на Бога и любви к Нему и ближнему; если сих не стяжешь и не очистишь внутреннего человека, не победишь страстей, все наше будет удаление от мира, только одним телом, а не умом и сердцем. А тогда как бы не постигла нас страшная угроза: ...ни горяч ты, ни холоден, *изблевати тя имам*¹. Афонская Гора управляется Божией Матерью: туда ходят с деньгами, но опять возвращаются; а другие и без денег, но там живут — кого как благословит Матерь Божия. Прежде тебе сказал я только о вере в Бога, теперь послушай и о надежде на Бога: где ты будешь жить, не полагай надежды ни на кого смертного — ни на царя, ни на князя и сына человеческого — в них же нет спасения; ни на патриарха, ни на архиерея, ни на купцов — ни на какого-либо

¹ Ср.: Откр. 3, 16.

человека, ибо всяк человек ложь; не полагай надежду ни на богатство, ни на славу мира сего, ни на чины; богатство — как роса утренняя. Как роса иссыхает, так и богатство исчезнет, и всякая слава человека, как цвет травный: вечером цветет, а утром подкошен бывает и увядает; так и слава человеческая: сегодня хвалят, а завтра поносят и укоряют. Ты же, возлюбленное мое чадо, всю надежду полагай на Господа Бога. Теперь надобно тебе показать свою веру и надежду не на словах, а на самом деле, без роптания. Теперь для тебя наступает время скорбей и искушений, по морям и посуху; ты же не унывай, но, однажды уверовав в Господа Бога, полагай всю надежду свою на Него и воспевай с пророком Давидом: *‘Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя’*¹. И еще: *‘Блажени вси надеющиеся Нань. Надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме’*².

Теперь скажу и о любви к Богу и ближнему: *возлюбиши Господа Бога твоего от вся души твоя, и от всего сердца твоего, и от всего помышления твоего*³. Так нам должно любить Господа Бога, что ради любви Его ничего не должно нам щадить, ниже⁴ самих себя. Так Его возлюбили святые апостолы и прошли всю вселенную скорбяще, озлоблени, укоряеми, поношаеми, в узах и в темницах, а после и самую смерть претерпели за любовь Христову. Так возлюбили святые мученики и, все пренебрегши: родителей,

¹ Пс. 32, 22.

² Пс. 2, 12; 124, 1.

³ Ср.: Мф. 22, 37.

⁴ Ниже (церк.-слав.) — здесь: ни даже. — *Примеч. ред.*

жен, детей, саны и честь, — дабы не разлучиться со Христом, — проливали кровь свою, как воду. Так возлюбили Его преподобные отцы наши и любви ради Его оставили мир и славу мира и всю прелесть его. Любви ради Христовой удалились в монастыри и в пустыни и отдали себя в послушание с совершенным отсечением своей воли и своих прихотей, да без всякого препятствия поработают Господу своему. Ты же, возлюбленный брате, уже начаток сделал, теперь постарайся Господа своего возлюбить от всей души своей, то есть соединиться с Ним сердцем, умной беспрестанной молитвой Иисусовой, и старайся очищать внутреннего человека от всех помышлений, противных Богу; тогда познаешь, *коль сладка будут гортани твоему словеса Господня*¹ и коль весело и радостно быть с Богом. Пророк сказал: *‘Помянух Бога и возвеселихся’*². Кто с Ним непрестанно беседует и поминает имя Его святое, то как не возвеселится и не возрадуется об имени Господнем? Если с земным царем приятно и радостно иметь беседу и получать от него награду, то насколько больше с небесным Творцом, на Него же не смеют чины ангельские взирать! О, коль сладостно! Но оставим об этом говорить на словах, а когда сам вкусишь на деле, тогда познаешь и скажешь: Господи, добро есть нам здесь быть; возьми меня от суетного мира сего и от его прелестей; не хочу более в нем пребывать; боюсь, дабы опять не разлучил меня с Тобою, сладчайший мой Господи!

¹ Ср.: Пс. 118, 103.

² Пс. 76, 4.

Теперь ты иди на Афон и постарайся стяжать эту радость. Там найдешь таких отцов и наставников, которые ею преизобилуют и тебе могут уделить, только бы ты их во всем слушал. Еще скажу тебе, как нам должно любить ближнего своего и всякого человека. Апостол сказал: *‘Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть’*¹. Любовь к Богу доказывается любовью к ближнему. Не так нам должно любить ближнего якоже самих себя, но несравненно более. Тогда познается совершенная любовь, когда положим свою душу за брата своего². Вот совершенная любовь. Этой любви не может стяжать никто, привязанный мыслью и сердцем к прелести мира сего. Отчего бывают в мире убийства, грабительства, злоба, зависть, ненависть, клевета и тяжбы? Либо ради имени и богатства, либо ради чести и славы мира или ради каких-нибудь плотских страстей. Потому сказано: *‘Любовь мира сего вражда Богу есть’*³. *Ни кий же раб может двема господинома работати*⁴, потому что кто хочет от всего сердца возлюбить Господа Бога и ближнего своего, тот должен, по Евангелию, оставить мир и вся, яже в мире, и идти вослед за Христом путем иноческого жития. Да и тогда если не вступим в совершенное послушание, и не отсечем собственной воли своей, и не будем хранить своего сердца от помыслов скверных, и не будем стараться об очищении внутреннего человека, то и в пристани можем погибнуть.

¹ 1 Ин. 4, 20.

² См.: Ин. 15, 13.

³ Ср.: Иак. 4, 4.

⁴ Лк. 16, 13.

Наше спасение состоит в отвержении самих себя, и в хранении своего сердца, и в непрестанной умной молитве Иисусовой. Если же отвержемся себя самих, и будем хранить свое сердце от прилогов вражиих, и держать свой ум в непрестанной молитве, тогда соберутся и пребудут в нас все три добродетели: вера, надежда и любовь, — тогда и вселится в нас Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух — Единый Бог, Ему же слава вовеки!“

И я отправился в путь снова по морю, через Константинополь. Снова достиг Святой Горы и вселился в свою пустыню; снова начал работать ложечки и безмолвие проходить, и много радовался и веселился, что сподобился достигнуть тихого и небурного пристанища — Святой Горы Афонской.

Однажды, проходя со своим рукоделием мимо Иверского монастыря, сподобился я видеть святейшего патриарха Григория V, который проживал тогда там на покое, после замучен был турками. Когда увидел я его, сидящего у врат монастырских с двумя диаконами, сединами украшенного, вострепетала душа моя, и возрадовалось сердце мое. Скоро скинул с себя торбу и бросился к его стопам. Диаконы мне сказали, что это патриарх. Он благословил меня, я поцеловал руку его, а он меня — в голову и сказал: „Что, отче, хочешь?“ Я же сказал ему: „Хочу, да Ваше Святейшество возьмет от моего худого рукоделия!“ Он приказал принести, и я выбрал десяток ложечек и подал ему. Он же взял только три, а прочие назад отдал. Я просил, дабы он взял все, но он сказал: „До-

вольно во имя Святыя Троицы“, — благословил и отпустил меня.

Я прожил три года на Святой Горе. Потом опять настало смущение; умножились разбойники, и всюду страх и трепет. Монастыри все заперлись, а в келлиях всюду скорбь и горе. Терпел я полгода, помышлял, что скоро пройдет; однако час от часу было хуже, и более не стерпел, заплакал и простился со Святой Горой. Оттуда отправился в Константинополь по морю. Там был у другого патриарха и от него сподобился получить благословение. Оттуда отправился на корабле и много на Черном море натерпелся страху, чуть не утонул. Целый месяц носило нас по морю, и каждый почти час ожидали смерти, и пищи уже не имели. Потом занесло нас в Анатолию, и пристали к одной горе и благодарили Бога. Здесь сказали мне греки-корабельщики: „Отче, теперь, слава Богу, пристали к преподобному Григорию; пойдем поклонимся его святым мощам“. Я спросил: „Какого Григория?“ Они сказали: „Ученика святого Василия Нового, которому были великие откровения. Он по смерти святого Василия удалился в эту пустыню, здесь скончал свою жизнь и здесь погребено тело его“. Я весьма возрадовался. Они взяли ладану, масла и меня с собою посадили, и приехали к берегу, и пошли в гору, а потом в великую пещеру. И шли далеко, и пришли к церкви, где посреди сделана гробница и висит одна лампада. Греки сказали мне: „Тут спасался святой Григорий, и в этой гробнице погребено тело его“. Потом налили в лампаду масла и зажгли, и накалили ладаном, помолились и приложились ко гробу, и просили

угодника Божия, чтобы управился путь наш благополучно. Потом поехали на корабль, и Бог дал добрый ветер, и пристали к одному селу, где купили себе пищу. Потом поплыли далее и в скором времени прибыли в Молдавию.

И снова я возвратился в свою обитель, где приняли меня с любовью и уволили в безмолвный скит Покровский, где я поселился близ отца Платона и стал его иметь другом и советником; начал во всем ему подражать и от него пользоваться много. В то время он уже переплыл страстное море и достиг тишайшего пристанища — сладчайшего безмолвия.

Монастырь Нямец не один, но под собою имеет другой монастырь, Секуль, и много скитов; и во все определяются братья от Нямца, и пища всем посылается оттуда, а одежду добывают сами, и все занимаются разными рукоделиями, отдают в монастырь и за то получают потребное. Отец Платон во всю свою жизнь писал книги; я же работал ложечки. Вскоре я постригся в схиму, и оставили меня в спокойствии и тишине, и совершенно меня обеспечили всем нужным. Я благодарил Господа моего, что сподобился получить такое спокойствие. И прожил так с отцом Платоном более двадцати лет. Каждые пять дней сидели в келлии за рукоделием, в молчании и в хранении умной молитвы. Каждую субботу ходили в соборную церковь и причащались Святых Таин. Также каждую неделю и в великие праздники ходили на всенощное бдение. Пищу принимали по одной нажды в день, простую; среду и пяток постились. Каждый год на всю Святую Четыредесятницу за-

творялись мы в келлиях; заготовим себе сухарей и воды, запрем окна и двери и сидим едины со единым Богом до субботы Лазаревой. Только каждую субботу приходил духовник со Святыми Тайнами и причащал нас.

После двадцати лет отец архимандрит с братией упросили нас, чтобы мы перешли поближе к монастырю ради пользы прочих братий. Хотя нам и показалось тяжело разлучиться с возлюбленной и тихой нашей пустыней, но была воля Божия на то. И опять дали нам безмолвную келлию вне монастыря. И начали мы жить по первому пустынному уставу. Мне, слава Богу, было спокойно, а к отцу Платону пошли все братия; не были двери у его келлии затворены, но отверсты всякому приходящему. И дана была ему премудрость на пользу всем, и потекла из уст его как река изобильная. И я часто посещал его и не мог никогда до сытости насладиться его беседой. Когда же настала Святая Четыредесятница, опять мы затворились, а в субботу Лазареву пошли в собор на литургию. Отец Платон шел впереди один, а мы с братией позади. В это время сделался от главы отца Платона до небес белый столп. Мы все это видели и пали на землю. Когда же встали, уже отец Платон взошел во врата монастырские. Мы за ним пришли в церковь и поклонились ему до земли. Он же сказал: „Что вы, братия, мне кланяетесь? Это чудо Бог показал не ради меня, но ради вас. Видите, как Господь прославляет работающих Ему. Работайте Господу от всей души своей, и вас Господь прославит, если не в сем веке, то в будущем, нескончаемом“.

Отец Платон также всех учил побеждать страсти, проходить совершенное послушание и отсекать совершенно свою волю, быть смиренным ниже всех, любовь иметь ко всем нелицемерную, а особенно очищать внутреннего человека и держать беспрестанную молитву. И так прожили десять лет. Потом покинул нас отец Платон, и сделался большой плач, что оставил он нас, сирых, на сем свете одних бороться со страстями и со врагом, диаволом. После отца Платона вся братия обратилась ко мне со своими скорбями и со своими немощами: кто недоволен пищей, кто отягощен послушанием, кто другим чем. А отчего это произошло? Оттого, что всякая иссякла любовь, и разорили общежитие. Я стал говорить начальникам, чтобы всех равно любили. Они же на словах во всем слушали, но не на деле. Братия плачут, всегда меня беспокоят, даже до конца разорили безмолвие мое. И начал я помышлять, что делать: если мне жить здесь, то братий надобно до конца любить и душу свою за них положить. Надобно пострадать, а исправить уже невозможно. Если же удалиться, как Бога не прогневать тем, что себе одному буду искать покоя, а братий оставлю скорбеть без всякого утешения, а больше той любви нет, как положить душу свою за брата своего; а установить все по-прежнему уже трудно. Разорили скоро, восстановить намного трудней.

Трижды приезжал митрополит Вениамин, с тем чтобы устроить общежитие, и меня к себе призывал, но не мог ничего сделать. Старшие братия никак не захотели. Я же просил митрополита, чтобы уволил меня из монастыря Нямец в монас-

тырь Ворона, в пустынную келлию великого старца Онуфрия, друга старца Паисия, где он проживал с иеромонахом Николаем и старцем Феодором и где живот свой окончил. Митрополит же заплакал и сказал мне: „Хотелось, отче Иоанне, чтобы ты пожил здесь и поддержал братию, утешал скорбящих, пользовал немощных; но, впрочем, удерживать тебя боюсь, да не оскорблю тебя. Господь тебя благословит: иди и молись и за меня, грешного Вениамина. И я весьма желаю оставить свою кафедру и на покое в тишине и в молитве препроводить остальные дни жизни моей. Я более сорока лет митрополитом управляю Молдавской кафедрой, и много всяких искушений со мною случилось: дела наши великие. Много раз князь бывал в отлучке, и я сам управлял всей Молдавией. Кто поживет и не согрешит против Бога и против ближнего? И давно имею желание оставить все и плакаться о грехах моих, но обстоятельства не позволяют мне. Сколько лет строю собор, а окончить не могу. А хотелось мне самому его освятить; но уже видно, что не сподоблюсь, ибо силы мои уже изнемогают“. Я же ему сказал: „Владыко святой, уже собора нам с тобою не освятить, а надобно более позаботиться о внутреннем соборе, чтобы его добро устроить, а спокойствие получишь только на малое время“. И так простились с ним.

Сам я отправился в монастырь Ворона, и принял меня архимандрит Рафаил с любовью, и отпустил в эту пустыню, и снабдил меня пищей. И живу уже здесь четвертый год, подобно как в раю, во всяком спокойствии и тишине. И каждую субботу

хожу в монастырь и причащаюсь Святых Таин и опять стремлюсь сюда».

— Я же, — говорит инок Парфений, — пал ему в ноги и со слезами начал ему говорить: «Отче святой, прости меня, грешного, и поведай о таинствах твоего безмолвия, какие оно принесло тебе плоды и какими Господь наградил тебя дарами».

Он же заплакал и сказал: «Что меня спрашиваешь, чадо, о том, что выше меня? Оставь ныне о том вопрошать, но иди с Богом на Святую Афонскую Гору и старайся очищать внутреннего человека молитвою; и когда уязвится сердце твое любовью Христовой, тогда сам познаешь — коль есть добро быти с Богом».

Я же плакал, да поведает мне хотя нечто малое. Он со слезами сказал: «Послушай меня, грешного; открою тайну, но, покуда жив я, сохрани ее. Открою тебе часть моего богатства, да не скроешь его, но когда будет время, то и иным подашь: по приходе в Нямецкий монастырь, услышав от старца Паисия про умную молитву, начал испытывать его: как ее начать и как действовать? И начал делом испытывать. И она столь мне сладка показалась, что более всего мира возлюбил ее. Оттого бегал братию, любил молчание, часто удалялся в пустыню, бегал всех соблазнов, а особенно празднословия. Ради того путешествовал дважды на Святую Гору, изнурял себя послушанием, трудами, постом, поклонами и всенощным стоянием, чтобы стяжать умную беспрестанную молитву. Ее ради часто затворялся в келлию и все силы свои изнурял ради нее. И когда препроводил так многие лета, мало-помалу начала она во мне углубляться.

Потом, когда жили мы в скиту Покровском, тогда посетил меня Господь за молитвы отца Платона: осенила сердце мое неизреченная радость, и стала действовать молитва; и столь усладила меня, что спать мне не дает; усну в сутки час, и то сидя, и опять встаю, как бы никогда не спал. И хотя я сплю, а сердце мое бдит. И начали от молитвы и плоды прозябать. Воистину, чадо, Царствие Небесное внутри нас есть. Родилась во мне любовь ко всем неизреченная и слезы; если хочу — плачу беспрестанно. И столь сладостно мне сделалось божественное Писание, а особенно Евангелие и Псалтирь, что не могу насладиться, и каждое слово приводит в умиление и заставляет много плакать. О Боже, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси! Часто встаю с вечера читать Псалтирь или молитву Иисусову и бываю в восхищении, вне себя, не знаю, где я — или в теле, или вне тела — не знаю; Бог знает. Только когда прихожу в себя — уже рассветает! Но и дадеся мне пакостник плоти да мне пакости деет, да не превозношуся: никак не могу быть с народом, а наипаче с мирянами; а с женами не могу и говорить: уже более сорока лет, как не бывала жена в моей келлии, хотя многие желали со мною побеседовать, но я отказываю тем, что немоществую. Еще много претерпел искушений и оскорблений от врага, диавола. Еще скажу тебе, что люблю читать книги, а особенно Евангелие, Псалтирь, „Добротолюбие“ и Исаака Сирина, и прочих книг имею довольно, но все лежат в монастыре; денег же себе не стяжавал и ни от кого не брал, кроме книг. Теперь прости меня, что ты так много

принудил меня говорить. Пойдем в монастырь, я там ночью и тебя провожу завтра».

Этот старец скончался после того через четыре года, в 1863 году. Роста он был среднего, волосы на голове седые, борода небольшая, белая; и был очень сух. Всех учил и наставлял терпению, послушанию, посту, смирению и любви; некоторых и созерцательному богомыслию. Еще много плакал и соболезнавал о тех, которые не соблюдают святых постов, среды и пятки, и говорил: «Те люди, которые самопроизвольно не сохраняют святых постов, живы телесами, а душами померли, ибо навлекают на себя клятвы соборов и святых отцов». И запрещал с ними и дружбу иметь.

Духовник отец Евстратий¹

Отец Евстратий родился в Трапезунде, в Малой Азии, около 1783 года от православных родителей, греков. В монашество поступил он еще восьми лет от роду, в монастырь Сумила, близ своей родины, в котором находится прославленная чудотворная икона Божией Матери. Там принял он пострижение и прожил около тридцати лет. Там же он был удостоен сана иеродиакона, а потом и священства. Находясь в этой обители, он слышал о страждущих христианах, живших под тяжким игом турок, и весьма скорбел духом. Турки мучили христиан и беспощадно убивали, желая искоренить ненавистное им христианство. Старец Евстратий просил у Господа какое-нибудь из трех

¹ Дата кончины неизвестна. — *Примеч. ред.*

дарований: принять мученичество за Христа, выкупать пленных христиан или же проводить жизнь аскета. И Господь исполнил его просьбу.

Снедаемый жалостью к убиваемым христианам, он обдумывал, как бы помочь им, и отправился в Константинополь. Там он передал высшим лицам государства, из представителей греческого народа, о страданиях христиан и просил их помощи; но они отказались, говоря, что сами служат туркам как чиновники Дивана¹ и что если станет известным, что они содействуют христианам, то им будет беда. Тогда отец Евстратий обратился к женам этих чиновников, и те от себя дали ему деньги и драгоценности. Также он обращался за помощью к богатым купцам и другим христианам, которые так почитали старца, что, сколько бы он ни просил, с полным усердием давали ему.

Отец Евстратий нашел двух женщин: одну — турчанку, тайную христианку, знавшую по-гречески, и другую — гречанку, которые исполняли его поручения самым лучшим образом; они покупали на рынках христиан и, некоторое время продержав их у себя, незаметно отпускали их на свободу. Женщин, кои желали принять монашество, они определяли в монастырь, находящийся на соседнем острове, где впоследствии эта самая гречанка стала игуменией, а тех из них, которые не желали идти в монастырь, отдавали в замужество. Детей же определяли в хорошие школы. За все эти восемнадцать лет, посвященных старцем

¹ Диван — совет сановников при султане в средневековой Турции и в некоторых странах мусульманского Востока. — *Примеч. ред.*

для освобождения христиан, он употреблял пищу однажды в неделю — по субботам. Всех выкупленных отцом Евстратием было пятьсот человек. Но дело это не могло укрыться от турок, наконец узнало правительство, что какой-то монах выкупает христиан и отпускает [их] на свободу. Сделано было дознание, по которому последовало немедленное приказание, где бы то ни было найти этого монаха и представить в Диван, где считали старца участником греческого восстания.

Описаны были приметы: монах невысокого роста, ходит согбенно, в лохмотьях и в худой камилавке, смотрит вниз, посещает богатые дома. Турки искали и караулили, но нигде не находили старца, он сделался как бы неуловимым.

Однажды они узнали, что отец Евстратий находится в магазине одного купца, они поспешили туда, чтобы схватить его. Завидя их, старец пошел им навстречу, но они его не заметили или по промыслу Божию не обратили на него внимания. Когда он прошел, кавасы стали спрашивать в том магазине о монахе, требуя настоятельно, чтобы выдали его. Бывшие там сказали, что они не знают такого монаха. Турки так рассвирепели, что тут же изрубили двух служащих магазина и бросились искать старца, но нигде его не нашли.

Однажды он ехал с одним священником на лодке в Галату. Турки узнали его и стали стрелять, целясь в старца, но убили его спутника. Старец, подъехав к берегу, выскочил из лодки и скрылся. Месяцев шесть провел он в доме у одного христианина, скрываясь от турок, и потом вышел, но более не мог уже продолжать дело выкупа христиан, ибо

в это время гонение на христиан дошло до того, что был повешен патриарх Григорий V и многие главные христианские сановники казнены. Теперь уже некому было помогать старцу, ибо и дома прежних благодетелей его были разграблены. Не видя возможности продолжать свою деятельность и находя опасным оставаться далее в пределах Турции, он отправился в Иерусалим.

Поклонившись святым местам, он побывал и в Лавре преподобного Саввы Освященного и пожелал в ней остаться. Здесь патриарх сделал его общим духовником для братства, а после и своим личным духовником, когда заметил добродетельную и подвижническую жизнь его. Лет десять подвизался старец Евстратий в Лавре, но беспокойство со стороны тех, кои искали его духовных советов и наставлений, заставило его искать более безмолвной и уединенной жизни.

Узнав об окончании греческого восстания, он решил отправиться на Святую Гору. Тут он обрел искомое безмолвие и в радости духа поселился в Кавсокаливитском скиту. Имея особенную духовную любовь к игумену Дионисиатского монастыря Стефану, он часто бывал у него. В скиту он недолго жил — всего три с половиной года. Причина тому была следующая: в 1834 году несколько духовных старцев — Леонтий, дидаскал и кирикс¹, известный всем и везде как знаменитый муж, ученый и духовный; Стефан, игумен Дионисиата, муж высокодуховной и святой жизни; Пантелеимон, монах того же монастыря, и старец Евстратий — составили прошение к вселенскому

¹ Кирикс — проповедник. — *Примеч. ред.*

патриарху, выставив все причины беспорядочности своежительного жития и святости общежительного, установленного святыми и богоносными отцами, ктиторами афонских монастырей, и просили его своей духовной властью ввести общежитие во всех монастырях на Афоне. Приведенные доводы были столь важны и убедительны, что патриарх тогда же написал грамоту, повелевая во всех монастырях на Афоне ввести общежитие. Соборные старцы (проэстосы) своежительных монастырей едва только слышали об этом, как устремились в Константинополь и, задарив щедро турецкое правительство и иных из духовных властей, кто только мог им мешать, наконец, склонили и самого патриарха. Проэстосы возвратились на Афон с торжеством, а старцы — авторы письма к патриарху — должны были поспешить укрыться со Святой Горы, кто куда мог.

Старец Евстратий отправился в Константинополь и сначала приютился при храме Панагии в Галате. Некоторые злонамеренные люди узнали о его пребывании там и подкупили одного человека, чтобы отравить его. Узнав об этом от находившихся при храме священников, старец удалился оттуда на остров Халки, где и подвизался до самой смерти.

Старец говаривал своим ученикам: «Вот, чада мои, Господь исполнил мое желание: не мог я всю жизнь выкупать христиан у турок; не удостоился и венца мученического, но удостоил Господь оканчивать жизнь в аскетизме. Впрочем, я ничего и не совершил такого, как преподобные отцы

наши аскеты, просиявшие в добродетелях и делах богоугодия. Желал я мученичества, но не удостоен я сего венца; разве нечто из скорбей и лишений вменит мне Господь в мученичество, но и в этом опять я мало преуспел».

Между тем в беседах с близкими по духу старец говорил, что истинное монашество есть больше мученичества, в мучениях страдали однажды и иногда только несколько часов, а истинный монах — каждодневный мученик, каждый час, каждую минуту он должен быть на страже.

С самых ранних лет старец содержал такое правило: в каждые сутки он полагал по три тысячи земных поклонов, преимущественно ночью, два часа занимался умно-сердечной молитвой, Иисусовой, потом начинал класть поклоны. Затем опять умной молитвой или чтением, и потом далее поклоны. Сменяя одно другим, он всегда выполнял положенные три тысячи поклонов. Это правило свое он выполнял почти до смерти, только за семь месяцев до кончины своей он оставил его по причине усилившейся болезни. Некоторые, бывавшие у старца и знавшие о его подвигах, много удивлялись, как может изможденный и ветхий старец класть по три тысячи поклонов, тем более что он постоянно пребывал в умной молитве и в то же время не оставлял и деятельных подвигов. Пещера старца была более похожа на гроб, нежели на жилище, в ней всегда было темно; единственное небольшое окошечко всегда было закрыто толстой занавеской. Однажды ученик его, Анфим, спросил: «Как ты, отче, пребываешь в таком тесном и темном затворе?» Старец отвечал: «Нам предстоит

претерпеть затвор или временно здесь, или там вечно. Здесь если не будем пребывать в тесноте и в темнице, то будем там». Старец даже и на Пасху не выходил из пещеры.

Каждую ночь он совершал бдение, и каждый день в девять часов утра совершал литургию в своей пещерной церкви, о которой едва ли кто знал, кроме учеников его. Отслужив литургию, старец обыкновенно садился в уголок на козью шкуру отдохнуть и, вздремнув сидя, сложив руки на груди, вставал. Такой его отдых продолжался не более часа. Ученики собирались к нему на бдение только на воскресные и праздничные дни, и он иногда говорил им: «Я в бдениях не нуждаюсь и делаю только для вас, чтобы вы не впали в леность».

В пещере у старца стасидий не было, а потому собиравшиеся ученики стояли без всякой поддержки, некоторые только с патерицами¹, и стояли согбенно из-за низких сводов пещеры и, естественно, весьма изнемогали. Но тут же при самом изнеможении являлась сила, и они опять продолжали бодро свое бдение. Так было и при поклонах, и в других подвигах, осеняла их некая сила среди самого изнеможения, и они укреплялись. Старец сам всю ночь стоял на ногах и только полагал руки на патерицу, но не облокачивался, а стоял как горящая свеча пред Богом. В такие его стояния слезы в два ручья лились на землю. Он имел великий дар слез; иногда, читая какой-либо тропарь Богородице или святому или же великое славословие,

¹ Патери́цы (церк.-слав.) — пастырские жезлы, посохи. — *Примеч. ред.*

он плакал: слезы лились источниками. Раз отец Анфим стоял, облокотившись на патерицу, старец заметил это и сказал: «Ты этим успокаиваешь бесов».

Ученики клали назначенные им земные поклоны, как и сам старец, не в один прием, а полагая один час поклоны, отдыхали, молясь стоя. Однажды некоторые близкие к старцу спросили его ученика, как можно класть столько поклонов. Он отвечал: «Поначалу трудно и сто поклонов положить, а потом, с течением времени, при всегдашней постной пище, оно делается легче и легче, и не только сто, но и вдвое больше, и до пятисот и более можно полагать без особого труда».

Старец болел в год по одному или по два раза, и почти всегда ровно четыре дня. Болел так, что не мог приподняться, но лечился всегда одними поклонами. Бывало как только почувствует, что может приподняться, то вставал с великим трудом и с принуждением начинал класть поклоны, и когда он начинал учащать их, то ему делалось легче, так что наконец он и выздоравливал среди поклонов.

У него было семь учеников. Желая сохранить возделенное безмолвие, он оставлял только одного ученика, жившего при нем двадцать пять лет, в недалеком расстоянии в особой калибке, а прочих отсылал на соседний остров, назначая им время, когда они могут прийти к нему для духовного совета. Не всегда и раз в месяц могли те посетить старца, ибо хотя переезд небольшой, но во время сильных ветров нельзя было на маленькой лодке приезжать им туда. Если так он строго относился

к своим ученикам, то что сказать о посторонних посетителях?

Еще за много лет до кончины он однажды сказал ученику Анфиму, что молитва ему дана такая, что и в сонном состоянии сердце его молится. Поэтому на блаженном старце исполнилось слово царя-пророка: *«Аз сплю, а сердце мое бдит»*¹. Это и есть достояние всех усердно ищущих Господа и обретающих Его у себя в сердце вселившимся, по обетованию Его: *«Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворим»*². Как надо поэтому остерегаться пренебрегать самым последним бедняком, если искренно чтит он имя Бога Троиединого.

Старец молился так: склонив несколько голову к груди, сидя или стоя, произносил редко, с умилением и вниманием: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»; и ум всецело заключал в словах молитвы, придерживая дыхание, так как это способствует собранию ума.

Однажды, в Светлое Христово Воскресение, ученики хотели купить сыр и спросили о том старца. Он сказал: «Братия, сыр имеет в себе сладость, и если кто кушает сладкую пищу, от того уходят слезы».

Старца Евстратия знали как прозорливца; кому бы что он ни сказал — все сбывалось в точности. Еще он имел дар чудотворения: когда он был еще в Иерусалиме, там началась чума, и одна девица умирала при гробе Божией Матери в Гефсимании и была уже при последнем издыхании. Старец по-

¹ Песн. 5, 2.

² Ин. 14, 23.

мазал ее из лампы Божией Матери, и она тотчас исцелилась. Некая жена двадцать лет была мучима от беса. Лечили многие доктора, но успеха не было. Женщина обратилась к старцу Евстратию и просила его молитв. Старец велел ей ходить в церковь и приобщаться десять дней Христовых Таин. Она так и сделала, и в десятый день бес завопил устами женщины: «Уйду, уйду от этого злого старика!» — и она исцелилась.

Однажды потребовалось старцу вынуть из земли купу¹. Старец взял с собой трех учеников и велел им вытащить купу. Те, как ни силились, не могли вытащить. Старец упрекнул их и, отстранив, взял одной рукой и вытащил ее, поставив перед удивленными учениками.

Иерусалимский патриарх Кирилл II, когда бывал в Константинополе, всегда посещал старца Евстратия, бывшего его духовником еще в Иерусалиме. И Священный Синод Константинопольской патриархии уважал старца, и не только уважал, но и боялся его. Бывало, что скажет старец, и Синод спешит исполнить беспрекословно. Причиной этого явился следующий случай: у старца в числе учеников был некто Арсений из богатого дома; его двоюродная сестра была замужем за важным чиновником патриархии. По просьбе сестры отец Арсений иногда хаживал к ним в дом для назидания ее. Мужу ее это не нравилось, он не хотел, чтобы отец Арсений ходил к ним, и, только чтобы не оскорбить жену, не прогонял его. Через

¹ Купа (греч.: *κοῦπα*) — большой глиняный сосуд для хранения воды, вкапываемый в землю, чтобы вода в нем не так быстро нагревалась. — *Примеч. ред.*

некоторое время у них умер сын, и муж нашел в этом повод прекратить посещения Арсения. Он стал рассказывать всем, что Арсений уморил его сына волшебством, и требовал от членов Синода заключения его в темницу. Все архиереи молчали, но один, в угоду этому человеку, сказал: «Да, следует посадить его». И, обратясь к служащим, сказал: «Привести его!» — и отправили за Арсением кавасов. Когда привели старца в патриархию, объяснили ему вину его. Арсений отвечал: «Я человек грешный и поселился в пустыне, чтобы оплакивать свои грехи, а волшебства никакого не знаю». Не успели отца Арсения вывести за двери, как тут же постигло обоих — и архиерея, и сановника — страшное Божие наказание: архиерей крикнул три раза: «Ах, ах, ах!» — и испустил дух, сановник же потерял разум. Тогда все члены Синода в один голос сказали: «Скорее возвратите того монаха; за оскорбление старца Евстратия расступится земля и поглотит нас».

Быв впоследствии дикеем в Кавсокаливитском скиту, старец отец Анфим рассказывал, как поступил он к старцу Евстратию: «Жил я в Константинополе и, будучи мирского настроения, не знал, что в настоящее время есть отшельники, а думал, как и другие, что это было в древние времена, а теперь это невозможно. Случилось завести разговор об этом с одним знакомым. Он опроверг мое мнение, сказав, что и ныне есть аскеты-подвижники, и рассказал о старце Евстратии, подвижающемся на острове Халки. Услыхав это, я начал просить его, чтобы он привел меня к нему, обещая наградить его. Приехав на остров, мы на-

правились оба к тому месту, где жил старец. Когда пришли, у него в пещере были три ученика, которые в то время упражнялись в молитве. Они заметили нас и скрылись в своем затворе. Подойдя к пещере, я ощутил неизреченное благоухание, но, к прискорбию моему, ни старец, ни ученики его, жившие недалеко в особых калибках, не появились. Во всех затворах была мертвая тишина, как бы никого не было дома. Постучавшись во все затворы и не получив ответа, мы возвратились в монастырь Пресвятой Богородицы, где находилось училище. Тут я заплатил за услуги своему проводнику и отпустил его, а сам, горя желанием видеть старца, отправился к самой пещере по закате солнца, без дороги, по кустарникам. Случилось так, что, когда я пришел, старец стоял вне пещеры, лицом к востоку, положив руки на патерицу, и молился. Было два часа ночи по-восточному. Мне видна была только голова старца, которой он слегка покачивал во время молитвы. Я издали сделал поклон и сказал: „Благослови, отче!“ Старец спросил: „Кто ты?“ Я отвечал: „Христианин из Константинополя, пришел к вашей святыне исповедаться“. Старец отвечал: „Я не могу этого исполнить, а иди в город, там есть священники и архиерей, им и исповедывайся“. Я стал просить его и сказал, что пришел собственно к нему. Услышав это, старец сказал: „Ты не можешь сохранить или понести, что я тебе скажу“. Я уверял, что понесу, только просил принять меня на исповедь. Наконец, старец сказал: „Будешь монахом, если я буду исповедовать?“ Я отвечал, что у меня есть сестры, которых я содержу, но через

пять или шесть лет, когда они выйдут замуж, тогда я смогу поступить в монашество. Старец, испытывая меня, сказал: „Оставь их и поступай, если хочешь, теперь, а если считаешь это долгом своим, то грех этот да будет на мне“. При этих словах он положил руку мою на выю свою в утверждение меня. Потом сказал: „Ты только возлюби благую часть Марии, юже похвалил Господь“.

Что было делать? Я решил остаться. Старец призвал одного из учеников своих и поручил ему меня, сказав: „Возьми его на десять дней и приучи к правилу монашескому; после определим его в особую келлию“. Вероятно, старец хотел испытать мое произволение, ибо не будь полной, горячей решимости, никто там не уживется. Мы кушали один раз в день, в девять часов по-восточному — один хлеб и сырую траву, через что я дошел до такого изнеможения, что у меня тряслись руки и ноги и все тело от подвигов и воздержания. Но когда приходило время читать определенное правило, то я сам не знаю, как и откуда являлась сила, и я ощущал внутри необъяснимую внутреннюю радость. Когда собирались к старцу на бдение все его ученики, и я с ними, то прямо стоять в его пещере было нельзя, ибо потолок был очень низок. Если старец с кем беседовал, то никогда не садился, а стоял, смотря лицом к востоку, легко опираясь на патерицу, и так беседовал.

Поступив в число учеников старца, я однажды сказал ему: „Отче, я боюсь жить без послушания — тут близко мир“. Старец отвечал: „Не бойся, только сохрани то, что я тебе говорю: к подвигам имей горячее произволение — это главное. Прежде

поклоны делай, потом стой на молитве час, несколько склонив голову и немного прижав подбородок к груди. Затем читай святоотеческие книги и святое Евангелие. Если нет слез, то ударяй лбом в землю. Перед чтением же, если устанешь стоять на молитве, то, сидя час или полтора, пребывай в молитве, а потом немного читай. И все это делай с умилением и слезами, а в молитве — чтобы зрение ума было заключено в одних словах молитвы. Так пребывай до девятого часа. Потом немножко покушай. Ночью, после сна, когда встанешь на молитву и сон начнет одолевать, то преклони колена на землю и подвизайся до поту и крови, потому что определенный час — это долг наш к Богу, мы обязаны утреню прочесть, а враг приходит воспрепятствовать; но мы прольем пот и кровь, а не поддадимся ему“.

Божественную литургию отец Евстратий совершал ежедневно и только за два года до кончины оставил ее. В его пещере, где теперь поверх камней положено его тело и засыпано на пол-аршина, была в восточной стороне устроена церковь, то есть только алтарь, в котором были престол в углублении стены, жертвенник в той же стене, а с севера умывальник и ладанница. Здесь старец Евстратий каждодневно совершал бдение, а утром литургию. В углу от порога с южной стороны была его постель и малое окошко, около которого лежало несколько книг, которые он читал днем. Спящим его не видали, ибо он, только утром немного вздремнув сидя или стоя, брался или за поклоны, или за чтение.

Учеников учил исполнять правило церковное всё, без опущения, не спеша, читать молитвы

протяжно. У кого замечал духовное рвение и преуспеяние, тому позволял упражняться в умной молитве, но не вдруг, а постепенно, и говорил: „Исполнение правила церковного необходимо каждому, но все это одни листья, а нужно, чтобы дерево украсилось и плодами, а плод рождает молитва умная, которая производит слезы. Слезы есть плод; монах должен всегда плакать“.

Сам старец, когда молился, имел платок на патице, куда падали лившиеся в два ручья слезы, которых ему некогда было утирать или, вернее сказать, он не обращал на них внимания, будучи в духовном восхищении. Часто ученики замечали, что он не чувствовал и не видал того, что делалось вокруг него. Ученики понимали это его состояние, но спросить не осмеливались, а сам он не говорил об этом им. По дару пророчества, он говорил некоторым мирским о событиях, сбывшихся потом в точности. Когда те разглашали об этом другим, то отец Евстратий говорил ученикам: „Это мирские говорят; пусть говорят, но вы не верьте. Может ли человек в теперешнее время иметь дар пророчества и предсказывать будущее?“ Старец всячески старался уверить, что он ничего не имеет и не знает.

Когда старец заболел и не мог послужить себе, то перешел к ученику Макарию, где и скончался. По тесноте калибки Макарий построил еще комнату, в которой лежал старец на самой убогой постилке, с худой подушкой и без особого покрывала. Ясную память старец сохранил до кончины. Когда разнеслась по окрестностям весть о болезни его, то к пещере его собралось около пятисот че-

ловек, чтобы сподобиться присутствовать при его преставлении и отдать ему последнее целование.

При жизни своей старец очень мало принимал посторонних, хотя в числе посетителей бывали иногда и архиереи, и светские важные сановники. Собравшийся народ желал получить его последнее благословение, но старец никого не допустил и просил не беспокоить его, но народ из любви к нему не отходил. Тогда старец усердно помолился Божией Матери, чтобы Она устроила так, что при его кончине не быть никому из посторонних. Так и случилось: погода была такая, что не было никакой возможности выйти из дому, а поэтому и при его смерти были только самые близкие ему.

Один древний старец на Афоне, отец Харитон, зографский пещерник, рассказывал: „На одном острове около Константинополя славно подвизался старец, который во всю жизнь свою клал в каждые сутки по три тысячи земных поклонов. Дарование молитвы умно-сердечной имел в высокой степени. У него было семь учеников такой жизни, что каждый из них мог быть лучшим духовником в каждом монастыре на Афоне. Великий был старец!“»

Приложение

В рукописях отца Пантелеимона найдены были следующие три беседы неизвестных старцев, записанные им около 1870 года.

* * *

Когда человек многострастен и совесть его как бы засыпана грязным веществом, то не может мгновенно представить сердце и ум свой пред Богом. А если человек постоянно будет подвигаться, и сердце свое и ум не отлучит от Бога не только тогда, когда какая-нибудь страсть напомнит, то таковой скоро преуспевает, потому что он навсегда смирен сердцем и часто находится в слезах и умилении; и если бы ему, как человеку, случилось согрешить, то у него покаяние готово — оно при нем и мгновенно изливается пред Господом. Все это совершенно скрыто от людей, кроме того руководителя, коему открывается, и потому может проходить путь этот никем не знаемый; только духовный человек может понять его от некоего изменения в лице.

Входящим сей дверью покаяния открываются великие тайны разумения, тайны премудрости Божией, отчего они постоянно находятся как бы в удивлении и неизреченном плаче; понимают же и немощь человеческую, до тонкости им открываемую, хотя бы то и у добродетельных людей, от чего они никогда не могут осуждать.

На этой степени святой Исаак Сирин повелевает не быть без плача, потому что враги спасения паче в такое время скрежещут на них зубами.

* * *

Святые отцы, когда хотели совершать какую-нибудь добродетель, то прежде готовились претерпеть все, что бы ни встретило их. Они не возлагали надежды ни на какого человека, а единственно на одного Бога. И так при помощи Божией могли и совершать доброе дело, и не потерпеть вреда от искушений.

Довольно, что человек имеет брань с сатаною, а если есть и люди, через которых действует диавол на него, то это несравненно труднее. Искушения ничем не побеждаются, как только одним терпением и смирением. Лучше оставить всякие намерения и свои предположения и пребывать вне всякого попечения, что бы ни творили с нами, — это будет дело по Богу. Потому что если кто находится в разных парениях ума, то никогда не найдет времени позаботиться о своей душе. А если возложит упование на Бога, то возможет найти время позаботиться о своем спасении, так как Бог каждому человеку распределяет искушения соразмерно силам его и делам его.

Если ваше дело богоугодное, то Господь не попустит впасть в погрешительное для вас искушение враждования, а подаст вам по молитвам старцев терпение в том. Возложите печаль вашу на Господа. Если Он хочет через эти искушения созидать ваше спасение, то Он же подаст и терпение. Господь устроит вас, и легко будет среди искушений. Мы знаем, что многие получили благодать Святого Духа от Господа, но искушения от них Господь не отнимал, а подавал только терпение. Если будем заботиться о добродетелях и об улучшении жизни нуждающихся, то до смерти не прекратятся искушения, потому что искушения имеют естественную причину и текут не переставая. Без этого не обойтись.

Кто живет в безмолвии, у того бывают другие искушения. В пустыне гораздо большие искушения, разве только кто пребывает в совершенном безмолвии и беспопечительно. Куда мы ни пойдем, везде ждут искушения: это есть наш крест, который мы несем и должны нести до смерти.

Когда борет тебя какая-нибудь страсть, например блудная или осуждаешь кого, тотчас представь пред Господом сердце и ум твой и болезненно из глубины взывай: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Тогда в мгновение — еще не успеешь сказать, — искушение исчезнет. Враг тогда боится, трепещет. В состоянии мирном человек не может так скоро и сильно прибегнуть к Богу, как в наносимом искушении, а враг, видя, что не побеждает, а плетет венцы, бежит от того человека без оглядки. Это можно делать везде, ибо оно невидимо и мгновенно, находясь везде и де-

лая все, — а между тем посредством этого можно сохранить сердце свое чистым, готовое к принятию благодати, которая тотчас посещает его.

* * *

*Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения*¹ — ныне, когда оно в наших руках, а не после, не завтра, как мы часто, наущаемые врагом или своею растленной, повредившейся природой, говорим себе, когда и совесть вопиет на нас: «Доколе?» Бог милостив, Он нас любит, за нас пострадал. А если пострадал, то и нам надо спострадать Ему, чтобы войти в славу Его. Он милостив, но вместе и правосуден. Милует, долготерпит, ожидая с нашей стороны обращения к Нему всем сердцем.

Старец, как бы углубившись в какую-то беспредельную даль, продолжал:

— Ах, любовь Божественная! Колико ты велика, безмерна, непостижима. Христе Иисусе! Он душу свою положил за нас. Нам остается только обратиться к Нему с полным покаянием о своей виновности пред Ним, и Он простит нас. Будем искать Его — и найдем. Он, как чадолюбивый, явится нам и пребудет с нами, если не охладеем снова злым нечувствием. Горе мне, окаянному грешнику! Если будем понуждать себя во всем следовать Его святым заповедям, заключенным во святом Евангелии, часто противным нашему человеческому разуму, то не постыдимся Его, когда явится Он во славе Своей и все святые ангелы с Ним. Больше сил наших Он не требует, и заповеди Его не суть

¹ 2 Кор. 6, 2.

тяжки; если бы они были нам не под силу, то Он и не дал бы их. *«Иго Мое благо, — подтвердил Он Сам, — и бремя Мое легко есть! Возмите иго Мое на себе и обрящите покой душам вашим! Покайтесь, приближися Царствие Божие! И сотворите плод достоин покаяния!»*¹

Не думайте, что как на Афоне, так уж и в рай попадете. Нет, с нас более взыщется, чем с мирских: у нас нет забот ни о семействах, ни о куплях и продажах; от всего этого мы избавлены, но дали обет послушания Самому Господу: исполнить во всем Его святую волю и повиноваться старцам и братии обители, если они не требуют противоположной воле Божией.

— Но как же, старче, — спросили мы, — святые отцы говорят, что без безмолвия нельзя приобрести покаяния, а у нас ведь в обители многолюдие и всегдашние общения по послушанию друг с другом?

— Да, кроме покаяния, нет иного пути к небу. Действительно, безмолвная тишина рождает подвиг, подвиг — плач и слезы, а с ними и сама собою молитва следует. Но ведь иначе куда же нам деваться? В пустыню? Но не приготовленной к ней она недоступна. Добро бы было, если где-нибудь близ монастыря на калибочке, да и на это надо свое время и немалую крепость духа, да и залог в себе иметь такой, который бы и при всех нападениях вражеских укреплял не поддаваться им. В монастыре борьба — как с голубями, а в пустыне — как со львами! Пустыня и безмолвие плодоноснее

¹ Мф. 11, 30, 29; 3, 2, 8.

и действительно удобнее к принесению покаяния с самооплакиванием, но я сказал, что она не для всех. Иногда и бесы, видя получаемую нами пользу в общежитии, подстрекают к непомерным подвигам безмолвия и едва слышно шепчут: «Будьте яко божи». Ни денно-нощно ли строят они нам разные сети? Если не успевают победить нас сначала страстями, они начинают действовать с благовидной стороны желанием высших подвигов. Случается, они борют какого-нибудь подвижника, а потом, чтобы обмануть его, с отчаянным криком о побеждении себя пустятся бежать, а этот неразумный, как лев, с рыканием пускается за ними в погоню, с гордым мнением, что наконец-таки победил их, окаянных, а на самом деле бывает сам побежден бесом высокоумия.

Я почти всегда затруднялся советовать выходить из общежития, разве только есть тому уважительные причины и искушения. Терпи — будешь мученик! Правда, у вас в обители распространяется молодежь, а они внимательным к своему спасению вредят много. Ох, тесно отовсюду! Терпеть надо. Господь сказал через пророка: *«И беззаконник еще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит вся заповеди Моя и сотворит суд и правду и милость, жизнью поживет и не умрет. И еще софратится праведник от правды своея, вся правды его, яже сотворил есть, не помянутся: в преступлении своем, имже преступи, и во гресех своих умрет»*¹. Значит, в чем застанет нас Господь, в том и судить будет. Если застанет в покаянном сокрушении и плаче

¹ Иез. 18, 21, 24.

о грехах своих, то, несомненно, будет помилован и утешен Им бесконечной радостью. *Блаженны плачущи, яко тии утешатся!*¹

— Старче, — сказали мы, — нам говорил один наш монах, что при принятии его в число братии послушником духовник ему сказал, что он ради спасения непременно должен позаботиться стяжать умную молитву. После того, когда, по пострижении его, он пришел к духовнику, тот повторил прежнее замечание. Потом, перед отходом своим в вечность, третий раз с большей настойчивостью он сказал то же самое!

— Воистину так, — заметил на это старец, — хотя сказанное, быть может, по особому намерению относилось именно к тому лицу, но вместе это полезно и для всех; особенно для нас, иноков, это необходимо и [есть] вернейший путь к достижению Царства Божия внутри нас еще здесь, на земле, а затем и блаженства в вечности.

— Как же, отче, многие ведь из монахов и из мирян, не имея даже и понятия о молитве умной, избавлены вечных мучений и удостоены всеблагим Господом небесных благ? И в Евангелии ублажаются нищие и плачущие, кроткие и милостивые; а об умной молитве ничего там не сказано.

— Иное дело быть помилованным, а иное — быть освященным. Иное дело быть рабом, а иное — быть другом-сотаинником. Иное дело со страхом предстоять у порога, а иное — дерзновенно входить во внутренность покоев господина. А инокам и при пострижении молитва Иисусова поставляется

¹ Мф. 5, 4.

в обязанность, ибо при вручении четок говорится постригаемому: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, во всегдашней молитве Иисусовой: всегда во устех своих имети должен еси, глаголя присно: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!“» Блаженный старец Серафим Саровский, достигший великого преуспевания в этой молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовой молитвой. Посетил его однажды юноша, окончив курс в духовной семинарии, и открыл старцу о намерении своем вступить в монашество. Старец преподавал душеспасительные наставления, в числе коих дал заветное обучение молитве Иисусовой. Говоря о сей, он присовокупил: «Одна внешняя молитва недостаточна; Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы с внутренней, не суть монахи, а черные головешки». Во времена старца Серафима в Сарове всякому поступавшему в монастырь немедленно преподавалась молитва Иисусова; объяснялось, как к ней приступать, как продолжать. Тот монах — кто внутри монах; поэтому святые отцы, многотрудными подвигами протекшие тернистое поприще жизни, всеми силами старались внушить приходящим к ним за советами, что весь подвиг наш должен быть обращен на очищение сердца и раскрытие даром данной в себе благодати в таинстве крещения, по утрате возвращаемой многими трудами и потами почти до крови. Очень немногим дается просто так понятие о самом себе и своем величии в сотворении, о своем ничтожестве по падении, о возвращении утраченного при-

шедшим Спасителем и о даровании каждому при крещении всесильной Божией благодати.

Большинство же получают это познание себя и через сие познание Бога посредством чтения Священного Писания и сочинений святых отцов и учителей Церкви, а также через частое собеседование с людьми истинно духовной жизни. Доброе дело быть нищим духом, плачущим, кротким, милостивым, примирителем враждующих, чистым сердцем; но если не будет при этом непрестанной молитвы, то и все эти добродетели, не имея прочного основания, будут малополезны. Господь Иисус Христос сказал: *«Без Мене не можете творити ничесоже»*¹; и: *«Аще кто не пребудет во Мне, извержется вон... и изыщет»*; и: *«Будите во Мне, и Аз в вас пребуду, и плод мног сотворите»*².

— Молитва — мать добродетелей; если стяжем ее, то при ней удобно можем стяжать и те перечисленные добродетели, но если не будем стараться о приобретении ее, — так чтобы она неотлучно пребывала с нами на всяком месте, даже и во сне, чтобы мы могли сказать о себе: мы спим, а сердце наше бдит, — то не будем обманывать себя ложной надеждой на какие-то другие добрые дела, которые и сами по себе уже не добрые, если начнем считать их добрыми и ради этого одного их совершать, как говорит святой Петр Дамаскин.

— Молитва, осенив подвижника, делает его мало-помалу из жестокосердного милостивым, кротким, плачущим. И до ярости ли, до похоти ли тогда, когда молитва всего его наполняет и даже не

¹ Ин. 15, 5.

² Ин. 15, 6. Ср.: Ин. 15, 4, 5.

вмещается уже в нем? Понимаете, я говорю ведь не о молитве соборной или келейной устной, но о молитве Иисусовой, произносимой умом в сердце, а не в голове, как это обычно бывает с устными молитвами.

— Когда ум после многих трудов войдет в сердце и будет всегда там пребывать, тогда прекращаются всякие его парения и блуждания по всей вселенной; а до того, пока он в голове, то парения его невозможно удержать. Сначала бывает это очень трудно, и четверть часа понуждения продержат неустойчивый ум в сердце кажется за какую-то вечность. Ум стремительно вырывается оттуда, но мало-помалу, с помощью благодати Божией и своего терпения, он свыкается, и наконец его уж оттуда и не выманить.

В некотором из афонских монастырей была метоха близ мирского селения. В определенное время для исповеди жившей там братии был посылаем из обители духовник. При этом духовника крестьяне приглашали служить молебны, освящать воду и кропить их жилища. Тут он, сообразно с простотой сельского народа, говорил им поучения, например: «Вот, слушайте, что я вам скажу: смотрите, как только солнце взойдет, вы сейчас же вставайте, ограждайте себя крестным знаменем и говорите: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!“ — а потом весь день старайтесь так молиться; ведь это не тяжело, а от этого у вас и работа будет легче идти и Богу приятнее». И многое тому подобное говорил им духовник, что только может принести пользу простому человеку. Однажды после такого нравоучения подхо-

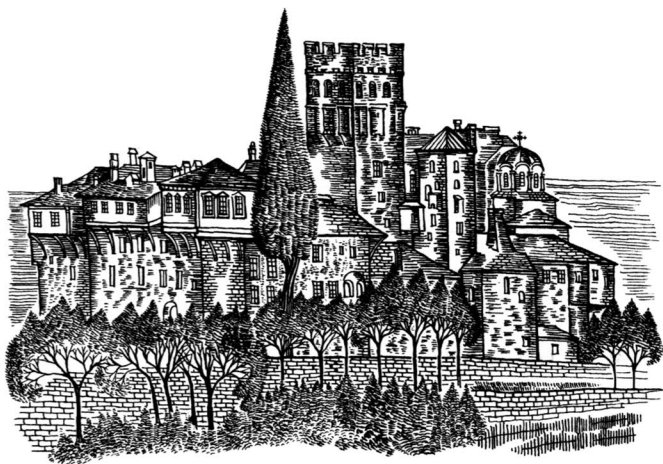
дит к нему один молодой человек и говорит: «Отче, в прошлом году ты так же нас поучал, чтобы молиться постоянно. Когда уехал от нас, я стал так делать, а у меня вот тут, в сердце, стало тепло, потом горячо, и что-то как будто и шевелится». Духовник понял, в чем тут дело, призвал своего ученика и сказал ему: «Довольно поучения там, где началось дело. Мы учим тому, чего и сами не имеем; а тут в простецах действует преизобильно Божественная благодать».

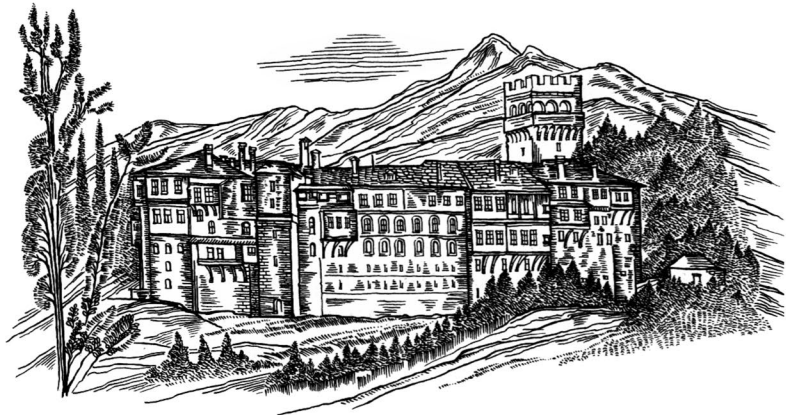
В Пантократорском монастыре подвизался один простой старец, ремеслом портной. Он был очень благочестивой жизни, исполнял беспрекословно все, что бы ни было на него возложено, но понятия о молитве Иисусовой не имел. Надо сказать, что настоятели и духовники, к сожалению, очень часто, понуждая или поощряя к жизни внутренней, при этом не объясняют, как приступать, с чего начинать это дело. Вот и этот старец, не имея понятия об иной, высшей, жизни, старался исполнять внушения своей совести как приказание старцев. Однажды посетил монастырь некоторый дидаascal и, по устроению Божию, вступил в разговор с этим старцем. Узнав его неведение о духовном делании, он объяснил ему его и как приступить и заниматься им. Старец тотчас же принялся в простоте сердца и с великой ревностью за многоплодное дело и, как уже приготовленный к тому деятельным подвигом, скоро почувствовал в себе горение сердца, и он начал умиленно вопиять: «Иисусе, Иисусе мой!» Дидаascal понял случившееся со старцем и, рассказав об этом приятелю одному, добавил: «Вот мы и ученые, и все

знаем, да еще и других учим многому, а сами-то что имеем? Вот старец — простак, а опередил нас, и видим, что с ним случилось».

Но и дидаascal был жизни внимательной и подвижник: движимый собственной совестью, он так возревновал духом и так возгорелся любовью к Богу, что немедленно отправился в турецкие селения и удостоился принять мученическую кончину от мусульман, исповедава христианскую веру.

Старец говорил еще многое, что не удержалось в моей памяти, а иное осталось и останется только в глубине моего сердца.

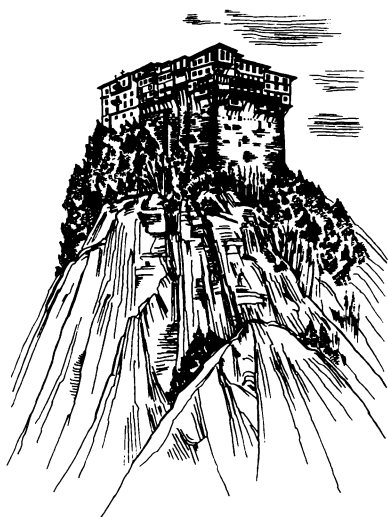

Содержание

Похвальное слово святогорскому монашеству инок Парфения.....	5
Духовник отец Григорий.....	13
Духовник отец Григорий.....	17
Духовник отец Арсений.....	17
Духовник отец Венедикт.....	47
Старец отец Виссарион.....	51
Духовник отец Леонтий.....	56
Сокровенный старец.....	61
Духовник отец Антипа.....	68
Старец отец Григорий.....	88
Старец отец Афанасий.....	100
Неизвестный пещерник.....	107
Старец отец Герман.....	108
Старец отец Иоасаф.....	123
Духовник отец Досифей.....	130
Старец отец Гedeон.....	133
Старец отец Никодим.....	139

Послушник Иаков и сокровенный старец	142
Старец отец Паисий.....	144
Старец отец Гedeон	156
Старец длиннобрадый	171
Старец Хаджи-Георгий.....	173
Старец отец Пахомий	210
Старец отец Дионисий.....	226
Старец отец Иларион.....	230
Старец отец Варнава.....	232
Старец отец Неофит.....	238
Старец отец Харитон	242
Старец отец Даниил	254
Старец отец Игнатий	261
Старец отец Зосима.....	262
Старец отец Иоанн	265
Старец отец Даниил.....	269
Старец отец Авраамий.....	279
Старец отец Гавриил.....	285
Старец отец Феодосий	287
Старец отец Амвросий	292
Старец отец Виссарион	296
Старец отец Иоаким	299
Старец отец Евфимий.....	313
Старец отец Феофил Агия Психи.....	316
Старец отец Аввакум.....	320
Старец отец Паисий.....	321
Старец отец Герасим	323
Духовник отец Неофит	326
Старец отец Анфим	328

Игумен отец Савва.....	337
Игумен отец Герасим.....	341
Духовник отец Макарий.....	345
Старец отец Макарий.....	360
Старец отец Тимофей.....	361
Старец отец Василий.....	368
Старец отец Иоанн.....	379
Духовник отец Евстратий.....	400
Приложение.....	416

Иеромонах Антоний Святогорец

**Жизнеописания
афонских подвижников
благочестия
XIX века**

Уважаемые читатели!

Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
с благодарностью примет отзывы о наших книгах,
указания на замеченные опечатки и ошибки.

Наш почтовый адрес:

141300, Московская область, г. Сергиев Посад
Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Патриарший издательско-полиграфический центр

E-mail: info@lavrabook.ru

Web-адрес: www.lavrabook.ru

Редактор *А.В. Сафонов*

Художественный редактор *Е. Г. Мацук*

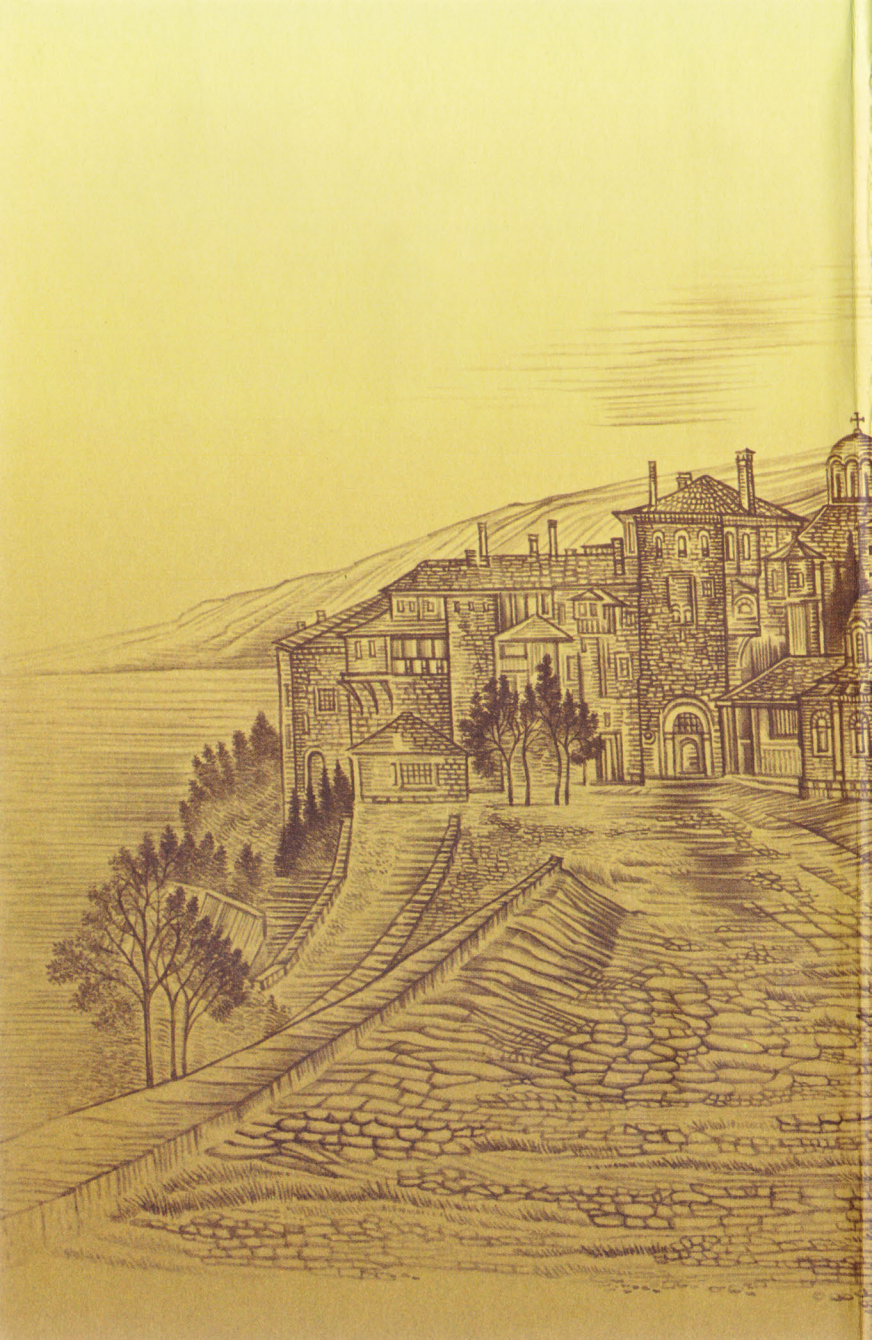
Корректор *Е. Н. Струнец*

Компьютерная верстка: *А. К. Игнатов*

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Формат 84x108/32. Гарнитура NewBaskerville
Тираж 5000 экз. Заказ № 261

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-
полиграфического центра, г. Сергиев Посад

ИЗДАНИЕ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ
СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

